

Современные старцы Горы Афон архимандрит Херувим (Карамбелас)

Предисловие к первому изданию на русском языке

Об авторе и его книге

Предисловие

Предисловие к первому изданию на русском языке

Классическое произведение современной духовной литературы «Современные старцы Горы Афон» знакомит читателей с истинными подвижниками святой жизни нашего времени. Отец Херувим рассказывает о тех богатырях духа, которые сформировали нынешний духовный климат Святой Горы. Эта чудная книга представляет собой замечательное введение к богатой литературе об афонском подвижничестве и духовной жизни.

Издание выходит в двух книгах; первоначально же выходило серией из десяти книг на греческом языке в течение десяти лет. Во вторую книгу войдут жизнеописания старцев Саввы, Игнатия, Кодрата из монастыря Каракалл, Филарета из монастыря Костамонит и Герасима (Менагиаса).

Труд отца Херувима обращен в первую очередь к молодежи с целью показать, что Православие еще живо, живо монашеское подвижничество. В настоящее время большинство из двадцати монастырей на полуострове, известном как Гора Афон, переживают период стабильного роста. С конца 1960-х годов многие обители вернулись к здоровому общежительному уставу; здания ремонтируются и перестраиваются, старые фрески засияли в первозданной своей красе, бережно сохраняются бесценные книги, столь важные для духовной жизни о Боге. И молодые люди, жаждущие богообщения, находят на Афоне желаемое.

Афон знает многих святых, имеет их и сейчас Гора эта не зря и сегодня называется Святой. Когда, с 1965 года, монашеские устои на Афоне были поколеблены, отец Херувим принял за бесценный труд свой, желая показать, какой должна быть жизнь о Боге. Начал он с жизнеописания своего

собственного Старца и духовного собрата – отца Иоакима, с которым подвизался в скиту Праведной Анны. Следующие семь глав повествуют о старцах, ставших уже всеобщими известными и чтимыми к тому времени, когда отец Херувим прибыл на Гору Афон. Жития старцев Филарета и Герасима составлены отцом Иоанникием, учеником и продолжателем трудов отца Херувима, написаны после смерти последнего (в 1979 году).

Из этой книги читатель сможет узнать лишь о немногих богоносных старцах. Нам, знающим из современных афонских подвижников лишь старцев Силуана, Савву Нового и Феодосия Карульского, может показаться что святые – это редкие исключения из множества исповедующих Православие. Но каждый из нас призван ко спасению, к святости. И на Афоне было и есть множество старцев святой жизни, подобных отцам Силуану, Савве Новому, Феодосию Карульскому. Мало кто знает в миру о других современных подвижниках Святой Горы, чьи жизнеописания еще ждут публикации. Назовем сейчас лишь некоторых из них: Святые Двенадцать, старец Георгий Хиландарский († 1972), старец Аввакум из Лавры († 1978), праведники Румынских скитов, слепой старец Михаил из скита Праведной Анны (†1952), старец Иосиф Пещерник (†1959).

Духовные чада старца Иосифа Пещерника увеличились числом своим, и сейчас наполняют собой монастыри Дионисиат, Ксиропотам, Филофей, Костамонит и – с 1988 года – Ватопед.

В последние двадцать лет некоторые монастыри переживают время подъема благодаря притоку на Гору на послушание некоторых православных братств извне и духовному руководству нынешних игуменов. Ввиду очевидного увеличения числа монашествующих и улучшения состояния сооружений необходимо отдать должное тем людям, которые послужили своими талантами этому. Архимандрит Херувим принадлежит к этим бытописателям многовекового афонского подвижничества.

Но, кажется, что стоит упомянуть и о том, что вопрос об общем современном духовном здоровье Афона остается трудным и закрытым. Упоминать ввиду спорных вопросов, которые могут быть известны некоторым ревнителям

традиционного Православия, могут быть подняты современными исповедниками, если таковые найдутся. В частности, можно слышать критические высказывания о введении и использовании телефонов на Святой Горе, о нетвердости, проявляемой порой при навязывании нового календаря, о прокладке новых дорог и использовании больших грузовиков, тогда как прежним подвижникам достаточно было и мулов, об изгнаниях и преследованиях исповедников, о расчистке и вырубке лесов, о молчаливом непротивлении нововведениям Вселенского Патриарха, об использовании электричества и пестицидов. Попираются устои монашеской жизни, основанные первоначально на отвержении мирского образа мышления, на которых возросли многие святые. Эти устои становятся столь хрупкими, когда есть угроза прерывания традиций таких отцов, о которых рассказывает и эта книга отца Херувима. Сегодня жизненно необходимо знать, ценить и благоговейно преклоняться пред чистыми и простыми старцами Святого Афона.

Отец Херувим рассказывает об их духовной жизни, но опускает многое негативное, чтобы сохранить у читателей возвышенное настроение. Но, думается, что православным сейчас необходимо знать и о плохом, чтобы выжить. Богоборческий дух века сего проникает и на Святую Гору. Описывая лишь то, что прямо касается исповедничества афонских старцев пред обновленческими иерархами и священниками, озабоченными своими успехами в мирской жизни, отец Херувим недоговаривает многое. Факт ссылки отца Иоакима на остров Скопелос в конце 30-х годов, события, в результате которых архимандрит Афанасий был отправлен на покой в 20-х годах, письмо старца Даниила о церковной реформе, выдающееся положение старцев Каллиника и Игнатия в движении исповедников в 20-е годы, жестокие гонения на афонские монастыри со стороны Вселенского Патриарха-экумениста в годы жизни отца Саввы во время русско-турецких столкновений и раскол в общинах исповедников – это все события, которых отец Херувим предпочел лишь слегка коснуться. Описывая жития рабов Истинного Бога, автор,

возможно, считал эти события болезненными ранами, шрамы от которых еще слишком свежи, чтобы касаться их, или же посчитал их просто рябью, затуманивающей зеркальную поверхность воды в гавани Православной веры, и он предпочел вместо разговора об этом направить наши взоры к Богу, Который творит чудеса в святых Своих.

Первоначально написанная на греческом языке, книга эта впервые выходит на русском. Она имеет большое значение для пробуждающегося чувства прекрасного среди верных Богу сегодня. Есть внутренняя красота и доброта в этих простых Старцах, бывших сокрытыми в течение многих лет от русских православных. В них есть глубина духовного знания, неведомая светским авторам. Это не пустые, злобные и развращенные герои современной мирской литературы, но могучие современные герои, люди с прекрасными душами, которые через двадцать веков христианства все еще остро воспринимают смысл жизни в спасении Иисусом Христом. Автор не размышляет сухо о вере и разуме, напротив, теоретическое знание о духовной жизни ярко иллюстрируется им повседневной жизнью этих людей. Самые трудные духовные научения об аскетизме и ведении Бога рассматриваются практически, примерами жизни этих новых светочей.

«Современные старцы Горы Афон». Эта книга будет существовать в русской литературе как книга, внушающая любовь к Святой Горе. Многие другие книги предлагают богатую и редкую информацию, но эта рассказывает о ежедневных делах и событиях жизней афонских подвижников. Различные путеводители предлагают информацию, иллюстрирующую, как живут монашеские общины, но они не в состоянии передать нам, чем живут монахи, что такое монашеский подвиг.

Большой ценностью этой книги является то, что она говорит о рас, раскрытом для всех людей, о любящем Боге, призывающем чад Своих, возвращающихся к Нему в этот одиннадцатый час И вот пожелание издателей книги архимандрита Херувима (Карамбела- са) «Современные старцы Горы Афон»: войти в Чертог Брачный, прежде чем затворятся двери, чтобы никогда уже не открыться.

Иеромонах Герасим (Ильин)

Об авторе и его книге

Автор книги «Современные старцы Горы Афон», архимандрит Херувим (Карамбелас) родился в 1920 году и был крещен с именем Георгий. Еще до его рождения отец его погиб на греко-турецкой войне в Малой Азии, и место отца в его жизни занял дядя. Дядя дал строгое, даже суровое воспитание. Мальчику было четырнадцать лет, когда в душе созрело желание монашеской жизни – и именно на Афоне, благодаря жизнеописаниям двух афонских монахов – отцов Паисия и Хрисанфа. Несмотря на неодобрение и всяческие препятствия со стороны мамы и дяди, зерно вдохновения, уже посаженное, проросло через несколько лет созрело твердое решение провести оставшуюся часть жизни монахом на Святой Горе Афон.

С этим намерением в августе 1938 года восемнадцатилетний Георгий втайне от всех сел на корабль, который по пути в Фессалоники должен был сделать остановку в Дафне – в порту Святой Горы. Прибыв, наконец, на святой полуостров, он совершил паломничества по разным местам: побывал в Карее – столице Афона, в скиту Праведной Анны, в Кавсокаливии, в румынском скиту св. Иоанна Предтечи, в Лавре и в монастыре Дионисиат. Хотя Дионисиат, и особенно один из его добродетельных монахов – старец Лазарь, очень его привлекал, он все же решил вступить в каливу Рождества Богородицы скита Праведной Анны. Строгий, но любвеобильный старец этой каливы, отец Георгий, и братия (жизнь одного из которых, старца Иоакима, описывается в первой главе книги «Современные старцы Горы Афон») жили в той атмосфере духовной, которую искала юная душа: строгие требования в сочетании с большим вниманием к его духовному развитию, и постоянные примеры святости.

Настоящее издание книги «Современные старцы Горы Афон» – перевод с английского перевода Братства преп. Гурмана Аляскинского и Валаамского Общества Америки. Следует сказать, что стиль языка отца Херувима – возвышенный и трогательный, и, вместе с тем, по-детски

простой, трудно поддается дословному переводу. Посему при редактировании главным было желание не столько передать букву, сколько дух этого творения.

Как показывает эта книга, чистая душа Георгия запечатлела живые, неискаженные образы подвижников, встречаемых им, жизнь их, наблюдавшуюся им, и это осталось навсегда в душе его, и его талант писательский позволил столь ярко передать все другим.

Георгий пробыл послушником в скиту Праведной Анны более двух лет, затем был пострижен в великую схиму и наречен отцом Херувимом в благоговейную память Исихаста в скиту св. Василия, которого он почитал. Постриг был совершен в пещере св. Афанасия 14 октября 1940 года.

Несмотря на желание всю жизнь прожить на Афоне, отец Херувим вынужден был из-за тяжелой болезни покинуть Святую Гору в октябре 1942 года и обосноваться в Афинах. Ему суждено было лишь раз еще побывать на Афоне, несколькими годами спустя, чтобы навестить отца Иоакима на смертном одре. Он основал святой монастырь Параклет (Святого Духа – Утешителя) в Оропосе, вблизи Афин и ввел в нем строгий афонский устав.

Был он игуменом этого монастыря до самой своей смерти 22 августа 1979 года. Монастырь этот издает православную литературу, что сегодня в Греции – из самых душеполезных, доступных и вдохновляющих (некоторые из них – суть переводы на греческий классических произведений русской духовной литературы). Книги эти пропитаны истинной православной духовностью: цветы, возросшие из семян афонского монашества, упавшие на добрую почву души отца Херувима во время его относительно короткого пребывания на Святой Горе.

Душа его во всю жизнь стремилась на Афон, который он так ясно и с такой любовью помнил, но несомненно, что жизнь его прошла согласно определению Божию – к нашей большой пользе, – что он оставался там, где удобно мог другим поведать о своих идеалах афонского монашества, в монастыре, им основанном – через напечатание трудов своих. Мы уповаем, что

труд отца Херувима, выходящий сейчас на русском языке, принесет плод, достойный заложенного в него.

Предисловие

Гора Афон – это особая земля, на полпути между Небом и землей. За последние 1300 лет она заняла особенное положение среди всех других стран на земле, образ жизни на Афоне не подчинен мирским законам. Афон населен мужами, которых не удовлетворяет ничего, что может предложить мир; они стремятся к большему, чем материальные блага и земные красоты. В поисках этого большего они и отправились на Гору Афон, где кончается земля и начинается Небо. Благодаря многотерпению и ежедневным подвигам, они находят искомое и живут так, имея величайшее сокровище И сокровище это – этот кусочек Неба – сохраняют до конца земной жизни.

На Святой Горе мужи те ведут новую жизнь – жизнь, дающую им предощущение будущего блаженства. Души их вдохновляются мыслью о вечности, которая, словно вечная весна, ободряет и утешает, когда становится по-зимнему тяжело. Вдохновленный чудом подвижнической жизни на Горе Афон, автор стремится разделить свое вдохновение с теми людьми, у кого не было возможности лично встретить Старцев святой жизни.

Книга «Современные старцы Горы Афон» написана с целью показать духовных подвижников, подвизавшихся на Святой Горе в первой половине XX века. Некоторые из них пребыли на Афоне до конца жизни, другие, после многих трудов там, продолжали свое служение за пределами Афона. Жизни их свидетельствуют о том, что и в наши апостасийные времена есть истинные подвижники, ведущие великую духовную брань.

Вместе с тем, книга эта должна рассматриваться как плод глубокой благодарности автора тем святым и смиренным Отцам, давшим ему и продолжающим давать бесценные дары. Сейчас, когда выходит книга, лишь их любимые и незабвенные лики придают ему силу и даруют утешение, хотя сами они так далеко..

Архимандрит Херувим, июнь, 1968 г

Старец Иоаким из скита Праведной Анны

Я не в силах сказать, кого я видел перед собой. Миссионер, просвещенный апостол, ревностный аскет, исповедник и хранитель веры; тот, кто возлюбил Господа Бога «всем сердцем, и всею душою, и всем умом, и всею крепостию» (Мк.12:30).

—Архимандрит Херувим

Первое путешествие и служение

Корни

Отец Иоаким родился в Кала мате в 1895 году в благочестивой семье. Его мирское имя Иоанн Николаидес. Начальную школу и гимназию он закончил в своем родном селе. Иоанн был активным и подвижным мальчиком, с ранних лет стремился к Богу. Он хотел познать Его, получить благодать богообщения, подчинить Ему всю свою жизнь – полностью. Жаждающая его душа привела его к Илие Панагоулакису – ревностному постнику, жившему в пещере недалеко от Каламаты, чье достойное благочестного удивления обращение от тьмы греховной к свету Христову, яркие проповеди и поучения – и все это осиянное его аскетизмом – пробудили в то время в Каламате дивное духовное движение.

Простые его слова были семенами, падавшими в самую глубь людских сердец. И было то не оттого, что он много знал (он был малообразованным), а оттого, что вдохновенные его проповеди основывались на собственном опыте.

Здесь будет достойно сделать некоторое отступление от начатого повествования, дабы познакомиться поближе с Илией Панагоулакисом. Родился он в Каламате в 1873 году. Все образование его ограничилось только умением читать и писать. В молодые годы – до тридцати лет – он музицировал на разных инструментах и содержал таверну недалеко от храма святителя Николая. В те годы к нему собирались бездельники и бродяги со всего города, и он был их любимцем. В беспутстве и рассеянности проводил он свою жизнь, ничего не боясь и никого не уважая.

В 1902 году умер один из его близких друзей. Панагоулакис пошел на похороны и с большим вниманием отслушал заупокойную службу. Слова «преидет от смерти в живот» (Ин.5:24) взволновали его, и тогда он с трепетом спросил священнослужителей, есть ли иная жизнь после смерти. И те познакомили его с истинами Православной веры.

Панагоулакис был поражен открывшимся ему милосердием Божиим. Он ужаснулся, оглядывая мысленно свою прежнюю

жизнь. Он пошел к священнику Божиему – иеромонаху Климанусу, насельнику монастыря в Веланидии – пошел с раскаянием. Исповедался во всех своих грехах и дал обещание впредь вести христианскую жизнь. Вскоре после того Панагоулакис раздал все имущество, бывшее его таверне, занавесил свою комнату черными шторами, обошел всех, кому причинил какую-либо обиду, на коленях просил у них прощения, исправлял, если что можно было исправить. Наконец, он решился жить отшельником. Сперва отправился на Мани, где подвизался несколько месяцев. Потом вернулся в Каламату и поселился в келье недалеко от часовни Праведной Анны. Там, не будучи постриженным в монашество, прожил пятнадцать лет в строгом уединении, в посте и молитве. Он полностью воздерживался от мяса, рыбы, яиц и молока; растительное масло употреблял только по субботам и воскресеньям. По средам и пятницам не ел вообще. У него не было кровати, и спал он (очень мало) на доске, положенной на землю.

Когда, привлеченные его примером, стали приезжать к нему юноши, чтобы жить рядом с ним, он на пожертвования ревностных христиан построил еще несколько небольших келий. Двери этих келий были столь узки, что войти в них можно было только боком.

Во все воскресные и праздничные дни в жилище Панагоулакиса собиралось множество христиан, и он учил их Слову Божию. В простом его домике висел человеческий скелет, напоминавший слушателям о бренности этого мира. Поучения Панагоулакиса были простые и безыскусные, но шли они из самой глубины сердца, горящего любовью к Богу, и воспламеняли они множество душ. У сего необразованного отшельника были молодые ученики, которые, вырастая, становились добрыми подвижниками. Здесь должно назвать архимандрита Иоиля (Яннакопулоса) (1–1966), архимандрита Хризостома (Папасарантопулоса) (1–1972) и многих других. Сила простых бесед Панагоулакиса была столь сильна, что командир стоящей в Каламате воинской части запретил солдатам ходить к нему, так как те, посещая его большими

группами, в массе своей отказывались в постные дни есть пищу, приготовленную на растительном масле.

Панагоулакису не исполнилось еще и сорока пяти лет, когда он заболел опасной формой туберкулеза. В январе 1917 года подвижник отошел ко Господу во славе святого, оставив в этом мире многих духовных чад.

Иоанну Николаидесу посчастливилось быть его учеником в трудный подростковый период. В столь нужное время в его душе был заложен прочный духовный фундамент, и на нем могло быть построено будущее величественное здание святости. Насколько же драгоценным действительно оказался этот фундамент в дальнейшей его жизни!

Окончив гимназию, Иоанн отправился в Америку, где господствовали тогда идолы материализма. Но юный студент уже многому научился к тому времени – и в первую очередь тому, что не должно поклоняться «богу чуждому» (Йс.80:10). Его характер продолжал формироваться, а образование, получаемое в американских школах, не препятствовало его твердой вере в Бога отцов.

Главным в жизни Иоанна были духовное совершенствование и постоянная учеба, он отличался своим умом и благочестием. В те годы Иоанн подвизался на подворье Пресвятой Гробницы – в центре духовного возрождения, настоятелем которого был епископ Пантелеймон (Афанасиадсс, Т 1948).

Призвание Божие

Благочестное поведение Иоанна Николаидеса вызывало удивление и уважение епископа Пантелеймона. Многие приходы знали энергичного проповедника, который, несмотря на свою молодость, умел зажечь души людей. Для местных греков было большой отрадой видеть, как поднимался на амвон Иоанн.

Во время одного из посещений подворья (важное событие в жизни Иоанна – !) Епископ подошел к нему, говоря: «Чадю, что-то внутри меня давно уже побуждает задать тебе вопрос о твоём поприще. Сегодня я вознамерился сделать это. Скажи мне, пожалуйста, не думаешь ли ты посвятить себя служению Богу? Или мыслишь другое? Не слышишь ли, что Бог призывает тебя потрудиться на ниве Его? Не чувствуешь ли, что Он предопределил тебе послужить славе Его?»

Иоанн склонил голову. Вопросы эти взволновали его, ион воскликнул: «Владыко святой! Я жажду этого, но не дерзаю и думать об этом. Мой духовный наставник в Каламате учил, что человеку самому грешно думать о таком, по ничтожности человеческой и немощи. Только если Сам Бог призовет человека помимо искания его, тогда только должно с трепетом повиноваться».

И благочестивый Епископ испытал тогда благоговейный трепет перед Иоанном. Он видел величие его души. Глубоко тронутый, он произнес: «Чадю, Бог через меня призывает тебя торопиться послужить Ему».

Но Иоанн молчал. Он казался растерянным, он был охвачен волнением и сомнением. Он смог лишь поблагодарить Владыку, попросить его святых молитв и пообещать вновь прийти, дабы разрешить этот вопрос.

С того дня у Иоанна начался период внутренней борьбы и усиленной молитвы. Те, кто знал его тогда, вспоминают его переживания и постоянные просьбы помянуть его в своих молитвах.

Прошло достаточно времени, прежде чем Иоанн решился прийти к владыке Пантелеймону, когда тот сам уже велел ему

явиться. Со страхом он приблизился.

«Ты медлишь с ответом, и я беспокоюсь,» – сказал Епископ.

«Владыко святой, – решительно ответил Иоанн, – только если Дух Святой будет настойчиво возглашать Вам это, только тогда я повинуюсь. Сам же не дерзаю решить. Иерей должен быть призван Богом или людьми, но никогда не должен вызываться сам. Мой духовный отец в Греции особенно на этом настаивал».

Епископ воздал должное мудрым, опасениям Иоанна. Он восстал и строгим голосом сказал: «В следующее воскресение я посвящу тебя в диакона».

Спорить было не о чем. Согласно воле Божией, епископ Пантелеймон был тем человеком, который привел благочестивого юношу на стезю священнослужения. Епископ потечески обнял и благословил Иоанна.

С большой радостью и волнением было воспринято прихожанами объявление Епископа. В воскресный день храм подворья Пресвятой Гробницы наполнился греками из всех приходов, где приходилось проповедовать Иоанну Громогласный «аксиос» и радость прихожан – то было редкое явление у греков в Америке, особенно в те времена.

Отец Иоаким (этим именем был наречен в монашеском постриге Иоанн) тем же Епископом был посвящен позже в иеромонаха. Так благочестивый юноша пополнил ряды священнослужителей Божиих.

Миссионерские труды

Вся греческая община была вдохновлена твердой верой отца Иоакима, его вдохновенными проповедями, его подвижнической жизнью. Многие души твердо стали на путь спасения под его окормлением.

Его любовь к вере Христовой и почитание христианских традиций имели здоровые корни. Это было его богатство и его сила, золотая сеть в руках неопытного еще рыбака. Инославные и иноверные американцы искали знакомства с ним, дабы познать православие от этого смиренного исповедника истинной веры. Он имел добрую славу среди верных. Иерусалимский Патриархат наградил отца Иоакима медалью Пресвятой Гробницы за его преданность и самоотверженность и за исключительные миссионерские апостольские труды.

Вот случай, который показывает пример того впечатления, которое он производил на людей. Однажды он хотел поехать в автобусе. Пассажиры были удивлены его внешностью: подрясник, длинная борода – все это так необычно для Америки. Мало-помалу его окружила толпа, начался разговор. Отец Иоаким не пренебрег возможностью проповеди. Он свидетельствовал перед американцами на их родном английском языке, что Бог и Его Православие живы, что человек может жить согласно заповедей Божиих. Толпа тем временем увеличивалась, движение транспорта и пешеходов затруднялось. Наконец, дошло до того, что прибыла полиция и просила отца Иоакима прекратить проповедь. Люди же, однако, хотели слушать дальше. И прошло еще некоторое время, прежде чем отец Иоаким смог закончить беседу и вернуться на подворье. Он говорил тогда жаждущей толпе о величии своего милого сердцу Православия.

Он без устали подвизался на ниве Божией, и милостью Господней сии многотрудные и многообразные старания приносили обильные плоды. Есть люди, теперь уже немолодые, которые и сегодня вспоминают с любовью поучения отца Иоакима. Один эмигрант из Спарты видел и слышал его в

первый раз. Отец Иоаким произвел на него такое впечатление, что он не мог поверить, что тот родился и жил как обычный человек. Ему виделось, и лицо отца Иоакима побуждало в это верить, что тот имел больше общения с миром ангелов.

Напряженный труд разрушал здоровье Батюшки. Он постоянно чувствовал слабость, перед каждой Литургией, перед проповедью приходилось делать уколы. Доктора предложили, чтобы он покинул Америку и отправился в Грецию на отдых, так как здоровье его ухудшалось все более. Но отец Иоаким, верный своему долгу, был полон решимости до смерти остаться со своей паствой.

Однако не такова была Божия воля. Согласно Ей, ему суждено было прославиться в иных местах. После установления в Америке в 1930 году американской митрополии Вселенским Патриархом экзархом был поставлен владыка Дамаскин, архиепископ Коринфский, позднее Афинский. Епископ Пантелеймон, настоятель подворья Пресвятой Гробницы, был отозван патриархом Иерусалимским. Отец Иоаким вернулся в Грецию с благословения Епископа.

Так завершился второй этап жизни отца Иоакима – этап миссионерских трудов в миру, трудов, принесших обильные плоды. На новом же этапе ему был уготован труд привыкания к суровой монашеской жизни на Святой Горе Афон.

В уделе Богородицы

В Кавсокаливию

Проведя некоторое время в Пирее и Афинах, он отправился в удел монахов – на Гору Афон.

После плодотворной деятельности его беспокойная душа искала умиротворения в тиши и спокойствии, в непрерывном богообщении. Он вдохновенно желал этого, он устранял все препятствия на пути к этому. Ему было очень трудно. Мешали и собственное воспитание, и утонченность, и болезненность. Но он не падал духом. Его вдохновляли славные примеры подвизавшихся до него святых, которые «проидоша лишенн, скорбяще, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных» (Евр.11:57–37).

Для убежища своего он избрал скромный и отдаленный скит Кавсокаливии на южной стороне Святой Горы. Перед скитом открывался суровый скалистый пейзаж, склон круто обрывался вниз – к бурным волнам северной части Эгейского моря. Скит был назван по имени великого аскета и духовного подвижника XIV века преподобного Максима по прозвищу Кавсокаливит, то есть «сжигатель хижин – калив», так как тот постоянно менял места обитания, сжигая каждый раз свои старые соломенные хижины.

Преподобный Максим долгое время прожил в пещере Кавсокаливии, Несколько монахов, его ученики и послушники, собрались вокруг него, плененные тишиной и первозданностью природы.

Позднее преподобный Нифонт (XV век) и преподобный Акакий Новый (XVIII век)

жили отшельниками в том же самом месте,

Последний долгие годы подвизался в пещере преподобного Максима и молитвами источил источник, который превратил это засушливое место в цветущий сад.

Примеры этих святых и вдохновили отца Иоакима остаться в суровой Кавсокаливии, несмотря на то, что он привык к комфорту и удобствам в Америке. Здесь он встретил истинных монахов, в которых видел «всегдашнее понуждение естества и

неослабое хранение чувств», как говорил преподобный Иоанн Лествичник. Все это укрепляло и окрыляло его. Он следовал образу жизни святых Отцов безо всяких отклонений, стремясь быть достойным.

Ныне еще здравствующие его знакомцы не забыли его простую и скромную жизнь. Он, словно маленький ребенок, бегал за советом к другим отцам и постоянно избегал главного места, которое они ему уступали во время совершения Божественной литургии. Они вспоминают, что во время долгих Всенощных он всегда был подобен непоколебимому столпу.

В Кавсокаливии он встретил отца Григория, монаха из монастыря Костамонит, подвизавшегося в исихазме в пустыни. Это был человек сильной воли, глубоко познавший монашескую жизнь. Отслужив в армии, он был отчасти образован. В миру был офицером, что способствовало выработке твердости характера и дисциплинированности, и это все очень помогало ему в начале его монашеской жизни. Отец Иоаким последовал за этим суровым и требовательным монахом, став его учеником вместе с двумя верными юношами, которые приехали вместе с ним еще из Америки – будущими монахами Стефаном и Паисием, не желавшими расстаться со своим, духовным отцом и братом. Однако калива отца Григория была слишком маленькой для них всех, и им четверым пришлось искать другое место.

В скиту Праведной Анны

Для старца Григория, отца Иоакима и двух их соподвижников было найдено более подходящее пристанище – калива Рождества Богородицы в скиту Праведной Анны на западном склоне Горы Афон. Там очень живописная местность, полная красоты и чистоты, как почти всякий уголок на Афоне.

Иоанн Комненос в своем «Дневнике паломника» описал этот скит таким, каким он его видел в начале XVIII века и каким отец Иоаким видел его почти без изменений, когда прибыл туда спустя два столетия:

«Кельи благочестивых и добродетельных отшельников, расположенные недалеко от главной церкви Праведной Анны, находятся на крутом труднодоступном обрыве Их более шестидесяти, а также много часовен. Отшельники и аскеты, обитающие там, живут трудами рук своих одни из них писцы, другие переплетчики, некоторые певцы, некоторые вырезают панагии и кресты, некоторые шьют камилавки, кто-то делает ковшики, кто-то склеивает молитвенники, и таким образом они кормят себя, более всего будучи занятыми молитвою и проводя свою жизнь в посте, трудах и лишениях Каждое воскресенье они собираются и совершают совместно Литургию в Куриаконе (главной церкви) и беседуют друг с другом, расспрашивая о различных душеспасительных предметах и отвечая со смирением и братской любовью, а потом все расходятся по своим кельям».

Естественно стало, что такое доброе духовное общежитие рождало святых, которые своими праведными жизнями освятили священные земли скита матери Богородицы.

Скит Праведной Анны дал шестнадцать святых, первым из которых был его основатель, преподобный Геронтий (XI век), а последним – вновь явленный чудотворец, святой Савва Новый (†7 апреля 1948 г.). Были, однако, и другие святые подвижники, известные и неизвестные. Даже и во времена отца Иоакима этот уголок удела Богородицы был наполнен цветущими растениями, плодоносящими духовными плодами.

Эти благословенные отцы были:

Отец Феодосий Исповедник († 1950), спокойный, рассудительный, здравомыслящий молчаливый человек, высокой духовной жизни. До того, как прибыл в скит Праведной Анны, он жил в пустыне и практиковал умную молитву. Совершая Литургию, он всегда волновался, но сохранял контроль над собой. Он был добрым собеседником и обращался с ближними с любовью и добротой. Он был как бы опорой скита.

Отец Феодосий проводил ночи – время своих молитв – в слезах и воздыханиях. Он был словно ночная птица, милость Божию искал, скорбя и уповая.

Он молился о том, чтобы закончить свои дни на Святой Горе, в своей каливе. И это чаяние его сбылось. Однажды, когда он отлучился со Святой Горы, то серьезно заболел гепатитом. Предчувствуя приближение смерти, несмотря на возражения врачей, потребовал, чтобы его перевезли на Гору.

«Я прожил на Святой Горе более пятидесяти лет, – сказал он, – и хочу там умереть».

Отцы несли его от гавани скита до его каливы на носилках. Он прожил еще месяц и, наконец, возблагодарив всем сердцем Господа, перешел в мир иной.

Старец Викентий был еще одним святым человеком, очень простым от природы. Где бы ему ни случилось быть, он всегда молился громким голосом: гуляя ли по дорожкам, находясь ли в церкви или в обществе других: «Спаси мя, моя Богородице, спаси мя, помилуй мя!» Голос его был наполнен сокрушением и болью, вырываясь будто из раненой груди.

Его занимал постоянно лишь вопрос о спасении, единый волновавший его. Когда он встречал кого-нибудь на пути, то после слов: «Благословен будь», обычно спрашивал со своим сильным румынским акцентом (он был родом с Карпат): «Что скажешь, отче, спасемся ли?»

Он не говорил больше ни о чем, ничто другое его не волновало. «Спаси мя, моя Богородице, – взывал он, и слезы лились ручьями, – не дай мне погнать. Из любви к Сыну Твоему я пришел сюда еще отроком. Спаси мя, моя Богородице, спаси мя!»

До самой своей кончины он так и молился, скорбя и уповая. Смерть его была смертью святого, подвижника покаянной молитвы.

Отец Гавриил (Картсонас 1956) подвизался вместе со своими кровными братьями – отцами Серафимом, Дионисием и Хризостомом. Все четверо они были детьми мэра Мессины, и в течение всей своей жизни сохранили благородство воспитания. Известны были как суровостью своего жития, так и гостеприимством, подобным гостеприимству Авраама, и неоскудевающей любовью ко всем. Они были выдающимися иконописцами, известными во всей Греции. Они никогда не изменяли при этом монашескому благочестию, монашеским правилам ради своих многочисленных знакомых.

Другие отцы, современники отца Иоакима, были отец Леонтий Исповедник (1938), посвятивший себя непрестанной молитве, благотворительной духовной и материальной помощи любому из братии, в какое бы время суток он к нему ни обратился; отец Елевферий (1933), живший в постоянном бдении и посте – строгий аскет, удостоившийся увидеть перед кончиной ангелоподобных юношей в белых одеяниях, возвестивших ему о его отходе в вечность; старец-аскет Андрей Постник (1934), вкушавший понемногу лишь сухари и сырые бобы, наделен был божественными дарами чистоты душевной и непрестанной молитвы, постоянного раскаяния и непрестанных слез; милосердный и сочувствующий, чистый и простой, благочестивый ревнитель традиций отец Никандр Исповедник (1938), заболевший вследствие своего чрезмерного аскетизма циррозом печени и скончавшийся в страшных муках, но видя при этом ангелов и святых, явившихся сопроводить его в Небесное Царствие, старец Харалампий (Т 1945), известный своим аскетизмом, неиссякаемой щедростью, непрестанной молитвой, благочестием и – более – постоянной памятью о смерти, он в последние годы жизни обрел дар ясновидения; старец Никодим Киприот (1960) – образец любви, доброты и милосердия, почтенный даром прорицания; и список этот можно продолжать и продолжать... Это были небесные люди и земные ангелы, соотечественники святых и духовные дети преславной

Праведной Анны, матери Матери монахов Владычицы Богородицы...

И именно в этот скит пришли старец Григорий и его ученики и поселились в каливе Рождества Богородицы. То было благословенное сообщество, к которому позднее присоединился и автор этой книги. Все стремились полностью подчиниться воле Божией, отвергая свою собственную волю.

Кал ива, где обосновались тогда четыре монаха, находилась в верхней части скита. Добираться до нее было болезненным испытанием для ног, для дыхания и – труднее всего – для сердца. Даже простой взгляд на каливу Рождества Богородицы с берега моря вызывает головокружение и растерянность. Сколько паломников осмелится вскарабкаться к скиту в неподходящую погоду, таща на спине необходимые для них припасы? И не на день-два, а на всю оставшуюся жизнь ожидало отца Иоакима трудное испытание. Будто спортсмен перед состязанием, он старался стать как можно легче. Он решил избавиться от липших вещей, какими бы дорогими и ценными они ни были. Он возжелал сохранить лишь одно: упование на венец спасения. Отец Иоаким попросил старца Григория освободить его от обязанностей священнических, от всех церковных послушаний, которые он должен был нести в Америке.

«Здесь есть священники и святые. Я не считаю себя достойным встать рядом с ними. Я приехал сюда, чтобы быть простым монахом,» – сказал он смиренно.

Видя его слезы, Старец был глубоко тронут. Освобожденный от тяжкой ноши, отец Иоаким пришел к игумену скита. Перед святой и чудотворной иконой Праведной Анны он передал свой крест архимандрита и две грамоты – одну от Патриарха Иерусалимского, а другую – от американских властей. Позднее он отказался от всех своих новых и дорогих одежд, которые отличали его от других отцов. Он оделся в простую и скромную афонскую рясу и скуфью и стал вести трудную аскетическую жизнь, подобно Самому Христу.

Обычными стали для него и крутая тропа к скиту, и долгие всенощные бдения, и постоянный недостаток сна, и скудная

монашеская еда. Даже строгий пост не пугал его, хотя здоровье было очень слабым. В понедельник, среду и пятницу вкушал только один раз в день, и без масла. Во время Великого Поста ел еще меньше, а часто и вообще не ел.

Его твердая душа с радостью приняла новую жизнь, буд то он и рожден был для нее.

Крест послушания

В иерархии ценностей своей новой жизни отец Иоаким на первое место поставил послушание своему Старцу. Он осознал, что на монашеском пути спасения ему нужен прежде всего опытный духовный наставник, которому можно полностью довериться. Все его поступки, мысли и желания должны были рассматриваться и оцениваться Старцем. С того момента, как стал его учеником, он каждый вечер приходил к Старцу, исповедовался, открывал помыслы, говорил обо всем, что было в течение дня. Препятствия, искушения и их преодоление – повседневный удел монаха. Это обычный путь каждой души, которая стремится достичь бесстрастия и созерцательности, это путь как бы между Сциллой и Харибдой, между нескончаемыми чередой духовных преград.

Часто, когда мы обсуждали монашескую стезю, отец Иоаким говаривал: «Не исповедуясь ежедневно в своих помыслах, монах никогда не научится бороться и побеждать». Много раз видел я, как он буквально подпрыгивал от радости, выйдя из келии Старца. Хотя лицо его бывало обыкновенно бледным и болезненным, он всегда оставался жизнерадостным и довольным.

Для отца Иоакима его Старец, отец Григорий, был первым после Бога. Он старался предугадать все, что пожелает Старец и выполнить это наилучшим образом. Это были не только пожелания, но и действия. Болезненный и хрупкий, он так сильно уставал и ослабевал после работы, что добирался до келии, держась за стены когда Старец давал какое-нибудь трудное послушание, он исполнял его с такою кротостью, что мы изумлялись. Это незабываемо. Много раз бывали мы поражены и тронуты до слез его самопожертвованием.

Я опишу несколько случаев, которые как величайшие драгоценности сохраняю в своей памяти.

В октябре 1939 года отец Иоаким отвечал за сбор оливок для нашей каливы – то было послушание, в котором все мы принимали участие. Мы работали с утра до ночи в молчании и

молитве, как всегда. С заходом солнца отправились читать вечерню. После этого хотели отдохнуть перед тем, как идти на заутреню в час ночи, после которой предстояло продолжить сбор урожая. И вот, когда мы возвращались, нам пришлось поддерживать отца Иоакима, который столь устал, что едва стоял на ногах. Когда же мы дошли до рощи, что рядом с нашей кал ивой, нам сказали, что нынче наша очередь выжимать оливки. Это означало, что всю ночь мы должны были трудиться, выжимая собранное нами.

«Иди вперед и начинай, остальные сейчас подойдут,» – сказал старец Григорий отцу Иоакиму.

Чтобы пресс работал, нам нужно было толкать колесо, поворачивающее камень, который перемалывал оливки. Животных мы тогда не использовали, и это был очень тяжелый труд «Благослови, отче – только и произнес с удивительной для нас готовностью отец Иоаким. Он опустил на колени, получил благословение и пошел толкать колесо, удаляясь по тропе, пока не скрылся среди деревьев скита. Мы онемели – это был тот самый человек, которого мы только что поддерживали во время ходьбы! Мы стали умолять Старца послать кого-нибудь из нас следом за отцом Иоакимом, чтобы помочь ему, если ему станет плохо на дороге.

«Почему вы беспокоитесь? – спросил духоносный Старец в своей армейской солдатской манере. – Разве вы не верите, что в наше время могут быть святые? Или вы забыли, что послушание заставляет и мертвых в могилах заговорить? Вы увидите, что Бог даст ему силы для самопожертвования в послушании. Он и сам будет изумлен».

По благословению Старца вскоре и я пошел к оливковому прессу. И был я поражен при виде худого и слабого человека, уверенно поворачивающего претяжелое деревянное колесо прессы.

«Как идет работа, отец Иоаким?» – спросил я.

«Что сказать? – было в ответ. – С благословения Старца я не чувствую особой усталости. Немного вот только мучает жажда».

Он согласился на мою помощь. Работа наша закончилась на рассвете, когда нас сменили двое других из братии. По благословению Старца отец Иоаким удалился в свою келию.

Были и другие подобные случаи за восемнадцать трудных лет в скиту Праведной Анны. Я расскажу о еще двух, чтобы дать более полную картину о самоотречении отца Иоакима.

По заведенному обычаю, он каждый вечер говорил с отцом Григорием о духовных надобностях. Однажды вечером постучал в дверь, и Старец попросил его подождать. Уставший отец Иоаким прислонился к двери головой и стал ждать. Старец же не то забыл о нем, не то испытывал его, лег отдохнуть. Встав в полночь к заутрене, отец Григорий обнаружил отца Иоакима, ждущего все еще у его двери.

«Почему ты здесь в такой час?» – спросил он.

«Когда я вчера постучал в дверь, ты велел мне подождать»

Старец поведал нам позже эту историю с изумлением. А мы возблагодарили Бога за то, что он послал нам такого человека в нашу общину.

В другом случае мы закончили вечернюю трапезу и шли к своим кельям. На виду у всех Старец подозвал отца Иоакима: «Приготовь фонарь, мешок и посох. Я хочу, чтобы ты отправился в Лавру. Тебе нужно быть там утром, когда они откроются. Ты должен кое-что там сделать и вернуться сюда завтра в полдень».

«Благослови, отче,» – сказал он и стал готовиться к своей вечерней дороге.

Лавра от скита Праведной Анны находится примерно в четырех часах пути. Но из-за того, что отец Иоаким двигался очень медленно, выйти ему нужно было еще с вечера. Он был очень уставшим, он собрал все свое мужество для выполнения послушания. Преклонил колени, а затем пошел. Он прошел уже некоторое расстояние, когда Старец, проверивший еще раз его, послал другого из братии догнать его, вернуть обратно, а самому выполнить это послушание.

Послушание отца Иоакима раскрывает всю его личность. Каждый день он смирял себя во всем – от серьезного до

мелочей, и стремился вдохновить на это и нас Тому примером следующий случай.

На берегу моря, рядом с нашим скитом жил старый рыбак по имени Иоанн. Родом он был из Мутилены, носил монашескую скуфью, у него были длинные волосы и борода. Ему было за шестьдесят, он был хромой. Дядя Иоанн прислуживал отцам.

Однажды он принес нам рыбы. Старец поблагодарил его и велел» чтобы кто-нибудь почистил эту рыбу за пределами каливы, так чтобы чешуей не забило сточную трубу. Так как я был самым младшим, я немедленно вызвался. Но я не подумал о морозе, который был настолько силен, что все замерзло, и из крана лишь еле капало. Руки мои тотчас же замерзли, их сильно ломило. И поэтому чистить рыбу дальше я решил уже в самой каливе.

Отец Иоаким, увидев меня, подошел, вопрошая: «Малыш, ты почему вошел внутрь?» – «Отец, я не мог вытерпеть мороза и ледяной воды». – «Но ведь Старец велел, чтобы рыбу почистили не в каливе. А его благоповеления надлежит исполнять точно и без всякого самооправдания».

Отец Стефан, который охотно и неустанно служил нам всегда, слышал этот разговор. Не теряя времени, он подошел,, рзял тазик с рыбой и умело, и даже как-то весело, всю ее почистил, не обращая внимания на мороз. Я живо вижу и сейчас стойкость и любовь его души Руки его окоченели. Я смотрел на него, застыв, не в силах произнести ни слова при виде такого самоотречения.

«Монах должен умирать много раз в день, когда этого требует послушание, – сказал мне тогда отец Иоаким. – Сейчас, у тебя нет благодати, ее получил отец Стефан».

Его богообщение

Каждый день молился отец Иоаким не переставая. Работал или отдыхал, он мог вести непрерывную беседу с Богом. Обычно он кротко повторял нам: «Если у монаха отнять молитву, у него будет отнято право считать себя истинным чадом Божиим».

Он приходил к нам часто и по-отечески спрашивал, сотворили ли мы молитву ко Господу, прочитали ли мы акафист Пресвятой Богородице.

Я редко видел, чтобы он разговаривал, он говорил только тогда, когда это было необходимо, но всегда видел я его погруженным в молитву. Чтобы найти место поспокойнее, он уходил обычно в лесок позади нашей каливы. Там воздевал руки свои к небу и на многие часы погружался в таинственное общение с Господом Иисусом. Когда мы спрашивали, где он был, он отвечал, бывало:» В саду Гефсиманском – вот где я был».

Молитва доставляла ему такое наслаждение, что он считал и еду, и даже отдых необязательными. Было, Старец благословил его в течение года не заходить ночью в собственную келию. Отец Иоаким оставался ночами стоять в центре церкви нашей каливы. Братия говорили, что в сердце его ясно ощущалось тогда благословение Божие. Много раз приходилось слышать им его стенания, но временами – ликующие песнопения. И когда видели его на заутрене, он бывал всегда свежим и бодрым, будто хорошо выспался.

Душа его жаждала многого, но плоть его не поспевала за ней. Он продолжал слабеть. За тот год, что провел он во всенощных бдениях, стоя ночи напролет, ноги его покрылись язвами из-за плохого кровообращения. И Старец запретил ему эти всенощные бдения.

Тогда мужественный воин Христов начал другую брань. Он просиживал целые ночи в углу своей кельи, Завернувшись в шерстяную шаль и накрывшись толстым одеялом. Подушкой он не пользовался. Только вытягивал ноги, чтобы не сильно

мучили язвы. И так молился всю ночь. Даже когда закрывал глаза, забываясь кратким сном, уста его продолжали шептать молитву: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного». Мы всегда, в любое время слышали эту молитву, доносящуюся из его кельи. Бесчисленное множество раз, когда мне доводилось просыпаться ночью, я слышал молитву Иисусову или акафист Пресвятой Богородице, наполненные чувством, доносившиеся из соседней кельи, где он сидя проводил время за всеобщим бдением, подобный ангелу на земле.

Еще я вспоминаю, что когда он пел «Пресвятая Троице, помилуй нас, Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради», он так волновался, что дрожал всем телом. Я думаю, что для него не было более действенной молитвы. Невозможно передать его преклонение пред Пресвятой Царицей. Когда во время служб мы пели тропари Троичны, он застывал в полнейшем внимании. Для него имя Божие было сладчайшим из всех слов.

Он знал глубокую любовь и преклонение пред Матерью Божией. Множество раз в продолжение дня он читал акафист и часто

поучал нас «В течение всей жизни своей крепко держитесь за плащ Богородицы, и Она приведет вас к Сыну Своему».

«Молитвы и славословия богослужений, – говорил он, – это как прекрасный, луг, и каждый, кто на него придет, не сможет покинуть его весь день, но будет наслаждаться ароматом этого луга»

Как-то раз вся братия нашей благословенной общины собралась, чтобы обсудить возможность ежедневного Святого Причащения. Мы выбрали установление «Коливадес» – духовного учения, которое охватывает всю монашескую жизнь и которое стало маяком для нашего поколения в годы национальной войны. Духовным наставником нашего братства был отец Христофор, который подвизался в исихазме в Карули. Он был последователем «Коливадес» и прибыл из монастыря Фламуриуса в Волосе. Итак, нами было решено, что вся наша

община, и отец Иоаким в том числе, будет приобщаться Святого Причастия ежедневно.

Часто, когда не совершалась Божественная литургия, сердца наши жаждали манны небесной. Отец Иоаким, по благословению Старца, надевал тогда свою епитрахиль и совершал службу для братии, преисполненной радости и благоговейного страха. В нашей церкви всегда сохранялись Святые Дары. И постоянное присутствие Агнца Божия наполняло атмосферу нашу маленького братства особым светом.

Богопросвещенный наставник духовной жизни.

Старец Григорий ежедневное руководство нашей духовной жизнью вверял отцу Иоакиму как своему последователю в каливе. И отец Иоаким показал себя мудрым учителем.

Старец часто говорил мне «Малыш, учись у отца Иоакима. Он – один из немногих монахов нашего времени, которые стойко держатся истинно монашеского жития».

Когда я впервые приехал в каливу, Старец повелел отцу Иоакиму устроить меня. И так как он пекся обо всех, то, подойдя ко мне, дал мне первые наставления: «Чадо, келья монаха – как поле брани. На нем он должен бороться с бесами, со страстями, и он всегда должен побеждать. Тогда твой Ангел-Хранитель возликует, а Господь благословит твою брань. Итак, отсюда – в рай!»

Немного позже, когда я был официально внесен в список монашествующих нашего скита, он не забыл кратко и ясно изложить мне основные принципы моей новой жизни

«Монах, который нарушает устав, который не приходит на все службы, ест мясо, не может достичь цели. Приучайся выполнять все послушания аккуратно и тщательно. Взвешивай каждое свое слово и действие: говори как монах, гляди на все как монах, ходи как монах, ешь как монах, спи как монах, думай как монах, молись как монах.»

Это были и его собственные принципы, которых он придерживался и которые старался привить нам. Он с любовью следил за каждым нашим шагом. Он использовал каждую возможность, чтобы укрепить наш дух. Он был очень мягким, но в то же время непоколебимым, когда дело касалось духовной жизни.

Так как я был самым младшим, мне поручали разную физическую работу – мыть посуду, подметать и так далее. Отец Иоаким каждое послушание подбирал очень тщательно, стараясь формировать наши характеры. Много раз, когда я под краном мыл посуду, а зима была суровая, и руки мои коченели от ледяной воды, он подходил ко мне и говорил с любовью.

«Малыш, зима горька, а рай сладок. Трудности и боли возвысят нас над нашими себялюбивыми натурами и страстями».

Слова, да и самое присутствие отца Иоакима укрепляли мою юную душу, вступившую в брань духовную.

Но бывало, что никакое человеческое участие не могло мне помочь, и я не чувствовал душевного покоя. Что действительно происходит в душе новообращенного! Какие испытания, какая брань, искушения и козни бесовские восстают на нашем пути к ангельской жизни! Когда новички борются и побеждают, они настоящие герои!

В тот первый год я помню, мне было очень трудно, когда пришло время собирать оливки. Это время пришлось на период моей усиленной борьбы с себялюбием, со старыми греховными привычками. Ежедневно мучила меня ужасная головная боль. И в этом состоянии я попросил Старца дать мне какое-либо другое послушание. Он охотно согласился, и мне поручили готовить трапезу, и прибирать каливу.

Благословенный отец Иоаким узнал от Старца о моей просьбе. И когда ему не нужно было находиться в саду, он приходил в каливу (оливковый сад был рядом с нашей каливой), приближался тихонько ко мне и старался помочь. В один из таких случаев он сказал мне

«Голова у тебя болит, малыш? Иди и возьми масла из лампады у иконы Пресвятой Богородицы, помажь крестообразно, и боль пройдет. Иди и прочитай еще тропарь Богородице»

«Благослови,» – ответил я и сделал все так, как он мне сказал.

«Ну и что, прошла твоя боль?»

«Нет, честный отче».

«Тогда, видать, дело не в голове, потому что наша Богородица исцеляет от всех болезней. Быть может, тебе следует пойти пособирать оливки, хотя бы на полчаса, а потом вернешься».

Тогда я выслушал это равнодушно. Но в тот же вечер, когда я был у Старца на откровении помыслов, упомянул также и об этом.

«Выходи, чадо, на полчаса в сад. Так ты проявишь послушание отцу Иоакиму» – сказал мне Старец.

На следующий день я отправился с братией в оливковый сад. Через полчаса работы отец Иоаким, который, несмотря на свою болезненность, на сильном морозе собирал оливки, подошел ко мне и сказал:

«Ну что, твоя голова, малыш?»

"Не болит".

«Тогда еще полчаса поработай, а затем иди».

Прошло еще полчаса, и он снова спросил меня: «Ну что, болит?»

«Нет, как ни странно,» – ответил я.

«Хорошо. Сейчас иди в каливу и выполняй другие послушания».

Ободряемый мягким и любящим отцом Иоакимом, я полтора месяца проработал в оливковом саду, и меня больше не мучила головная боль.

А вот еще один случай.

На верхнем этаже каливы была большая «солнечная комната», откуда открывался вид на весь скит и на открытое море. Потоки света лились в комнату, и потому отец Иоаким использовал ее под мастерскую иконописцев. Здесь я должен сказать, что он и сам был хорошим иконописцем.

Он выучился иконописи в Кафисме Святого Константина (относящейся к Лавре) и этим трудом зарабатывал кое-какие деньги для нашей каливы.

В одно время я тоже пытался освоить иконопись. Благословенный отец Иоаким учил меня. Я делал свои первые опыты: разные по величине глаза, рты, носы, уши и так далее. Он никогда не говорил мне, что мои «творения» были безобразны, но всегда подбадривал меня. Через несколько дней я оставил свои попытки, несмотря на его поддержку.

Позднее я спрашивал отца Иоакима: «Почему, отец, когда я делал те ужасные рисунки, просто карикатуры, ты говорил мне, что они хорошие?»

«Малыш, никогда не следует обескураживать начинающих. Это правило обучения, которое я познал еще в американском

колледже. А когда я приехал сюда, то нашел выводы в теории обучения – плодах многолетних исследований ученых – согласными со священными писаниями, оставленными монахами, жившими много веков назад И выводы эти не только записаны в книгах, они воплощаются в жизни старцами, у которых порой мало образования, но неизменно много опыта в обучении монашеской жизни. Я видел их применение здесь, на Святой Горе, современными монахами».

Его аккуратность и благородство души

Житие отца Иоакима раскрывало все новые чудные стороны его натуры. Это проявлялось не только в высокодуховной внутренней жизни, но и во всех его привычках, хотя и ему приходилось одолевать многообразные трудности. О нем говорит и тот порядок, который установился в каливе его стараниями.

Как-то я взял нож, чтобы порезать лимон, но не положил его на место. Случилось, что отец Иоаким как раз проходил мимо.

«Ты пользовался ножом?»

«Да,»—ответил я. «А почему там его оставил? Сейчас же подними, хорошенько вымой, вытри, а затем положи его на место. Для всего, чем пользуешься, должно быть свое место,» — сказал он.

Однажды он благословил нас приносить из сада дрова для растопки. Каждый раз, когда мы проходили мимо сада, мы прихватывали с собой сухие ветви. Таким образом, хотя мы специально и не заготавливали дрова и не уста в ал и особенно, куча медленно росла, пока не скопилось достаточно дров на зиму.

Его любовь и благородство проявлялись повсюду. У него было одинаково теплое отношение к братии и отцам скита. Даже если ему приходилось нарушить свой режим, чтобы помочь ближнему, нуждающемуся в этом, он нарушал режим.

Бот его наставления, говорящие о его любви и благородстве

«Если навестивший нас брат приходит на нашу службу, мы всегда должны уступить ему лучшее место, особенно для пения на клиросе. А если он случайно ошибется — например, сделает ошибку в тональности—то вы, те, кто на левом хоре, не должны его поправлять из опасения смутить его. Пусть уж он сам исправит свою ошибку. Любовь и уважение важнее, чем тональность».

Он был мудрым и прозорливым наставником, освещающим путь для нас, более молодых монахов.

Его борода

У отца Иоакима была редкостная борода, о которой нельзя не сказать несколько слов

Живя еще в Америке, он со скорбью наблюдал, как дух прогресса и моды начал влиять даже и на церковную жизнь. Он видел священников, которые считали, что могут добиться большего в обществе, если расстанутся с православными традициями. В этой светской атмосфере отец Иоаким вел себя благочестно. Ему больно было видеть, как православные священники снимали свои рясы, стригли волосы, подстригали или вовсе брили бороды. Достоянна внимания молитва отца Иоакима, которую вознес он к Пречистой Деве перед своим монашеским постригом: «Пресвятая

Богородице, когда я стану священником, прошу, дай мне длинные волосы и бороду так, чтобы я, живя среди мира, выглядел, как должно выглядеть иерею Божию»

И Матерь Божия не отвергла его просьбу, исполнила его желание. Как мы уже рассказывали, американцев поражала его впечатляющая внешность и густая длинная борода. Когда же он прибыл на Гору Афон, произошла вещь удивительная. Борода росла все длиннее и длиннее – явление очень редкое даже в его отечестве. Мы приписываем это той молитве, которую он сотворил к Богородице. Чтобы свободно двигаться и не доставлять неудобств окружающим, он вынужден был носить свою бороду в мешочке, подвязанным к шее.

В последние годы его жизни отцы попросили его сфотографироваться в облачении и с распущенной бородой. Сначала он не желал того, но на повторные просьбы согласился.

Диагноз врача

День ото дня возрастала святость отца Иоакима. Однако, вместе с тем плоть его слабела. Здоровье его было неважно. Несмотря на протесты отца Иоакима, отец Григорий послал за доктором. Диагноз был неутешительным: туберкулез. Жить ему оставалось всего несколько месяцев, но для этого надо было соблюдать диету. Ему нужно было есть мясо, рыбу, яйца и, так как на Афоне почти все это было недоступно, необходимо было уехать оттуда. Доктор предписал также полный отдых.

Отец Иоаким выслушал все это спокойно, но когда доктор ушел, обратился к отцу Григорию:

«Старче, – попросил он, – благослови меня нынче ночью остаться в церкви. Я хочу помолиться Владычице Богородице. Утром мы сможем обсудить, что можно сделать для моего здоровья».

Старец благословил. Всю ночь промолился неукротимый духом отец Иоаким, а утром после заутрени сказал отцу Григорию: «Я прошу тебя не делать того, что велел доктор. Оставим вопрос о моем здоровье на попечение Богородицы. Она Сама решит. И чтобы мы могли быть уверены в Ее заступничестве, вместо мяса и других скоромных продуктов дай мне свое благословение продолжить пост. А кроме того, я не буду брать в рот сладкого. Да будет посему во славу Матери Божией».

Старец был изумлен силой его веры и силой его воли. Он дал благословение, вспоминая, чему сам научил его. Старец вспомнил время, когда ходили они в келию святого Константина (Кафисма Лавры), дабы отец Иоаким научался там иконописи. Его неутомимый ученик так усмирил тогда свою плоть, что в течение целого года у него было правило есть только раз в сутки – к вечеру. А то годовое молитвенное стояние ночами в церкви!

Прошло полгода, и доктор, озабоченный, жив ли отец Иоаким, спросил о том Старца.

«Конечно, он жив,» – ответил тот.

Доктор пожелал осмотреть отца Иоакима.

«У него все в порядке, – сказал доктор в изумлении. – Несомненно, что диета и покой, которые я ему предписал, дали свои результаты. Он полностью поправился».

Отцы Григорий и Иоаким посмотрели друг на друга, едва удержав улыбки. Оставшись наедине со Старцем, доктор узнал историю выздоровления пациента. У него не было слов. Он был восхищен силою веры и, возможно, в первый раз осознал, что стал свидетелем чуда.

Его вера

Высота православной веры отца Иоакима была неотмирной – до того, что миролюбцам поведение его представлялось юродством. Но все, что он делал и говорил, исходило всегда из чистых побуждений.

Его волновал вопрос о положении Церкви, вопрос о календаре. Его беспокоила каждая попытка управителей изменить порядок вещей, который ввели в Церкви святые Отцы. Он боролся с отступлениями всеми способами, допустимыми для строгого монаха.

Все греки тогда, от представителей самых низших слоев общества до чиновников высочайшего ранга, горели желанием быть верными членами Церкви. Пребывание в Америке многому его научило. Когда он узнал из греческих и иностранных изданий, что многие люди, облеченные высокой властью, в том числе даже сам король Георгий II, пали до того, что стали масонами, он был опечален и взволнован. Каждому из известных ему высокопоставленных масонов он безо всякого страха написал лично о вреде масонства. Он призвал их покаяться и выступить против врагов Бога и Отечества.

Это послужило причиной вызова его на суд в Фессалоники. И свидетельствовал он об Истине чистосердечно и мужественно. На всех произвели впечатление глубокая вера и верность Богу этого тщедушного монаха с Горы Афон – даже газеты отдали ему должное. Он спокойно принял свой приговор и, подобно преподобному Никодиму, с радостью последовал по дороге изгнания на остров Скопелос в январе 1941 года.

Жители острова были поражены его молитвенностью, его постом и чистотой его души. Многие из них помнят этого монаха, изгнанного правды ради; его яркое житие оставило по себе память на острове.

Разрушительное продвижение германской армии застало его в ссылке. Через некоторое время он вернулся уже свободным человеком на Святой Афон, чтобы продолжить отшельническое житие.

Последние годы жизни

Еще большее испытание

Старец Иоаким вернулся в свою бедную каливу на Горе Афон, как боец после боя. Но вместо утешения и покоя обнаружил там нечто, что еще более ранило его исстрадавшееся сердце.

Пока его не было на Афоне, один монах из братии соблазнился мирской суетой и, в конце концов, ушел в мир. Сострадательное сердце отца Иоакима жестоко страдало. Он решился найти отступника, несмотря на свою клятву никогда не покидать более Афона. Любовь к собрату-монаху побудила нарушить клятву, и он отправился с намерением отыскать и вернуть заблудшего.

Но не было раскаяния в душе бывшего мораха.. Он не вернулся, его окаменевшее сердце не тронули ни уговоры, ни просьбы, ни слезы Старца.

И вот после этого болезненного испытания отец Иоаким вернулся на Афон. Но вернулся успокоенный, ибо выполнил свой долг. Однако он затратил слишком много усилий, слишком много перестрадал, и изнуренная плоть не выдержала. Старец слег в постель и больше уже никогда не вставал.

На одре страданий

Тем временем отошел ко Господу Старец отец Григорий. Из-за плохого здоровья вынужден был уехать со Святой Горы во время немецкой оккупации автор этих строк. Получилось так, что один лишь отец Стефан остался, и только он мог ухаживать за отцом Иоакимом. Отец Стефан приехал вместе с ним из Америки и служил Старцу с большой любовью и преданностью до конца его земной жизни.

Он понимал, что старец Иоаким, излучающий свет любви, мог умереть в любую минуту: он был словно угасающее солнце.

В сентябре 1950 года я получил срочную телеграмму от отца Иоакима с просьбой приехать на Афон. Должна была состояться наша последняя встреча в земной жизни, и я немедленно туда отправился.

Он так исхудал от туберкулеза, что остались только кожа да кости. Но в душе царил покой – он заслужил его своим житием, своей духовной бранью. Я не в силах сказать, кого я видел перед собой. Миссионер, просвещенный апостол, ревностный аскет, исповедник и хранитель веры; тот, кто возлюбил Господа Бога всем сердцем, и всею душою, и всем умом, и всею крепостию(Мк.12:30). Я видел «плодоносящее оливковое дерево» которое пересаживали из земного удела – земного сада Богородицы в сад Вечности. За двадцать лет монашеских подвигов он достиг спасения и святости – того, для чего другим верным надобно бывает и шестьдесят, и семьдесят лет аскетических трудов.

Почтительно я приложился к его руке, и он слабо, но отчетливо сказал мне, зачем звал меня;

«Я позвал тебя, чтобы здесь, на земле, в последний раз с тобой повидаться. И не только для этого, а – главное – чтобы попросить у тебя Прощения, если я тебя когда-либо обидел, пока ты был здесь».

И прямо со своей кровати он поклонился мне до земли, испрашивая прощения. Я тоже поклонился ему, прося для себя его прощения. Глубоко тронутые, мы обнялись.

Его слова тогда были полны благодарности Богу за то, что Он свел нас снова вместе после стольких лет. Радость нашей встречи была безграничной.

В вечность

Я оставался со старцем Иоакимом несколько дней. Он почти уже не говорил. Доктор сказал, что такое состояние может продлиться долгое время, и поэтому я отъехал в Афины по своим надобностям. К моему огорчению, когда я уже собирался вернуться,

он отошел ко Господу. Так завершилось земное житие, изобиловавшее дарами Святого Духа.

Незадолго до кончины он обратился к своему любимому и верному собрату: «Отец Стефан, подойди сюда, пока я еще в состоянии разговаривать, и давай поговорим кое о чем. Быть может, завтра уже не будет такой возможности»

Он говорил о прошлом – о жизни в Америке, переезде на Гору Афон, послушничестве у старца Григория, ссылке на Скопелос и своей болезни.

«Брат мой, – продолжал он со слезами, – я благодарю тебя за твою долгую службу и терпение. Пожалуйста, прост меня, когда я, возможно, обижал тебя»

Он обнял его в сильном волнении, и они со слезами поцеловались. Позднее отец Стефан с молитвенной благодарностью вспоминал духовные наставления старца Иоакима – со времен его юности в Америке и до этого момента.

То была их последняя беседа.

Эпилог

Все, кто знал его – и близкие знакомые, и не очень близкие – пришли на отпевание помолиться о великом воине Христовом, чье исстрадавшееся, а теперь уже покойное тело было обвито мантией. Его похоронили за алтарем каливы, в месте, где долгие годы он подвизался в аскетических трудах.

Отцы Святого Афона встречают смерть мучениками. Наступает конец искушениям и подвигам, и начинается вожденная вечность. Воины Христовы не умирают. Не умер и отец Иоаким, но перешел «от смерти в живот» (Ин.5:24). И не было в том сомнения у присутствовавших отцов и братии. Отец Иоаким достиг тех пределов, к которым так стремилось его сердце Преподобие отче Иоакиме, моли Бога о нас!

Старец Афанасий из Григориатской обители

Каким был старец Афанасий Григориатский? Скажу лишь: если бы я был агиографом и получил бы благословение написать о ком-либо из святых, чья жизнь неведома, я стал бы писать о святом отце Афанасии. О его высоком стройном стане, о его хрупкой, утонченной фигуре, о мирном выражении лица его, его манере говорить, его светлых, лучистых глазах, о глубоком мире его святой бесстрастной души, отражавшейся на его лице, о его мужественной любви, кроткой требовательности к сыновьям духовным. И, наконец, о том духовном свете, который сиял во всем его святом облике.

—Монах Феоклет Дионисиатский.

Призвание к монашеству

Детские годы

В городе Пиргосе Илейаса, далеко от Горы Афон, более ста лет назад благословил Бог родиться будущему афонскому монаху. Благодетельная семья имела одиннадцать детей, что в те времена было явлением обычным. Большую часть своего времени отец того семейства проводил в одной из церквей города: он служил пономарем. Его маленьких детей часто видели под куполом храма, особенно же Андрея (такою мирское имя будущего отца Афанасия), которому было по нраву находиться в церкви с отцом. Случается порой, что служители Церкви, когда близость к святости становится обыденной, утрачивают чувство высокого. Однако отец Андрея был исключением.— в душе его не переставал гореть огонь веры и любви к Богу, и ему удалось передать огонь тот детям своим и — в первую очередь — Андрею.

Первые божественные ростки в невинной детской душе Андрея возникли в священной атмосфере Церкви. Какие чистые молитвы возносил этот ребенок во время заутрени, когда в сумеречном свете утра медленно зажигал лампаду в алтаре перед Распятием Господа! А какую безграничную радость он испытывал на Литургиях, облаченный в стихарь и прислуживающий священнику!

Церковь стала его вторым домом.

Глас Господень

Стремление к монашеской жизни родилось у Андрея, должно быть, при изучении писаний Отцов Церкви. Он любил читать

жития Отцов и их труды и особенно – творения преподобного Никодима Святогорца. Он имел почти все религиозные книги, которые тогда в Греции можно было достать. С чтения этих книг Андрей начал познавать жизнь, эти книги возвысили его душу. Его юное сердце волновали чудеса и пути духовных восхождений святых Отцов, его ум возрастал глубокими мыслями и возвышенными чувствами преподобного Никодима.

Таинственно и непонятно внутри себя он начинал слышать некий необъяснимый зов к чему-то возвышенному. То был глас, возвещавший ему, что избран он для высшей, ангельской жизни. Он возжелал быть подобным тем святым мужам, «связанным обстоятельствами, но все же свободным, сдерживаемым, но не стесненным, не мудрым в мире, но во всех отношениях возвышающимся над миром, живущим на земле, но принадлежащим Небу (свят. Григорий Богослов), которые столь сильно повлияли на его молодой ум. Глас тот, звучавший все настойчивее в душе его, был глас Господень.

Дерзновение

Стояли ясные солнечные дни конца июля 1891 года от Рождества Христова, когда три юные души предприняли нечто в желании чистой и возвышенной жизни. Много после говорили о том, много слез было пролито, когда узнали близкие об исчезновении молодых людей из дома. Андрей и двое его друзей оставили Пиргос, не сказав никому ни слова. Путь их лежал далеко.

Величественная Гора Афон затмила в их душах все остальное. Святая Гора притягивала их, и они отправились к ней в порыве юношеского энтузиазма. Как стремились они оказаться там и утолить духовную жажду свою! И даже то, что Афон находился во владении Турции, не обескураживало их.

После многих трудностей юноши достигли, в конце концов, Волоса. Дальше можно было бы продолжить странствие по суше, но турецкая граница виделась нежелательным препятствием, и решились они плыть морем. Однако корабли до Афона тогда не ходили, оставаться же в Волосе не входило в их планы, и потому было принято дерзновенное решение: плыть к Святой Горе на нанятой лодке.

Приключение на море

С владельцем лодки были проделаны необходимые приготовления, и четверо молодых людей выплыли из залива Пагазетико мимо острова Скиатос в Эгейское море. Плыть ли, держась ближе к берегу, или править в открытое море? В первом случае маршрут удлинялся, во втором могли быть опасности. Выбран был более короткий путь, и лодка направилась в открытое море, прямо к Горе Афон.

Пока дул попутный ветер, лодка бодро бежала под парусом. Но когда ветер стихал приходилось садиться за весла. Много хлопот доставляла плохая погода, сопровождавшая их. Обрушились одна за другой неприятности: холод дождь, ветер, подувший в обратном направлении, и самая худшая – начавшийся шторм. И хотя трудности были предвидены, они, однако, затянули плавание, а тем временем запасы провизии подходили к концу. Молодых людей уже начала беспокоить перспектива голодной смерти, они стали ослабевать физически. Из-за истощения трудно стало грести, лодка почти не двигалась.

«Мы не можем продолжать наше путешествие в такую погоду, – сказал хозяин лодки. – Вода кончилась, и почти вся провизия тоже. У меня нет никакого желания сгинуть тут». – «Давайте повернем обратно, – предложили согласно оба друга Андрея. – В таких условиях продолжать просто невозможно».

Но Андрей даже и в такой критической ситуации не отступился от цели. Он был тверд в своей решимости и непоколебимо верил, что Бог не оставит их, придет на помощь и доведет лодку до места назначения.

В Священном Писании сказано; «Аще Бог по нас, кто на ны?» (Рим.8:31) Эти слова были особенно дороги Андрею. Как свидетельствовали позже отцы афонские, он часто повторял их в течение всей своей жизни.

Госпожа Богородица, «Гавань жизни нашей», Успение Которой приближалось тогда, услышит их мольбы и поможет достичь Ее святого удела. Они придут туда или умрут!

«Мы не повернем назад,—твердо сказал Андрей своим товарищам. —Мы должны собрать все свое мужество. Давайте еще немного постараемся. Мы должны скоро уже приплыть. Бог нам поможет».

И действительно, Он помог им. Через некоторое время поднялся довольно сильный попутный ветер, и лодка полетела по волнам прямо по направлению к Горе Афон. На семнадцатый день плавания она вошла в гавань перед Григориатской обителью. И возблагодарили они святителя Николая, небесного покровителя этого монастыря, и он слышал мольбы измученных путешественников: не без его молитв свершилось чудо.

Они стояли пред монастырем Горы Афон! Не верилось: да правда ли это? Никакими словами не описать их чувства. Испытания закончились, а мечты вот-вот станут реальностью!

«Слава Тебе, Господи, за любовь Твою к нам! Ты не оставил нас в беде. От всей души благодарим Тебя!» – молитвенно повторяли снова и снова трое юношей.

Осталось только расплатиться с владельцем лодки, и можно уже было вверить себя Святой Горе. Но в последний момент не

обошлось без еще одного искушения. Монах, исполнявший послушание в гавани, вдруг услышал крики и шум: в лодке у молодых людей что-то происходило. Капитан вдруг потребовал больше денег, так как посчитал, что первоначальная цена мала. Он стал уже угрожать увезти юношей обратно, если они не заплатят больше.

«Помогите, отец, помогите нам!» – услышал монах. И он пришел на помощь. Подплыл к ним на своей лодке. Большой и сильный, он крикнул капитану: «Или ты высадишь ребят, или я сдам тебя турецким властям!» Капитану ничего не оставалось, как посадить юношей на причал, взяв только условленную сумму. И это искушение осталось позади.

Неожиданное препятствие

15-е августа, Успение Пресвятыя Владычицы нашае Богородицы и Приснодевы Марии! В этот день они прибыли в удел Божией Матери. Ступив едва на Святую Гору, Андрей и его друзья опустились на колени, дабы поцеловать землю, эту благословенную землю, в которой будущему старцу Афанасию суждено будет и упокоиться некогда. С трепетом приблизились юноши к монастырскому двору, дивясь на кельи, балконы, купола, на все здания.

Перво-наперво зашли они в монастырский собор помолиться его небесному покровителю и хранителю святителю Николаю. Величественный иконостас вызвал благоговейный страх; они обошли соборные святыни, прикладываясь к ним. Счастливые, удалились в покои для гостей, где их ждали комната, пища, вода—все, что было столь необходимо после семнадцатидневной одиссеи.

Андрей, едва скрывая свою радость, лег отдохнуть. Он думал, что все его испытания закончились, и все теперь будет хорошо. Он даже и подумать не мог, что его ожидало вскоре.

Один из его друзей, очень горячий и живой юноша, не сдержал свои радостные чувства: сдерживаемые много дней, они вырвались наружу. Он впал в игривое настроение: начал шутить, шуметь, стал совершенно неуправляемым. Не давал отдохнуть друзьям, но хуже того, его прыжки потревожили отцов в монастыре. Для чинной, строгой обители такое поведение молодого человека было совершенно неприемлемым, и отец Игумен вынужден был повелеть изгнать всех троих прочь.

Кто бы не был опечален на их месте? За стенами обители, у моря трое юношей переживали ужасное.

Скорбь их была велика: они плакали и не могли утешиться.

Андрей отошел в сторону и с великой болью в сердце взмолился коленопреклоненно: «Святителю отче Николае, спаси нас, помоги, не оставь! Сжался над нами, пусть отец Игумен примет нас снова,» — слезы текли по его щекам.

Андрей и помыслить не мог отправиться в другой монастырь. Он чувствовал, что его место здесь, куда Господь привел лодку. Он желал тут жить и умереть.

Андрей все молился, как вдруг раздался громкий голос случайно проходившего мимо старца Виктора:

«Что я вижу? Что здесь происходит?» Отец Виктор, секретарь монастыря, не знал о прибытии юношей на остров и об их изгнании Игуменом. «Как вы попали сюда, мальчики? Отчего такое горе, почему вы плачете?» – «Отче святой, спаси нас! Мы не в силах описать того, что произошло, все трудности и беды, которые нас поразили,» – со слезами взывали юноши.

Старец подробно расспросил их обо всем происшедшем: о поездке из Пиргоса до Волоса, о морском приключении, длившемся семнадцать дней, о том, как они прибыли в монастырь и как их изгнали из него. Он был изумлен и глубоко тронут. Успокоив юношей, отец Виктор буквально побежал к Игумену и подробно рассказал все, что узнал. «Отче святой, – просил он Игумена, – я прошу тебя принять их. Ну хотя бы выясни, кто из них виновен, и прояви сострадание к двум другим».

Когда отец Игумен узнал об их стремлении к монашескому житию, об их героических усилиях и об их дерзновении, когда узнал он обо всех испытаниях, через которые довелось пройти им, он также был глубоко тронут. Простив те детские прыжки, повелел вернуться в монастырь всем троим.

Позади было еще одно испытание. Познав некоторые искушения, бывающие непременно у каждого, возжелавшего жизни ради Господа, они вернулись в монастырь с радостной решимостью посвятить себя Богу.

Афонский монах

Новое поприще

О дальнейшей судьбе двух молодых друзей Андрея нам почти ничего не известно, а потому оставим их теперь. Мы остаемся с кротким и твердым Андреем Протоеропулосом (такова его фамилия), сошедшим с лодки в гавани Григориата в 1891 году и начавшим тогда подвижническую главу в книге своей жизни.

Когда он вошел в монастырский двор, то перво-наперво перекрестился и попросил Бога о милости остаться здесь до последнего дыхания. Трудная монашеская жизнь виделась ему полем брани, на котором должно было сражаться, дабы Небо снизошло в его сердце.

Ему предстоял узкий и тернистый путь, но путь тот вел прямо к святости и обожению. Поле монашеской брани звало его к победе. И юный Андрей (а было ему тогда семнадцать лет) ради брани той отрекся от всех земных утех.

Его дружная семья – добрый отец, нежная и заботливая мать, восемь братьев, сестры с их любовью и радостью – были от него далеко-далеко. От всего отказался он из любви к Богу. Говоря словами святителя Василия Великого, «он отрекся от мира и от всего, что в мире». Его сердце, его ум и желания были подчинены теперь монастырю и Старцу.

Старцем в Григориатской обители был в те годы необыкновенный, редкий человек. Его звали отец Симеон. Он пришел из монастыря святого Павла, родом же был из Триполиса в Пелопоннесе. Отца Симеона Бог наделил многими дарами, добродетелями и глубокой верой. Он был нелицемерным,

честным, чистым и исключительно энергичным человеком. Невозможно сказать, сколько труда он и его монахи вложили в строительство монастырских сооружений. Вот лишь один штрих: чтобы поднимать вверх к монастырю камни, монахи соорудили себе на спины деревянные седла! Тогда не было никаких современных нам машин. А монастырь, имевший множество долгов, очень нуждался в средствах. С помощью огромного

терпения и нечеловеческого труда отец Игумен привел все в должный порядок. Он был незаменим на этом поприще, и потому привел Господь послужить его на нем сорок шесть лет (с 1859 по 1905 гг.). Отец Симеон так отличался при жизни благодетелями и самопожертвованием, что по смерти кости его благоухали.

Между Старцем и его чадом было тогда негласное соглашение: Андрей должен был полностью подчиняться Старцу и старшей братии, даже если, по его разумению, некоторые послушания были чрезмерно трудными или бессмысленными. С другой стороны, Старец должен был руководить им на жизненном пути так, чтобы он обрел святость, а в будущей жизни должен был приготовить для него место, близкое от Престола Господня, среди числа «сто сорок четыре тысячи» Апокалипсиса (.7:4) и тех, что ««искуплены от земли» (Ап.14:3).

Эти духовные соглашения между ними включали в себя также еще одно, то, которое должно было быть оглашено позднее в соборе перед всей братией.

Послушник

Желание и решимость Андрея облачиться в мантию должны были пройти через испытательный период. В течение двух лет ему предстояло оставаться послушником, и в это время решалось, достоин ли он мантии.

За те два года довелось пережить множество трудностей. Он прошел практически все виды монастырских послушаний, пребывая в кротком подчинении у старших. Он много выстрадал: терпеливо переносил грубость некоторых из братии, принимал постоянные упреки, падавшие на него, как капли дождя, один за другим.

Для столь юного, чувствительного и хрупкого человека, как Андрей, многое было очень трудным. Но он не искал иного пути. Болезненным было, конечно, первое время привыкания к суровому монашескому быту после тепличной домашней обстановки.

Многие помогали ему в его тщаниях приспособиться к новой жизни – от отца Игумена до последнего послушника – соответственно их возможностям. И первым среди них был его досточтимый Старец, его земной отец, «ибо Тот истинный Отец есть, Кто и всем Отец – во-первых, а во-вторых – кто в духовной жизни пастырь» (свят. Василий Великий). Со Старцем своим делился он всеми своими мыслями, трудностями, сомнениями и обстоятельствами и у него находил утешение. И любовь и доверие Старца помогли ему при его первых шагах в монастыре.

Еще одним утешением была его келья. В спокойствии и собранности он жил там красотой духовного мира. Душа его общалась с горним через святые иконы, пребывающие в келье. Помогали и укрепляли также и чтимые им писания святых Отцов: сколь же много было святых избранников, шедших во все это множество столетий до него по тому же пути, а теперь помогавших идти ему! Он не уставал перечитывать мудрые слова преподобного Иоанна Лествичника: «Деревья под порывами ветра глубоко укореняются в земле. Так же и те,

которые живут в послушании, приобретают сильные и твердые души». А от преподобного Феодора Студита он узнал, что монашеская жизнь—это постоянная борьба, «непрекращающаяся брань с врагом невидимым»

В храме он переживал моменты неземного блаженства» наслаждаясь молитвами, псалмами, проповедями, синаксарями, кафизмами и акафистами, полунощницами, вечернями и повечериями, светлыми Всенощными под праздники и Литургиями, которые сослужили вместе многие священники – медленным византийским распевом – распевом проповедников, многогласными песнопениями Богородице В такие моменты он чувствовал, что в церковь нисходит Небо. Святые с икон на иконостасе, на стенах, на своде и аналоях, Матерь Божия с многочисленных Своих икон глядели прямо в сердце его и наполняли его духовной радостью и миром.

Когда благоговейно прикладывался к святыням монастырским (а там были мощи преподобномученицы Анастасии Римляныни, святителя Григория Богослова, преподобного Кирика, святого бессребреника Дамиана, великомученика Пантелеймона и других угодников Божиих), он чувствовал крепость в душе своей от единения со святыми Христовыми.

Но самым сильным из чувств его было предвкушение невыразимой радости приближения того дня, когда он будет удостоен причастия Тела и Крови Господних, ради любви к Которому он отрекся от всего мирского.

Новообращенный инок возрастал духовно на Святой Горе.

Постриг

Андрей успешно прошел испытания своего послушничества, и Старец благословил ему постриг: прожив в монастыре два года, он был извещен Старцем, что приблизился день, когда он станет монахом.

Это известие наполнило сердце радостью: скоро он облачится в ангельскую схиму! Сколь высока честь! Оставив на несколько дней послушания, стал готовиться к великому событию. В тиши келейной, в уединении и молитве, ожидал с нетерпением момента великого, считая часы до него. Читая службу пострижения в схиму, взволнован был до слез. Обет, который он даст, будет записан ангелами на Небесах, и когда-то Сам Бог спросит у него отчет.

В ночь перед постригом Андрей пришел к Старцу на последнюю свою исповедь в качестве послушника, получил благословение и богомудрые наставления. По афонскому обычаю, в ту ночь он не спал, но творил молитву.

Постриг был совершен с чувством покаяния и радости. Он был пострижен, и обет его был записан в Небесной Книге. Облаченный в мантию, держал он в руке свечу и крест и со слезами принимал благословения отцов.

«Как назовешь себя, брат?» – спросили его в соответствии с традицией.

«Монах Афанасий,» – ответил он дрожащим голосом.

И радовались все тому событию, потому что искренне любили и уважали новопостриженного за его кроткое поведение во время двухлетнего испытательного периода. И, конечно же, возвеселились пострижению отца Афанасия и ангелы на Небесах.

На подворье в Карее

Каждый из двадцати больших монастырей имеет подворье в Карее—столице Горы Афон, где пребывают монахи, представляющие в Протате или Киноте – Совете свой монастырь. Представитель монастыря подвизается вместе с кем-либо из молодых монахов, который заботится о подворье. Труд на подворье был первым послушанием, вмененным в обязанность вновь постриженного монаха Афанасия. В соответствии с законами монастыря, отец Афанасий, у которого не было еще бороды, должен был жить вне монастыря.

Итак, в 1893 году можно было видеть его на подворье, подвизающимся вместе со старцем Иаковом. Отцу Афанасию предстояло прожить совместно с этим Старцем одиннадцать лет.

Какими были характер и жизнь старца Иакова? – Он был настоящим монахом, он знал и соблюдал самые строгие и истинные монашеские правила. «Как золото в горниле или, вернее, в общине, Господь очищал их,» – по слову преподобного Иоанна Лествичника. И была воля Его очистить нового монаха.

Прозорливым внутренним зрением видел старец Иаков сильную душу отца Афанасия и воспитывал ее как опытный наставник Свою любовь (а возлюбил он отца Афанасия немало) Старец не показывал, но старался выглядеть суровым. Он никогда не разговаривал с ним мягким тоном и никогда не смеялся. Никогда также и не называл ученика по имени, но держал на расстоянии, дабы не стал тот самоуверенным, ибо Отцы учат, что самоуверенность и фамильярность для монаха губительны.

Резким тоном повелевал обычно Старец отцу Афанасию сделать что-либо в саду, в помещении, внутри подворья, и все должен был исполнять тот один. Почти всегда Старец критически выговаривал за проделанную работу. Не разрешал он и сближаться отцу Афанасию с другими людьми в Карее. Ученику нельзя было разговаривать с посетителями подворья. И

довольно часто называл Старец его непослушным, своевольным, неумехой и так далее. Старец намеренно высмеивал перед посторонними людьми его высокую, худую фигуру, смиряя при этом унижительными

прозвищами, такими как «червяк» и другие. «Он ни к чему не пригоден, – часто повторял старец Иаков. – Он эгоист, он не подходит для высокого монашеского жития».

Таким образом обыкновенно монахов, пришедших в монастырь в юном возрасте, не утративших своей чистоты, отцы готовили к тому, чтобы те могли стать дьяконами и священниками. И при этом старец Иаков никогда не поощрял таких мыслей у отца Афанасия.

Он постоянно повторял: «Ты с твоим эгоизмом никогда не получишь орария» Как член Совета старцев, добавлял, что никогда не согласится, чтобы отца Афанасия рукоположили в сан. И отец Афанасий, кланяясь смиренно, обыкновенно, сложив руки на груди, отвечал тихим голосом: «Благослови Бог».

Тяжелая физическая работа, длительные службы, посты, от которых он так похудел, унижения перед посторонними, отсутствие человеческого участия – все это терпеливо он переносил как ниспосланное свыше для совершенствования его души. И старец Иаков, видя, как тот смиренно отвечает по обыкновению, молча и с готовностью принимается за трудные послушания, слыша постоянное «Благословен будь, Старчерадовался в душе своей.

Дабы вынести столь трудную жизнь, отец Афанасий должен был полностью довериться учению святых Отцов о духовной жизни. То был фундамент для храма, который Бог возводил для Себя в душе отца Афанасия. Излюбленные жития святых духовно вооружали его, подготавливая к трудной брани. Он верил: Сам Бог

желает, чтобы он боролся и трудился в поте лица. С мужеством в душе читал он ежедневно псалом из часа третьего: «за слова устен Твоих аз сохраних пути жестоки».

Нектар духовный

Какое блаженство читать духовные книги! Они в течение всей жизни могут укреплять человека. Отец Афанасий с юности воз-

любил учение, и здесь, на Горе Афон, обладающей духовными книжными сокровищами, он каждую свободную минуту проводил за чтением книг. Находил прекраснейшие цветы на этом духовном лугу и составлял из них чудесные букеты. Он отдался этому занятию с первых своих дней на Афоне. Из различных духовных книг выбирал самые вдохновляющие отрывки и записывал их в свою тетрадь. Эти благословенные досуги не прекращались до самой его старости.

Автору этой книги довелось позже видеть его рукописные заметки в руках многих монахов Григориатской обители. Свидетельствую об их богатом разнообразии.

Рядом с текстами об аскетической жизни – записи о важных событиях в истории Церкви; рядом с писаниями Отцов – выписки из древних сказаний; кроме поучений из житий святых – важные положения церковных канонов, истории из мира древней Греции и так далее. Вот несколько примеров из этого собрания.

- Так как ты смертный, не считай себя бессмертным.
- Даже маленькие птички не падут на землю без воли Господа. Нам следует всегда говорить Богу: «Да будет воля Твоя».
- Блаженный Августин многому научился из житий преподобного Антония и отшельников египетских. «Что это? – часто спрашивал он у своего друга Алипия. – Не слышал ли ты? Невежды восстают и достигают Неба, а мы, смотри, как мы, с нашим бессердечным знанием, погрязаем во плоти».
- Церкви дана была сила не железного меча, но сила меча духовного, которая в слове Господа.
- Пифагора никогда не могли уговорить поесть рыбы, потому что рыбы по своей природе безгласны и являются

символом молчания, что он считал Божественным, небесным даром.

- Души избранных ищут уединения, они бегут от многолюдного общества.

- Св. Юстиниан основал и учредил Святую Софию на источнике Христовом.

- Напиши на воде свою неприязнь.

- Есть пять крещений. Первое – это Моисея, когда евреи перешли через Чермное море. Второе – это Иоанна Крестителя. Третье–Господа нашего Иисуса Христа, без которого нельзя быть христианином. Четвертое – мученичество ради Христа – крещение кровью. А пятое – крещение слезами, источник которых – памятование о своих грехах.

- Свою волю свяжи с волей Божией, и все тогда исполнится, как пожелаешь.

- В Веррском скиту святитель Григорий Палама проводил пять дней в неделю в затворе в келии своей, не разрешая другим входить в нее. Только по субботам и воскресеньям он покидал ее, чтобы приобщиться Святых Тайн и входил в духовное общение с братьями.

О Господи, справедливо говорит Твой Апостол: «Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж»» (Иак.3:2). Возложи на меня узду Твою, Господи, и укроти милостью Своей язык мой так, чтобы я мог говорить только: «Елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна»(Фил.4:8).

«На свещнице»

Святый алтарь

В 1904 году, спустя одиннадцать лет, старец Иаков и отец Афанасий покинули Карею и вернулись в монастырь. И как же богат был отец Афанасий по своему возвращению! Древо души его, которое гнул ветер в разные стороны, пустило глубокие корни. На ветвях было много плодов. За великие труды Бог наделил его самыми драгоценными дарами. Ничего не зная заранее, он получил вдруг от Игумена благословение готовиться к посвящению в духовный сан. Столько лет его не было в монастыре, но братия знали о его духовном росте и радовались немало о предстоящем посвящении.

Старец Иаков был больше всех взволнован предстоящим событием; отец Афанасий получил от него самые теплые благословения. И если в прошлом он высмеивал усвоего послушника мечты о священстве, то делал это исключительно из любви о Христе.

В следующем году отец Иаков был возведен в игумена. Он действительно достоин был занять игуменское место.

Иеродиакон Афанасий получил послушание служить на Литургиях и помогать с приемом гостей. Его служение на Божественных литургиях и присутствие в доме для гостей освещало ближних сиянием милости Божией. Нельзя было не замечать его благочестие, его чистоту, его разум и крепость.

В 1908 году, в возрасте тридцати четырех лет, его рукоположили в иеромонаха. С благоговением и страхом принял он священный сан, навсегда посветив себя служению на ниве Божией.

Аскетические труды его в терпении и воздержании приносили богатые плоды. Почтенный Божественным саном священническим, он начал новый период своей жизни, которому должно было продлиться до Алтаря Небесного. Однако, никогда он не переставал быть смиренным монахом. Будучи уже иеромонахом, он оставался таким же кротким, мудрым, полным терпения и мягкости, полным милосердия «у Бога и человек» (Лк.2:52).

Должно подчеркнуть, что он относился к священническому сану с таким благоговейным страхом, что, когда позднее сам стал игуменом и постриг двадцать семь монахов, никогда и никому не позволял приблизиться к святому алтарю, но помнил следующее

«Лучше быть с четками в раю, чем в епитрахили в аду».

Встреча

Семья отца Афанасия не знала о нем ничего многие годы. Наконец, один из его братьев, служивший офицером в чине майора, узнал, что он подвизается в Григориатской обители на Горе Афон. Брат сразу же отправился туда.

Когда он прибыл, то узнал от отцов, что брат далеко – на монастырском подворье.

«Мы потеряли его еще ребенком и не могли найти никаких следов; сейчас же, когда я нашел его местонахождение и приехал сюда, чтобы встретиться с ним, его нет! – Посетовал он отцам. – Нельзя ли мне как-нибудь добраться до этого подворья?»

Подворье, где пребывал отец Афанасий, было на западной стороне маленького центрального полуострова Халкидики, рядом с деревней Баламбани, сейчас – Новая Мармара. Отцы посочувствовали ему и объяснили, как туда добраться. Между тем, они послали вперед сообщение отцу Афанасию и старцу Ананию, управляющему, что приезжает брат отца Афанасия.

Последовавшие затем события показывают мужественную душу отца Афанасия.

«Отец Афанасий, пришел Ваш брат. Бегите, поздоровайтесь с ним,» – сказали ему.

Но это известие, казалось, не произвело на него особого впечатления. Он строго сказал: «Я отвергая прошлого ради любви к

Богу. Сейчас мои братья – это те, кто здесь, в монастыре. Других братьев у меня нет».

Однако благодаря вмешательству старца Анании, его терпеливым уговорам, отец Афанасий вынужден был уступить и уделил немного времени свиданию с братом.

Брат, слышавший уже в монастыре доброе об отце Афанасии, был до слез растроган, когда увидел его перед собой.

– Брат мой! Любимый мой брат! Наконец-то я нашел тебя, через столько лет! Когда ты ушел из дома, я был маленьким

мальчиком. Мы думали, что навсегда потеряли тебя, – говорил он, не в силах справиться со своими чувствами.

– По предопределению Божию я должен был идти своим собственным путем. Это значит, что я должен был подчиниться воле Господней и оставить мир, – спокойным голосом ответил отец Афанасий.

Офицер напомнил ему о прошлом – о родителях, о братьях и сестрах, о других родственниках. Он говорил ему, что все они думали, когда узнали, что он жив и находится на Горе Афон, о своих страданиях. И вот теперь он не мог с ним не встретиться и желает и впредь навещать его.

Однако он онемел, когда услышал, как отец Афанасий своим кротким голосом твердо сказал: «Брат, прошу, пусть это будет первый и последний раз, когда ты меня навещаешь. Для мира я умер».

Услышав эти слова, офицер плакал, как маленький ребенок. Но он был поражен мужеством и твердостью отца Афанасия. Какая сильная душа, какое величие отречения даже от самых любимых своих людей!

«Путь будет так, брат. Я только прошу тебя принять маленький подарок на память обо мне».

«Я приму его. И я буду молиться не переставая, чтобы Бог просветил и спас тебя»

С душевным страданием брат его попрощался с ним и ушел навсегда.

Нашествие саранчи

В деревне Вултиста, расположенной в прибрежной области Пиерия к востоку от Вери, у Григориатской обители было подворье, купленное в 1857 году у некоего турецкого бея. Однажды управляющий, очень обеспокоенный, обратился в монастырь за помощью. Он просил, чтобы ему прислали благочестивого священника и святыни.

Эту низменную часть страны поразило страшное несчастье. Бесчисленные армии саранчи производили невероятное опустошение, они грозили уничтожить буквально все.

Совет братии решил немедленно оказать помощь. Приготовили святые мощи, среди которых были и мощи преподобномученицы Анастасии Римляныни. В монастыре не было более благочестивого иеромонаха, чем отец Афанасий для посылки туда. А он, привыкший к послушанию, простерся ниц пред отцом Игуменом для благословения, помолился, получил благословение от отцов и оправился навстречу стихийному бедствию в деревню.

Когда прибыл отец Афанасий в Вултисту, то почувствовал боль при виде бедствий, причиняемых тучами саранчи. Страдающие жители деревни молили Бога проявить к ним милосердие – другого упования у них не было. Они радостно приветствовали посланника из монастыря, почтительно лобызали святые мощи и руку афонского иеромонаха, который сразу произвел на них большое впечатление.

«Отец, моли Бога, дабы Он совершил чудо,» – слезно просили они.

Медлить было нельзя. Вооруженный силой своей веры, отец Афанасий надел епитрахиль и начал окроплять все святой водой. С ним вместе молились святые, чьи мощи он принес. Такое множество раз за свою жизнь он выказывал послушание свое Богу, неужели сейчас Бог не прислушается к его усердным мольбам? В мертвом молчании, которое охватило множество трепещущих христиан, ясно слышался твердый и величественный голос отца Афанасия:

«Не поражай землю,
Ни виноградник, ни сад,
Ни древо, плодоносящее ли, бесплодное ли,
Ни листочек зеленый- Но уходи, расстанься С нашей
землей».

Жители деревни крестились, отец Афанасий обходил поля со святыми мощами.

Люди изнемогали от страха и неведения. Надежда на помощь со Святого Афона была их последней надеждой: что может сделать этот Иеромонах со своими святынями и молитвами? Но очень скоро отчаяние их претворилось в громогласное ликование.

Отец Афанасий продолжал обходить со святыми мощами поля, как вдруг полчища саранчи, словно гонимые какой-то невидимой силой, начали сниматься и улетать прочь. А вскоре после этого море поблизости изменилось до неузнаваемости, засыпанное миллионами утонувшей саранчи. Местность была спасена от ужасного бедствия. Никогда прежде не знали те места такого ликования, слез радости, такого лобзания рук, что последовали за этим.

Но не в силах мы описать то, что происходило несколькими днями позже в гавани Григориатской обители. Братия встречала отца Афанасия блестящей процессией, с небывалым воодушевлением, с кадилами и хоругвями. Они принимали его, словно римляне римского генерала, возвращавшегося с триумфом в Рим после победы над варварами.

И даже сегодня, много десятилетий спустя, отцы вспоминают все еще о том событии со слезами на глазах от избытка чувств.

Игумен

В 1914 году, спустя шесть лет после рукоположения отца Афанасия в иеромонаха, ему предложили место игумена. Этой чести он не слишком обрадовался, но и отказываться не стал.

Его ответ был такой: «Давайте подождем десять лет, а там посмотрим».

Между тем, за исключением своих обычных обязанностей, он также выполнял труд библиотекаря и пек просфоры для Святого Причастия. Это послушание дается обычно монахам, ведущим себя очень внимательно и предупредительно.

Прошли десять лет, и то, что он предвидел, наступило. Хотел он того или нет, но избрали его игуменом. Не перечая нимальо, он подчинился воле братии, которая была для него, что Божия воля.

Отцы все радовались этому: во главе монастыря стал наиболее достойный.

Принимая руководство монастырем, отец Афанасий ясно понимал величину своей ответственности. Теперь, кроме брани о воспитании собственных духа и плоти, он должен был заботиться и о братии. Братия должна была стремиться к совершенной монашеской жизни. Он предчувствовал, какая трудная брань предстоит ему, чтобы выполнить эту задачу.

Он старался добиться того, чтобы быть примером для подражания для всей братии. И добился, «взяв для себя за образец желание подчинения всем,» как говорил Феодор из Кирхуса. Беспечные находили в нем требовательного помощника, а прилежные – соратника. С исключительной добротой принимал он всех отцов и с неослабевающим вниманием выслушивал их мнения, их затруднения. Ответы его были мудры, он умел находить разрешение любых сложных вопросов. Борения, слабости и искушения братии были и его заботой.

Однажды один из монахов, отец И., отказался выполнить послушание. Отец Афанасий ничего не сказал на это. К этому

печальному происшествию он отнесся спокойно и терпеливо, и победил.

Едва наступил рассвет, отец И. подошел к нему с раскаянием «Старче, прости меня за то, что я сделал». Всю ту ночь монах не мог уснуть, его мучили угрызения совести.

Игумен, как обычно в подобных случаях, ответил:

«Разве этому учил Христос? Разве так Он велел нам поступать?»

Через минуту продолжил: «Всегда будь послушен; если же послушание утомительно и трудно, вспомни тогда Господа нашего в Его страданиях».

В другой раз другой монах, отец Б., имевший очень горячий и порывистый характер, безо всякой причины устроил в монастыре шумную сцену. Тихий и мягкий отец Афанасий, заботясь об интересах всего монастыря, резко бросил ему: «Я повелю связать тебя».

Монах разъярился и повел себя совершенно неприлично и неподобающе по отношению к отцу Игумену. Душа отца Афанасия опечалилась при виде падения этого брата, и он, не сказав больше ни слова, удалился в свою келлию. Когда члены братского совета узнали о сем, То попросили в назидание другим наказать отца Б., удалив его из монастыря, ибо такое поведение в монастыре непростительно. Однако они натолкнулись на любовь и терпение своего Игумена.

Он сказал им: «Если вы примете такое решение, я буду против».

В Других схожих обстоятельствах он говорил обычно-

«Игумен для монахов – отец, и в минуты их слабости он должен стать на их сторону».

Особенно большое значение придавал отец Афанасий богослужениям в церкви, уделяя этому много внимания.

Он часто повторял: «То, что делается для Бога, должно быть сделано благолепно».

Он желал, чтобы все в церкви было достойно Бога, Которому и совершалась служба. Он очень заботился о чистоте и убранстве храма: храм должен сиять. Один старый церковный прислужник рассказал нам следующую историю: «Так как это

было мое послушание, я регулярно прибирал церковь и старался, как мог, содержать все в порядке. Когда незабвенный наш Игумен навещал меня и видел мое усердие, говорил обычно: «Благослови, Господи, тех, кто любит красоту Дома Твоего». Когда он тихо и радостно произносил эти слова, эту молитву, я чувствовал неопишное волнение. Мне трудно было удерживать слезы».

Он хотел также, чтобы величественно выглядели облачения священников, совершающих Литургию.

«Вы, кто удостоился чести быть распорядителями Святых Таин, – многожды повторял он священникам, – должны во время Божественной литургии предстать безупречными, внимательными, благопристойными и облаченными в великолепные облачения».

Во время всенощных бдений и больших праздников он представлял облаченным в игуменскую мантию и с жезлом в руках. Он совершал богослужения очень торжественно и празднично.

Чистота и порядок, традиционные для Григориатской обители, соблюдались еще более строго во времена игуменства там отца Афанасия. И совершению церковных служб, и послушаниям – всему монастырскому порядку придавал он дух серьезности и торжественности.

Рассудительность и уравновешенность, по воспоминаниям, были у него в крови.

Вкушая в трапезной, он никогда не смотрел по сторонам, а только прямо перед собой. И поднимал глаза лишь один раз – убедиться, что отцы закончили трапезу и благословить всем восстать от стола.

Он никогда не выходил на монастырский двор без рясы. С его губ никогда не срывались пустые слова или шутки. Все его движения, действия, встречи были взвешены и серьезны. Прежде чем отдать повеление, он долго и тщательно его обдумывал. И раз уж он отдал его, то никогда не отменял.

Воскресными днями в церкви бывало два чтения, согласно афонскому типикону. Первое чтение совершалось игуменом перед шестопсалмием, второе – чередным священником после

второй кафизмы на утрени. Отец Афанасий читал так прекрасно, так торжественно и с таким чувством, что всех это глубоко трогало. То бывало редкое духовное наслаждение. Все рады бывали видеть и слышать его и вместе с ним насладиться смыслом «Проповедей на воскресные Евангелия».

Отец Афанасий во всю жизнь отличался своим трудолюбием: И будучи послушником в Карее, и сейчас, будучи игуменом – он всюду бывал образцом труженика. Во время общих работ всех зажигал своим рвением. Даже после того, как оставил место игуменское, продолжал много трудиться. Физический труд был обычен для него, он выполнял все повседневные обязанности, но – что удивительно и необычайно! – сам вызывался потрудиться в пекарне, где пеклись просфоры.

Знал он добре и труд умственный. Кроме внимательного чтения книг и систематической выписки из них избранных цитат, занимался изучением русского языка. В то время на Горе Афон было много русских. С некоторыми из них у него были близкие духовные отношения, и ему стало необходимым знать хоть немного их язык. Сохранились некоторые записи, свидетельствующие о попытках отца Афанасия выучить хорошенько русский язык.

За все эти добродетели, о которых мы рассказали и расскажем далее, Григориат мог хвалиться своим Игуменом.

Пастырь добрый

Когда отец Афанасий говорил, поучая или порицая, в словах его звучала сила. Он представлял человеком, исполненным духовной благодати.

В Григориате был один монах с таким бурным и легко воспламеняющимся нравом, что частенько его охватывал гнев, и он закатывал сцены, совсем не подобающие для монастыря. Старец, которого очень печалило это, всегда молча пережидал, пока пройдет приступ, и монах успокоится. И вот однажды он пошел с этим монахом к морю.

«Чадо, – сказал он ему, – знаешь ли ты, что происходит с морем? Когда оно гневается и штормит, то топит лодки, разбивает корабли, причиняет всяческий вред и губит людей. А опомнившись и успокоившись, оно с сожалением смотрит на то, что натворило, и, говорит в печали: «О, Боже! Что же я наделало? Горе мне!'''»

Другому – молодому и необразованному монаху, который с трудом читал полунощницу – отец Афанасий сказал: «Отец Савва, не говори мне, что ты не можешь научиться читать. Проявив терпение, всего можно достичь. Знаешь ли ты, какие твердые камни лежат у устья колодца? Но веревка, которой вытягивают ведро, медленно, мало-помалу, въедается в них. Я думаю, мозги у тебя не такие твердые, как камни у колодца»

Когда он видел, что требуется снисходительность, бывал мягок. Когда же знал, что необходима строгость, строг бывал. Так, наложил он однажды на одного монаха, отца М., следующее наказание: на ближайшей трапезе тот должен был стоя прочитать

триста раз молитву Иисусову. Отец М. считал это наказание очень тяжким.

– Прошу тебя, Старче, не настаивай на этом, – сказал он, – ты вынудишь меня покинуть монастырь.

– Чадо, здесь путь, там же – другой! Ты волен выбрать, что захочешь, – спокойно ответил отец Афанасий.

Видя твердость Старца, отец М. превозмог себя и выполнил наказание.

Мудр и проницателен был отец Афанасий, имел дар ясно видеть состояние души человека. И было это возможно благодаря его внутренней чистоте, ибо гнал он от себя все нечистые страсти. Когда человек ведет чистую жизнь, душа его становится «очищенной и светлой, и намного чище, чем самый прекрасный воздух», как сказал об этом святитель Иоанн Златоустый.

Однажды ночью в уши отца И., главного еkkлeзиарха, искуcитель нашептывал соблазнительные слова: «Ты опять собираешься проснуться в полночь и бить в симантрон? Ты снова собираешься оборвать свой сладкий сон? Нужно ли каждую ночь подвергаться испытанию? Ты устал! Пусть второй еkkлeзиарх бьет в симантрон. Скажи, что ты болен, дай телу своему немного отдохнуть. Позволь себе выспаться хоть разок».

Через некоторое время раздался голос другого еkkлeзиарха: «Отец И., что происходит? Почему ты опаздываешь? Время прошло». – «Брат, я не могу этого сделать, чувствую себя плохо. Бей в симантрон сам, болен я».

С третьим обнесением симантрона вокруг храма братия пошли на свои места, и служба началась, как обычно. А отец И., побежденный бесом нерадивости, как парализованный, погрузился в глубокий сон. «Лишь одну ночь, – говорил он в себе, – отдохну».

Второй еkkлeзиарх сообщил отцу Игумену об этом чрезвычайном происшествии. Тот понял, что дело не в болезни, но в другом. Он и не помыслил оставить это. Было необходимо вмешаться и пресечь зло в самом начале, убить страсть в зародыше. Так святые Отцы объясняют слова: «Дщи Вавилона окаянная...Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень» (Пс.136:8–9).

Если дать им возрасти, трудно будет уничтожить сих детей Вавилона.

Отец Афанасий уже знал, как быть в данном случае. «Больной» же никак не ожидал того, что произойдет.

Многие отцы видели с изумлением, как несколько иереев в облачениях вышли из церкви. Куда они могли шествовать? Куда же, как не в келью отца И! И сказали они ему: «Мы пришли окропить твою келью святой водой и совершить помазание, дабы ты выздоровел».

Смущенный неожиданным визитом, отец И. вынужден был оставаться в постели и, нравилось ему это или нет, наблюдать, как отцы кропят святой водой. Он был сильно смущен, он желал остаться один. Но иереи продолжали молиться, его же мучила совесть. Отец И. прочувствовал свое бедственное положение, испугался, что из-за него унижаются святыни. От этой мысли изошла боль.

Священники по окроплении кельи приступили было к помазанию «больного», но тот вскочил, не в силах более терпеть: «Нет! Нет, отцы! Не совершайте помазания! Достаточно. Все прошло, я чувствую себя хорошо. Я иду немедленно на службу. Со мной все в порядке».

Этого было достаточно) И никогда более не поддавался он искушению притвориться больным. Но и в тоже время, не мог он не поразиться тому, сколь высокий пастырь Старец, Диагноз и лечение были превосходны, несмотря на то, что Старец не имел никакого образования.

Бывали и еще подобные случаи. И во всех побеждала мудрость отца Афанасия.

Монах, думавший, что серьезно болен и не пришедший к утрени, понял, что здоровье у него превосходное. Так, отец Геласий, предполагая, что священник со святыми мощами придет благословить его, и потом его заберут в больницу на обследование, сумел забыть про чудовищную головную боль и не замедлил явиться на свое место в церкви.

У Старцев Святой Горы было чудесное умение управлять души. Где они черпали свою мудрость? Автор «Лестницы» отвечает:

«Истинный учитель тот, кто непосредственно принял от Бога книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, то есть действием осияния, и не требует прочих книг».

О, мудрость святых Старцев! Ты можешь как дым рассеивать вражеские козни. Все твои дела увенчиваются успехом. Дай нам, Боже, в духовном рвении нашем обрести такую же мудрость. Тогда в душах наших расцветет вера, что Бог помнит людей Своих.

Брошенная метла

В жизнеописании преподобного Саввы Освященного приводится интересный случай, который показывает, как он наставлял своих монахов быть рачительными и бережливыми.

В Лавре в гостинице для странников проходил послушание монах по имени Иаков. Небрежно относясь к своей службе, он однажды сварил слишком много бобов, больше, чем нужно было; бобов осталось от обеда столько, что и на другой день с избытком бы хватило на обед, но он выбросил остаток за окно, в поток. Увидев сие, преподобный Савва сошел незаметно в поток, собрал выброшенные бобы, принес в свою келию и посушил немного на солнце. Несколько спустя, Преподобный сварил сии бобы и, приготовив из них кушанье, позвал к себе Иакова обедать. За обедом Старец сказал Иакову: «Прости меня, брат, что я не угостил тебя так, как хотел, и, может быть, не угодил тебе кушаньем; не умею хорошо готовить». Иаков же сказал: «Право, Отче, ты прекрасно приготовил сии бобы, я давно не едал такого кушанья». Старец отвечал:

«Поверь мне, чадо, что это те самые бобы, которые ты высыпал в поток; знай же, что кто не может горошка бобов приготовить в меру, чтобы ничего не пропало даром, тот не может заведовать монастырем и управлять братиею. Таки Апостол говорит, «аще же кто своего дому не умеет править, како о церкви Божией прилежати возможет?» (1Тим.3:5)» Услышав сие, Иаков устыдился своей нерадивой службы, раскаялся и просил прощения. Он понял, что все, принадлежащее монастырю, будь это пища или что-либо другое, – ничего не должно пропадать даром, но использовать нужно все экономно и бережно.

Но вернемся в Григориатскую обитель, чтобы наблюдать там подобное. Однажды, когда отец Афанасий из окна своего кабинета смотрел на море, увидел, как какой-то предмет пролетел в воздухе и упал на камни у берега. Старательно взглядевшись, он понял, что это была старая метла.

Через несколько минут между Старцем и одним из монахов состоялся следующий разговор

– Это ты выбросил метлу?

– Да, Старче.

– А зачем ты ее выбросил?

– Она сломалась, и ее нельзя больше использовать.

– Да, но с длинной ручкой ведь все в порядке. Почему ты ее выбросил?

– Прости мне, Отче. Я не подумал об этом.

– А следовало бы подумать. Один из братии пошел в лес и срезал с дерева ветвь, снял с нее кору, вырезал и придумал форму. Это большая работа! А ты, будто это все ничего не значит, просто ее выбросил. Мы могли бы ее удобно использовать для другой метлы. Спустись сейчас же вниз со скалы и принеси ее обратно.

Несчастный монах! Ему предстояло проделать долгий путь, чтобы спуститься со скалы. И при этом необходимо было ступать очень осторожно, дабы не сорваться вниз. А кроме того, он терпел душившую его обиду, как позднее признался сам. Он думал: «Старец дал мне бессмысленное послушание! У меня столько же шансов упасть в море, сколько найти эту бесполезную метлу!»

Но он преодолел и внешние, и внутренние трудности и вернулся в монастырь живым и здоровым, держа в руках ставшую впоследствии знаменитой метлу.

Нечего и говорить о том, что с того дня монах был очень внимателен в своих поступках, особенно, когда дело касалось выбрасывания кажущихся ненужными вещей. Тот пугающий спуск с утеса к волнам, с громовым шумом разбивающимся о скалы, был самым полезным уроком бережливости и аккуратности.

Да и для других отцов случай тот был весьма нравоучителен. Выброшенная метла и приключившееся с монахом,

выбросившим ее, научили всех быть рассудительными в обращении с имуществом монастырским. И усвоили братия слова Евангельские

«Да не погнбнетъ ничтоже» ([Ин.6:12](#)), даже если кажется это маленьким и незначительным.

Покров святых

Бремя пастырства игумена Афанасия разделяли с ним святые Божии – небесные покровители Григориата. И первым помощником и покровителем из жителей горного мира был святитель Николай.

Примерно через восемь лет после того, как отец Афанасий стал игуменом, один чудесный случай доставил отцам великую духовную радость и укрепил их любовь ко святителю Николаю Чудотворцу, архиепископу Мир Ликийских. И не сдержать было горячий благодарности при виде столь явной помощи Святого!

Два брата, отец Михаил и отец Хрисанф, работали на монастырской пекарне. Однажды, также как и в другие дни, они пекли хлеб. Пшеницу предварительно пропускали через машину, очищавшую ее от грязи и мусора. Настроение у отцов было не лучшее, так как пшеница кончалась, и негде было взять еще.

Вдруг к ним подошел маленький старичок. Лысоватый, бедно одетый, в руке держал Евангелие.

– Как поживаете, отцы? Как дела?

– Слава Богу!

– Пшенички хватает?

– То, что ты видишь, дедушка, – это все наши остатки. Едва хватит и на один раз, а мы должны печь хлеб два раза в неделю.

– Не беспокойтесь, отцы! Бог велик. Благословил старичок пшеницу и куда-то исчез. Спыхватились монахи: плохо сделали, что отпустили так, покормить бы надо было. Побежали они, чтобы вернуть Старца, да нигде найти его не могли. Странно было это! Подумалось тогда, что старец ушел быстро, будто молодой; мало того, будто крылья у него на ногах были. Спрашивали они других монахов, но никто его не видел, ничего не знали братия.

– Уж не сам ли святитель Николай то был? – вопрошали с сомнением братья, и время подтвердило их догадки: они увидели

чудо. Пшеницы, которую благословил старичок, хватило на целых шесть месяцев. То было явное чудо!

Вера братии в неусыпную заботу святителя Николая о монастыре укрепилась немало, укрепилась и твердость отцов, и преданность их своему святому покровителю.

В те времена старшие монахи часто рассказывали о чудесах, происходивших в прошлом. Молодежь не уставала слушать их. Нелишним будет и для нас также послушать некоторые из их историй.

Отец Симеон, старец отца Афанасия, твердо верил в покров святителя Николая. Он верил, что этот Святой скорее других приходит на помощь монастырю в нуждах.

Однажды, когда приближалось шестое декабря, все отцы собрались вместе. С Божией помощью приготовления к празднику шли хорошо. Беспокоились только повара, потому что у них не хватало рыбы, чтобы накормить всю братию. Накануне праздника, днем, они пошли к Игумену. «Старче, – сказали они, – думаешь ли ты, что нам следует готовить соленую треску? Благослови положить ее замачивать в воду». – «Нет, нет! Не беспокойтесь об этом. У нас будет свежая рыба. Святитель Николай позаботится».

Между тем началось Всенощное бдение. Повечерие, вечерня великая, лития, заутреня с шестопсалмием, кафизмами и т.д., одно за другим. Обеспокоенные повара опять подошли к Игумену.

«Старче, уже поздно и треску замачивать благослови начинать готовить бобы». – «Нет, нет! Будет рыба».

Не могли ничего понять повара: да откуда же она возьмется? И когда? Прошла половина утрени. И почему отец Игумен так спокоен?

Хор уже начал петь Славословие великое, и повара все больше расстраивались, но вдруг со двора послышались радостные голоса. Работник пристани, задыхающийся и взволнованный, кричал: «Отцы, спускайтесь сюда! Берите корзинки и идите! Святой сотворил великое чудо!»

Оказывается, огромной волной выбросило на берег множество больших жирных окуней. Это был дар Божий, явное

чудо, сотворенное Святым. Все были изумлены, но более – повара. Они не знали, чему больше дивиться – чуду ли, или непоколебимой вере отца Игумена. Никогда прежде, ни на каком празднике не было у них такой свежей и вкусной рыбы. Щедр был дар Святого, благословившего их и духовно, и материально.

Еще одно чудо произошло в праздник святителя Николая во времена игуменства отца Симеона. В тот раз отец эконоом сообщил Игумену, что не сможет дать масла отшельникам (в то время была такая традиция, давать на праздник немного растительного масла отшельникам).

– Почему? – спросил Игумен

– Мало его осталось: лишь половина кувшина.

– Ничего. Дай им все, что осталось.

Отец эконоом послушался. Раздал масло отшельникам, и те возрадовались, но сам он большой радости не испытывал: масла в кувшине оставалось чуть на дне. «Скоро закончится,» – думал он. Но ошибался, ибо руководствовался бытовой логикой и собственным маловерием. То, что произошло далее и чему он был первым свидетелем, оживило веру его в Промысел и силу Божию. Не обошлось и здесь без их доброго и сострадательного покровителя – святителя Николая. Масла в кувшине не убывало ни на каплю, оставалось столько же, сколько было.

Отшельники, таким образом, получили утешение, монастырь же не пострадал от убытков, а монах, которому не доставало веры, укрепился.

Если бы у кого хватило терпения и прилежания тщательно просмотреть все книги и записи монастырские, то нашел бы он бесчисленные свидетельства о чудесах святителя Николая. Много раз защищал Святитель монастырь от неминуемого разрушения при пожарах, спасал монахов, сорвавшихся с крутых скал.

Много раз также спасал он лодки и корабли от казавшихся неизбежными кораблекрушений.

Так, в монастырском соборе с большого медного кольца паникадила свисает серебряная модель шхуны. Она сделана в память избавления действительно существовавшей шхуны,

пришедшей однажды в монастырь, дабы забрать лес. Море было таким бурным, что шхуне угрожала опасность пойти ко дну. Однако, лишь только моряки начали взывать ко святителю Николаю, буря утихла, и они, чуть не отчаявшиеся, спаслись от верной смерти.

Другой покровительницей монастыря является преподобно-мученица Анастасия Римляныня, дева. Она при жизни своей земной была подвергнута страшным пыткам при царе Декии в третьем веке Православия. С западной стороны внешнего двора обители есть церковь, освященная в ее память. В монастыре хранятся многие частички ее святых мощей, включая благоухающие частички плоти. Есть и особый сосуд, хранящий кровь, пролитую ею во время мученичества.

Преподобномученица Анастасия сугубо заботится о здравии отцов и потому ее именуют они целительницей. Трудно и перечислить все случаи, когда она исцеляла чудодейственной силой своей от болезней монахов. Бывали даже такие времена, когда без дела оставались подвижащиеся в монастырской больнице, потому что каждому заболевшему достаточно было пасть ниц пред мощами святой Анастасии, и исцелялся незамедлительно.

Некоторое время назад автор этой книги навещал Григориат-скую обитель. Мы пошли в сады, где немного пониже больших водохранилищ стоит домик садовника.

Там мы встретились с пожилым монахом, отцом Исихием, и его молодым послушником из неофитов. Отец Исихий, очень жизнерадостный, простой и общительный человек, пожелал рассказать нам об отце Афанасии, о монастыре и его святых покровителях. Среди прочего он рассказал следующее «Еще с детства страдал я от частых кровотечений из носа. Это длилось долгие годы. В 1935 году – было мне тогда тридцать восемь лет – проходил я послушание поваром. Раз очень сильно пошла носом

кровь. Я слышал, что братия рассказывали о многочисленных исцелениях святой Анастасией, и побежал к чередному священнику с просьбой открыть ее святые мощи. Он надел епитрахиль, взял правую кисть Снятой и на моем носу

начертал ею знамение креста. Более ничего не требовалось. Сорок лет прошло с тех пор, и ни раза единого не текла более кровь у меня из носа. Лечение, полученное от Святой было совершенным даром».

Покровители святые! Чем более думаешь о них, тем дивишься более. Великий Бог разным обителям и приходам дал своих сугубых покровителей. Сколь же счастливы те, кою защищают их сильные молитвы! Надобно и нам бодрствовать и молиться, дабы быть достойными покровительства их.

Видение монаха

Следующий случай еще ярче подтверждает наше свидетельство о покрове святых Григориатской обители, а также является примером великих благодеяний Божиих простым и смиренным душам.

Отца Афанасия очень радовало поведение его ученика, отца Г., не только потому, что тот с готовностью выполнял свои монашеские послушания, но и потому, что у него была простая и честная душа. Каждый раз во время исповеди ученик просто и безо всяких уверток раскрывал все. Душа его была подобна прямой дороге, на которой не было никаких поворотов, изгибов и развилки. Отец Афанасий видел в своем ученике, если использовать выражение из писаний Отцов, «подлинную природу неизменной простоты».

Небо охотно склоняется к таким душам, и завеса между этим и лучшим миром легко отдергивается.

Шла утренняя. Возносилась девятая песнь канона, которая обращена ко Всеблаженной, Богородице Чистой Приснодеве, когда монах, глядя на Царские врата, увидел вдруг нежданное. Две девы, статные и исполненные достоинства, выходили вратами, одна за Другой. Это было что-то совершенно невозможное. «Как вошли туда женщины?» – спрашивал он себя. Они же тем временем

прошли через церковь, причем вторая раздавала монахам деньги по воле Первой.

После Литургии и трапезы побежал отец Г. повидаться со Старцем.

– Старче, – сказал он, – кто были те жены сегодня в церкви?

Отец Афанасий сразу же понял, что на ученика снисходила небесная благодать.

– Как ты их увидел? Сколько их было? Как они выглядели?

– Их было двое, – отвечал отец Г., – Первая немного повыше второй. На Ней была прекрасная одежда красного цвета, прикрывавшая также и голову, и Жена Та выглядела

Царицей. Вторая помоложе, очень скромна, одета в темно-серое одеяние. Она раздавала монетки отцам, как ей велела Госпожа.

– Чадо мое, Бог послал тебе прекрасное видение! Первая Жена, Которую ты видел, была Пресвятая Богородица, Царица и Управительница Святой Горы, а вторая – преподобномученица Анастасия, покровительница нашего монастыря, святые мощи которой пребывают у нас!

– Мне так и казалось, Старче. Душа моя это чувствовала! Но не могу понять, почему они раздавали монеты. Какое отношение святые имеют к деньгам?

– Они хотели показать, что довольны трудами отцов, встающих ночью, чтобы петь Богу и святым Его, и что они заслуживают награду. Вспомни, что мы первое читали в Синаксари за октябрь.

– Не могу вспомнить. Что мы читали?

– Мы читали житие преподобного Иоанна Кукузела, который был величайшим музыкантом и лучшим певцом своего времени. Он был главным музыкантом при Дворе своего Императора! Но из великой любви ко Господу оставил Константинополь с его дворцами и поселился на Горе Афон в Лавре. Раз в монастырском соборе, пропевши в субботу акафист, после бдения, он сел в форму – так называются братские седалища – напротив иконы Богоматери, перед которою читался акафист, и тонкий сон упокоил утомившиеся его чувства. «Радуйся, Иоанн!» – вдруг пронесся кроткий голос Иоанн смотрит... В сиянии небесного света стояла пред ним Богоматерь.

«Пой и не переставай петь, – продолжала Она, – Я за это не оставляю тебя».

При этих словах Богоматерь положила в руку Иоанна червонец (златницу) и стала невидима. Потрясенный чувством невыразимой радости, Иоанн проснулся и видит, что действительно в правой его руке лежит златница. Слезы искренней признательности потекли из очей певца: он заплакал и благословил неизреченную милость и благоволение к нему Царицы Небесной. Червонец был привешен к Богоматерней иконе, пред которою Иоанн пел и удостоился явления

небесного, и поразительные чудеса совершались от иконы и от самой златницы.

Отец Г. с восторгом слушал слова Старца. Он узнал скрытый смысл раздачи монет. Его вера в то, что святые живы и с любовью наблюдают за трудами монахов, укрепилась. С того дня он с еще большим благоговением стал прикладываться к иконам Матери Божией и преподобномученицы Анастасии, а также к святым мощам последней.

Некоторое время спустя отца Г. поразила болезнь, известная под именем антониева огня. Лицо и глаза покраснели и воспалились, мучили лихорадка и головная боль. Но не искал он иного лекарства, кроме мощей святой Анастасии, и был исцелен вскоре.

Не следует нам изумляться всему этому. В жизни монашеской, особенно на Святой Горе, всегда может появиться что-то неотмирное. Монахи привыкли к «необычному». Много всего случается. Как говорит святой апостол Павел: «Просвещенна очеса сердца . вашего, яко уведети вам, кое есть упование звания Его, и кое богатство славы достояния Его во святых....» (Еф.1:18).

Уход на покой

Будучи игуменом, отец Афанасий познал множество различных искушений. В первые годы остро стоял вопрос о календаре. Отец Игумен не хотел, чтобы в его монастырь проник дух модернизма.

Он говорил: «Мы должны оставаться незыблемыми столпами старинных традиций наших отцов, быть мужественными воинами Христа, а не говорить «Нам так велят епископы и патриархи!»

Что сказал нам Христос устами апостола Павла? «Аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет» (Тал.1:8).

В 1927 году отец Афанасий даже отказался принять из-за этого одного государственного чиновника, посетившего монастырь с официальным визитом. И в наказание был отстранен от игуменства решением Кинота, ему угрожала ссылка. Но вскоре, однако, – уже через несколько дней – он был восстановлен.

После же тринадцати лет игуменства отец Афанасий сильно возжелал освободиться от тяжелых обязанностей.

Во весь период игуменства он ревностно соблюдал древние установления и монастырские традиции, заложенные прежними игуменами. Он знал, что чем строже подражать отцам в житиях их, тем больше вероятности и нам сподобиться закончить жизнь земную достойно. Но одно отклонение от традиций и установлений, особенно без серьезной причины, может привести ко второму; за вторым легко следует третье, а это уже прямая дорога в ад.

В 1937 году, когда пошел тринадцатый год его игуменства, отец Афанасий оказался в очень неприятном положении, когда пришлось столкнуться со вмешательством в традиционное монастырское благочиние. Дело виделось очень серьезным, и он в знак протеста подал в отставку.

Монах, бывший причиной нарушения канона, признал свою вину. Прибежал, упал в ноги Игумену и просил прощения:

– Прости меня, Старче!
– Бог тебя простит, отец!
– Старче, не настаивай на своей отставке. Отзови ее, ты должен снова быть игуменом.

– Чадо, но желает ли Бог, чтобы я был игуменом?

С уходом его на покой монастырь оказался в трудном положении. И лично, и через разных влиятельных людей Святой Горы отцы пытались уговорить его изменить свое решение. Но отец Афанасий, хотя и избрали его игуменом вновь, не уступил.

«Я очень люблю тишину, – говорил он. – Я просил Бога даровать ее мне, и Он дал мне такую возможность. Отныне и впредь я хочу жить как простой монах. В обители есть много достойных и способных отцов, могущих принять игуменство и управлять лучше меня».

Видя его решимость, братия отступили. Отца Афанасия не привлекали высокие должности, он смотрел на них только как на выполнение долга и подчинение воле Божией. И оставили его в покое отцы для того, чтобы, как он говорил, подготовиться ко встрече с Небом.

Свет духовный

Его духовное величие

Почтенной внешностью своей отец Афанасий напоминал древних отцов Фиваиды. Видевшие его, видели, что сей «несть от мира сего» (Ин. 18, %). Все добродетели древних подвижников, казалось, отразились в его лице, имевшем очень характерное выражение.

Выражение лица его поражало. На нем отобразились неизменно мир и покой. Оно оставалось таковым, даже когда отца Афанасия оскорбляли. Когда случалось, что кто-либо уязвлял, бранил его, он никогда ничего не говорил ни чтобы пожаловаться, ни чтобы защититься.

На советах старшей братии бывали случаи, когда некоторые из отцов огорчали его своим поведением. Однако он оставался спокойным, не выказывал ни малейшего раздражения. Но шел, освободившись, в храм и погружался в чтение псалмов, облегчая этим усталость душевную. Превыше всего ставил он терпение и миролюбие. Пытаясь передать ученикам своим дар молчания, часто говорил: «Молчанием спасаются от больших бед».

Он обладал способностью избавлять души от беса скорби – этого ужасного беса, ввергающего людей во тьму отчаяния. «Как моль ест одежду, а червь мебель деревянную, – говорят святые Отцы, – так печаль разъедает душу человека».

Однажды один Иеромонах из Нового Скита очень сильно терзался от этого искушения и дошел до такого состояния, что убоился совершать Литургию. В последний раз, когда он еще служил,

то едва смог окончить службу Идя в Григориатскую обитель к своему духовнику, ожидал он самого сурового наказания. Однако отец Афанасий понял, что отца Иеромонаха душит мертвая хватка отчаяния, и разрубил сразу же эту удавку.

«Слава Богу! – Сказал он. – Этого я и хотел, чтобы монахи, приходящие на исповедь, были такими смиренными. Смиренными и осознающими свое ничтожество. Радуюсь за

тебя, и епитимья, которую назначаю тебе, – это с завтрашнего же дня начать совершать Литургии»

Бесчисленное множество душ обрело мир и душевный покой под его епитрахилью. Он всю жизнь свою принимал исповеди в той же епитрахили, которую получил при рукоположении в сан.

Согласно православному преданию, иметь божественную благодать могут даже вещи, созданные человеком. Так получилось, что и эта епитрахиль Батюшки тоже стала носителем благодати. В наши дни она хранится в келии одного монаха в Григориате, который особенно почитает отца Афанасия и даже носит его имя. Временами она источает благоухание. Несколько раз ее возлагали на головы некоторых из братии, страдающих от скорби и беспокойства, и те немедленно обретали мир в душе.

Отец Афанасий и даже все вокруг него было средоточием мира и радости.

Отец Афанасий был очень внимателен в своих высказываниях. Уста его никогда не открывались для осуждения ближнего. Когда кто-нибудь из его учеников либо на исповеди, либо в разговоре случайно упоминал об ошибках других, он резко того обрывал.

Он говорил: «Других оставь в покое, а думай лучше о себе. Будь далек от осуждения; осуждение – это огонь пожигающий».

У него было огромное самообладание. В критические моменты он всегда оставался хозяином положения. По окончании своего игуменского служения, когда понимал, что сменившему его необходима была помощь, брал обычно своих помощников, шел с ними к новому Игумену, и всегда ему удавалось вдохновить того своим мужеством.

В отношении с ближними он выказывал большую доброту и мягкость. Отец Афанасий ко всем относился с уважением. Даже к самым молодым монахам монастыря не обращался только по имени, но всегда – «отец».

«Однажды ему нужен был подсвечник, – рассказывал немолодой уже отец экклезиарх, – и он не стал сам его брать, но смиренно попросил у меня. «Но, Старче, – сказал я, – зачем

Вы меня просите? Вы – игумен, Вы все можете брать сами». – «Нет, чадо, – ответил он, – не думай так. В том, за что ты отвечаешь, ты сам игумен»".

Не выносил он, когда другим приходилось ждать его. Когда еще был игуменом, то у одного монаха, согласно монастырскому уставу, было послушание прислуживать ему и прибирать его покои Отец Афанасий старался не переутомлять этого монаха и частенько сам заботился о своих помещениях и о разных своих нуждах.

Простота и скромность были его драгоценными качествами. С годами он становился все проще. Душа смягчалась и стала почти детской. Эти детская невинность и простота, которые столь ценит Господь, являются отличительными качествами святых.

Его скромность проявлялась во всем. Став игуменом, он должен был переехать в предназначенные игумену помещения, но не захотел расстаться со своей простой кельей и, не смотря на уговоры отцов, предпочел остаться в ней.

Когда случалось ему говорить с кем-либо, он обычно склонял слегка голову и смотрел вниз, голос же его звучал кротко.

Не найти слов, чтобы описать его воздержание. «Злому хозяину», как святые Отцы именуют желудок, приходилось с ним туго. Он съедал только малую часть от трапезы – примерно четверть обычной порции. Никогда не пил вино. В воздержании не было ему равных. Жил он согласно словам святителя Василия:

«Тот, кто небрежет о плоти, презрев ее, заботится о своей душе, которая истинно бессмертна». Следует заметить, что он очень любил слова сии и часто их повторял.

Таким же стойким был отец Афанасий и в добродетели нестяжательности. Нищета и лишения – необходимое условие жизни каждого монаха. Чтобы показать эту добродетель старца Афанасия, мы приведем два эпизода.

Однажды, когда он был уже очень немолодым, келию его посетил монах – отец Виссарион, сменивший его в послушании игуменском. Старец тогда варил кофе. Отец Виссарион спросил:

«Старче, почему ты не кладешь в кофе сахар?» – «У меня нет сахара. Случайно вот оказалось немного меда, я его и использую» – ответил Старец.

Игумен был поражен таким самоограничением, поскольку монастырь мог обеспечивать отцов и кофе, и сахаром. Он был тронут этим и позаботился о том, чтобы отцу Афанасию принесли сахара. Старец принял его, поблагодарил и сказал при этом: «До сего дня я себе ни в чем не отказывал, и что же я скажу Господу о нищете, обязательной для монаха?»

Второй случай связан с содержанием его бумажника. Когда после смерти отца Афанасия открыли его бумажник, в нем нашли странные бумажные листки. С одной стороны на них было обозначено: «100 драхм», «500 драхм», «1000 драхм», а с другой написаны изречения преподобных Иоанна Лествичника, Ефрема, Исаака и других великих Отцов. Это были духовные банкноты! Это были его деньги! Действительно, сколько благодати душевной кроется в этом эпизоде!

Благодать Божия

Однажды старцу Варлааму, насельнику Григориата, предстояло трудное. В те времена правительство экспроприировало собственность монастырей. И монастырь вынужден был продать одно из своих подворий. Так вот. Отец Варлаам как представитель обители должен был отправиться на подворье и присутствовать там при оценке собственности государственным чиновником. Он опасался, что цена, которую предложил монастырь, не будет принята и поэтому искал помощи у отца Афанасия. Мудрый старец Варлаам оставил след в современной истории Святой Горы успешным ведением трудных дел и своего монастыря, и Святейшего Кинота. В тот раз он полагал, что только присутствие отца Афанасия при оценке собственности окажется полезным. Он долго уговаривал Старца сопровождать его и, наконец, уговорил.

На переговорах в кабинете подворья чиновник, как и предождалось, назвал очень низкую цену и никак не желал уступить. Не было уже надежды у отца Варлаама на повышение цены. Он вышел из кабинета расстроенный и, подойдя к отцу Афанасию, рассказал все. Но рассказ тот не нарушил мира в душе отца Афанасия, спокойно сказавшего: «Я пойду, поговорю сам. Быть может, с Божией помощью, мы и договоримся».

Постучав в дверь кабинета, отец Афанасий вошел, представился, поприветствовал чиновника. Лицо его излучало обыкновенные для него мир и доброту. «Я сам пришел поговорить с Вами о цене подворья. Пожалуйста, помогите нам, наш монастырь беден». Это было все, что он сказал. Сам вид его произвел на представителя правительства потрясающее впечатление. Тот человек видел в жизни своей много монахов и священников, но никогда не встречал такого, как этот Старец со Святой Горы. Перед ним стоял монах, подобный библейским патриархам. Сам не понимая почему, чиновник встал и стоял неподвижно и просто смотрел на вошедшего монаха... и что-то изменилось в душе его, он стал словно другим. «Из уважения к

Вам, Старче, я повышаю цену,» – произнес наконец с большим почтением.

Тот самый чиновник, который только что холодно говорил с отцом Варлаамом, который ни в малом не хотел уступать, объявил теперь новую цену, и она превышала даже ту, что запрашивал монастырь.

Отец Варлаам с большим беспокойством ожидал отца Афанасия. И как только тот вышел, сразу подбежал к нему. А услышав об окончательной цене, не знал, верить ли. Он не мог выразить в словах своего торжества отцу Афанасию, а про себя думал: «Не зря я его уговаривал поехать со мной».

В самом деле, светлая душа отца Афанасия виднелась в его внешности. Отец Даниил, насельник скита Котлomuшской обители, рассказывал: «Когда я был молодым монахом, то вместе со своим Старцем посещал Григориат. Однажды пошел дождь, и мы пробыли там два дня. Меня поразила внешность отца Игумена. На него глядя, радовалась моя душа: он был такой умиротворенный, тихий, приветливый и мягкий в обращении. Я был счастлив просто смотреть на него. Внешность его говорила сама, что он святой человек».

Иеромонах Пантелеймон из Симонопетра особенно подчеркивал: «Блаженной памяти отец Афанасий был светлой личностью. Он был таким милостивым, просто хотелось вручить ему свою душу. И вместе с тем, он был исполнен такого достоинства и внушал такое уважение, что в его присутствии ощущался благоговейный страх».

Божественные литургии

Богатство веры и благочестия отца Афанасия ярко сияли, когда он совершал церковные службы. Для него не было большей радости на земле, чем совершать Божественную литургию. Сердце его сильно билось, воспаряло, становилось словно пылающий Серафим каждый раз, когда он удостоивался чести служить у святого Престола.

Он любил послужить Христу. Когда был игуменом, взял для себя за правило дважды в неделю – по четвергам и субботам – совершать Литургию, а, кроме того, по воскресным и праздничным дням – в сослужении со многими священниками. Всю жизнь он ревностно стремился ко святому алтарю.

Нам не дано знать, что переживал он, когда совершал бескровные жертвоприношения. Виднелись у него тогда вместе два чувства – священный страх и небесная радость. Его каждый раз глубоко потрясало и пугало присутствие Приносимого в жертву Агнца, и перед этим страшным таинством Небесной любви и кротости он проливал «слезы сердца» своего.

Когда он ушел на покой, то во время совершения служб стоял обыкновенно слева от Престола. По Великом входе склонял голову, и взгляд его неизменно бывал обращен вниз, а глаза становились источниками горячих слез. Священное волнение его души передавалось другим священникам и захватывало их до такой степени, что трудно было и продолжать служение. Отец Афанасий,

как замечали стоявшие рядом, едва успевал вытереть лицо, как оно снова орошалось потоками слез.

Кто знает, до каких высот возносилась его душа вблизи Агнца Божия? Старец Виссарион, бывший игуменом после него, множество раз спрашивал настойчиво: «Старче, что потрясает так душу твою? Откровения ли Божии?» Но отец Афанасий всегда избегал ответа. И хотя однажды пообещал ему позже все рассказать, однако, так ничего и не открыв, покинул этот мир. Наша жизнь – живот наш, – как сказал святой апостол Павел: «сокровен есть со Христом в Бозе» (Кол.3:3).

Благодать Святого Духа

Если Святая Евхаристия – это соединение со Христом, то таинство миропомазания – это соединение со Святым Духом. Каждый православный христианин, получивший помазание, принимает на себя святую печать дара Утешителя, Духа истины. С этого момента Дух Святой семенем небесным посеивается в нем. Если зерно то попадает в добрую почву, то оно прорастает и вырастает в «древо велие» (Лк.13:19) с небесными листьями, цветами и плодами. Тогда в верной душе происходит непередаваемое, что разум человеческий не может вместить в себя, что «и на сердце человеку не взыдоша» (1Кор.2:9)

В православном «Добротолюбия (исключительно в православной вере, ибо еретики никогда на протяжении всей истории человечества не достигали таких духовных высот) есть выразительные места об этих божественных делах. В них подробно описаны все стадии роста духовного семени. Необычные духовные выражения используются для этих описаний – «труд сердечный», «роса Духа», «умный смысл», «горение сердца», «восхищение ума» и т.д.

Монах, искренне и истинно следующий своему пути, встретится несомненно с благодатью Духа. В тяжких трудах продвигаясь по узкому пути аскетической жизни, он познает тот благословенный час, когда ощутит в себе присутствие Святого Духа. С этого момента сердце его станет «местом злчным», как об этом говорится в псалмах (.22:2). С этого часа святые слова Господа воплотятся в своем полном значении: «Веруй в Мя, реки от чрева его истекать воды живы» (Ин.7:38). И воды эти будут порой огнем, согревающим и душу, и тело; и огонь тот воспламенит сердце «гореть», как горели сердца двух учеников Христовых по дороге в Еммаус (Лк. 24). Тогда в изумлении воскликнет человек, подобно преподобному Симеону Новому Богослову:

«Как же ты существуешь, как пламя пылающее или как воды струящиеся?»

Если же монах оказывается достойным сосудом Божией благодати, то ему и более дается Утешителем. То, что было «самым темным», становится «ясным, как свет» (по слову святителя Григория Богослова), И невыразимый словами сердечный труд преобразуется в несказанный свет, в такой свет, что источает и сладостное благоухание – «благоухающий свет». Благоухание высокодуховного человека доступно чувствам душ добродетельных.

Не подумай, возлюбленный читатель, что автор книги отвлекся от своей темы. Нет. Старец, житие которого мы описываем, поднялся на духовные высоты, «восходя от силы к силе».

Несколько лет назад довелось нам встретить одного старого афонского монаха, исполнявшего послушания внутри монастыря. И между нами состоялся такой разговор:

– Старче, не скажете ли Вы что о приснопамятном отце Афанасии?

– Он был постник и аскет. Даже в пустыни нельзя сыскать подобного. Дух Святой обитал в нем. Когда, бывало, подойдешь к нему, станет он говорить, то запах чудесный чувствуешь. Из рта его исходило благоухание

– Какое благоухание?

– А вот как от святых мощей.

– И все это чувствовали?

– Нет. Только те, которые сами жили жизнью чистой и праведной. Духовный человек знает духовного. Пророк узнает другого пророка, прочие же ничего не замечают.

Этот рассказ произвел на нас тогда огромное впечатление. Вне всякого сомнения, отец Афанасий достиг самых возвышенных духовных высот.

Бывали и другие случаи, показывающие, что на нем ясно виден был дар Духа Святого как свет знания и откровения – нечто похожее на то, что бывало и с пророками. Следующие воспоминания пожилого монаха из Григориата, отца Софрония, хорошо иллюстрируют это.

«В начале моей монашеской жизни я был охвачен аскетическим рвением и чего только не выделял. Так, под

одеждой я носил железные вериги, а чтобы было труднее спать, под покрывало на постель наложил камешки. И думал я таким образом угодить Богу и повторить подвиги отшельников прошлого. Никому ничего обо всем этом я не открывал. Никто не знал о моих «успехах», даже Старец. Как-то раз пришел он в мою келью.

– Ну, отец Софроний, как ты здесь поживаешь?

– Вашими молитвами, Старче. У меня все хорошо.

– Быть может, ты себя изнуряешь больше, чем положено? Телом ослаб и устаешь легко?

– Я не из самых прилежных монахов, Старче.

– Все-таки, чадо, давай посмотрим, что ты под покрывало положил. Что я здесь вижу? Галька! Все достань и выбрось прочь!

Я был изумлен, – продолжал отец Софроний. – Я подумал, что обычный человек не мог бы догадаться об этих камнях. «И о веригах он тоже знает?» – подумалось мне. И в этот же миг Старец сказал:

– Отец Софроний, дай-ка я гляну, что ты носишь на теле... Это что такое? Сними эти цепи. От них тебе пользы не будет».

В тот момент мол одого монаха охватил священный трепет. Он осознал, что Старец был не то, что обыкновенные люди, он знал более, он не от мира сего. Дух Утешитель обитал в нем и открывал ему тайное. Отец Софроний и прежде любил и уважал Старца, но теперь вера его и преданность возросли многократно. Присутствие Духа Святого в отце Афанасии ощущалось явственно.

А когда, спустя много лет, отец Афанасий готовился к отшествию на Небо, отец Софроний еще раз ощутил, как от богоносного разума Старца исходят лучи света. Он посетил тогда монастырскую больницу, где под опекой лекаря, отца Артемия, пребывал Старец. Рядом с кроватью Старца были различные его вещи, и среди них отец Софроний видел будильник, звон которого сопровождался приятной мелодией. Старец собирался раздать свое имущество братии на память и в благословение Отец Софроний едва подумал: «Хорошо бы,

если бы он отдал мне этот будильник,» как отец Афанасий повернулся к нему и сказал очень проста
«Ты об этом не думай. Я будильник обещал отцу Артемию».

Прозорливость

Отец Софроний был лишь одним из тех, кто познал прозорливость старца Афанасия. Следующие свидетельства также подтверждают духовную силу этого святого человека.

Монахи Святой Горы рвением своим часто уподобляются пламенному рвению ветхозаветного пророка Илии («ревную поревновах по Господе Бозе» (3Цар.19:14)). В трудные времена, когда вера и традиции православные подвергались серьезным испытаниям, Гора Афон выдвигала своих воинов Христовых, исповедников и мучеников. Но при этом – должно знать – бывало, когда рвение некоторых монахов Святой Горы бывало не по разуму, соединенное, возможно, с неопытностью, духовной пылкостью и недостатком понимания, что причиняло серьезный вред и отдельным душам, и целым общинам. В Библии сказано «не уклонися ни на десно, ни на лево, да смыслиши во всех, яже твориши» (Нав.1:7). Отец Е., насельник Григориата, охваченный рвением не по разуму, решил покинуть монастырь. Поводом для того послужил вопрос о реформе календаря и визит в монастырь в связи с этим некоего епископа-новостильника, и совершение тем Литургии. И вот ночью отец Е., ничего никому не сказав, собрал свои вещи, спустился из окна по веревке и оказался за монастырскими стенами. Но тут сообразил, что забыл в келье нечто для себя важное – молитвослов, без которого обойтись не мог. Тогда он спрятался в кустах повыше входа в монастырь и стал ждать, когда на рассвете откроют врата: книгу нужно было забрать обязательно.

В обычное время врата открылись, и некоторые отцы вышли на послушания. Отец Е. видел всех, оставаясь незамеченным. Следом вышел и отец Игумен. Медленно и уверенно он направился в сторону спрятавшегося монаха. Подойдя прямо к тому месту, над которым сидел монах, остановился, повернулся к нему и сказал, немного повысив голос «Отец Е., спускайся вниз. Быстро спускайся!»

Отец Е онемел, ошеломленный, сконфуженный и пристыженный. Он спустился, даже не пытаясь возражать. Он видел неотмирный дар Старца и в раскаянии вернулся в свою келью.

Прозорливость отца Афанасия бывала являема в свое время. Господь знает, когда, в каких обстоятельствах и кому необходима Его помощь. В каждом случае есть своя цель, которая, помимо прочего, укрепляет страждущего, подбадривает его, возжигает в нем неотмирные устремления. Следующие два случая хорошо это иллюстрируют.

Молодой студент-медик по имени Панагиотис Ми гас (позднее настоятель архимандрит Виссарион) оставил своих родных, свои занятия, весь мир и направил корабль души своей в гавань Горы Афон. Точнее, направился в Григориатскую обитель. И вот шел он по вымощенной дорожке, ведущей к монастырским вратам. Перед ним появился почтенного вида монах, который пристально посмотрел на него. Конечно, он не знал, что это был сам игумен Афанасий, никогда прежде они не виделись. Когда молодой человек подошел поближе, отец Афанасий сердечно поприветствовал его, будто старого знакомого. «Добро пожаловать, Панагиотис! Добро пожаловать в наш монастырь, чадо. Хорошо, что ты пришел».

Юный Панагиотис никогда прежде не встречал прозорливых людей, и случай этот взволновал его глубоко. Священный трепет охватил все его существо. Как бы восторженно он прежде ни думал о монашестве, сейчас видел воочию свои мечты. И если перед этим еще мучили некоторые сомнения и сожаления о покинутом мире, то теперь в душе воцарились покой и отрада. Неотмирным знамением Сам Бог удостоверял Панагиотиса в правильности его решения. Он был счастлив, что сменил жизнь в развращенном мире на благочестное и возвышенное житие монаха.

Один Старец из Керасии (расположенной на афонском склоне над Кавсокаливией) послал ученика своего, отца Симеона, в Григориат взять немного просфор для совершения Божественной литургии.

Это была единственная цель для ученика. Однако Господь уготовил нечто знаменательное. Он благоизволил приоткрыть для того окно мира благодати, показать, что самопожертвование монахов не останется без даров Небесных

Поднимаясь из гавани в монастырь, отец Симеон думал о том, что ему предстояло сделать. Сначала нужно было найти отца Игумена, сказать о просьбе Старца своего, затем, получив благословение, найти монаха, выпекавшего просфоры, и взять у него необходимое количество. Вот и весь нехитрый план. Но вышло все по-иному.

Пред монастырскими воротами монах из Керасии встретил неожиданно самого Игумена, державшего что-то в руках. И сказал отец Игумен: «Возьми это, чадо! Это просфоры, за которыми послал тебя Старец».

Отец Симеон от изумления лишился дара речи. Он столкнулся с непостижимым! Он понял ясно, что Афон до сих пор возвращает святых, исполненных света Божественного. На обратном пути к своему Старцу, таинственное и благодатное происходило в душе его. Случай этот стал в книге его жизни золотой страницей. Он часто вспоминал этот день с радостью и восторгом о Христе.

Утром 8 мая 1930 года перед Божественной литургией Игумен Григориата беседовал со вновь прибывшим двадцативосьмилетним человеком, моряком из Пирайуса. Сильный духовный порыв привел его на Святую Гору. Он рассказал Старцу всю свою жизнь и просил оставить его в монастыре.

...Прошло сорок пять лет. Моряк из Пирайуса давно уже подвизался монахом в Григориате. Было время, когда, ради лучшего использования его талантов, переводили его в другой монастырь. Сейчас ему семьдесят три года, и он бережно хранит

в душе своей святой образ отца Афанасия, в деталях помнит тот разговор. Все, что тогда Старец предсказал ему, все, что сказал о его характере, складе ума, о трудностях, которые ему предстояли, о том, что произойдет в его жизни, – все исполнилось, все было верно. Особенно запомнилось одно

замечание старца Афанасия: «Вы – рыбаки, матросы – навыкли в вольной жизни, и тебе трудно будет привыкнуть к размеренной жизни в монастыре»

Милостивое сердце

«Милостивое сердце, – пишет мудрый авва Исаак Сирианин, – это сердце, горящее любовью ко всем творениям – людям, птицам и животным, к демонам даже, ко всему созданному. И при воспоминании о них, и при виде их глаза милосердного человека проливают потоки слез от сильной и горячей жалости, которая охватывает сердце, и от великого сострадания сердце у него сжимается и не может не болезновать, когда слышит о каком-то вреде или видит хотя малейшее горе, причиненное созданию»

Сердце, страдающее за все созданное! Это великие слова. Кто может достичь такого состояния? Кто может подняться на такую высоту благородства, чтобы чувствовать сострадание даже к демонам? Отцу Афанасию, однако, были знакомы эти высокие вершины, что столь трудно достичь. Легкие его души глубоко вдыхали воздух Рая. Живая его душа была наполнена редкой любовью ко всему сотворенному Богом. В жизни его земной было множество случаев, ясно это показывающих и приводящих на ум схожие события из житий великих святых монахов. Особенно в связи с этим вспоминается житие славного геликонского отшельника преподобного Луки (10 век), который кормил птиц, заботился о змеях, защищал оленей от охотников, укрощал диких медведей, дружил с ядовитыми гадами и с любовью простирал свои объятия всему, созданному Богом.

К юго-востоку от Григориата мчалась к скалистому берегу, словно вихрь, косуля, объятая смертельным ужасом. Несколько мирян, работавших в монастыре, увидели ее высоко в горах и преследовали, словно бесноватые, с оружием и собаками. И вот окружили ее так, что ей некуда было бежать, кроме как вниз, и несчастное животное с разбегу прыгнуло в воду и поплыло от берега. Однако охотники, не теряя времени, побежали быстро на пристань, отвязали лодку и начали грести, догоняя косулю. Она успела отплыть километра на два, когда ее настигли. И вот уже везли ее охотники на берег, вождедея о вкусном мясе.

В это время о происходящем доложили отцу Афанасию. Он немедленно отложил в сторону свои дела и, как если бы случилось что-то в высшей степени важное, бросился на пристань. Единой причиной его спешки было стремление успеть спасти жизнь бедному животному и отпустить его на свободу. Именно о таком сердце и было сказано: «горящее любовью ко всем творениям».

Благородное животное было спасено тогда. А следующая история связана с лисами, хищниками, не имеющими такого благородства и ценности.

Напротив монастыря, со стороны Симонопетра, расположены виноградники Григориата. Там проходил послушание отец Иоанн. Он прилагал все усилия, чтобы как можно лучше исполнить свои труды. Кроме прочего, в обязанности его входила и охрана виноградников от вредителей, прятавшихся в окружающих зарослях. От тех вредителей, которые упоминаются даже в Писании: «Имите лисы малыя, губящия винограды» ([Песн.2:15](#)).

Отец Иоанн был человеком энергичным, деятельным, предпринял против своего врага, лис, самые серьезные меры. Он ставил специальные железные капканы, ловил их, убивал и сдирал шкуры. И совесть его была спокойна, ибо уверен он был, что достойно исполняет послушание.

Старец не знал ничего об этих «подвигах» своего послушника. Но как только ему сообщили об этом, вся душа его воспротивилась. Он не допускал и мысли о такой жестокости. Как это ужасно, убивать животное, пойманное в ловушку! Убивать и сдирать с него шкуру! Какое зверство! И делал это монах – человек, облеченный в ангельскую схиму! Это надо было пресечь! Этого нельзя было терпеть никоим образом. И отец Афанасий вызвал к себе виноградаря для надлежащего наставления. «Чадо, – сказал он,

– ты должен придумать что-то другое для отпугивания лис. Развесь вокруг жестянки и колоти в них или еще что-нибудь делай, но капканы больше не используй. Жестоко и мучительно. Нельзя то монаху».

А теперь, любезный читатель, оставим лис и перейдем к рассказу о других животных. И здесь обнаруживается в рассуждении святых нечто особенное. Обычный, мирской здравый смысл требует, чтобы хищные животные уничтожались, но святые судят иначе

Время от времени отец Афанасий навещал Вултисту, подворье Григориата. Оно расположено в прекрасной местности на высоком мысе, откуда видны далекая Фессалийская долина и искрящиеся воды рек Аксиос и Алиакмонос.

– Старче, – сказали ему во время одного из визитов на подворье, – у нас для Вас есть сюрприз. Мы собираемся показать Вам нечто редкое.

– Что за сюрприз?

– Нашли мы в лесу двух маленьких волчат. И подумали, что не будем их сразу убивать, но покажем сначала Вашему Высокопреподобию.

И рассматривал Старец двух диких животных. Действительно, никогда раньше волчат он не видел. Смотрел внимательно на их прекрасно сложенные тела, длинные ноги, шеи, мускулы, чуткие уши.» Они были напуганы. Отец Афанасий чувствовал не просто симпатию, но любовь к малышам. Он жалел их и стал ласкать. И думал он, как, должно быть, страдает их мать. Наконец, Старец изрек то, чего никто не ожидал услышать: «Не мучайте их, не убивайте! Верните в логово. Мать их сейчас печалится, ищет их».

Дикие животные чувствовали любовь отца Афанасия и отвечали ему послушанием. С ним они были кроткими, тихими и повиновались ему. И об этом следующий рассказ. На монастырском кладбище, которое часто посещал отец Афанасий, обитала большая змея. Они подружились. Ни одному из них не мешало присутствие другого. И это казалось невероятным другим монахам, таким, например, как иеродиакон Пахомий, которому время от времени приходилось ходить на кладбище, чтобы зажигать лампы. По природе отец Пахомий был человеком боязливым и, как только видел змею, не только пугался, но пускался в суматошное бегство. Жаль было его.

Когда рассказал он Старцу о своей немощи, отец Афанасий утешил и успокоил его, заверив, что змея скоро навсегда покинет кладбище И действительно, все так и произошло. Отец Пахомий, к большой радости своей, змею больше никогда не видел. Но на один вопрос мучительно не мог найти ответа: как удалось Старцу ее изгнать? Он что, велел ей уйти? Молился?

Совершил молебен? – Никто не знал. Достаточно было того, что она исчезла, и неважно другим, как и почему.

Близкая, тесная связь между святыми и Божьими тварями, даже дикими животными и пресмыкающимися, свидетельствует о великой истине: что в душах их обитает Создатель. Когда между душой и Создателем существуют узы любви, тогда такие же узы связывают душу ту и с творениями Создателя. «Первое–утверждение второго,» – как говорит автор «Лестницы».

Его слава

Еще с тех времен, когда он был простым иеромонахом, прославился отец Афанасий по всей Святой Горе. Когда же взошел на игуменское служение, слава его распространилась гораздо дальше.

Многие люди приезжали в Григориатскую обитель ради встречи с ним. Некоторые искали духовного руководства, иные шли на исповедь. И не только афонские монахи, но многие священники и миряне из других мест приходили к нему. До самой своей смерти отец Афанасий оживлял и омывал бесчисленное количество душ в купели раскаяния. К нему шло так много людей, что монастырь вынужден был принять меры, чтобы хоть немного оградить его покой.

Высокопоставленные лица и в Церкви, и в государстве относились к нему с большим почтением. Архиепископ Хризостом (Пападопулос), хотя лично никогда не видел отца Афанасия, высоко чтит его и не упускал возможности послать ему приветствие, передать поклон и испросить благословение. Во время своих визитов на Святую Гору король Георгий II останавливался на два- три дня в Григориатской обители. Там он встречался с отцом Афанасием, и высокая духовность того произвела на Короля огромное впечатление. Известно, что они не только говорили друг с другом долгие часы, но Король даже ходил на исповедь к Старцу. Глубокое уважение Георгия II к отцу Афанасию подтверждается следующим эпизодом.

Владыка Дионисий, поставленный митрополитом Иериссоса и Святой Горы, принес присягу королю Георгию, после которой Король сказал ему: «Когда прибудете на свою кафедру, посетите обязательно Григориатскую обитель на Святой Горе и повидайте отца Афанасия. Поцелуйте ему руку от моего имени. Я думаю, ему нет равных на земле Он почтеннейший человек, исполненный святого достоинства и смирения».

И митрополит Дионисий, чей духовный путь начинался на Афоне, посетил Григориат и встретился с отцом Афанасием, который к тому времени был уже на покое. С почтением он

приложился к руке Старца, передавая приветствие Короля. И отец Афанасий в свою очередь смиренно поцеловал руку владыки Митрополита.

Когда отец Афанасий был уже очень немолодым, приезжали в обитель представители патриархийного экзархата. Они настойчиво искали встречи с ним. По просьбе старца Виссариона, отец Афанасий согласился выйти из своей кельи. Епископы поспешили целовать руку Старца, выражая свое почтение. Глава экзархата, митрополит Гелиополиса, начал его восхвалять: «Мы так много о Вас слышали и так хотели видеть Вас. Мы так счастливы... Вы – святой человек. Благословите нас!»

Отец Афанасий сидел под этим дождем похвал молча, скрестив руки. Единственное, что произнес наконец, была «Я этого не достоин». И, поклонившись, попрощался с ними и удалился в келию свою.

Светлый закат

В келейной тиши

Шли годы, и отец Афанасий все более погружался во внутреннее созерцание, в покаянные молитвы. Умиление его бывало так велико, что слезы текли при одном упоминании имени Христа или при упоминании о каком-либо событии Его земной жизни. Самоуглубление его достигло невероятных высот. Он старательно стал избегать общения с посетителями и обыкновенно крепко затворял уста, дабы не нарушать своего молчания.

Тому, чья любовь к Богу превосходит обыкновенные пределы, совершенно необходимо иметь спокойное место для поклонения Ему. Таким местом у отца Афанасия была его келия. Освободившись от игуменских обязанностей, теперь мог он спокойно вылавливать духовные жемчуга в море тишины, дарованной Богом.

Кроме времени церковных служб и трапез, он всегда пребывал в келии. Но, когда позволяла погода, Старец посещал, бывало, два других излюбленных места. В утренние часы хаживал в сад, к маленькой пещерке, образованной двумя скалами и окруженной оливковыми деревьями. Перед пещерой простиралось огромное Эгейское море, биясь волнами о скалистый берег метрах в ста внизу. В дневные часы направлялся на север, к большому ущелью над гаванью, где сделал себе скамеечку, положив доску на два камня. В этих двух местах он знавал священные мгновения.

Но сугубым местом, где предстояло ему провести последний раунд духовного поединка, была его келия. Здесь он предавался

размышлениям о смерти, о тщете бренной жизни. Здесь совершал он последнее духовное восхождение.

Все, кому доводилось проходить мимо его келии, ясно чувствовали, что в ней совершается общение с Богом. Старец никогда не уставал молиться. Всю жизнь изучал он священные писания, но на первом месте всегда была молитва. Ум его воспарял ввысь, душа переживала красоту духовного мира. Он

окружен был «совершенными силами, сокрытыми в Боге, благоухающими своей немислимой красотой» (священномуч. Дионисий Ареопагит). «Благолепие кельи», о котором говорят святые Отцы, было его владением. Любой разумный человек при виде его сознавал, что пред ним муж, живущий уже в мире Божиим.

Всем монахам положено совершать ежедневное правило, включающее в себя определенное количество молитв и поклонов. Отец Афанасий, столь любивший молиться, превосходил, конечно, все обыкновенные пределы. В течение трех последних лет он непременно выполнял больше, чем предписано. «Я могу лечь спать позднее. Почему бы мне не делать больше сейчас, пока я в состоянии?» – говаривал он.

Безграничными были его любовь и почитание Владычицы Богородицы. Каждый день можно было слышать «Радуйся...» как читал он акафист Пресвятой Богородице, Он прикладывался к иконе, украшавшей его бедную келию, постоянно. Он целовал ножки младенца Иисуса и руку Богородицы. И сегодня те, кто посещает келию отца Афанасия, могут видеть на иконе следы от многочисленных поцелуев.

Священные узы связывали его и с другими иконами Богородицы. В одной из своих тетрадей он написал: «В нашем любимом монастыре во время служб стою я пред прекрасной иконой Матери Божией в иконостасе, Которая смотрит, как живая. Она только не говорит, а взгляд Ее, милый и спокойный, повсюду следит за Вами. О, какое наслаждение созерцать Ее святую икону! Мне кажется, что на меня смотрит Сама Пречистая».

Он придавал так много значения акафисту Пресвятой Богородице, что даже не допускал к постригу тех, кто не знал его наизусть. В его рукописях есть списанные из духовных книг поучения, говорящие о величии этого акафиста. Вот цитата: «Приучайте себя к чтению акафиста Ей с исключительной преданностью, и со временем Вы увидите, сколько на Вас изольется благодати – такой, говорю Вам, которую Вы никогда не испытывали. Но попробуйте – и убедитесь! Только не ожидайте, что с первого раза это увидите, потому что не бывает

гроздьев на винограде, только что посаженном. А со временем самые спелые и сладкие гроздья Вы соберете».

«Постоянно стучите в ворота Ее Материнского сочувствия и любви к человечеству непрерывным стуком акафиста Ей и молитв во славу Ее... и Вы найдете помощь и заступление не только в этой преходящей жизни, но также и в час смертный».

Воистину, келия его превратилась в Рай. Когда отцы по надобностям стучались в дверь его, то видели лик его непременно в слезах умиления сияющим неземной радостью. Когда же ему сообщали, что кто-либо из посетителей желает видеть его, он всячески уклонялся от встреч. Тайная тихая жизнь в келии была ему дороже. Он мог бы сказать вместе с преподобным Симеоном Новым Богословом:

«Мне доставало моей уединенной келии.

Она дала мне свободу быть с Господом, Единым любящим людей

Никто да не стучит в эту дверь, никто да не подаст голоса.

Милостыня духовная

Господь удостоил автора этой книги великой милости – личной встречи с отцом Афанасием – приблизительно года за три до его блаженного успения. Посетив скит Праведной Анны, я на обратном пути своем проходил мимо Григориата. Зайдя в монастырь, спросил отца Афанасия. Он согласился повидаться со мной после моей настойчивой и долгой мольбы. И вот я свидетельствую, что, когда увидел его, то застыл на месте – так меня поразило сияние, исходившее от лица его. Я видел святого, который, казалось, пришел из другого времени: высокий, худой, с седыми волосами и детским выражением лица. Он приветствовал меня и гоорил со мной с большой любовью. Зрелость его духовная была очевидна. Мы провели вместе минут двадцать. В течение всего этого времени, по своей привычке, он держал глаза долу. Лишь два-три раза взглянул на меня.

– Старче, поучи меня, – просил я, – я недавно рукоположен в иерея, живу в миру и не опытен.

– Здесь, на Святой Горе, есть добродетельные люди, обладающие духовной мудростью. Если посетишь их, то будет для тебя весьма полезно, – ответил он.

– Кто это, Старче, кто, по-твоему, может мне помочь?

– спросил я его.

– Если будешь в скиту Праведной Анны, посети Катонакию, повидайся с отцом Даниилом. Он очень опытный духовно человек, много лет на послушаниях. Ты многое от него почерпнешь.

Из-за своей скромности и из любви к уединению отец Афанасий в последние годы земной жизни склонен был советовать паломникам, искавших его поучений или исповеди у него, обращаться к другим отцам Святой Горы.

«Старче, – сказал я, – я только лишь из скита Праведной Анны и возвращаюсь в мир. И жажду получить что-либо от Вас – как милостыню духовную».

При этих моих словах он минуту помедлил, а потом сказал добрым и кротким голосом: «Раз Бог удостоил тебя стать священником, то старайся совершать Божественные литургии всей своей душой. Когда священник совершает Литургию, он должен чувствовать, что в душе у него горит лампада. И лампада эта не должна гаснуть до следующей Литургии. С первой и до последней своей Литургии священник должен хранить свою лампаду горящей. И позаботься вот о чем. После Литургии удались куда-нибудь и в тишине прочувствуй, что тебе было дано. Избегай разговоров и никогда не смейся после Божественной литургии».

На этом старец Афанасий прекратил разговор. Он поднялся и тепло попрощался со мной.

«Бог тебя храни,» – было его благословение. Я поцеловал его руку, и мы расстались.

Я считаю себя счастливым человеком, когда имел такую незабываемую встречу и получил такое неоценимое наставление.

Когда отца Афанасия спрашивали о ценности монашеской жизни, он обычно отвечал: «Монашеское житие – величайший дар, который Господь дал человеку».

Тому, кто жаловался ему на боль или болезнь, он отвечал: «С болезнью Христос посещает тебя, чадо».

В число добродетелей отца Афанасия входила щедрость, которая была присуща ему в изобилии. Своему последователю – Игумену – он дал следующий совет: «Игумен должен быть очень щедрым, таким, каким был святитель Николай, и должен помочь всем, кто ищет помощи в монастыре. Бог никогда никого не оставит, но всегда даст столько, что всем хватит».

Душа его была мягкой и беззлобной. И прилагал он много трудов, чтобы и ученики его стали таковыми. Радея о том, чтобы воздействовать на сердца ближних, Старец и стихи стал писать. Один григориатский монах, находившийся на подворье в Вультисте, получил такое от него стихотворение.

Так радостно, радостней всего Кротким и мягким быть
Если кто меня оскорбляет,
То к чему мне ему отвечать?

Разве злоба утихнет сама,
Коль проклятья назад возвращать?
Если ближний мой гневом пылает,
То ему я отвечу добром,
Пусть утешится он своим рвением И моим унижением
притом.

Коль пылают безумные страсти,
То пребуду спокойным всегда.
И, остыв, все ж отступит безумье;
Цепь его оборвется на мне.
Добротою своей и терпением Укрошу я неправедный жар.
Тихий голос мой будет слышнее,
Нежли в гнев ответный удар.

Одному из своих духовных сыновей, отвергшему суетные дела и решившему стать монахом, он писал:

«Чрезвычайно рад, что ты благополучно прибыл в святую Гавань Богородицы. Дабы добиться успехов в богоугодной жизни монашеской, надлежит тебе заложить хорошие основы. И первую ты уже заложил – это иночество».

14 мая 1931 г.

Следующий отрывок – из письма, адресованного молодому ученому, с которым отца Афанасия связывала братская христианская любовь:

«Брат во Христе,
сердце мое наполнилось отрадой и утешилось при известии о том, что ты получил диплом. Но вот что хочу тебе посоветовать, исходя из моего разума: это – постоянно памятовать слова Господни: «Без Мене не можете творить ниче́го» (Ин.15:5).

Следующий отрывок из письма говорит о пронизательности отца Афанасия: «Болезнь твоя, чадо, не обычного происхождения. Доктора тебе едва ли смогут помочь. Думаю, что причина болезни кроется в сердце твоём».

Отец Андрей, молодой григориатский монах, некоторое время подвизался на подворье в Вултисте, так что духовное общение его со Старцем осуществлялось посредством

переписки. Ученик рассказывал о своих немощах, а Старец посылал ему целительные наставления.

«Понудься, чадо, – писал он в одном из писем, – обрести в жизни своей достоинства: простоту, сочувствие, мужество, благообразие, искреннюю любовь, разумение, учись усердно и долго молиться. Будь милосерд к бедным, люби их. Постигай молчание и терпеливую стойкость. Никого не оскорбляй, не высмеивай. Обретай кротость, смирение, беззлобие ради того, чтобы Господь прославил тебя рядом с ангелами и святыми».

Мудрый Старец отец Афанасий напоминает опытного восходителя, показывающего юному ученику своему святыне высоты, которые тот возжелал покорить.

Отец Феоклет, насельник монастыря Дионисиат, с нежностью вспоминает духовные откровения Старца:

«Как чудно, отец Феоклет, проснуться в полночь и начать молитву, медленно восклицая: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас»».

«Когда он произносил эти слова, – продолжал отец Феоклет, – с неземным чувством в голосе, отражавшемся и на лице его, то виделось, что пребывает он в горнем мире. Свободный от страстей, умиротворенный, он житием своим в вышнем и сопричастующего ему возвышал до небес».

Небесные откровения.

Житие монашеское – это что-то среднее между временным и вечным. Монах живет земной жизнью, но и соприкасается с небесной.

Кто живет, выполняя последовательно все монашеские послушания, кто тверд в подвижничестве и терпеливо переносит «зной дня и хлад ночи», тому посылает Бог, как свидетельствуют Отцы, утешения и радости небесные. Как пишет преподобный Никита Стифат: «Которые трудами подвижническими сделали себя чистыми от всякой скверны плоти и духа, те стали приятелями бессмертного естества чрез дарования Духа. До сего же достигнувшие полны суть света благого, от коего исполнены будучи в сердце тихим миром, отыгают баягия словеса, и премудрость Божия течет из уст их в ведении Божеских и человеческих вещей, и слово их чистое вещает о глубинах Духа: «На таковых несть закона» (Гал.5:23)»

Есть множество свидетельств о том, что отцу Афанасию Бог послал такое благословение. К примеру, мы говорили уже о том, каков он был пред святым Престолом в алтаре.

Другим отцам удалось дознаться у него, что временами, погружаясь полностью в молитву, он слышал сладчайшие небесные песнопения, похожих на которые нет на земле.

По настойчивым просьбам некоторых отцов поведал однажды отец Афанасий, что видывал временами «тайинства различные», но никогда никому не открыл о них, что то бывало.

Однажды в соборе он сподобился увидеть своими глазами святую покровительницу обители преподобномученицу Анастасию, глубоко им чтимую. Она предстала пред ним молодой, в монашеском облачении, с неописуемой славою и достоинством в лице.

В другой раз, в церкви во время всенощной, отцы стали свидетелями, как отец Афанасий сошел со своего места и пал ниц. Удивились они, ибо по чинопоследованию в данный момент не должно было быть таковому. Когда же он поднялся,

увидели, что переменялся отец Афанасий в лице. Но ничего не говорил он, и все остались в недоумении. Только на закате земной жизни своей поведал он о том по настойчивым просьбам игумена Виссариона.

«Чадó, раз уж ты так настаиваешь, я скажу тебе. Не знаю, открыты или закрыты были у меня тогда глаза, только видел я Матерь Божию, исполненную славы и несравнимого величия. Все существо мое охватил священный трепет, и пал ниц я пред Ней».

Так, спустя много лет, узнала братия причину поразившего их на той всенощной. После стольких лет и настойчивых просьб! Подобное знаем мы и из Библии, когда апостол Павел поведал, что был восхищен на третье небо, только через четырнадцать лет после того (2Кор.12:2)

Люди, говорящие о видениях своих спокойно, полагая, что те от Бога, несомненно, заблуждаются.

"На одре болезни его» (Пс.40:4)

В1949 году Старец серьезно заболел, был прикован к постели. ' Артрит, мучивший его в последние годы, сильно осложнился. Встревоженная братия предложила ему поехать на лечение в Фессалоники, но он отказался и с терпением переносил терзающую его боль. Светлое, спокойное выражение никогда не покидало лица его. Бывая в его келии братия видели, как прогрессирует болезнь.

С самого начала болезни отец Афанасий избегал помощи докторов, отказывался от лекарств, от хинина, от банок, которыми лечили обыкновенно. Он знал, что болезнь послана свыше. Никогда не просил приготовить ему пищу без соли, но ел то, что подавали всем на трапезе, несмотря на прогрессирующий артрит. Лекарствами его были Святое Причащение и молитвы.

Обострение болезни пришлось на период Великого Поста.

Отцы настаивали, чтобы он отказался от пощения, потому, что

был и так чрезмерно слаб. Но он не соглашался, лишь просил почаще причащать его.

Состояние старца Афанасия не улучшалось. Был канун субботнего чтения акафиста Пресвятой Богородице. Старец, который даже в кризисные дни болезни еженощно поднимался и пел акафист Пресвятой Богородице, выглядел бодрым. Он готовился ко Святому Причащению.

«Я намерен провести ночь в молениях ко Пречистой, – сказал он братии. – Утром приду на Литургию, приму Причастие и, если даст Бог, умру. Но, возможно, что Святая Трапеза сотворит чудо с моим здоровьем».

Поутру отцы отнесли его в храм, в котором он не был уже долгое время, и отец Афанасий причастился.

Надежды не обманули его. Евхаристия принесла «пищу, отраду и успокоение». Здоровье поправилось, и течение жизни вернулось в привычное русло. Хлеб Жизни сотворил тогда чудо.

Шел 1951 год от Рождества Христова. Отец Афанасий снова слег в постель. Он почувствовал, что силы оставляют его и попросил святого помазания. После помазания решил Старец дать всем отцам что-либо от себя в благословение. И каждый получил нечто из келий его.

«Желаю Вам попасть в Рай, – говорил он братии. – Там наше истинное Отечество, а здесь мы временно», –

Позднее он передал отцу Игумену чемодан, полный книг. Себе оставил только «Лествицу» и «Эвергетинос». Также сохранил епитрахиль, дабы принимать на исповедь, если Бог даст сил.

Но время преспеяния его еще не пришло. Господь благословил ему еще два года земной жизни.

«Слава Богу! – возликовали отцы. – Он оставляет нам до времени нашего Старца».

Мирный исход

Не раз отец Афанасий приближался к смерти и в последний момент бывал от нее избавлен. Но время пришло, и путь его земной приблизился к концу. В декабре 1953 года, когда ему исполнилось уже восемьдесят лет, слег он в постель. На Рождество не

смог пойти в церковь все говорило о том, что он приспел у Бога, что пора ему оставить землю.

Из монастыря уходил воистину святой человек. Он отказался в последние дни от любой пищи и питался только Небесными Дарами. Он был полностью погружен в умно-сердечную молитву. Иногда Старец поднимал руку и благословлял, словно во время Литургии.

Через два дня по Рождеству Старец попросил отца Артемия (ухаживавшего за престарелыми монахами) собрать вокруг него всю братию. Он хотел в последний раз проститься с ними, потому что уже знал о близкой кончине. Вскоре перед своим духовным отцом собралась вся братия Григориата. Он был их Старцем, их опорой и «так же вел их к небесной жизни, как вечно сияющие звезды ведут кормчих» (свят. Григорий Нисский). На лицах отцов отражалась глубокая скорбь при мысли о том, что он покидает их.

– Старче, – сказал дрожащим от волнения голосом отец Игумен, – если ты предстанешь пред Господом, а так без сомнения будет, не забывай нас.

– Если предстану, то буду видеть тебя. И тебя, и всех отцов. Я не забуду о вас.

Все очень волновались, и каждый силился сдержать свою боль и скорбь.

– Ну, сейчас подойдите, и простим друг друга, – сказал прикованный к постели.

Все целовали его и прощались в свою очередь

– Благослови нас, Старче!

– Да даст Бог попасть тебе в Рай!

– Встретимся на небесах!

На следующий день рано утром после Литургии почувствовал он себя немного лучше. Смог даже сам поухаживать за собой. Он встал, умылся, привел себя в порядок. Некоторые одежды снял с себя и отдал отцу Артемию: «Мне это больше не нужно. Делай с ними, что хочешь»

Один из молодых монахов, видя, что Старцу лучше, воспользовался возможностью и исповедался у него, поговорил о своих духовных нуждах. И даже набрался смелости спросить:

«Старче, а как ты узнал, что близка кончина твоя?» – «Чад, я уйду сегодня ночью. Это верно, но не спрашивай меня, как я об этом

узнал».

Днем он позвал отца Игумена. «Через несколько часов, – сказал, – или до, или после повечерия, я вас покину. Смотри хорошо за братией, и Пресвятая Дева тебя не оставит. А сейчас иди и принеси Запасные Дары и причасти меня».

Затем он обратился к отцу Андрею, монаху, чьим послушанием было облачать усопших: «Отец Андрей, тебе не придется меня переодевать. Я уже приготовился, так что оставьте меня в этой одежде».

В тот момент, когда вошел Игумен с запасными Дарами, отец Афанасий продолжил вслух запинаящимся голосом начатую уже в себе молитву: «Вечери Твоя Тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими...» То были его последние в этой жизни слова. После святого причащения Старец молился молча. Он часто поднимал взор ввысь. Губы его шевелились, как бы шепча что-то. Несколько раз он поднимал руку, благословляя.

„Время шло, приближался уже вечер. Он начал сильно дрожать, тело его похолодело. Виделось, приближался великий момент.

После повечерия все отцы собрались вокруг него. Все молились сугубо со слезами на глазах и четками в руках. Сцена эта напоминала икону, на которой написана кончина св. Ефрема.

Лицо его сияло слово чистый янтарь, от него исходил мир. Начинался переход к благословенной небесной жизни. Он уже

не мог поднять руки, скрестил их на груди, глаза были закрыты. И с неземной ясностью и умиротворением вручил он вскоре дух свой в руки Господни.

Отлет души к Небу был столь тих, что никто не уловил момента выхода ее из тела. Такая тихая смерть как бы скрепила и подтвердила праведность всей его тихой и мирной жизни.

Смерть не стерла его образа из сердец учеников его, наоборот, она запечатлела в них его светлый и любимый облик. Много раз и многим являлся в сонных видениях его незабываемый и чтимый лик

Некоторые видели его светящимся среди чудного света, другим представлялся он на каком-то почетном месте. Еще кто-то видел его совершающим Литургию в прекрасных облачениях в величественной церкви. Есть свидетельства о том, что он посмертно приходил на помощь людям в затруднительных обстоятельствах. То бывали благословенные видения, милосердный дар Господа.

Незабываем присночтимый Старец! Блаженный отец Афанасий несомненно был ««облеченный златом и камением драгим». Пусть же сияние сих «камений драгих» добродетели и милосердия вдохновит всех читавших эту книгу на победы духовные

Старец Каллиник Исихаст

Все долънее презрев и низменного чуждый, Мир горний возлюбил, небесному родной.

Благочестивое стремление к Богу

Ранние годы

Отец Каллиник родился в Афинах в 1853 году. Родители его – люди добропорядочные, потомки военных, участвовавших в событиях 1821 года.

Ранние годы он провел в предместье Афин, вскормленный на благочестии и христианских традициях. Православное исповедание его семьи было обычным в те добрые времена; мало кто тогда бывал равнодушен к Богу и Его Церкви.

Константин Фиасприс – таково его мирское имя – был живым, смышленным ребенком, верным Церкви. С детства возлюбил читать духовные книги и никогда не пропускал церковные службы. Он любил всенощные бдения, наполняясь их духовным богатством. То, о чем слышал в проповедях и о чем читал в книгах, переживал молитвенно в душе, получая истинную духовную радость.

Но в ревностном христианском сердце оставалась все же некая неосознаваемая пустота, которую никак не удавалось заполнить. Душа жаждала чего-то более возвышенного, более сильного, чего не было в жизни на приходе в Афинах. Он не знал еще, как это естественное душевное стремление воплотить в реальность, посвятив себя Богу полностью.

И именно в то время юный Константин познакомился с одним человеком, знавшим о Святой Горе. От него и узнал о монашеском житии отцов афонских И выиграла душа его. И обратилась она в чаяниях своих на Восток, к Святому Афону. И верилось юноше, что там он найдет недостающее.

И вот в один из дней 1875 года от Рождества Христова видим мы Константина бродящим в гавани Пирайуса и осматривающим парусные лодки. Он принял важное решение, его губы шептали: «Боже мой! Если есть на то воля Твоя, чтобы я уехал подвизаться на Святой Горе, то укажи мне лодку, которая довезет меня туда».

Подходя поочередно к каждой лодке, Константин спрашивал об их маршрутах. И когда начал было уже

отчаиваться, что не найдет того, чего ищет, лицо его вдруг просияло от ответа, что одна из лодок направляется на Афон!

Он стал горячо умолять капитана взять его с собой, обещая в пути помогать во всем. Капитан поначалу отказывался, но все же уступил настойчивым просьбам.

Константин попрощался с Пирайусом. Переполненный радостью, он возблагодарил Провидение Божие ему была указана лодка, и желаемое стало воплощаемым.

Иверский монастырь

Лодка должна была идти в Иверский монастырь и взять там груз леса. Чтобы добраться туда, требовалось несколько дней: в те времена такое плавание занимало много времени и было небезопасным.

Во время плавания Константин снискал себе уважение всей команды лодки. Не желал лишь говорить о цели своей поездки, когда кто-либо из любопытства спрашивал о том. Люди мира сего видели в нем приятного, открытого и сравнительно неплохо образованного (он закончил среднюю школу) юношу и отказывались верить, что такой симпатичный молодой человек решился умереть для мира и остаться жить в одном из монастырей Святой Горы.

Но любопытство и расспросы не так утомляли Константина, как внутренние борения. Сидя в углу лодки, терзался он мучительными и навязчивыми мыслями. Ему живо вспоминались Афины, родной дом, родители, братья и сестры, все дорогие и любимые люди, с которыми он так безжалостно порвал и которые очень расстроятся, когда узнают, что он покинул их. Кроме того, он думал о неведомых трудностях, что поджидают его там, среди незнакомых людей, живущих уединенно и аскетически. Невидимый кто-то нашептывал ему постоянно «И не жаль тебе молодости своей? Зачем ты хоронишь ее?»

Однако, когда издали увидел он пик Афона, мысли эти начали отступать. И вскоре исчезли совсем, уступив место отраде душевной, овладевшей им полностью. Один за другим проплывали перед взором различные монастыри, расположенные здесь и там у подножия Афона. Как же мечталось прежде видеть все это! Его небывалая радость, в которой растворялось чувство покаяния пред Богом, достигла неведанной высоты, когда лодка подошла к Иверскому монастырю.

Константин читал раньше о чудотворной иконе Божией Матери «Портаитисса», пребывающей в этой обители. И вот,

преклонив колени пред величественной иконой, он просил у Царицы Небесной, Святой Игумении Афона, покровительства в новой своей жизни. Сердце его горело такой любовью ко Христу, что неудивительно, что милость Пресвятой Владычицы снизошла на него.

Пустынь Катонакии

Прожив несколько дней в монастырском доме для гостей, Константин стал размышлять о том, где ему следует обосноваться. Остаться ли здесь или отправиться куда еще? Он знал что монастырь этот общежительный, но душа искала исихазма. Ему сказали, что если он стремится к житию в исихазме, то следует тогда посетить пустынь Катонакии.

Рассказы о катонакских отшельниках взволновали его. И вот, не тратя более времени на размышления, достиг вскоре молодой человек скита Праведной Анны и – далее – Катонакию.

Катонакия – дикая, скалистая местность на южной стороне Афона. Вместе с соседними скитами Кавсокаливии, св. Василия, Малым Праведной Анны, Карули и вплоть до Виглы (последнего выступа полуострова в Эгейское море) она образует самую святую часть Горы. Если Снятую Гору представить храмом, то эта область была бы святым алтарем.

И по сегодня, если искать людей, живущих сугубо о Боге и дальше всех прошествовавших по пути святости, то их можно найти здесь. Когда в конце прошлого века юный Константин прибыл в

Катонакию, места эти были воистину обильно цветущими «кринами пустыни».

Молодой искатель отшельничества чаял себе Старца – добродетельного и строгого наставника в этом образе жизни и нашел такового, подвизавшегося в исихазме. То был иеромонах Даниил.

Жизнь в пустыне

Отец Даниил

Отец Даниил пришел в эту часть Катонакии – часть самую негостеприимную – в место немного выше уровня моря около 1870 года, чтобы подвизаться в житии отшельническом. Большими трудами, многим потом воздвиг он храм, освященный во имя преподобного Герасима Нового. Построил и келию с двумя небольшими комнатами, где предстояло ему провести остаток земной жизни.

Отец Даниил был из Загоры, что рядом с горой Пелион. До своего отшельничества имел обременительное и хлопотливое послушание игумена Григориатской обители. Но став отшельником в Катонакии, вознес благодарение Господу за тихое прибежище, дарованное Им.

Всей душою прилежал он житию молчальническому, которое «словно на голубиных крыл ах возносит сердце к Богу и возжигает его желанием небесной тишины» («История сирских монахов»).

Юный Константин направил стопы свои к этому богоизбранному исихасту, прославившемуся добродетелями духовному Отцу, чтобы вручить Старцу душу свою, словно в руки Самого Господа.

Старец настороженно поначалу принял молодого человека, получившего светское образование в Афинах, имеющего хорошие – в мирском понимании – манеры: такие обыкновенно не выдерживают жизни пустынной. И, конечно, не сразу взял его к себе учеником.

Константин, однако, был тверд, настойчиво просился жить со Старцем:

«Ты только испытай меня, Старче, – молил он, – и уж коли не подойду, гони прочь».

Старец, отказывая, молился Господу при этом о вразумлении. Сердцем своим спрашивал он Бога, выдержит ли этот мальчик столь тяжелый крест – крест отшельнический. Наконец, решился принять его под свое духовное покровительство и руководство.

Дух пустыни

Кто бы ни оказался в келье преподобного Герасима, все явственно чувствовали неотмирное величие пустыни. Чуть пониже кельи лежало море, и в плохую погоду ясно слышался грохот волн, разбивавшихся о скалы обрывистого берега.

Отвесные скалы, достигающие высоты чуть не ста метров, в первозданном великолепии поднимаются над каливой. В разных местах можно видеть отдаленные жилища других отшельников, ушедших из любви к уединению, подобно Христу, Который «бе в пустынях» (Лк.1:80). Там, немного далее, подвизались в уединении старцы Даниил, Герасим, Игнатий, прославленные добродетелями и мудростью.

Недалеко от кельи, в расщелине, используемой сейчас для хранения дров, можно обнаружить четыре-пять ступенек, ведущих вниз, в довольно обширную пещеру, которая и поныне хранит явные следы того, что в древности здесь был «аскетерион» (т.е. место, где подвизались отшельники). И какие чувства охватывают паломников при мысли об этих дивных воинах духа древности!

Далее, если поднять взгляд к северо-востоку, можно видеть вершину Афона в ее великолепии. Величественный пик, широкое пространство Эгейского моря, зазубренные скалы, разбросанные монашеские жилища, колючий кустарник., все это создает особенную атмосферу, утверждаемую глубокой, нетревожимой тишиной.

Восхищаясь величием окружающей природы, пребывая рядом с мудрым и опытным старцем Даниилом, молодой Константин, отказавшийся от мирских благ, чувствовал себя счастливейшим человеком. Когда он смотрел на своего духовного наставника –

седого Старца, слезы восторга и умиления выступали на глазах. Он готов был отречься от воли своей и полностью подчиниться Старцу.

Лишения и трудности

«Константин, чадо мое, здесь у нас еда бывает лишь один раз в день, и то без масла. Масло – только по выходным и праздничным дням. Большую часть ночи мы молимся. Спим мало, днем должны трудиться, чтобы иметь хлеб».

«Благословенна буди такая жизнь, Старче. Именно к этому я и стремился. И если бы хотел жить иначе, то избрал бы общежительный монастырь или скит».

«Константин, здесь у нас нет источника. Воду, которая собирается в наших емкостях, необходимо использовать с величайшей бережливостью. Среди этих скал невозможно устроить сад, потому мы и не едим ни фруктов, ни овощей. Мы питаемся некоторыми дикими растениями, оливами, иногда бобами или фигами, или чем еще, что можно купить в лавке в Дафне. А вместо свежего хлеба у нас сухари». (Хлеб, остающийся от трапез в монастырях Святой Горы, высушивается и раздается отшельникам. Отец Даниил получал сухари из монастыря Ксиропотам.)

Константин внимал, а Старец продолжал говорить о трудностях, ожидающих его в новой жизни.

«Константин, у нас не бывает ни молока, ни сыра, ни яиц. Даже на Пасху не бывает крашенных яиц. Выносятся одно яичко ради праздника, и мы лишь смотрим на него; оно хранится годы»

Константин слушал с большим вниманием и интересом.

Еще одной трудностью новой жизни была необходимость не мыться. Следовало забыть о мытье, даже об умывании. Эта практика, на первый взгляд, возможно, немного странная, является частью жизни отшельника, частью его самоотвержения. Как говорил позже сам Константин, его редко стираемая нижняя рубашка стала похожей со временем на толстое шерстяное одеяло (какие стелют под седло).

Следующий случай является очень трогательным примером трудной жизни в Катонакии.

Прошло несколько лет, и Константин стал отцом Каллиником. На одну Пасху один монах постарался достать им немного сыра, чтобы пасхальная трапеза была особенно праздничной.

«Чадо, – сказал Старец отцу Каллинику, – позаботься, чтобы сыр, данный нам, тоже был на столе».

Того это изумило, и, ревностный аскет, отец Каллиник осмелился выступить против этой «роскоши»:

«Старче, что ты говоришь? Сыр в пустыне? Кто и когда слышал такое?»

Однако позднее слова его к нему же и вернулись. Прошло два или три года, в течение которых он выдерживал трудные послушания и испытания в пустыни. Великий Пост тогда до крайности его истощил. Пост у пустынников более суровый, чем у других монахов; «три дня» (то есть первые три дня Великого Поста, когда постящиеся полностью воздерживаются от пищи) у них обыкновенно превращаются в пять. И вот пришло время Пасхи. Готовя пасхальную трапезу, он высказал Старцу свои соображения: «Сейчас, Старче, когда наступает Пасха, как чудно было бы иметь хоть немного сыра!»

Улыбаясь, старец Даниил ответил ему тем же вопросом, который некогда задал сам отец Каллиник

«Чадо мое, что ты говоришь? Сыр в пустыне? Кто и когда слышал такое?»

Константин с юношеским рвением преодолевал трудности новой своей жизни. Они бывали постоянно, и по временам он слабел, алкал и даже унывал.

Старец не позволял ему покидать пределы каливы, дабы он не рассеивался и не смущался в мыслях своих. Полное отрешение от мира много раз приводило его в подавленное состояние и тяжестью ложилось на сердце.

Пощения на грани голодной смерти сильно истощили его в молодости. В периоды истощения страстей диавол смущал его воспоминаниями обильно накрытых столов, которыми можно было наслаждаться, лишь оставив отшельническую жизнь.

Он неотступно вставал в полночь и молился долгие часы, стоя на ногах во время ночных бдений- иногда чувствовал, что

все его

способности парализованы, нет более сил терпеть. И при этом – бесчисленные искушения бесовские беспорядочные мысли, игра воображения, соблазны- как можно было все это вынести? И, кроме того, хорошо воспитанному и образованному светски афинянину возможно ли было свыкнуться с полным отсутствием мытья?

Но он не отступал. Укрепляемый непоколебимой верой, мужественно противостоял всем трудностям: «соблазнам и искушениям, мириадам бесовских проделок, их стрелам и козням» (преп. Нил Отшельник), которые преследуют аскетов. Но счастлив он был от того, что уже в таком возрасте удостоился чести вступить на поле духовной брани.

И важно, что он не был одинок Сквозь все тернии вел его опытный и добрый Старец, поддерживая и ободряя, направляя вперед по узкому пути.

Резьба по Дереву

Как и многие другие отшельники, отец Даниил занимался резьбой по дереву. Даже и сейчас можно найти отцов, которые в пустынях Святой Горы практикуют это искусство. Это занятие помогает им преодолевать уныние и является, кроме того, источником доходов.

Константин от своего Старца также научился искусству резьбы по дереву, и это приносило деньги на различные нужды. Он научился превращать необработанные куски дуба, самшита, других деревьев в прекрасно отделанные произведения. Сначала нужно было ручной пилой распилить дерево на узкие полосы. Затем эти полосы отполировать. На гладкую поверхность карандашом наносился рисунок И, наконец, пользуясь различными точными и острыми инструментами, он вырезал ложки, расчески, ножи для бумаги, крестики, печати для просфор и более сложные произведения искусства, такие как фигурка кого-либо из святых или тонко сработанная сцена из земной жизни Господа.

Отец Даниил был мастером делать деревянные ложки. Чтобы делать подобные, от его ученика требовалось внимание и – важнее – большое терпение.

Пустынь научила Константина многим утешениям, неведанным им прежде. Его трудолюбие позволило ему достичь высоких успехов в новом ремесле. Различные деревянные изделия, говорящие о его незаурядных художественных способностях, сохранились до наших дней. Одно, которое довелось видеть автору этой книги, принадлежит нынче архимандриту Арсению (Фсодорополосу) из Лариссы. Это крест для благословения с изображением Страстей Господних.

Обладая большой выносливостью, Константин не боялся физического труда и способен был выполнять самые тяжелые послушания. Его огромная энергия проявилась в нем с первых дней его жизни в Катонакии. Он заметил, что заросший неровный участок вокруг их каливы причиняет большие неудобства его немолодому наставнику и решил это исправить.

«Старче, сказал он, – благослови меня. Я хочу проложить тропу через густой кустарник, чтобы ты и твои посетители могли ходить свободно».

«Бог тебя прости, чадо,» – ответил Старец, радуясь рвению своего ученика.

Тишина пустыни на несколько дней была нарушена стуком топора и звоном лопаты. Дикий кустарник и камни были расчищены, и вот в середине негостеприимной, труднопроходимой заросли появилась аккуратная дорожка.

Бесценное наследство

Примерное благочестие Константина позволило отцу Даниилу безо всяких колебаний постричь его в монаха. Он воспринял имя Каллиник. Старец желал, чтобы конец аскетических борений ученика был в соответствии с именем – «хорошей победой».

Предвидя близкое прощание с временной жизнью, отец Даниил с радостным спокойствием видел, что свой богатый опыт исихаста – наследство, переданное от великих исихастов прежних времен – он оставляет достойному ученику – отцу Каллинику.

Преподобный Григорий Синаит, прибывший на Афон в начале XIV века, зажег там пламя исихазма.

Он стал учить богодухновенному подвижничеству, когда посредством полного освобождения ума от суетного, созерцания и умно-сердечной молитвы душа предуготовливается к духовному единению с Богом.

Пламя это, словно драгоценное сокровище передаваемое из поколения в поколение, горело в душе старца Даниила, который сейчас с благоговейным трепетом решился передать его ученику.

С того времени, когда он был посвящен в тайны умной молитвы и созерцательной жизни, отец Каллиник испытывал некое вдохновение, как при Пятидесятнице.

Прежде всего, он должен был понудиться, ясно взглянув себе в душу, смело и решительно изгнать из себя все нечистое, малейший сорняк, всеянный врагом. Только таким путем можно было продвинуться дальше и, восхитив небесный мир тишины, жить господином в храме своей души.

Какую радость познал он! Что открылось пред ним! Какой небесный свет – свет Фавора и Воскресения – встретил его, когда он лишь начал приближаться к Отцу света, Который зрел его издалека, с самого конца пути!

Теперь старец Даниил мог оставить этот мир со спокойной душой. В 1881 году мощи Старца, обернутые старенькой

мантией, обрели покой в своем последнем приюте в земле. Неопишима была скорбь ученика, расставшегося с тем, кто был ему дороже всех после Бога, – со своим Старцем.

Он переживал смерть, глаза были полны слез. Как теперь жить без духовного отца? Старец был его духовной сокровищницей, неким духовным банком, из которого в трудные часы душевной брани можно было черпать небесный капитал. Он осознавал, что осиротел, подобно преподобному Симеону Новому Богослову, который оплакивал смерть своего Старца такими словами:

Ты забрал из этого мира отца моего. Увы!

Ты удалил от глаз моих моего наставника,

О Человеколюбче, Ты меня оставил Совсем осиротевшим, совсем забытым «.

Возрастание в аскетизме

Прилежание к учению

Отец Каллиник стал старцем в каливе исихастов преподобного Герасима. С ним подвизался отец Неофит из Самоса, который также был учеником старца Даниила, вслед за отцом Каллиником.

Важнейшим для отца Каллиника было святое хранение учения Старца и тщание в жизни духовной, дабы оправдать те великие надежды, которые тот на него возлагал. И он, прилагая огромные усилия, оказался действительно достойным наследником этой духовной традиции. Аскетизм, пост, молитвы, молчаливость, бдение над своим разумом- все это блюлось неуклонно и благоразумно. По мнению отцов, старец Каллиник был даже более строг во всем, чем старец Даниил.

Он любил учиться, очень прилежал к чтению. Хотя и не имел университетского образования, обладал исключительно острым умом и мог вникнуть в самые трудные писания и постичь глубочайшие мысли Евангелия и Отцов.

По своему значению писания Отцов-исихастов стояли для него на втором месте после Евангелия. Исихий Пресвитер, Исаак Сирин, Григорий Палама и все, кто жил в состоянии, в духе священного молчания, были близки ему. Он подражал их житию, он стремился мыслить их мыслями. Живя в таких же условиях, как и они, пользовался их духовными плодами.

Умный и прилежный в учении, развивающий талант, данный Богом, он поставил перед собой задачу овладеть русским языком. И овладел настолько хорошо, что мог и говорить, и писать на нем. Как мы увидим далее, это пригодилось ему в жизни.

Великой его любовью было «Добротолюбие». Он вновь и вновь перечитывал страницы этой книги, соединяясь с родственным духом тех, кто прежде избрал жизнь бдения и созерцания, и духовная радость переполняла его.

Радость уединения

Кроме учения, прилежал отец Каллиник к уединению. В уединении разум его мог быть свободным в богомыслии. Он любил это на протяжении всей земной жизни, ведь жизнь в исихазме невозможна без уединения.

Следующий рассказ ясно раскрывает его характер.

Иногда по разным надобностям необходимо было бывать в Дафне. Для поездок отцы обыкновенно использовали лодку. Однако отец Каллиник предпочитал добираться пешком, что было очень непросто. Чтобы достичь Дафны, нужно было восемь часов идти без отдыха. Но продолжительный трудный путь его нисколько не пугал – напротив, он любил трудности. Более того, ему по душе бывало длительное уединение. Не тревожимый шумом, спорами, болтливыми спутниками, которых он, скорее всего, имел бы в лодке, шагал по безлюдным тропам, пребывая в богообщении. «Дороги, особенно когда они пустынные, дают нам возможность для размышлений, никто нас там не тревожит,» – пишет божественный Златоуст.

В то время, как шаги его отдавались тихим эхом в глубоких обрывистых ущельях, в то время, как он поднимался на перевал высокой горы или шел сквозь тенистые леса, изобильно украшающие Святую Гору, он непрерывно молился.

Сколько раз, окруженный красотой Святой Горы, любуясь раскинувшимся пред ним Эгейским морем, он воздевал кверху руки, благодаря Того, Кто устроил вселенную в мудрости Своей (Иер.10:12), Того, Кому всем сердцем жаждал вечно принадлежать.

Учитель воздержания

Дух умеренности правил его жизнью. Он сам и ученики его жили очень и очень воздержанно. Единую меру масла использовали они в течение всего года, причем шло оно и на еду, и на лампы в церкви. По субботним и воскресным дням, когда

допускается вкушать с маслом, он наполнял им крошечный стаканчик и поливал еду; но этого было столь мало, что масла почти не чувствовалось.

Рядом с его кельей росла виноградная лоза, на которой каждый год бывало до десяти гроздьев. Он ни разу не взял в рот ни ягодки, более того, он и послушникам своим не разрешал их попробовать, чтобы они учились воздержанию.

Однажды, перед Всенощной, отцы спросили его, нельзя ли им выпить кофе. «Если мы на время Всенощной должны себя чем-то подбадривать, то лучше уж нам пойти спать,» – был его ответ. Сам он никогда не пил кофе.

Во время Великого Поста он бывал очень усерден. Однажды двенадцать дней подряд постился, не принимая вообще никакой пищи и питья!

Он старательно соблюдал установление обходиться без мытья. Как-то вечером, когда писал в своей келье, отец Каллиник заснул. Керосиновая лампа начала ужасно дымить, и скоро все вокруг почернело. Когда дверь кельи открыли, духовные чада его не могли узнать лицо его, черное от копоти. Они поспешили было по воду, чтобы Старец мог умыться, но он их остановил. Вытирая руками лицо, заметил: «Не беспокойтесь, потом и слезами все смоеется».

Так же учил поступать и чад своих духовных. Однажды, когда один из них, живший какое-то время в Лариссе, собирался плеснуть на лицо немного воды, услышал слова Старца: «Если ты хочешь мыться, отправляйся в Лариссу. Здесь мы моемся только слезами и потом».

Старец Каллиник очень хорошо понимал значение физических лишений. Он знал, что «усохшая плоть не дает

вместилища бесам» (преп. Иоанн Лествичник) и что «совершенный разум – это храм Святого Духа» (авва Фалассий).

Смирение и доброта

Любому сразу были видны в нем прежде всего простота и смирение. Он так просто и скромно одевался и был столь прост в обращении, что на всех это производило глубокое впечатление.

Он всячески избегал малейших проявлений тщеславия; никто не мог убедить его попозировать перед фотоаппаратом. К счастью, один турист как-то сфотографировал его без предупреждения, и, таким образом, у нас имеется теперь его изображение. Из-за своего смирения и сознавая ответственность, какую это за собой влечет, он отказывался принять сан священнический. «Понимая большую ответственность и беря во внимание публичность священнического служения, я выбрал спокойную жизнь монаха,» – говорил он.

Смирением пребыл он во всю жизнь. Он благословил духовных чад сжечь переписку, поздравительные письма, панегирики и другие знаки отличия, полученные им от влиятельных особ (например, от Русского Царя).

Он был молчалив, скуп на слова, избегал всяких разговоров. В день, когда причащался Святых Таин, запирался в келье своей и запрещал беспокоить себя до вечера. Ему не надо было принуждать себя к молчанию, он не представлял себе иначе жизни исихаста, ведь «благоразумное молчание есть мать молитвы, воззвание из мысленного пленения, хранилище божественного огня, страж помыслов, соглядатай врагов, училище плача, друг слез, делатель памяти о смерти, живописатель вечного мучения, люб- боиспытатель грядущего суда, споспешник спасительной печали, враг дерзости, безмолвия супруг, противник любоучительства, причащение разума, творец видений, неприметное преуспеяние, сокровенное восхождение» (преп. Иоанн Лествичник).

Доброта его была безгранична. Все, кто посещал его, видели мужа богатой щедрости и любви. Он оставлял на время для них свой покой и свою молитву, отзываясь на их

затруднения и печали. Его справедливо называли человеком «редкой любви и доброты».

В затворе

Имея в себе такие духовные сокровища, отец Каллиник мог возноситься душою ввысь и наслаждаться богообщением.

Сейчас было у него два духовных сына: отец Неофит и отец Даниил, приехавший из Малой Азии и удостоенный быть священником. Кроме них приходило к нему много страждущих, ищущих

духовного совета. Жизнь его проходила на самом высоком подвижническом уровне.

Болезнует о многих, он никогда не забывал и о своей душе. Богообщение было твердым основанием храма его души.

В 1885 году, через четыре года после смерти его Старца, отец Каллиник решился предпринять великий подвиг. Он принял твердое решение полностью уединиться, заключив себя, словно в тюрьме для мира сего, в маленькой своей келье с небольшим пространством вокруг нее и оставаться в этих пределах столько лет, сколько Бог положит.

И прожил он так все оставшиеся сорок пять лет земной жизни. Ни разу затвор не был нарушен. Если бывала нужда известить о чем-либо, отец Каллиник обыкновенно поднимал большой шест с привязанным на конце его, как флаг, неким подобием паруса. Соседи, видев это, приходили узнать, что требуется.

Самопожертвование его было великим. Сорок пять лет подвизался он отшельником в келье в пустынном ущелье Катонакии, лишив себя всяких прогулок и общений с людьми. Лишь со смертью покинул он уединение свое, но и то душой только. Тело же осталось там, где совершался подвижнический подвиг.

Этот его подвиг был щедро благословлен Господом, «Посмотри на вино, как оно, если долго очень стоит неподвижно на одном месте, хорошо отстаивается, делается светлым и благоуханным,» — как говорится в «Добротолубии» (авва Евагрий).

В подвиге своем отдался он созерцательной жизни в рассуждении, в умной молитве. В этом возвышенном состоянии, достичь которого дается немногим, практической жизни места нет. Суета уступает место созерцанию, все заботы остаются вне внимания. В это время отец Каллиник-исихаст уже не занимается резьбой по дереву. Авва Исаак Сирианин благословил тех, кто достиг высшего духовного состояния, написав: «Благословен пребывающий в молчании и не отвлекающийся на разные труды, посвящая себя единому труду МОЛИТВЫ».

Житие исихаста

Отец Неофит и отец Даниил, два дивных духовных сына отца Каллиника, потрудились обеспечить своего Старца всем необходимым для его молитвенного подвига. Они пеклись обо всех практических делах своей каливы, принимали посетителей и вообще делали все, что было необходимо. Они осознавали как честь для себя то, что Старец их достиг таких духовных высот и удостоился «непрерывно возрастать умом и быть вознесенным силой Божией» (свят. Григорий Нисский).

Малейшие нарушения тишины и мельчайшие заботы ставят препятствия на пути созерцания исихаста. Поэтому старец Каллиник прилежал жить безо всякого попечения и в спокойствии ума. Отвлекаться из-за земных забот и разных событий в мире нельзя тому, кто выбрал путь непрестанного бдения и созерцания в безмолвии. «Вкусивший безмолвия, – сказал преподобный Нил Синайский, – и начавший сколько-нибудь упражняться в созерцании не согласится связать ум заботами о телесном и, отвлекши его от духовного ведения, обращать к делам земным, когда он большею частию парит превыспренно». Он никогда не открывал уста из любопытства, не спрашивал: «Что нового в миру?» Любое проявление любопытства пресекалось тут же. И, умерев для мира, полностью вверился он Промыслу Божию, почитая невозможным отвлекаться умом от трезвения и духовного созерцания. «Сколь блага, приятна, светла, сладостна, вседобротна, яс- нозрачна (веселолица) и прекрасна добродетель трезвения» для подвижника, живущего «непрестанно дыша Иисус-Христом, Бога Отца силою и премудростью» (преп. Исихий, пресвитер Иерусалимский). Такими великими словами определяют Трезвение те, кто его придерживался.

Когда наступала ночь, и его духовные сыновья отдыхали, он до полуночи пребывал в созерцании. В своей келье – в шестидесяти метрах от келий чад своих – он творил божественный труд молитвы. В полночь, когда духовные

сыновья его начинали, в соответствии с типиконом Святой Горы, предписанную службу в церкви, он несколько часов до рассвета отдыхал. Храм посещал обыкновенно раз в неделю – то был храм преп. Герасима, – когда приобщался Святого Причастия.

Хотя он и оставил суетный труд, иногда приготавливал еду. Ученики держали наготове дрова и все необходимое, и он сам, в молчании, готовил скромную трапезу – как правило, вареный

рис – непрерывно при этом творя сердечную молитву. Но вкушал Старец отдельно от своих учеников; и таким образом, он мог пребывать в молчании, уединении и молитве «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного,» – с каждой взятой в рот ложкой.

Так подвизался отец Каллиник в исихазме. Дух его вдохновлялся «светозарными лучами божественной красоты» (Каллист Катафигиотес). Эта божественная красота была дарована Святому, она шла к нему и через него – к его духовным чадам. Даже плоть их сияла так, что «они тоже свет испускают и становятся еще одним источником света, так как светят собственным сиянием» (свят. Василий Великий).

Духовные сыновья отца Каллиника

Прежде, чем принять кого-либо в свое духовное окормление, старец Каллиник обыкновенно строго испытывал просящего. Нелегко было стать его духовным чадом, требовалась немалая душевная стойкость.

Старец говорил очень мало. Послушания давал строго и точно. И если испытуемый не выполнял их надлежащим образом, то долго у Старца не задерживался. Отец Каллиник говорил обыкновенно в таких случаях: «Встань и иди. Я не буду грешить из-за твоего непослушания».

Когда же он прозревал возможность исправления какой-либо души, то терпел необязательность человека, увещеваниями и примером выводя на путь истинный. Многие желали быть его духовными чадами, многие приходили, но немногие остались под духовным водительством строгого аскета.

В 1920 году слава о добродетелях отца Каллиника Исихаста привлекла внимание к монашеской жизни Спиридона Менагиаса. То был видный человек богатый аристократ, знаменитый химик, выпускник университета в Цюрихе он все отверг, раздал все свое имущество и умер для мира, став отцом Герасимом, духовным

сыном старца Каллиника Таким образом, вместе с двумя уже упоминавшимися нами духовными сыновьями Старца, он стал третьим его чадом.

Позднее, когда отцы Неофит и Даниил отошли в лучший мир, а отец Герасим вынужден был – из-за морской сырости, губительной для его здоровья – перейти в 1925 году в скит св. Василия, отец Каллиник некоторое время оставался один. Но и в это время Старец мало кого желал принять к себе. Проходили у него послушания немногие отцы Афанасий, Иосиф, диакон Герасим, Христодул, Арсений.

Духовный наставник

Ежедневно, до двух часов в день, уделял отец Каллиник своим чадам, приходившим к нему ради духовного богатства. Тогда бывало в вечерней тишине кельи катонакского отшельника нечто совершенно исключительное. Людям, бедным духовно, невозможно и представить себе того богатства небесного, преизобильно бывшего у него. Словами то не передается. Все затруднения духовных сыновей разрешались сами собою. Оставались мир и любовь о Христе Старца. В конце они простирались ниц, целова: ли руку, принимая благословение, и удалялись на покой.

Беседы их бывали лишь на духовные темы, единые приличествующие монахам. Никаких воспоминаний о прошлом, никакого суесловия. «Мы не могли знать, – вспоминал позже один из духовных сыновей, – кем был Старец раньше, кто его родители, братья, сестры. Он никогда ничего не вспоминал».

Отец Каллиник знал, сколь полезны душам его послушников трудности: отрешение от собственных желаний, строгость наставника, и обращался он с молодыми людьми соответственно.

Однажды один из учеников, ездивший в Дафну за провизией, купил чудный апельсин. Он желал утешить любимого своего Старца, облегчив постоянную жажду.

«Старче, я принес тебе апельсин,» – радостно сказал он, возвратившись.

Но не было радости у Старца: «Это как же ты купил апельсин без моего благословения? Ты поступил своевольно, а потому немедленно выброси его» Кроме того, наложил отец Каллиник на него довольно строгую сорокадневную епитимью.

Другой его духовный сын, сильно простудившись, слег одним днем к вечеру в постель совершенно больным, и ночью было ему очень плохо. На рассвете услышал, как Старец, знавший конечно же о его состоянии, говорит ему: «Посмотри, чадо, вот письмо, которое сегодня должно быть отправлено в Карее. Ты идешь?»

Карея, столица Святой Горы, расположена в восьми часах ходьбы от Катонакии. Старец Каллиник знал о целебной силе послушания, познал это тогда и сын его духовный, выполнив послушание то и вознагражденный исцелением.

А вот еще один случай. Другой из духовных сыновей Старца должен был принести с побережья в каливу сухарей, которые они получали из Ксиропотама. Он просил у Старца благословения на то, чтобы причалить гребную лодку в другом месте, поближе к каливе, ибо от причала идти было далеко и трудно. Но Старец отказал ему, сказав: «Монаху не гоже бежать трудностей и трудов».

Какое-то время в каливе отца Каллиника был, кроме одного усердного монаха, один новенький, который не слишком радел о послушаниях. Старец же относился к нему с терпением, множество раз стараясь направить того на путь исправления. Однажды, например, когда некий паломник спросил его. «Святой отче, у вас есть нормальный послушник, но как вы выносите присутствие другого?» Старец ответил намеренно громким голосом: «А вот послушайте. У меня есть два мешка. Один с мукой, а второй с отрубями. Тот, что с мукой, я дам послушному, а непослушный получит отруби». Услышав это, нерадивый послушник так разволновался, что решил исправиться, дабы и ему досталась мука.

Так Старец Божий пас свое словесное стадо – сыновей духовных, восприняв полную ответственность за души их.

IV Неугасимая лампада

1. Дар духовного рассуждения

Духовная брань отца Каллиника, чистота его жизни и постоянное богообщение в умной молитве сделали его «светочем прозорливости». Его природные способности и острота ума развились в изумительной степени.

Обладая даром духовного рассуждения, который дается немногим, человек способен проникать в тайные глубины сердец и отделять пшеницу от плевел, свет от тьмы даже в самых запутанных случаях. Как сказано в духовных писаниях «Лестницы», духовное рассуждение есть «знание, данное божественным озарением», «в каждом случае, на каждом

месте, в каждом поступке – твердое понимание воли Небес», «чистое восприятие» и «умный свет».

Известность отца Каллиника как Старца, имеющего дар духовного рассуждения привлекала к нему многих людей, желавших уверенным ответом разрешиться от своих затруднений, ответом, исходящим из воли Божией. И все паломники могли пользоваться духовными сокровищами отца Каллиника. Приходили с сомнениями, житейскими проблемами, с вопросами об истолковании каких-либо отрывков из Священного Писания, приходили за духовной помощью. И все бывали удовлетворенными и одаренными.

Новообращенные, старцы, отшельники, общежительные монахи, миряне, чиновники – служители закона, полицейские, греки, русские, вся Святая Гора, все спешили к пустыннику-исихасту Катонакии. Много было посетителей и много приходило

писем. Он был настоящим пастырем. Так всегда и бывает, отцы, имеющие дар духовного рассуждения, как магниты, притягивают всех, кого тяготят духовные трудности.

Как мы увидим в нижеследующих случаях, дар прозорливости отца Каллиника был высоким и обильным.

Богодуховенные наставления

Некий монах, душа которого была в смятении, терзаемый искушениями и страстями, обратился, чтобы найти облегчение, к отцу Каллинику. Рассказав о своих бедах, он получил такой мудрый урок:

«Послушай, чадо, – сказал ему Старец. – Возьми это ведро и наполни его водой. А затем брось туда грязи и смешай».

Тот сделал, как ему было велено.

«Ну, видишь ли теперь что-нибудь внутри?» – спросил Старец монаха.

«Нет, Старче, вода мутная».

Старец продолжал беседу еще какое-то время. Добрый и любящий, отец Каллиник укреплял страждущего монаха. Спустя немного, велел монаху проверить воду.

«Она только-только начала очищаться,» – посмотрел тот.

Поучительная беседа продолжалась еще некоторое время, а потом вновь старец Каллиник напомнил монаху о воде.

«Вода совершенно прозрачна. Я ясно вижу мелкие камешки на дне».

И тогда мудрый Старец закончил беседу такими словами:

«Нечто подобное произошло и с тобой. В настоящее время разум твой, как замутненная вода. Однако не расстраивайся. Наберись терпения, и через два-три месяца вся муть, все беспокойство осядет, и ты увидишь насколько яснее и прямее будешь мыслить».

И произошло все так, как предсказал Старец.

В другой раз монах, мучившийся беспокойством об одном личном деле, отправился повидать Старца-исихаста. Однако, когда прибыл к нему, понял, что ничего не может рассказать. Дело было такого свойства, что трудно оказалось найти слова, дабы описать его. Монах попал в затруднительную ситуацию.

Тогда, вдохновляемый свыше, отец Каллиник начал:

«Однажды пришел ко мне по делу один монах Вот, что с ним было...»

Говоря, он точно описывал все, о чем не мог поведать посетитель Монах, изумленный, вскричал: «Это как раз то, что я хотел сказать, святой Отче!»

Счастливым от того, что таким чудесным образом ему помогли выбраться из столь затруднительной ситуации, монах вскочил, обнял Старца и с любовью поцеловал ему руку.

Не каждого из мирян, посещавших старца Каллиника и говоривших о желаниях стать монахами, он поощрял в том. Когда имевший дар духовного рассуждения Исихаст понимал, что очередной претендент не преуспеет в монашеском житии, то разубеждал его и советовал вернуться в мир и позаботиться о своей семье.

В некоторых беседах, когда понимал, что посетителя утомляет возвышенная тема, переводил разговор на более легкое. Мог сказать, например: «Какой прекрасный виноград на той лозе! Интересно его попробовать!»

Бывали также случаи, когда люди посещали отшельников просто из любопытства, а не по душевному побуждению. Видя их безразличие, и он показывался безразличным к духовной беседе. Он, казалось, отказывался от своего обычного настроения благочестия и раскаяния и опускался до уровня их интересов.

Так, бывало, спрашивал: «Ну, как ваша работа? Как виноградник? Получили ли вы масло от своих олив?»

И только если посетитель сам поворачивал разговор на духовную тему, Старец охотно раскрывал пред ним сокровища своей души.

Он не поощрял и чрезмерного и несвоевременного рвения. Одна монахиня, получавшая от него советы в письмах, получила и выговор – за то, что чересчур увлеклась постом: она ела только раз в неделю. «Это от искушения, – писал он ей. – Вам следует идти по среднему, царскому пути».

Два новых отшельника

Два монаха, успешно проходившие послушания в общежительном монастыре, по благословению своего игумена намеревались уединиться в пустыню. Для этого они пришли к старцу Каллинику.

Один из них подходил для суровой жизни аскета, но другой, в миру бывший ученым, интеллигентного воспитания, мог, казалось, и не выдержать. Потому первый, из самых лучших побуждений, сказал втайне от второго отцу Каллинику: «Старче, не давай ему слишком тяжелого».

Однако старец Каллиник уповал, что и второй, приложив усилия, станет достойным отшельником и не посрамит благословения игуменского.

Поэтому, подозвав второго монаха, Старец сказал: «Ты, возлюбленный брат мой, в миру вел жизнь легкую. Тебе трудно стать отшельником-исихастом. Останься в монастыре, продолжай там подвизаться и возьми себе за правило: когда священник даст тебе антидор, не ешь его сразу, но пойдя с ним в келью, омочи его слезами, говоря: «Господи, не в силах я быть воином Твоим. Слаб я сердцем и не годен для пустыни». А потом вкушай».

Эти слова Старца словно гром среди ясного неба встряхнули монаха. Повернувшись к собрату, сказал он с твердостью и вдохновением: «Ты сказал Старцу, что у меня нет стойкости? Я возжелал душу свою положить за слово Христово. Я готов к трудностям».

Улыбаясь, отец Каллиник произнес: «Вот, мужественный Христов воин».

И монаху этому были даны такие же правила и послушания, как и первому.

Спущенный полицейский

Одного полицейского из гарнизона Святой Горы чрезвычайно смущали разные личности, которых он встречал, неся свою службу. Со смятением в душе пришел он в каливу отца Каллиника.

«Старче, очень я разочарован и смущен тем, что вижу здесь. У меня было огромное желание приехать сюда, чтобы встретить добродетельных и святых монахов, но нашел я обратное. Если и в этом святом месте так много безобразий, что же тогда за его пределами? Я пришел найти добродетель, а нашел порок,» – сказал разочарованный полицейский.

«Возлюбленный брат мой, – ответил ему отец Каллиник, – добродетель – это не постиранное белье, которое в Дафне вывешивают на просушку, и все его видят». Полицейского так поразила мудрость замечания, помогшая решить его затруднения, что он слова не в состоянии был вымолвить.

«У тебя служба такая, – продолжал Старец, – что ты должен не только наблюдать безобразия и зло, но и стараться их находить и разоблачать, даже когда они не видны. Тебя послали сюда не для того, чтобы выискивать добродетель, а для того, чтобы искоренять зло. Ты забыл об этой своей задаче и переключил внимание на что-то другое – вот почему ты в таком смятении и отчаянии. Не забывай, что добродетель—это нечто спрятанное, то, что таинственно произрастает в тайниках сердца...»

Полицейский изошел от Старца, много поученный им.

Исправление монаха

Недалеко от каливы отца Каллиника жил монах, чинивший частенько раздоры от своего невоздержанного языка. Он начинал спорить из-за самых незначительных слов, оскорблял ближних словами, неподходящими для монахов.

Однажды он задел и отца Каллиника. Проходя мимо его каливы, тот монах из-за какой-то надуманной причины оскорбил Старца самым неподобающим манером. Старец не промолвил ни слова, оставшись совершенно спокойным.

Монах, выпалив оскорбления, отправился в свою каливу. Тогда отец Каллиник преподавал ему хороший урок, подобно которому тот никогда не получал. Он указал на церковь его каливы рукой, сказав: «Брат, ты пойдешь получать Святое Причастие».

Монах, не придав должного значения этим словам, пошел в свою каливу. Но как только подумал спокойно о значении сказанного, заволновался. Действительно, как он может осмелиться теперь причаститься, не получив прощения от брата, которого оскорбил? Его беспокойство возрастало, пока, полный ужаса и мучений от содеянного, не в состоянии утешиться, он ни вернулся к старцу Каллинику, чтобы пасть перед ним ниц и просить прощения.

Так отец Каллиник умел немногими умными и поучительными словами приводить в чувство тех, кто не следил за своим поведением.

Научение примерами

Чтобы истины, которые он изрекал, запечатлелись в умах его слушателей, он обычно использовал примеры. В этом методе отцу Каллинику не было равных.

Когда он хотел обратить внимание монахов на опасности, которым они подвергаются, не заботясь о себе, говорил: «Канатоходец идет по канату, протянутому над опасной, бурной рекой. Если он будет невнимательным, то погибнет ужасной смертью. И точно так же погибнет и монах, который не трезвится постоянно».

Когда некий отшельник спросил его: «Почему мы, современные монахи, не достигаем того, чего достигали монахи прежде?», Старец дал очень наглядный пример: «Мы не достигаем желаемого, потому что нас отвлекает множество ничтожных мелочей и нам не до главного. Забываем, что насущнее всего. Это как у кузнеца, который пообещал вам, что кирка ваша будет готова через три дня, но когда вы пришли, говорит, что времени у него не хватило сделать. Он кладет ее на видное место, чтобы заняться ей в первую очередь и просит вас прийти на следующий день. А тем временем появляются новые заказчики, и кирка вновь откладывается. Так что во второй раз он даже не может назвать вам точную дату. И история это повторяется снова и снова. При множестве забот появляется небрежность и беспечность, и добродетель наша не развивается».

Однажды спросили его: «Старче, вот были два послушника, получившие послушания и выполнившие их. Но один выполнил с радостью, а другой роптал при том. Какую плату они получают?»

Ответ Старца был таким: «В этом случае сделали они одинаковую работу, а разница была в том, что роптавший гораздо более

уставал. Все же за свою работу он получит, но ржавую монетку в десять копеек, тогда как другой – золотой рубль!»

Говоря о милостях Божиих для воинов Христовых, отец Каллиник изрек следующее «Когда человек нудится Богу потрудиться, Бог в каждый большой праздник наделяет его духовными дарами. Так же происходит и в армии, когда по праздничным дням командиры вручают хорошим солдатам награды, подарки или дают отпуск за заслуги».

На вершине горы Фавор

Божественный свет

Исихасту, ведущему праведную жизнь, погруженному в возвышеннейший труд умной молитвы, пребывающему в духе, словно ангел бесплотный, у Престола Божия, Сам Бог является неизреченно в потоке небесного Фаворского света.

Этот нерукотворный свет доводилось видеть смиреннейшим из православных. Это тот самый свет, которым сияло лицо Моисея от того, что Бог говорил с ним: «прославися зрак плоти лица его» (Исх.34:29). Видели его три ученика Христовых на горе Фавор. Когда апостол Павел шел в Дамаск, «внезапу облиста его свет от небес» (Деян.9:3) – это тот же свет Божий. Познали его святитель Василий Великий, преподобные Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов... Старец Каллиник также неоднократно удостоивался видеть его и возрадоваться. Многие, видевшие Старца в Божественном свете, испытали благоговейный страх при виде его сияющего лица.

Однажды, когда он затворился в келье своей, духом пребывая в высотах умной молитвы, в дверь постучал вдруг один из его духовных сыновей. Через некоторое время Старец приоткрыл маленькое оконце, вопрошая: «Что нужно тебе, благословенный? А? Зачем ты позвал меня? Если бы ты только знал, где я был! Если бы ты знал, какой я видел свет.» Чудо, возлюбленный читатель! Чудо небесного света, которое невозможно себе представить нам, недостойным. Но возможно нам дивиться святости старца Каллиника.

Мой старец, отец Григорий, которого я никогда не забуду, однажды отправился в каливу отца Каллиника. Его мудрый совет мог помочь разрешить некоторые вопросы, занимавшие отца Григория. Однако, когда он прибыл, ему велели подождать, так как отец Каллиник, молившийся в это время, собирался принимать посетителей по окончании молитвы.

Мой благословенный Старец прождал целый день, но Старец- исихаст не появился. Забрел рассвет следующего дня, день шел, и все двенадцать часов отец Каллиник был погружен в мир умной молитвы. Молитва продолжалась и всю

ночь. И на третий день он все еще молился. После полудня мой Старец, все еще ожидавший, почувствовал, что молитва закончилась.

Вскоре, когда старец Каллиник призвал его к себе, он увидел замечательное явление. Это было неопишимо и внушало благоговейный страх. Прошло много лет, но он не мог забыть это небесное видение.

Однажды я услышал, как он говорил одному необыкновенному, святой жизни иеромонаху нашей каливы: «Отец Иоаким, ты видел, какое сияние исходило от лица отца Каллиника? Как оно светилось! Как оно светилось! Можно было подумать, что ты увидел Моисея после того, как он сошел с Синая. Какое сияние! Какой божественный свет!» Какое счастье было отцу Каллинику, удостоившемуся при жизни земной видеть свет Пресвятой Троицы! Святость его можно воспеть словами преп. Симеона Нового Богослова:

«Я света часть, и я причастен к славе;
И светится лицо мое, как у Него.
И плоть моя вся светоносной стала,
Я становлюсь прекраснее всего».

Красен добротою

Лицо отца Каллиника, озаренное светом Фаворским, светилось часто даже и тогда, когда он не молился в уединении. Слова аввы Исаака Сирианина об ангелоподобном исихасте Арсении можно отнести и к нашему исихасту: «Созерцая его, они возрадовались, и слова стали ненужными».

Как-то один из послушников отца Каллиника получил благословение идти потрудиться в Лавру, которая расположена в трех часах ходьбы. Он пошел было, но что-то раздосадовало его и, сердитый и возмущенный, послушник скоро повернул обратно с претензией к Старцу. И что же? Приблизившись, увидел он лицо Старца своего – лицо, исполненное божественной благодати, радости и сияния святости. Он был поражен, у него полились слезы, он каялся: «О, нечестивый! Все, что Старец мне благословляет – это путь мой ко спасению, а я сержусь».

Один отшельник, отец Д, вспоминая о душеполезной беседе с отцом Каллиником, так описал облик Старца: «Говоря, он смотрел на меня с улыбкою. Лицо его сияло, по нему буквально разливалась волна радости. Виделось, что в этот самый момент он чувствовал любовь Господа к себе и благодать небесную».

Отец Каллиник в течение восьми лет был духовным наставником отца Герасима, доброго монаха и прославленного гимнотворца. Отец Герасим вспоминал следующий случай, произошедший однажды утром, когда какое-то душевное смущение привело его в келью Старца: «Утро доброе, утро доброе, – сказал он, как только увидел меня. – Я ждал тебя». Я был изумлен, услышав это, так как не говорил ему, что приду утром. Когда сел рядом с ним, почувствовал какую-то робость в его присутствии. Когда же взглянул в лицо его, увидел, что оно светилось неотмирным сиянием. От созерцания этого и во мне родилась какая-то необыкновенная радость. Мне казалось, что при этом я ощущал некий чудесный аромат».

Да, правда. Верность отца Каллиника Христу и непрерывное богообщение с Тем, Кто «красен добротою паче сынов человеческих» (Пс.44:3) возвысили не только душу его, но и его плоть.

Борьба против ереси

Духовный опыт старца Каллиника позволил ему знать все о самых глубоких и тонких сторонах исихазма. Им было распознано фальшивое учение, отошедшее от исихазма.

В 1910 году среди русских монахов Святой Горы распространилась ересь имеславцев. Монах Иларион опубликовал книгу с новым еретическим учением о прославлении имени Божия, в которой говорилось, что человек по греховности своей не может прославлять Самого Бога, но лишь Его имя. Пока книга оставалась незамеченной Святейшим Синодом, ересь начала сильно распространяться и вызвала смуту среди русских монахов на Афоне. Опасность была серьезна. В той критической ситуации потребовался кто-то, кто мог бы распознать и обличить новое соблазнительное учение. Таким человеком и стал старец Каллиник

В своем слове, которое дошло до Вселенского Патриарха и Святейшего Синода в России он неопровержимо показал несостоятельность взглядов имеславцев, которые, по его меткому замечанию, «скуфью почитают, а голову забыли».

Читавшие слово его, соглашались с ним. Русский Царь послал ему благодарность и награды (эти награды до сих пор хранятся в каливе преп. Герасима). Говорят даже, что Государь Николай Александрович сделал следующее замечание Синоду Русской Церкви: «Целый Синод не распознал ереси. Потребовался простой монах со Святой Горы, чтобы просветить вас».

Все, кто принял тогда ересь, – примерно тысяча двести русских монахов – были вывезены с Афона силами морского военного флота России и поселились большей частью в горах Кавказа.

Учитель умной молитвы

После славной победы над ересью старец Каллиник был признан повсеместно столпом исихазма и умной молитвы. Имевшие затруднения, обращались к его мудрости. Желающие заниматься умной молитвой искали его благословения.

В обучении умной молитве он руководствовался евангельскими словами: «Не дадите святая псом» (Мф.7:6). Никогда не раскрывал тайны умной молитвы монахам, не воспитанным в духе полного послушания и отрешения от собственной воли, не достигшим успехов в искоренении страстей.

Старец считал еще одним необходимым условием для научения умной молитве полный покой и забвение земных забот. Он говорил, что в миру невозможно погружаться в умную молитву.

Все могут молиться, говоря: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного». Однако молитва словесная – одно, но совсем другое – молитва умная. Первая – это начальная школа, а вторая – университет.

Учиться он считал также необходимым у учителя. Говорил, что по книгам невозможно овладеть умной молитвой. При этом учитель должен быть праведен и опытен, а ученик должен полностью верить ему свою душу

Отец Каллиник предостерегал людей от желания обратиться к умной молитве, не пройдя через монастырское послушание, не получив благословения, полагаясь только на себя. Он говорил, что люди эти заблуждаются. Научал, что умная молитва – это высшая ступень, дар Божий достигшим успехов в трудах послушания.

Чтобы показать, как те, кто не готовыми вступают на путь умной молитвы, посрамляются, старец Каллиник рассказал в назидание такой забавный случай: «Один русский исихаст из Карули страстно желал побывать у Гроба Господня, дабы видеть Огонь Небесный, сходящий там ежегодно на Святую Пасху. Для этого он приехал на Страстной седмице в

Иерусалим и накануне Праздника Воскресения Христова, никого не спросив, расположился в храме на самом удобном месте, откуда лучше всего видно. Он не знал, что место это предназначается для официальных лиц. И был арестован и после выяснения обстоятельств выслан. Таким образом, он не видел схождения Святого Огня, но, опозоренный, вернулся на Святую Гору. И так пострадает каждый, кто вознамерится приблизиться к умной молитве и свету Фаворскому без должной подготовки и благословения»

Посещение слепым монахом

Некоторые посетители богодухновенного учителя старца Каллиника преодолевали большие трудности, чтобы прийти к нему. Одним из них был слепой отец Леонтий, ведший также отшельническую жизнь. Его убежищем была кафисма св. Симеона, принадлежащая святому монастырю Симонопетр. Он возгорелся желанием посетить отца Каллиника и однажды, несмотря на свою слепоту и возраст – ему было уже за семьдесят – отправился в Катонакию, ведомый учеником своим Даниилом.

Дорога была каменистая, неровная. Потребовался почти целый день, чтобы проделать необходимый путь. Уже далеко за полдень, когда приближался он к каливе преподобного Герасима, споткнулся и сильно, в кровь разбил лицо свое о камень.

Отец Каллиник принял его очень тепло. Расцеловавшись по христианскому обычаю, начали разговор на духовные темы.

«Кровь, пролитая тобой, старче Леонтие, будет зачтена как мученическая, пролитая ради любви ко Христу и ко словам о спасении, что и подвигнуло тебя подъять такие труды,» – сказал отец Каллиник.

Беседа их длилась несколько часова. Главным был разговор об умной молитве. Когда же один из духовных сыновей отца Каллиника принес поднос с питием – в их каливе подавали обыкновенно воду, кофе, иногда виноград – отец Леонтий осмелился спросить: «Старче, отчего ты не научишь его умной молитве?» На что отец Каллиник, улыбаясь, ответил: «Если бы я учил его умной молитве, старче Леонтие, кто бы тогда принес нам поднос с питием? Сейчас ему должно в послушании смирить свою волю, а через послушания придет возможность научиться и умной молитве. Послушание является необходимым условием для любого восхождения».

А вот другое. Один из учеников отца Каллиника получил благословение возить навоз для удобрения деревьев. Это означало долгий путь и продолжительную тяжелую работу.

Уставая и мечтая о нескольких часах отдыха, тот просил Старца облегчить послушание, чтобы была возможность заниматься чтением и молитвой.

Однако Старец не благословил этого, сказав: «Нет. Выполняй свое послушание и через него приобретешь больше. Когда я расстанусь с этой жизнью, будет и у тебя время заняться учением и молитвой. Тогда ты и поймешь, что в послушаниях ты делал лучшее, о чем говорят душеполезные книги».

Прозорливость

Часто в чистых сердцах святых таинственно звучит глас Божий, извещающий их не только о настоящем, но и о будущем. Так множество раз бывало и с отцом-исихастом Каллиником.

Одна очень богатая и благочестивая женщина, глубоко чтившая старца Каллиника, просила его в письмах своих молиться о ее семье ко Пресвятой Богородице о защите от всякого зла. У них в Лавриосе было поместье, и плавания туда на корабле сопрягались часто с большой опасностью.

Как-то, когда корабль направлялся к поместью, случился ужасный шторм. Все видели, что кораблекрушение неизбежно, но все же с большим трудом им удалось добраться до суши. Муж той женщины, не столь благочестивый, как жена, начал ее упрекать: «Ты видела, что мы пережили. Мы смотрели в глаза смерти! Чего стоят молитвы того монаха на Афоне, который обещал молиться о нас? Где его защита?»

Вскоре они добрались до своего загородного дома, и там их уже ждало письмо от отца Каллиника. Они открыли его и... «Вас ожидает большое испытание. Надлежит быть очень осторожными. Но вы спасетесь, ибо защитит вас Пресвятая Богородица». Муж: был, словно громом поражен, и с того времени стал относиться к отцу Каллинику с безграничным уважением.

Отшельникам, подвижающимся в нищете и лишениях, Господь посылает то, что им потребно, различными путями. Иногда Он взывает к сердцам каких-нибудь людей, которые доставляют отшельникам необходимое – неважно, верующие люди то или нет, благочестивые или непочтительные. Авва Дорофей так говорит об этом: «Что касается телесных нужд, если есть кто-то, достойный помощи, Бог даже к сердцу сарацина обратится, и через него милосердие к нужде человеческой проявит.

Готовясь к Пасхе, отец Христодул, духовный сын отца Каллиника, отправился в магазин в Дафну. После его ухода

Старец сказал вдруг другому ученику, отцу Арсению: «Скажи ему, пожалуйста, купить также немного икры.

Отец Арсений побежал было догнать брата, но поздно: тот был далеко. На следующий день отец Арсений встретил его возвращающимся и в крайнем смущении рассказал о благословении Старца. Услышав это, отец Христодул был поражен.

Полный изумления, осенил себя крестным знаменiem: «Послушай, брат, – сказал он, – и подивись вместе со мной. Когда я сделал покупки в магазине Дафны и собирался отправиться обратно, хозяин спросил меня, кто мой Старец. Я сказал. Услышав имя отца Каллиника, он очень обрадовался, ибо почитает его. «Так ты говоришь, что твой Старец отец Каллиник, – сказал он мне. – Пожалуйста, передай ему от меня небольшой подарок к Пасхе». И он дал мне большую меру икры!»

Духовные сокровища

«Ум мой в смятении, Старче,» – поведал однажды отцу Каллинику его духовный сын. «Твори молитву Иисусову (Господа Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного), и бес, смущающий тебя исчезнет».

«Спервоначала требуется очищение от страстей, и только потом можно думать о житии отшельническом. Нечистый сосуд не может принять мира».

«Кто после смерти может попасть в золотую раку (то есть, кто может стать святым)? Тот, кто смиренно и с благодарностью принимает все, ниспосланное Богом. Например, видя бобы за трапезой, думает с радостью в себе «вкушу бобов». Но тот, кто ропщет на все и помнит о своих желаниях и удобствах, тот не будет в золотой раке»

«Так же, как газеты пишут о важных лицах – о Царях, министрах, сановниках и т.д. – а судьба какого-нибудь торговца углем их не заботит, так и клеветники обращаются лишь против добродетельных и достойных уважения».

«Монахи, общающиеся с мирянами, еще совершенны – принижаются, еще же несовершенны – познают падения. И будто про них сказал царственный псалмопевец Давид: «смесишася во языцех и навывоша делом их» (Пс.105:35)».

«Мы должны беречься от осквернения телесного. Впавший в телесный грех, оставляется Богом. Совершивший большой проступок или даже преступление, находит в себе силы идти с раскаянием в церковь. Но осквернивший плоть свою не дерзает и иконы почитать»

Его сияние

Отец-исихаст Каллиник, исполненный добродетелей и милостей Божиих, для Горы Афон был исключительным примером Божией благодати – огненный столп, воздвигнутый в прибрежной пустынной местности Катонакии, светом своим указывающий правильное направление всем, плывущим по морю жизни.

Есть люди, что выделяются благодаря своему высокому положению, но есть другие – они выделяются мудростью в духовном величии.

Русский аскет, отец Парфений, в прошлом генерал Царской армии, и иеромонах Феодосий, в прошлом ректор одного русского университета, часто навещали отца Каллиника. Среди его посетителей был один русский отшельник, от которого исходило, милостью Божией, благоухание. Когда духовные сыновья отца Каллиника заметили это, то стали каждый раз держаться поближе к нему, чтобы насладиться тем чудным ароматом.

Отец Афанасий из Лавры, прославленный врач и известный ученый (благодаря его крупным научным достижениям его навещал часто в Лавре зам. министра Франции Лемонье на своей великолепной яхте), был также в числе тех, кто частенько прибегал к совету отца Каллиника.

Когда Король Константин I решил наградить выдающегося греческого ученого Александра Мораитидиса, этот благочестивый муж обратился за благословением к отцу Каллинику. Он написал своему бывшему ученику отцу Герасиму (Ме-нагосу), прося узнать мнение Старца. И только когда отец Каллиник благословил, известный ученый принял королевскую награду.

В 1913 году русский религиозный журнал «Христианин» опубликовал впечатления о Святой Горе русского отца Пантелеймона (профессора Московской Духовной академии), который шесть месяцев пребывал там в 1912 году. В его заметках есть и упоминание об отце Каллинике: «Видел я еще

одного монаха, в котором изумительно сочетаются духовный опыт и рассудительность с исключительной любовью и вниманием к людям. Он щедро делился своим духовным богатством и с русскими монахами, искавшими у него наставлений и молитв».

Не только монахи, но и белые русские священники стремились к монаху Каллинику, как, например, священник Николай, испрашивавший наставлений на свою пастырскую деятельность.

Митрополит Триkki и Стагона, Дионисий, будучи еще молодым монахом в Лавре, удостоился чести посетить каливу старца Каллиника. Его старец, отец Зосима, взял его с собой, навещая отшельников, чтобы и ученик мог духовно обогатиться. Его Преосвященство вспоминал об отце Каллинике: «В нем виделось средоточие высокой духовности и благодати Божией. Святость сияла в его чудном, благословенном лице. Он был высокодуховным человеком с ясным и здравым пониманием жизни, серьезен в словах. Истинный аскет, житель пустыни и ангел во плоти».

Воспоминания об отце Каллинике становились важными в жизни людей, которым посчастливилось видеть его.

Блаженное упокоение

В июле 1930 года Старец-исихаст оказался прикованным к постели. Кончина его приблизилась. Болезнь заставила Старца вспомнить живо его незабвенного Старца, ибо видел он, что болезнь его та же, что и предсмертная болезнь отца Даниила. Тот проболел пятнадцать дней, но отец Каллиник, имевший более сильный организм, страдал сорок дней.

Все отцы обеспокоились, узнав о болезни, ибо он был их бесценным духовным наставником и утешителем.

Состояние его не улучшалось. Прошел весь июль, наступил август. Похоже было, что жить оставалось не более нескольких дней. Наступил праздник Преображения Господня, имеющий для исихастов особенное значение. Только посвященные в жизнь «небесной исихии» способны понять во всем величии гору Фавор и нерукотворный свет и слова: «Добро нам zde быти» (Мф.17:4). Этот святой день был предпоследним днем его земной жизни.

Седьмого августа прикованный к постели Исихаст приготовился покинуть земную свою оболочку и взойти к Небесному Иерусалиму, который «свобод есть, иже есть мати всем нам» (Гал.4:26).

Последние часы жизни его земной были поистине святыми – достойным завершением равноангельского жития. Он пребывал в состоянии духовного восхищения. Все понимали, что конец близок он увидел сонм святых Отцов, готовящихся приветствовать его. Взволнованный небесным видением, Старец сказал духовному своему сыну: «Иди, чадо, приготовь храм: пришли святые Отцы». Радость его была непередаваема. Святые, которых он так любил, которые были примером и наставлением его, не оставили его в час смертный. Минут за десять до кончины, с изумлением глядя на прославленных святых, приглашавших его в Царство Вечности, он, воздев руки, произнес: «Господи! Ничего в своей жизни не сделал я доброго, но благодарю Тебя за то, что умираю православным!»

После этих слов старец Каллиник закрыл глаза и, исполненный святости отшельник-исихаст предал душу свою Господу.

Через несколько лет, при перенесении его останков, отцы увидели, что они имеют характерный желтоватый оттенок, отличающий мощи афонских святых.

Старец Даниил Катонакский

«Слышах о тебе, яко Дух Божий в тебе и бодрость и смысл и премудрость изобильна обретется в тебе»

(Дан.5:14).

Вступление

Немного повыше внушающей благоговейный трепет Карули лежит пустынная местность Катонакия. В том районе – большая калива благословенной Данииловой общины, которая смотрит на Катонакию с возвышенности примерно в 300 метров над уровнем моря. Калива эта была построена ученым отшельником старцем Даниилом, основателем общины, имя которого на Святой Горе до сего дня произносится с особым почтением и уважением.

Отцы – его современники, хорошо знавшие его, с вдохновением рассказывали об этом человеке, наделенном редкостными природными способностями и духовными дарами. Большую часть сведений о его жизни дали два его ученика, блаженные отцы Геронтий и Нифонт, к настоящему времени почившие. Досточтимый архимандрит Гавриил из святого Дибнисиата также сообщил нам нечто о Старце. Интересные биографические сведения о старце Данииле содержатся также в сочинениях современного греческого автора Александра Мораитидиса, имевшего счастье быть духовным сыном Старца. И наконец, мы нашли много биографических сведений в оставшихся после него собственных рукописях: набросках, записях и письмах.

В конце этого повествования приводятся «Советы и поучения старца Даниила» – отрывки из его сочинений.

«Мягкий, смиренный, тихий, понимающий» старец Даниил был одним из величайших представителей афонского монашества и современного Православного монашества в целом. Это легко увидит любой читатель, благопожелавший познакомиться с жизнеописанием старца Даниила.

От Смирны до Афона

Поиск

«Был канун праздника св. Марии Магдалины... Войдя внутрь, я вытер пот... который выступил от страха. Строение, в которое я вошел, не было церковью, хотя и было убрано, как церковь. Это была молельня, в которой старец Даниил, не имевший собственной церкви, вычитывал службы с двумя своими учениками. Все трое стояли там, опираясь на монашеские посохи, сделанные из веток орешника. У них были святые иконы, книги, ладан, они пели... Я впервые увидел старца Даниила... Услышав мое имя, он выказал искреннюю радость, словно увидел одного из своих давних учеников, и начал всячески заботиться обо мне...

После вечерни во время отдыха в прекрасном дворе я получил прекрасное угощение (предлагаемое гостям – прим. ред.) в пустыне – леденец и стакан холодной воды. Перед нами простиралось великолепное величественное море, раскинувшееся до берегов Сев. Спорада.

Позднее ради меня была и вечерняя трапеза. Отшельники всегда вкушали раз в день, непременно в девятом часу, в маленькой трапезной, сияющей чистотой. Монах Иоанн, чьим послушанием были поварские труды, подал нам скромную пищу вареную вермишель, фрукты и вкусное сладкое печенье.

Но самое сильное впечатление на меня произвела тогда ночь в Катонакии.

После того, как мы вкусили в скромной трапезной каливы (Сама Владычица Богородица благословила скромную нашу пищу, ставшую этим благословением сладкой), мы вышли на воздух и присели на каменные скамьи перед маленьким домиком для гостей, чтобы отведать десерт – как сказал старец Даниил. Мы провели долгие часы в беседе в виду моря, поблескивающего в лунном свете. А несколько позже, ночью, прочитали во дворе вечернее правило, после чего Старец удалился выслушать обычные еженочные исповеди двух своих духовных чад. Я же в каком-то лирическом волнении остался созерцать открывающийся передо мной великолепный вид и

только в полночь удалился спать на заботливо приготовленную для меня постель, размышляя о красотах пустыни, увиденной мной впервые».

Так о первой, незабываемой встрече со своим духовным учителем старцем Даниилом написал Александр Мораитидис. И много раз после этого Александр вместе с другими учениками Старца сидел с ним во дворике, слушая «слова, вобравшие в себя всю небесную благодать» и воспоминания его о прошедшем: о начале его земной жизни, о том, что случилось потом...

Старец Даниил или Деметриус Деметриадес, как его звали в миру, родился в 1846 году в Смирне, городе, население которого, как и население некоторых других городов, горько скорбело тогда о потере греческой Малой Азии. Родителей его звали Стаматиус и Мария. Бог даровал им троих сыновей – Георгия, Константина и Деметриуса и трех дочерей – Екатерину, Анну и Параскеву. Деметриус был младшим из сыновей. Нам известно, что мать его происходила из семьи Геннадолулос, а предки отца были родом из Димицаны Пелопонесской.

Стаматиус Деметриадес владел ремеслом оружейника, и юный Деметриус приходил иногда в его мастерскую и с любопытством ее осматривал. Но больше времени мальчик проводил в кузнице иного оружия, оружия духовного, которая принадлежала его дяде – Анастасиусу. Дядя Анастасиус был простым человеком, не очень образованным, но очень верующим и добродетельным, и он вооружил Деметриуса «оружием света». Он превратил свою мастерскую, где варил на продажу мыло, в келью подвижника. Там укрепил даже ремни, чтобы они поддерживали его во время долгих всенощных бдений. Люди называли его обычно «Святой мыловар» Сердца молодых людей, посещавших его, впитывали слова учения Божия словно почва добрая. Воскресными днями он уводил группу молодежи за город, на чистый воздух, подальше от городской духоты, и там они, кроме свежего воздуха, вдыхали сладость совместных молитв, слова Божия – этих даров Господних. И до скончания времени земной жизни старец Даниил не забывал данного ему этим святым человеком.

Деметриус учился в прославленной школе Благовестия Смирны, где всегда пребывал первым учеником. Но уроки школьные не несли полного удовлетворения душе его, не могли наполнить его ум. Главное, что было ему близко и что он любил, было вне школы: Писание и поучения святых Отцов—он постоянно их изучал. Особый интерес вызывали писатели-аскеты, достигшие вершин духовной жизни. И совершил он тогда нечто невероятное—он выучил наизусть «Добротолюбие»—книгу, о существовании которой многие люди даже и не знают. На ее страницах сын оружейника нашел всепобеждающее оружие, с которым можно выступить против самого сильного врага. И под влиянием этой книги в нем мало-помалу начало возрастать желание посвятить свою жизнь служению Богу в монашестве. Его звала чистая жизнь монахов, он все чаще думал о том, как бы и ему оставить поскорее мирскую жизнь.

Дядя Анастасиус говорил людям, искавшим святости: «Если Вы действительно хотите видеть добродетель и святость, идите на Святую Гору».

Святая Гора Афон! Деметриус в душе своей еще не ясно прозревал ее аскетическое византийское величие. Возможно ли, что и он удостоится некогда подвизаться на этой Горе?

Святогорский монах, бывший тогда на подворье Хиландарского Афонского монастыря в Смирне сказал ему: «Из всех молодых людей, которых мне довелось исповедовать, только в тебе, чадо, вижу я это стремление. Кажется, Сам Бог велит тебе быть монахом на Святой Горе».

Каждое богоугодное желание, однако, испытывается, и вполне естественно, что желание Деметриуса тоже должно было пройти

трудное испытание. Неожиданно умер его отец, и пришлось ему стать опорой семьи, занимаясь какое-то время попечениями о доме, продолжая отцовское дело. Однако, в это время вокруг него собралось сообщество верующих юношей, которых он научал основам христианства, побуждая их всерьез вступить на стезю добродетели. Он стремился другим передать святоотеческое пламя веры и святости.

И по прошествии некоторого времени в одно прекрасное утро он принял решение. С благословения духовника тайно оставил прежнюю жизнь и отправился искать гавань душе своей. Было ему девятнадцать лет. Деметриус слышал, что на Пелопоннесе и на островах Эгейского моря есть святые места, привлекающие паломников, монастыри с добродетельными монахами, и ему хотелось видеть все это. Он побывал в Большой Пещере, в Святой Лавре, Гидре, Тиносе, Паросе и других. На Паросе в пустыни св. Георгия нашел подвижника отца Арсения, который подвизался там в аскетизме и еще при жизни почитался как святой. Встреча эта стала важной вехой в жизни юноши. Он просил его позволить ему жить с ним, но отшельник, по воле Божией, указал ему на его истинное предназначение:

«Нет, чадо, ступай на Святую Гору в обитель св. Пантелеймона».

Побудив юношу отправиться, отшельник дал ему мудрые наставления из своего опыта и предсказал на прощание, что жизнь свою земную закончит он у подножия Горы Афон, что впоследствии и сбылось.

В течение долгого времени мать Деметриуса была безутешна.

«Он тайно покинул нас! – повторяла она снова и снова. – Он ушел, ничего мне не сказав! Я не могу простить ему этого. Почему он это сделал? Разве я не почитаю Бога? Почему он не просил моего благословения? О Богородица, всем сердцем молю Тебя, не позволь ему стать монахом, если не придет он попрощаться со мной и попросить моего благословения».

После Пароса Деметриус посетил Икарию, где видел множество добродетельных монахов и получил для себя много пользы душевной. Словно яркая звезда выделялся среди них иеромонах

Исидор, ученик чудного аввы Аполлона, мощи которого благоухали после смерти.

В то время, когда его благочестивая мать молила Богородицу, корабль, на котором был ее сын, плыл от Икарии мимо Хиоса, направляясь на север. И вдруг ветер неожиданно

подул в другую сторону, и корабль вынужден был сменить курс и вскоре бросить якорь в гавани Смирны. Таким образом, после девятимесячного отсутствия Деметриус очутился в своем родном городе. После сильной просьбы одного своего старого друга, встретившего его на верфи, он решился навестить свой дом. Мать восприняла это событие как чудо и горячо возблагодарила Богородицу за то, что Та услышала ее молитвы. И когда позднее сын целовал ей на прощание руку, она со слезами благословила его:

«Ну, сын мой, иди с миром, и милость Божия да охранит тебя на пути, выбранном тобой».

Следует сказать, что эта благочестивая женщина умерла в 1892 году в Верхнем квартале Смирны, удостоившись заранее знать день своей кончины. То была святая мать святого сына.

Иго послушания

После этого нежданного отклонения корабль продолжил свой путь и, пройдя мимо Лимноса, направился к Святой Горе. В священном величии пред глазами восторженных пассажиров предстала вершина Афона. Проплывали одно за другим очертания крупных монастырей, похожих на райские обители, возведенные любящими Бога бастионы подвигов в битве «к миродержителем тьмы века сего» (Еф.6:12). И Богородица, Правительница здешних мест, Руководительница всех подвизающихся в брани духовной, милостиво взирала на нового сына Своего.

Ему не было нужды думать, куда отправиться: отец Арсений указал уже место его – обитель святого Пантелеймона. Проплыв мимо многих монастырей, они, наконец, добрались, до этой величественной обители.

В сей крепости духовной предстояло ему стать воином духовным под покровительством великомученика и целителя Пантелеймона. В то время братия монастыря насчитывала двести пятьдесят отцов – греков и русских. Русских было меньше, но число их постоянно возрастало, а вместе с этим росли также и огромные здания монастырские.

Если войти в церковный двор, сразу почувствуешь себя маленьким среди величия как бы одного из дворцов Царской России. В этом монастыре главной силой постепенно стали русские. Они построили колоссальные здания с величественными лестницами, церкви, подобные церкви Св. Покрова и св. Александра Невского, богато украшенные золотом и серебром; огромную трапезную и величественную колокольню с громадным колоколом, весом в 12 тысяч ока (1 ока – это немногим более килограмма), один из крупнейших в мире. Когда он звонит, земля содрогается, а сам звон слышно и в Карее. Было время, когда количество монахов достигало там трех тысяч человек, но сейчас, при нынешнем режиме в России, остается всего несколько отцов.

С 1832 года игуменом монастыря был архимандрит Герасим из Драмы. Деметриус, представ пред ним, пал ниц и стал просить, чтобы его приняли в число братии.

Игумен советовался в этом с другими отцами.

Когда они узнали, что молодой человек приехал из Смирны, некоторые стали возражать.

«Мы не желаем жить совместно с человеком из Смирны,» – говорили Игумену.

«Отчего нет?» – «Знаем мы уже этих, родом из Смирны...»

«Но я прошу Вас, примите меня! Если не подойду, тогда изгоните,» – настойчиво просил монахов Деметриус

Видя такое рвение, отцы решили-таки принять его. Позже они шутя говорили ему: «Ты оправдал жителей Смирны!»

Итак, Деметриус был принят и зачтен в послушники. Первым послушанием его было келейничать у старого монаха Саввы, которому минуло уже восемьдесят пять лет.

Старец Савва приехал из Кесарии. В молодости он сыграл важную роль в становлении монастыря, но теперь был уже на покое, доживая тихо последние годы в кафисме. Навещавшие его, изумлялись его прекрасной памятью. Среди прочего он мог рассказать нечто старинное из истории монастыря, словно это случилось только вчера. И, вероятно, из-за возраста, был несколько чуждаковат, так что требовалось много терпения, чтобы прислуживать ему. Терпение требовалось также и при испытаниях, намеренно жестких разговорах, которыми испытывали обыкновенно душу и тело новичка. У старых отцов Святой Горы было в обыкновении немилосердно гонять молодых послушников, но делали они это из любви к ним. Надо было изжить мирские пристрастия, сокрушить эгоизм, выкорчевать самоволие, сгладить острые углы характера. Душа должна была на послушаниях стать простой, чистой, победоносной, как у мучеников, проливших свою кровь. Путь послушания есть путь самоотречения и несения креста, по которому необходимо идти, чтобы достичь истинной свободы и славы о Христе.

Послушник поэтому, по благословению монастырскому, взял на себя попечение о всех нуждах старца Саввы: прибирал

его кафисму, готовил еду, стирал одежду. Но при этом он должен был терпеливо переносить упреки, справедливые и несправедливые. И в столь трудных обстоятельствах поведение его было безупречным. Когда отец Савва без всякой причины ругал его на своем восточном диалекте, смешивая греческие и турецкие слова, он смиренно склонял голову и произносил тихо: «Благословен будь, Старче».

Однажды в субботу Деметриус почистил часовенку кафисмы. Она была освящена в честь святого Трифона; очень красива, покрыта мраморными плитами. После того, как он тщательно вычистил мрамор, вычистил до сияния, появился старец Савва. Достав из кармана белый носовой платок, вытер им пол, как бы собрав с него пыль, и нашел таким образом причину поворчать на своего послушника.

«Что это за работа? Ты это называешь чистым? Ты что, не видишь, как почернел платок? Разве так говорится в Библии: «Господи, возлюбих благолепие дому Твоего» (Пс.25:8)?

Так обыкновенно испытывали всех, стремящихся к монашеской жизни, и он просто светился смирением, мягкостью и любовью. За эти добродетели отец Савва высоко его ценил и, когда позднее Деметриусу назначили другое послушание, при расставании просил у него прощения.

Второе монастырское послушание было в другой кафисме, где подвизались два болгарских монаха. Они делали из шерсти мешки и другое. Отцы эти оказались весьма суровыми. Однако Деметриус остался стойким в послушании, видя прямое и в кривом. Например, в каждую пятницу по вечерам они молились о упокоении душ умерших. Когда в один из таких вечеров подошла очередь новичка, он правильно произнес слова молитвенные, поставив косвенное дополнение во множественном числе в винительном падеже: «упокой Боже, рабы Твоя, и учини я в раи»

Но болгары закричали: «Ты неправильно сказал(!); надо говорить не «рабы Твоя», а «раб Твоя».

«Благословенны будьте, Старцы. Отныне буду говорить: «раб Твоя,» – ответил истинный сын послушания.

Он несомненно знал поучение св. Варсонофий о терпении: «Потрудись во всем отсечь собственную волю, так как это вменяется человеку как жертва. Это то, что подразумевается в словах: «Тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы заклания» (Пс.43:23)».

Монах Даниил

Смирение Деметриуса на послушаниях тронуло сердца братии монастырской. Игумен, которому рассказывали о его скромности и терпении, взял молодого послушника на новые послушания в монастыре.

Прошло немного времени, и наступил великий день в его жизни – день пострига монашеского. Позже старец Даниил всегда с волнением вспоминал этот день; он вспоминал, как его Старец за руку подводил к святым иконам, дабы почтить их.

Слова священника наполнили его страхом, но вместе и невыразимой радостью: «Смотри, Христос невидимо присутствует здесь. Никто не принуждает тебя принимать эту схиму, помни об этом. Помни, что только по собственному желанию принимаешь ты эту святую и великую схиму».

«Да, преподобный отче, по моему собственному желанию – твердо сказал он.

Когда святой обряд пострижения был совершен – обряд как бы символически отражающий историю блудного сына, явился новый человек, носящий «прежний покров» – монах Даниил.

Поскольку отец Игумен был уже немолод, ему становилось трудно совершать все, согласно типикону, принятому в монастыре, и он оставлял отца Даниила при себе для чтения правил.

Постепенно отец Даниил завоевал сердца всех насельников монастыря своим послушанием, благородством, добротой. Все – и старые, и молодые – любили и уважали его.

В русском монастыре он впервые познакомился с благословенным искусством иконописи у брата обители отца Дионисия. И как же сильно вошли в его жизнь священные иконы Христа Спасителя, Богородицы и святых! До конца жизни к имени его прибавляли слово «иконописец». Он был иконописцем, знавшим свою миссию и предназначение, был таким, кто, кроме желания и трудов изобразить Господа и святых Его на дереве как можно более совершенно, старался

также «в сердце своем напечатлеть Его образ». Он был иконописцем, подвизавшимся в подвигах духовных, с чистым умом и пламенной душой. Некоторые его работы и до сего дня хранятся в здании иконописной мастерской, где живут сейчас его духовные наследники. Они делают еще более явственным присутствие в Катонахии старца Даниила.

Испытания

Его жизнь в русском монастыре протекала спокойно, душа возрастала о Боге. Однако без испытаний и ударов нет избранников у Христа, и мирное течение времени было нарушено сильным нездоровьем отца Даниила. Он был поражен сильным нефритом. Мучительная болезнь перешла постепенно в хроническую, и долго страдал он от жестоких болей, лихорадки и головокружения.

Но мало того, подошло еще одно испытание в обители между греческими и русскими монахами возникли распри. Около 1876 года умер игумен Савва, грек по происхождению. Избрать нового игумена оказалось делом очень трудным, так как греки желали грека, а русские – русского. Начались споры, волнения, нестроения. Отец Даниил, который благодаря честности и прямоте был избран к тому времени секретарем монастыря совместным голосованием и греков, и русских, оказался в центре всех этих беспорядков.

Дело дошло до Константинополя, и четыре представителя монастыря – двое греков, одним из которых был отец Даниил, и двое русских – предстали перед патриархом Иоакимом (уроженцем Хиоса). Отец Даниил честно и мужественно сказал о своей позиции, но за это пришлось платить. Расплатой было изгнание из монастыря святого Пантелеймона и запрет на несколько лет жить на Святой Горе.

Изгнанный со Святой Горы, отправился отец Даниил в Фессалоники. Митрополитом там в те годы был владыка Иоаким (1874 – 1878), впоследствии патриарх Константинопольский Иоаким III Изгнанник посетил иерарха и поведал ему о случившемся, а тот сразу же окружил его отеческой любовью.

«Чадю, – сказал он ему, – Церковь увенчает тебя за твоё мужество оливковыми ветвями, а не высылкой».

Любовь и сочувствие владыки Иоакима очень укрепили отца Даниила, смягчили боль от несправедливого наказания. Владыка Митрополит десять дней держал его при себе, а потом определил в святой монастырь св. Анастасий в маленьком

городке Базилика, рядом с Фессалониками, и там отец Даниил пробыл полгода.

Для монастыря того его пребывание стало благословением Божиим. Монахи там до приезда отца Даниила жили расхлябанно, невежественно, и отец Даниил принес с собой словно животворящий духовный ветер застывшим, дремлющим душам. Добродетельной жизнью своей, большими знаниями, умением научить преобразил он жизнь монахов. Он убедил их ввести у себя афонский типикон, вследствие чего монастырь этот стал походить на образцовый монастырь Святой Горы. Монахи те были безгранично преданы отцу Даниилу и, когда позднее он собирался обратно на Святую Гору, были безутешны. В день отъезда тридцать пять монахов сопровождали его до деревни Галатиста, что в нескольких километрах от монастыря и, когда он прощался с ними, «в скорби припав ему на грудь, лобзали и лобзали его».

Ватопед

Возвратившись на Святую Гору, он забрал из монастыря св. Пантелеймона свои вещи и отправился в древний монастырь Ватопед. Едва успел туда добраться, как почувствовал острый приступ нефрита. В тот раз «шип в плоти» терзал его очень сильно, и он несколько недель вынужден был провести в постели.

Старцы монастыря с большой любовью ухаживали за ним. Но несравнимо большая любовь была выказана ему Великой Врачевательницей Святой Горы Богородицей.

В Ватопеде особенно почитается Пресвятая Дева. Собор его освящен в честь Благовещения, а от его чудотворных икон Матери Божией (Виматарисса, Эсфагмени, Антифонитрия, Парамифия...) произошло много чудес. Чудотворный пояс Богородицы, который раньше пребывал в Константинополе, «в почтенном доме Ее, что в Халкопратейе», во Влахерне, тоже хранится там.

Отец Даниил особенно чтил Матерь Божию. Подобно святым, был Ей особенно предан. Потому и молил Ее не оставить его в страданиях, от всего сердца, со слезами молил. Не сомневался в помощи Ее. И могла ли Она отказать этому подвижнику? Действительно, 31 августа, в день, когда в монастыре совершался праздник Ее святому Поясу, больной внезапно исцелился. Выздоровление было полным, жестокая болезнь, терзавшая его десять лет, ушла навсегда. Можно ли было найти слова, чтобы достойно возблагодарить Пречистую Матерь монахов?

«О, Пресвятая Госпоже Владычице Богородице, выйши еси всех Ангел и Архангел, и всея твари честнейши, помощнице еси обидимых; ненадеющихся поденные, убогих заступнице, печальных утешение, алчущих кормительнице, нагих одеяние, больных исцеление, грешных спасение, христиан всех положение и заступление,» – молитвы переполняли душу отца Даниила.

После исцеления он вознамерился покинуть Ватопед, так как Ватопед – монастырь особножитный или идиоритм, а это ему не очень по нраву было (В общежительных монастырях, к которым относится и монастырь св. Пантелеймона, дух строже; в них у монахов нет собственности, общая трапеза, управляются они игуменами. В идиоритмах гораздо более мягко, монахи живут в собственных квартирах, со своей обстановкой, своим столом; состоятельные люди, ставшие монахами, могут иметь различные удобства, прислугу. – Ред.). Старец Даниил считал особножитные монастыри чуждыми истинного монашеского духа. Дух настоящего монашества он видел в киновиях – общежительных монастырях, в которых, по слову свят. Василия, нет «моего» и «твоего», «моей воли» и «твоей воли».

Потому он и хотел уйти, но отцы ватопедские сильно возлюбили его. Где еще найти им такого истинного монаха? Ни за что не хотели отпустить его. И вынужден был он пойти за советом к известному духовнику отцу Нифонту, жившему отшельником в одном из скитов Ватопеда. И остался отец Даниил в монастыре, как бы трудно ему ни было; пребывание в Ватопеде стало для него послушанием. Жить там было самопожертвованием, благословленным Богом.

Совет монастыря назначил его в дом для гостей, и это было мудрое решение, потому что приезжавшие получали много пользы от общения с таким хозяином. Те дни для гостиницы Ватопеда, в которой всегда бывало по многу народа, стали поистине историческими. В ней всегда были чистота и порядок, но сверх того, появилось и нечто новое: чтение житий за трапезой, общая молитва и беседы на духовные темы. Постепенно в гостевом доме идиоритма воцарился дух киновии. Старец Даниил, с его благообразной внешностью, предстал пред гостями образцом афонского монаха. Многие посетители считали даже его игуменом монастыря!

В последние дни своего пребывания в Ватопеде отец Даниил по нуждам монастыря должен был съездить на родину свою – в Смирну. И пришлось ему пробыть там девять месяцев. Земляки его возрадовались, узнав, что из их города вышел

человек такой духовной мощи, и многие нашли у него понимание и мудрый совет- Митрополит Мелетия и раньше, должно быть, слышал о старце Данииле, сейчас же, при личном знакомстве, пожелал удержать его в городе, сделав своим викарным епископом. Старец же Даниил поблагодарил Владыку, отказавшись от такого предложения.

«Ваше Высокопреосвященство, – сказал он ему, – я считаю себя недостойным священного сана. И никогда не расстанусь с Уделом Божией Матери. Я дал обет.»

Если бы он согласился остаться в миру, что обрел бы? Славу, почитание, высокое положение? Все эти ценности призрачные и преходящие и даже опасные, когда не по Божией воле даются.

Но разве не мог он потрудиться ради Христа, будучи епископом? Мог, конечно, но не видел Старец на то Божиего определения: не дал Господь ему знамения, что сан должно принять. Наоборот, видел он, что Бог повелевает ему пребыть в неизвестности, в смиренном положении простого монаха. «У каждого человека свой дар». Старец Даниил «избрал путь добрый» и избег множества преткновений, которые уводят человека от забот о своей собственной душе, что бывает прискорбно и для него, и для других. Старец всеми силами души стремился к единой великой цели. Ради нее он грубую скамью Катонакии предпочел кафедре, предпочел смиренное положение монаха месту начальственному. Он выбрал величие, которое Господь определил так «Иже аще хочет в вас быти старей, да будет всем раб» (Мк.10:44).

Много лет спустя старец Даниил написал об этом одному из своих верных духовных чад «Чтобы я мог всех почитать и собственную волю и мнение отсекаю, Владычица Богородица никогда не позволяла мне любить жизнь в миру, тщеславие, мнимую славу, пусть мне и предлагали стать священником и епископом. По этой причине «се удалихся бегая, и водворихся в пустыни» (Пс.54:7), где живу уже сорок пять лет и не имею и малейшего желания ее покинуть» (письмо от 22.02.1926 Николасу Ренгосу).

Сорок литургий

Итак, пришлось старцу Даниилу отправиться из монастыря Ватопед в родной город Смирну и пробыть там девять месяцев.

«Как только прибыл я (в Смирну), то счел долгом своим посетить Георгия, сына незабвенного Деметриуса». (Деметриус был простым мирянином, но его великая вера и добродетельность дали ему «мудрость небесную» и прославился он своими мудрыми советами и наставлениями. Его поучения укрепляли многие души, включая и душу старца Даниила в юные годы). «Я расспросил его подробно о смерти отца, о кончине которого знал от многих людей».

В ответ на просьбу монаха Георгий в мельчайших подробностях описал кончину своего достопочтенного отца, слезами сопровождая воспоминания. И одна деталь настолько примечательна, что мы должны сейчас же рассказать о ней.

Достигнув заката земной жизни, богодухновенный Деметриус был предуведомлен о дне смерти своей, определенном ему Господом. В день тот он попросил одного благочестивого, чистого сердцем священника отца Деметриуса придти к нему.

«Я умру сегодня, отче, – сказал он. – Прошу тебя, скажи, что мне делать, когда наступят последние мгновения».

Священник знал о его добродетельной жизни, знал, что он исповедовался, соборовался и несколько раз причастился. Но, выслушав просьбу, решил предложить следующее.

«Если пожелаешь, распорядись, чтобы по смерти твоей в каком-нибудь сельском храме совершили о тебе сорок литургий».

Умиравший с радостью принял совет священника. Немного помедлив, он призвал сына.

«Сын мой, я прошу тебя об одной услуге. Прошутебя, чтобы по смерти моей ты заказал по мне сорок литургий в какой-нибудь сельской церкви».

Тот ответил: «Благослови меня, отец мой, я обещаю исполнить твое желание».

Через два часа Божий человек испустил дух. Без промедления его достойный сын обратился к отцу Дементрию, не зная, что именно он присоветовал сорок литургий.

«Отец Дементрий, мой отец оставил мне распоряжение отслужить за него сорок литургий где-нибудь за городом. И так как Вы иногда остаетесь в храме Святых Апостолов, я прошу Вас взять на себя труд отслужить их. Я позабочусь об оплате всех расходов».

Со слезами отвечал священник «Дорогой Георгий, ведь это я дал твоему отцу такой совет, и пока я жив, всегда буду поминать отца твоего. Но я не могу совершить эти сорок литургий, потому что как раз сейчас матушка моя приболела. Тебе придется обратиться к другому священнику».

Однако Георгий, зная великое благочестие отца Дементрия и преданность ему своею отцом, настаивал, пока не уговорил его. Священник, придя домой, сказал супруге и дочерям:

«Я должен совершить сорок литургий за душу доброго христианина Дементрия. Поэтому сорок дней не ждите меня дома. Я буду в храме Святых Апостолов».

И начал он усердно совершать литургии. Совершил уже тридцать девять, последняя пришлась на воскресный день. Но в субботу вечером у него так страшно разболелись зубы, что он вынужден был пойти домой. Он стонал от боли. Супруга предложила вызвать врача, чтобы тот удалил зуб.

«Нет, – ответил отец Дементрий. – Завтра я должен совершить последнюю литургию».

Однако в середине ночи боль настолько усилилась, что пришлось-таки вызвать врача и удалить зуб. И так как было кровотечение, священник решил отложить последнюю литургию до понедельника.

В субботу днем Георгий приготовил деньги для оплаты труда священника и намеревался отдать их ему на следующий день. В ночь на воскресенье он стал на молитву. Ночная тишина способствовала молитвенному настроению. Прошло долгое время, он устал и прилег на кровать, припоминая добрые дела и наставления своего благословенного батюшки. На ум пришла и такая мысль: «Действительно ли сорок литургий помогают

душам умерших или церковь предписывает их для утешения живущих?» И в этот момент задремал.

Он увидел себя в прекрасном месте, в месте такой неопишуемой красоты, которую на земле и не встретить. Однако чувствовал себя недостойным находиться в таком святом райском месте, и его охватил страх, что поэтому его должны изгнать оттуда до глубин адских. Но он укрепился такой мыслью: «Если Господь Всемогуший привел меня сюда, Он смилуется надо мной и даст еще время на покаяние, ведь я еще не умер и не разрешился от тела»

После этой утешительной мысли увидел идущий издали чистейший и ярчайший свет, сияющий гораздо сильнее, чем солнце. Он побежал навстречу к нему и с невыразимым удивлением

увидел зрелище невиданной красоты. Перед ним простирался огромный то ли сад, то ли лес, благоухающий чудесным незнакомым ароматом. Он подумал: «Так вот он, Рай! О, какое блаженство ожидает тех, кто праведно проживет на земле!»

С изумлением и наслаждением рассматривая эту неземную красоту, обратил внимание на прекраснейший дворец исключительного архитектурного изящества, стены которого сияли ярче золота на солнце и бриллиантов. Невозможно описать его красоту человеческими словами. Он стоял пораженный и безмолвный. Подойдя поближе – о, радость! – увидел отца своего, светящегося и сияющего, у двери дворца.

«Как ты попал сюда, дитя мое?» – спросил отец мягко и с любовью.

«Я и сам не знаю, папа. Но чувствую, что недостойн здесь находиться. Однако, скажи мне, как ты здесь? Как ты попал сюда? И чей это дворец?»

«Милость Спасителя нашего Христа и заступничество Его Матери, которую я сугубо почитаю, дали мне место это. Сегодня я должен был войти во дворец этот, но так как строитель, соорудивший его, нездоров – сегодня у него вырвали зуб, – сорок дней строительства не закончены. Потому я войду в него завтра».

После этих слов Георгий проснулся с ощущением чуда, со слезами, но несколько озадаченный. Остаток ночи не спал, непрестанно творил молитвенные славословия Всемогущему Богу. Утром пошел на литургию в собор святой Фотинии. После, взяв просфору, вино и свечу, отправился в район Миртакии, где находилась церковь Святых Апостолов. Он нашел отца Деметриуса в келлии, сидящим на стуле.

Священник с радостью приветствовал его и сказал, не желая огорчить: «Я только что пришел с Божественной литургии. Сейчас сорок литургий совершены».

Тогда Георгий стал в подробностях описывать видение, бывшее у него ночью. Когда дошел до описания того, что вступление его отца во дворец было отложено из-за зубной боли строителя, священник исполнился страхом, но вместе и радостью, и ощущением чуда. Он встал и сказал:

«Дорогой мой Георгий, я – строитель, который трудился над возведением дворца. Сегодня я не совершил литургию из-за вырванного зуба. Видишь, мой носовой платок весь в крови. Я сказал тебе неправду, потому что не хотел расстраивать тебя».

Старца Даниила глубоко взволновал этот рассказ. Под конец Георгий предложил ему посетить отца Деметриуса, который подвизался тогда в приходе св. Иоанна Богослова. Священник подтвердил подлинность и сказал записать все как очень поучительное. Так и совершилось, раз уж мы нашли ее в рукописях. В конце старец Даниил приписал карандашом: «Записанное я слышал в 1875 году, в октябре. Наш незабвенный Деметриус опочил в году 1869».

«Ликуй, о пустынь!»

Жизнь в пустыни

Чем более жажда духовного крепнет в душе монаха, тем больше он ищет тишины, горы Кармиль, где, подобно Илие, может полностью ввериться любви Божией. Это стремление к пустыни горело и в сердце отца Даниила. Он не мог долее жить не в пустыни.

По возвращении из Смирны, узнал, что отцы Ватопеда вознамерились сделать его своим представителем в Карее. Однако отец Даниил не склонен был менять молитвенную тишину ни на какой пост и поэтому, по прошествии пяти лет жизни в Ватопеде (1876 – 1881), оставил этот монастырь и бежал, словно олень, в дикие места Катонакии. Он бежал «туда, где запах тимьяна перебивается ароматом небесного благоухания мира, где смолкает журчание всех ручьев, уступая место сладостному пению молитвы- где даже камни дышат святостью, напившись слезами святых» (Мораитидис).

Новым местом его отшельничества стала пустынная калива, можно сказать «сухая калива», с двумя комнатами и резервуаром. Никаких удобств, как в Ватопеде, здесь не было: голая нищета. Чтобы жить здесь, нужны были помощники и было необходимо заниматься каким-либо ремеслом. Вначале отец Даниил вязал носки, а позднее занялся иконописью. Тяжкий труд и бедность стали его постоянными сожителями. Одна тропа, по которой ему приходилось ходить за необходимыми припасами из гавани скита Праведной Анны, чего стоила. К тому же, больших усилий требовалось для того, чтобы иметь воду, так как среди скал не было поблизости источника. И, подобно другим отшельникам в тех местах, он мог использовать лишь дождевую воду.

Однако радости духовные облегчали все эти трудности. Сейчас больше времени, чем прежде, мог он проводить, не отвлекаемый ничем, за чтением Священного Писания и писаний Отцов, что всегда было радостью, предаваться молитве и духовному созерцанию. В пустыни он знал веяния Духа Святого. «Это место, говаривал он, – это место – дуб Мамврийский...

божественная лестница, по которой восходят и нисходят ангелы... Место это – гора Кармилль... Место это – гора Олив... Место это – прямой и узкий путь, ведущий к жизни».

Он знал особенное духовное наслаждение при чтении «Добротолубия», которое почти не выпускал из рук Старца Даниила расстраивало, когда слышал, как некоторые нерадивые монахи называли ее «Иллюзиолубие» Говорил про таких, что сами они пребывают в плену иллюзий и что не знают они, как найти ключ, которым открываются бесценные сокровища. Ключ этот – любовь ко Господу, смирение и послушание.

Он так хорошо знал «Добротолубие», что о любом отрывке мог сказать, из какой главы взят. Самым обыкновенным зрелищем было видеть его увлеченно изучающим один из ее томов, лежащий перед ним на подставке.

Три с половиной года прожил в одиночестве отец Даниил в пустыни. «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша,» – молился он Духу Святому, Царю Небесному, когда бесы искушали. Пытались обольстить бесы Старца, подобно как обольщали других отшельников, но не могли, ибо погружен он был в благодать смирения и мудрости. Старец Даниил прошел в свое время тяжкую школу послушания. «Опасно необученному солдату оставлять свой полк и одному ввязываться в сражение. Также и монаху рискованно быть отшельником, прежде чем не приобретет он большой опыт и практику в брани со страстями души своей» (преп. Иоанн Лествичник). Поэтому лишь тот готов к самостоятельной борьбе с бесами, кто на деле потеснил уже их. У нас не много сведений об этом периоде жизни старца Даниила в исихазме, но последующая его жизнь свидетельствует, что он имел благодатные небесные дары.

Старец Даниил обосновался в Катонакии примерно в 1881 году, а через три с половиной года появились у него ученики. И вскоре, словно пчелы в поисках богатого нектаром цветка, многие души стали слетаться к нему, обнаружив этот крин,

благоухающий на пустынных холмах. Некоторые, влекомые добродетелями и мудростью Старца, просили позволения у него остаться учениками. В 1883 году приехал отец Афанасий из Патраса, а в 1884 – отец Иоанн из Гревены.

Именно в этот период Мораитидис посетил старца Даниила. Тогда все только еще устраивалось, было в начальной стадии – церковь, кельи, иконопись, каменные сидения, дом для гостей, двор. Изучение святоотеческих текстов, исповеди, духовные беседы, вечерние молитвы, воспоминания, оживающие на фоне мирного Эгейского моря!

Где-то вдали за эти морем лежит «мир». Никакой шум оттуда не достигает этих мест. Из этого райского уголка Катонакии, с этих высот море внизу кажется громадной пропастью между двумя мирами.

Благословения и искушения

День за днем, год за годом возрастало горчичное зерно и «бысть древо велие» (Лк.13:19). Души, стремящиеся к высшей жизни, жаждущие Бога Живого (Пс.41:2), покидали мирскую суету и бежали в пустыни, чтобы добровольно склонить головы свои в послушание старцу Даниилу.

К первым двум ученикам добавились отцы Даниил и Стефан из Малой Азии, отец Мелетий из Эпируса, отец Константин из Митилены, отец Герасим из Афин, отцы Геронтий и Нифонт. Их не смущали суровые условия жизни в Катонакии, их влекли добродетель, твердость и прозорливость угодника Божия. Божий угодник – тот, кто отрекается от себя и принимает крест, чтобы последовать за Распятым, – это достойнейший человек. Кто, как Иисус, приносит себя в жертву, сам становится Христом, Который вечно живет в святых Своих. «Христови сраспяхся. Живу же не к тому аз, но живет во мне Христос,» – сказал апостол Павел (Гал.2:19–20).

Вокруг старца Даниила собралась добрая братия. Они расширили каливу, провели воду из скита Праведной Анны, посадили оливы, в летние месяцы обрабатывали небольшой сад. Поставить церковь, которая была закончена в 1903 году, им очень помог иеромонах Кодрат из Каракалла, еще один великий современный афонский отшельник, прославившийся своею святостью, которому мы посвятили восьмую часть (во втором томе) этой книги. В новогодний праздник 1906 года после всенощной, на которой присутствовало множество монахов, церковь была освящена Высокопреосвященным Нилом, митрополитом Касуса и Карпатуса.

Тяжелые труды братии принесли свои плоды. «Была сооружена прекрасная двухэтажная калива, с кельями, с приемной комнатой, иконописной мастерской, специальной дорожкой для прогулок на берегу моря и прекрасной церковью в верхнем этаже, освященной в честь преподобных Отцов Афонских. Эта радость и украшение здешних каменистых и

голых гор, возникла среди скал как белоснежная лилия, благоухающая святостью и миром» (Мораитидис).

Должно отметить, что в течение всего времени строительства возникали самые невероятные препятствия и искушения. Враг воспротивился строительству. Помимо всего прочего, старца Даниила обвинили в Большой Лавре – главном афонском монастыре – в том, что «здание это возводится, чтобы служить пропагандистским планам русских!» Травля общины зашла было уже настолько далеко, что братия была готова покинуть Катонакию. «Горечь и скорбь окружили нас, – писал первый из учеников старца Даниила, – и нигде мы не находим убежища и поддержки. Все темно и безнадежно». Но, в конце концов, враги были посрамлены, и многие препятствия разрешились чудесным образом, о чем мы поведаем вскоре.

В 1904 году было решено строить здание. Мастер Георгий, албанский архитектор, начал укладывать фундамент. Но в результате обвинений и клеветы Лавра отозвала свое разрешение, и работа на шесть месяцев остановилась. Когда же разрешение было снова дано, мастер Георгий был занят где-то, и за работу взялся мастер Василий, тоже албанец, поставивший до этого здание в Карее, принадлежащее русским. То был превосходный человек и отличный работник. Он тщательно изучил почву, на которой начал постройку предыдущий мастер и нашел ее неподходящей. Василий разобрал все, что было сделано и копал глубже – на 2.5 метра, пока не дошел до твердой породы. Таким образом, здание можно было поставить прочно и безопасно на скальном основании. Позднее был устроен обширный подвал, вместительный, как склад. То было чудо провидения Божественного, скрытое благословение. Воистину, неисповедим ум Господень!

Среди испытаний для старца Даниила в Катонакии была и близость смерти его ученика, Афанасия.

Отец Афанасий был послушником Старца в течение четырех лет. Однажды знакомый монах принес им две камбалы – поистине утешение в скудной аскетической трапезе пустынников. Отец Афанасий сел за стол чрезвычайно усталым и голодным. И, то ли от небрежности, то ли от происков врагов,

едва начал он есть, как большая кость прочно застряла у него в горле в горизонтальном положении. Он претерпел страшную боль, пульсировавшую в горле, дышать было трудно, он стал задыхаться.

Встревоженный Старец пытался расшатать кость свечкой, но безрезультатно. Он дал пожевать страдальцу хлебных корочек, надеясь, что они протолкнут кость, но и они не помогли. Он не знал, что еще предпринять, смерть казалась неизбежной. Старец заливался слезами. Но, несмотря на чудовищно распухшее горло, смерть отступила. Настал вечер, прошла ночь, забрезжил новый день.

В волнении молитвенно обращался старец Даниил к святителю Павлу, патриарху Константинопольскому, и засиял луч надежды.

«Афанасий, давай отслужим молебен свят. Павлу Исповеднику. Этот святой сугубо помогает тем, кто страдает горлом, потому что, когда он учил, что Сын и Отец равносущны, ариане обернули вокруг горла его же омофор и задушили».

Не имея возможности говорить, отец Афанасий молча согласился и сквозь боль стал молить святого Патриарха о помощи. Во время молитвы в голову пришла мысль просунуть глубоко в горло палец и потянуть кость кверху. Он незамедлительно сделал это и... был спасен! Кость, длиной около двух с половиной сантиметров, была у него в руке. «Дивен Бог во святых своих!» Едва успели попросить Святого о помощи, и она пришла.

Избавленный от смерти, отец Афанасий, помимо прочих дел, обходил Святую Гору, прося у разных людей помощи на их общину. Также он занимался доставкой и продажей икон. Из-за строительства было у них много долгов. Позднее отец Афанасий записал, что удалось получить:

«Пожертвования на строительство дома и церкви: Иоанникий, художник, 22 пиастра; Пахом Критский, 22:20 пиастров; Спиридон, врач, 120 пиастров; Паисий Кидониевс, 67:20 пиастров; монах Иеродион из скита Ватопеда, 22:20 пиастров; мой духовник и благодетель священник Матфей из Каракалла пожертвовал 50 золотых

наполеонов (5 000 пиастров)... В первом своем путешествии по Святой Горе я собрал сумму 7 722 пиастра».

В трудах и волнениях суровая и негостеприимная местность Катонакии становилась обитаемой. Следующий отрывок из письма, которое старец Даниил написал в 1907 году «выпускнику Богословской школы г-ну Георгию Папагеоргиадесу,» иллюстрирует это.

«..я видел, что ты написал мне, интересуясь, закончил ли я церковь и дом. Я спешу конфиденциально сообщить тебе, что из-за угрожающих долгов и трудного положения С моими финансами строительство находится в той же стадии, в какой ты его видел, за исключением трех комнат и трапезной, которые Стефан успел закончить. Чтобы оштукатурить притвор церкви, я должен был пригласить двух опытных рабочих, которым, кроме того, что кормил их, заплатил десять оттоманских фунтов. От такой нужды сам должен работать целыми днями, чтобы отдать долги, обеспечить еду и другие нужды общины и предоставить гостеприимство многим другим братьям, лишенным средств. Но пусть десять тысяч раз прославится Всеблагий Господь. Хотя положение наше остается незавидным, мы не получаем ни малейшего дохода или утешения извне, в этом году я снова выплатил, кроме оплаты расходов, 42 оттоманских фунта, и все это благодаря нашим смиренным трудам. Эта работа тяготит меня, потому что пора мне уже жить в полной тишине и молитве, но всеразличные заботы одолевают постоянно. Но, Боже праведный, я не сомневаюсь, что достигну того, к чему стремлюсь».

В 1928 году, когда земная жизнь Старца близилась к закату, братья проложили трубу и с большого расстояния провели воду от источника к каливе. И калива старца Даниила стала настоящим оазисом для усталых путников, приход ящих из скитов святого Василия, Праведной Анны, Керасии, Кавсокаливии. И еще ценнее оазис тот для отшельников, которые получают передышку под его кровом, чтобы потом снова вступить в жестокую брань с бесами в полном молчании пустыни.

Сегодня, совершая паломничество в Катонакию, можно видеть это чудесное творение. Начатое старцем Даниилом, оно продолжается его последователями, которым, по нашему убеждению, он оставил не только свое имя, но и свои добродетели. В самом деле, калива Даниилитов – это тихий уголок пустыни, где царствуют спокойная жизнь и добрый труд, и невольно воскликнешь вместе с пророком Исаией: «Радуйся, пустыня жаждущая, да веселится пустыня и да цветет яко крин...яко многа чада пустыя паче, нежели имущия мужа» (Ис.35:1;.54:1).

«Свет во тьме»

Светоносный

Наделенный блестящим умом и жаждой знаний, старец Даниил с упоением изучал святоотеческие писания, напиваясь дарами духовными. Милостью Божией он был знаком с людьми святой жизни – от отца Афанасия до патриарха Иоакима и святого Арсения, с добродетельными отцами Святой Горы и научался от их богатого духовного опыта. Обогастили его также и три с половиной года молчания, когда он очистил душу свою, и милость Господа, которая «превыше солнца», угнездилась в ней. В душе его не осталось ничего, кроме служения любви.

Когда высокие сановники, такие, как представители Русского Царя, приезжали на Святую Гору, чтобы встретиться с мудрыми и добродетельными монахами, их направляли к двум отцам, которые, по общему мнению, считались лучшими представителями Горы Афон – к старцу Даниилу и старцу Каллинику Исихасту.

Старец Даниил, «с исходящим от его облика тихим сиянием святости, с полуседой бородой и ясными голубыми глазами,» как описывал его духовный его сын, обычно смиренно сидел, терпеливо и кротко выслушивая афонских отцов или благочестивых паломников, и охотно делился со всеми своими знаниями и духовным опытом. Многие монахи, по неведению или из-за гордости впадавшие в заблуждения, спасаемы бывали отцом Даниилом. Как и его тезоименный пророк Даниил, действительно «дух преизобильный(блже) в нем, и премудрость и смысл(обретесе) в нем, сказуя сны и возвещающая сокровенная и разрешая соузы» (Дан.5:12).

Добрый и простодушный христианин по имени Демос, строитель по профессии, жил в Стике в Северном Эпире. Однажды он увидел во сне, что в одном месте есть церковь, сокрытая под землей. Восставши, разбудил своих земляков, принесли лопаты и кирки и стали копать. И действительно откопали церковь. Наполнившись довольством, Демос возгордился успехом, стал наслаждаться изумлением

окружающих и, когда зародилась в нем коварная мысль: «Ну, Демос, ты сейчас важный человек, ты избран Богом...» то он ее принял без малейшего колебания.

Немного позднее он трудился на Святой Горе на одном из строительных объектов в монастыре Ватопед.

В Ватопеде очень почитают св. Евдокима. О житии его ничего не известно, но в 1840 году волей Божией чудесно обнаружили на монастырском кладбище его мощи. Демос выказывал глубокую преданность этому Святому и верил, что и Святой оказывает ему особое покровительство. Так как в преданиях ничего не говорилось, откуда родом был св. Евдоким, Демос вообразил, что тот – выходец из Албании.

Он начал заявлять повсюду: «Этот святой, как и я, албанец». – «Но откуда ты это знаешь?»

«Албанец он. Вот видите, у него голова плоская. Кроме того, он явился мне, как живой, и сказал: «Я албанец из Стики, мы с тобой родственники». Отцы заподозрили, что его дурачит какой-то бес.

«Когда он снова явится тебе, – посоветовали они ему, – изобрази знамение креста. Если это козни злых сил, он сразу исчезнет».

Но было слишком поздно. Бес завладел уже душой Демоса и не желал ее оставить.

Случилось так, что на Афоне пребывал в то время епископ Александр Родостолосский. Ему рассказали о странностях Демоса и спросили его мнения. Владыка встретился с Демосом и пришел к выводу, что видения эти от Бога. «Раз Демосу приятны молитвослов и крест, значит откровения эти от Бога,» – рассудил он.

Демос очень возгордился от того, что Преосвященный засвидетельствовал подлинность видений. Позднее он написал толстую книгу, где рассказывал о своих невероятных чудесах, откровениях, предсказал войну, приход св. Константина, о различных знамениях – чего только там не было собрано!

«Но все это просто не может быть от Бога! Это ненормально, – говорили промеж собой отцы – Почему бы нам не спросить старца Даниила? Он сможет разрешить наши

сомнения». Они взяли рукопись Демоса и отправились в Катонакию.

Как только старец Даниил прочитал первые страницы, все понял. «Здесь пляшут бесы,» – сказал он.

Старец составил текст об этом, с цитатами из святоотеческих писаний и житий святых и послал его в Ватопед. Ни у кого больше не осталось ни малейших сомнений в заблуждениях «избранника».

Но когда Демос узнал об ответе Старца, он пришел в ярость: «Как осмеливается старец Даниил противоречить, когда Епископ признал?!»

А старец Даниил тем временем не удовлетворился простой постановкой диагноза, но, движимый любовью, стал молиться за Демоса, чтобы прекратились у того видения. Позднее отцам удалось привести Демоса в Катонакию, и Старец с любовью приветствовал его. Но когда высказал свое предположение о том, что видение св. Евдокима наслали бесы, Демос не вынес света правды. Он взвился с места и гневно прокричал: «Как Вы осмеливаетесь противоречить, когда Епископ признал?!»

Но тем не менее вскоре был вынужден признать правоту отца Даниила, так как видения разоблаченного беса прекратились. Отцы еще раз убедились, что то был обман, а владыка Александр прислал Старцу благодарность за разрешение этого вопроса.

Действительно, как сказал апостол Павел, «сам сатана преобразуется во ангела света» (2Кор.11:14), и горе тому, кто обманывается этим внешним сиянием.

«Грешник может легко покаяться, но это трудно сделать тому, кто обманут бесом, пока тот не разоблачен. А как только его раскроют, он не может скрыться,» – поучал старец Даниил.

Среди тех, кто избавился от заблуждений с помощью Старца, был и учитель из Керкиры, который клялся в том, что близок со св. Спиридоном. Тот побуждал его во время молитвы держать в руке зажженную свечу и не задувать ее, пока она сама не догорит и не обожжет ему ладонь, потому что, если он это терпеливо выдержит, то будет мучеником. И, кроме того, велел ему не причащаться в церкви, а слизывать жидкость,

выделявшуюся на обожженной руке, потому что это то же, что и Святое Причастие. Можно себе представить, какие ужасные ожоги обезобразили его руки.

Перед учениками своими он часто показывал, как молитвой может разогнать облака или вызвать дождь. Но не было никакой пользы от того ученикам, ибо после молитв и чудес он говорил глупости.

Но пришел день, когда из-за ожогов руки его перестали слушаться, и он стал искать помощи. Так он оказался в Катонакии, где старец Даниил поведал ему, чем Божии чудеса отличаются от чудес бесовских и освободил несчастного от власти дьявольской.

Кроме того, освободил Старец от заблуждений и монаха из патмосского монастыря, отца Антипу, которому были видения в течение трех лет, будто Сам Господь являлся ему. Он заверял, что Бог диктовал ему толкование книги Откровений, которое должно было опубликовать.

По мнению этого монаха, разные важные предсказания Апокалипсиса исполнились во время Второй Мировой войны. Например, деятельность двух пророков, о которых говорится в 11-ой главе Апокалипсиса, охватывает, согласно пророку Даниилу 1290 дней – это равно числу дней между маем 1941 и октябрем 1944 года. Также число Антихриста, 666, о котором говорится в 13-ой главе, он увидел в имени Гитлера, основанном на латинском алфавите. (А соответствует 100, В – 101, С – 102 и так далее.) Таким образом, Н=.107:1=108, Т=.119:1=111, Е=104, К=117. Итого: НШег=666.

Старец Даниил убедил монаха сжечь эти истолкования.

Также исцелил он одного человека из Калавриты, который с бесовской помощью выучил наизусть все Евангелие, мог, не обжигаясь пройти через огонь. Исцелил и одного монаха из русского монастыря, делавшего в день по три тысячи земных поклонов. Сей последний заслуживает более подробного рассказа.

Будучи в русском монастыре, старец Даниил узнал об одном монахе, жившим отшельником в кафисме рядом с монастырем, стремившимся быть величайшим аскетом. Пост у

того был самый суровый, одежда самая грубая, зимой он ходил босиком и так далее. Среди прочего, хотя правила предписывали класть триста земных поклонов в день, он делал три тысячи. Другие монахи дивились, глядя на него. Старец Даниил, хотя и был моложе в то время, не выказал никакого удивления пред лицом такого подвижничества. Он сразу понял, что не о Боге подвиги те. На двери кафисмы того монаха увидел отец Даниил отверстие, сделанное для того, чтобы проходившие могли заглянуть внутрь и подивиться, и восхититься таким аскетизмом.

Послушный душевному зову, отец Даниил сказал отцу Игумену свое мнение, чтобы спасти через него от заблуждения брата. Игумен отправился в кафисму «супераскета».

«Как тебе живется здесь, отец?»

«Твоими молитвами, Старче, хорошо. Подвизаюсь и плачу о грехах своих».

«Но ты не приходишь никогда на открытие помыслов».

«Что мне сказать, Старче? Ты и так все знаешь. Я – грешник, что борется».

«А как ты борешься? Скажи мне, кладешь ли поклоны земные?»

«Да, Старче, делаю немного». – «Сколько же?» – «Три тысячи ежедневно, твоими молитвами».

«Что? Почему три тысячи? Кто тебя благословил делать так много поклонов? Нет, больше никогда не делай три тысячи. Ты что, сверхаскета изображаешь? С этого дня и впредь делай лишь пятьдесят, да не возгордишься».

На том и ушел отец Игумен. Разрез был сделан, и вскоре в нарыве обнаружился гной. Так как бывший «великий аскет» вынужден был совершенно переменить свою жизнь, то сейчас не мог сделать и пятидесяти поклонов, вместо грубой одежды стал носить самую дорогую и стал очень разборчив в еде. Конечно, все то удивило других отцов, понявших, что он только из тщеславия предавался излишнему аскетизму. Это и объясняет та кую сильную перемену, что заблудшие всегда бросаются в крайности. Как научают богомудрые Отцы, крайности, избыточность, все чрезмерное – это от бесов.

Дар духовного рассуждения Старца

Во второй половине прошлого века в Афинах активно проповедовал Апостолос Макракис (1831 –1905), получивший превосходное философское и богословское образование.

Некоторые из его идей провоцировали конфликты, и он оказался в оппозиции некоторым отцам, среди которых был и старец Даниил, опубликовавший в 1898 году книгу на тему заблуждений Макракиса. Отец Даниил и словом устным, и письменным боролся с ними.

Один близкий друг и последователь Макракиса, которого тоже звали Апостолос, посетил Святую Гору, чтобы привлечь на свою сторону святогорских монахов. Этот Апосголос пришел и в кали ву старца Даниила, и был принят там во всею учтивостью. Позднее, когда они беседовали, он стал в чрезмерно восторженном тоне расхваливать своего учителя. Старец Даниил слушал, не выказывая неудовольствия. Старец и не пытался стыдить его, как это делали другие отцы афонские, которых Апостолос встречал на пути своем, говорившие, что цена учению этому –ломаный грош. Старец дал ему излить свои восторги и не торопился вмешаться, подобно опытному врачевателю.

Беседа мало-помалу продолжалась и скоро подошла к том пункту, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор, а именно к учению, что человек, состоящий из плоти, души и духа, тело и душу имеет исходящими от земли, а дух – это Святой Дух Бог.

Тут Старец начал говорить так, словно устами его глаголал Сам Бог, и Апосголос увидел, как на его глазах были сокрушены идеи его учителя.

«Скажи мне, пожалуйста, сходил ли во ад в Великую Субботу Господь наш Иисус Христос или нет?»

«Конечно сходил,» – отвечал Апосголос.

«И с какой целью?»

«Освободить души тех, кто там томился».

«Души кого?»

«Адама, Евы, всех праведников и Предтечи».

«Да! И разве ты не видишь, что это опровергает идеи твоего любимого учителя Макакиса? Он объявляет, что души умерших возвращаются в землю, подобно душам животных-. И разве возможно было, чтобы Христос сошел во ад, чтобы освободить одну из составляющих человека – душу, если дух есть Бог Дух? Видишь ли, возлюбленный брат мой, какой глубины достигает ересь твоего учителя?»

Апостолос молчал. Он сложил оружие и из стана сторонников Макакиса перешел на сторону правды. Никто не ожидал такой перемены.

Подобное произошло и с Ксенофонтом Парамихайлом, написавшем две статьи в «Григории Паламе», в которых до небес превозносил своего учителя, называя его самым мудрым и самым святым человеком. Он утверждал первоначально, что все заблуждались, что лишь Макакис являлся яркой звездой Православия.

И много такого было в жизни Старца. Он обладал громадной силой убеждения. Нам засвидетельствовали, что отцы Лонговардаса, в Паросе, из ярых приверженцев Макакиса превратились в его серьезных противников.

Отец Алопий из монастыря Ксенофонт отличался особым рвением. Особенно любил уединяться в тихих уголках и творить там непрерывно молитву Иисусову. Когда он молился, вся душа его пела от небесной, неопишуемой радости.

Но вдруг стали происходить страшные вещи. Не понимая, что это, он не мог продолжать молитву. Когда пытался произнести ее хотя бы раз, тело его сотрясалось пугающим и непонятным образом. Сам старец Даниил писал об этом так «Странным и необъяснимым было то, когда тело его начинало содрогаться. Кто стоял рядом с ним, тоже начинали трястись. Действительно, когда он молился во время службы, и он, и братия, стоящие в стасидиях, примыкающих к его месту, дрожали и тряслись вместе с этими стасидиями. И когда он молился в своей келье, содрогался, как извергающийся Везувий. Поистине, небывалая вещь» (Письмо к

старцу Каллистрату, 2 апреля 1911 г.). Содрогалось вокруг все. Многие духовники отчитывали его, изгоняя бесов, но все

безрезультатно.

Положение становилось трагическим. Так как отец Алопий многие годы уже творил непрестанную молитву Иисусову, то не мог ее оставить. В келье своей, в храме, за трапезой, везде он невольно произносил священные слова. И постоянно кровать в келье, стасидия в храме, стол или предметы, бывшие у него, все начинало дрожать. И все отцы, которым случалось оказаться рядом с ним, тоже начинали дрожать. «Отец Алопий, прекрати молиться! Не видишь разве, какой вред от молитв твоих?» – «Но я не могу прекратить, молитва сама уже во мне творится».

Все просто отчаялись, но вспомнили вместе о старце Данииле. Отец Аверкий, монастырский эконо́м, вместе с отцом Алопием отправился в Катонакию. Ночь застала их в монастыре Симонопетр.

«Отец Алопий, будь осторожнее. Когда будем в Симонопетре, не твори молитву, не то отцов испугаешь».

Но в храме он забылся, начав молиться. И тотчас же все вокруг затряслось. На следующий день они были в Катонакии.

Старец Даниил, узнав все, пожелал побеседовать с отцом Алопием.

«Хотя я и не духовник тебе, – сказал он, – но мне необходимо знать подробности твоей духовной жизни. Я должен выслушать твою подробную исповедь. Опиши мне, как в первый раз произошло такое явление».

«...В ту ночь я молился по четкам в часовне на винограднике, рядом с монастырем. Вдруг загремела задвижка двери. Мне стало страшно, и я весь задрожал. А дребезжание становилось все яростнее, задвижка ходила ходуном. Потом начала хлопать дверь. Один сильный удар, за ним – еще один. Я понял, что творится что-то бесовское. Подошел к двери, но ничего не увидел. Вскоре грохот усилился, усилилась и дрожь моего тела. Я был уверен, что это козни бесовские и старался не обращать внимания. Стал молиться еще прилежнее. Однако удары и грохот все усиливались, и не только мое тело и дверь, но и вся часовня начала странным образом двигаться. С того момента, как только я прекращаю

молиться, прекращаются и движения, а когда вновь начинаю, возобновляются. Так-то вот, святой Старче».

Старец Даниил глубоко задумался. Случай был небывалый. Но не сробел он, так как для духовно опытного человека нет ничего необъяснимого. «Духовный же востязует убо вся» (1Кор.2:15). Спустя минуту, как бы во внезапном духовном озарении, Старец спросил монаха:

«Отец Алопий, когда раздались первые сильные удары в дверь и ты понял, что это бесы, что подумал? Какие чувства царили в душе твоей? Страх и робость или ты чувствовал презрение к этим козням? А, быть может, ты ощутил что-то иное?»

Отец Алопий подробно описал свое состояние, и старец Даниил нашел объяснение этому феномену. Когда бесы зашумели, отец Алопий мысленно произнес: «Пусть себе стучат, как им хочется, они не помешают моей молитве Разве не то же случилось с преп. Антонием Великим? Я подвизаюсь подобно ему. Дрожит ли тело мое под действием благодати или же это происки завистника добра, я стану до последнего дыхания своего творить молитву, и бесы будут посрамлены». И вот, тщеславие, неприметное поначалу, затмило его разум. Он выказал высокомерие и презрение по отношению к врагу, словно достиг уже высоты преп. Антония Великого. Молитва, замутненная самонадеянностью, негодна Богу.

Старец Даниил, обдумав все серьезно, посоветовал борющемуся монаху:

«Впредь со смирением, с раскаянием возноси молитву Иисусову. Прочувствуй, что говоришь. Проникнись сознанием, что ты грешник, человек, которого Бог будет судить. Помни, что плоть твою сотрясает бес. Если это будет повторяться, проси спасения у Христа. И только так сможешь обрести небесную милость».

Монах, терзаемый долгое время бесом, был исцелен. Он стал мелиться со смирением, и все стало мирно. С того времени он еще ревностнее стал подвизаться в брани духовной, стяжая кротость. Говорят, что впоследствии он обрел силу в этой брани, и его трудами и молитвами был

исцелен одержимый бесами Евдоким, приехавший в монастырь Ксенофонт из Тиноса. Одержимость была ужасной, больной выпускал беспорядочные крики, изрыгал оскорбления, часто разрывал свои путы и мазал всего себя грязью. Три года трудился отец Алопий, чтобы исцелить его.

Прельщение отца Каллистрата

Чем больших духовных высот достигает человек в этой жизни, тем большим опасностям подвергается, если не имеет опытного духовного наставника, способного следовать совету Апостола: «искушайте духи» (1Ин.4:1).

Вот что случилось с монахом из Лавры св. Саввы Освященного, именем отец Каллистрат. В течение сорока лет он мужественно подвизался в аскетизме в Лавре св. Саввы и в других пустынях Палестины, таких, как пещера в «Кораки» рядом с горой Нево, на которой умер Моисей, увидев издали показанную ему Господом землю Обетованную. Несмотря на свои многочисленные победы над врагами невидимыми, к концу земной жизни впал отец Каллистрат в прелесть. Он воспринял как нечто Божественное возню бесовскую, возникавшую, когда он молился.

Представьте, например, что во время утренней службы монахи вдруг видят, как отец Каллистрат начинает дрожать и трястись. Когда же об этом говорили, он защищался, утверждая, что дрожь эта – знак милости небесной к нему. Он даже приводил цитату из апостола и евангелиста Иоанна.11:33: «Иисус убо, яко виде ю (Марию) плачущую и пришедшия с нею иудеи плачуща, запрети духу, и возмутися Сам». Обманывающиеся обычно защищают свои заблуждения и ереси цитатами из Священного Писания. Не тоже ли делают и еретики-пятидесятники, которые дико сотрясаются всеми телами, падают, катаются по полу и верят, что это сильное проявление «Духа Святого».

Отцы Лавры пришли в сильное возмущение от этого. Они и предостерегали отца Каллистрата, и просили его исправиться, но сил душевных не доставало им, чтобы убедить его, что он в прелести. Он же, хотя и верил, что сотрясения происходят от действия сил Божественных, все же временами испытывал сомнения. Прослышав о прозорливости афонского старца Даниила, решил просить его совета.

28 марта 1911 года он написал пространное письмо и отправил его в Катонакию. В письме подробно описал происходящее

и возмущения братии, сетуя на неспособность их понять знамения Господнего.— В конце же просил указать способ разрешить это недоразумение.

2 апреля мудрый катонакский Старец подготовил ответ. В письме своем он долго рассуждал о дрожи, происходящей от Божией милости, и о телодвижениях и дерганиях, происходящих от прельщения. Убедительными аргументами Старец показал своему адресату, что «странные движения и выкручивание тела» были не Божественного происхождения. Он также объяснил ему, что требуется «для истинного постижения благодати» – полная отрешенность от всего мирского, безусловное подчинение и преданность опытному старцу, абсолютный отказ от своей воли, безропотное терпение всяческих искушений, безупречное выполнение ежедневных монастырских послушаний, нелицемерная исповедь... Он напомнил ему советы Отцов – великих отшельников и особенно св. Григория Синаита: «Когда, делая свое дело, увидишь свет или огонь вне или внутри, или лик какой – Христа, например, – или Ангела, или другого кого, не принимай того, чтоб не потерпеть вреда. И сам от себя не строй воображений, и которые сами строятся, не внимай тем и уму не позволяй напечатлеть их в себе». Проявления Божией милости через изливание света или радостной дрожи известно злым духам, которые неопытным представляют похожие имитации и вводят их в прелесть. Если нет опытного наставника, то и явление подлинных знаков благодати верующему может привести к прельщению. Потому что враг знает, как сбить человека с пути истинного и обманом, и подделкой увести его. Змий всегда поджидает удобного момента, чтобы разрушить высокий труд умной молитвы. Иной, увлекшись исихазмом, уходит в действительности не в богомыслие, а в мир фантазий, становясь игрушкой злых духов.

Старец Даниил подчеркнул, что под действием благодати человек становится рассудительным, мирным, беспечальным

душой и телом, почтительным. Часто, при неподвижности тела, ум возносится, охваченный божественным созерцанием. «Так во время молитвенного восхищения тела многих святых, которые видели добрые люди, представлялись неподвижными и словно мертвыми, но когда божественное действие прекращалось, святые приходили в себя». Никто из святых никогда так не дергался, как отец Каллистрат, движения такие пользы не приносят, но лишь вызывают возмущение.

В одном месте своего письма старец Даниил так примечательно высказался: «Если ты, отец Каллистрат, думаешь, что поведение твое правильное и безукоризненное, тогда пусть и остальные шестьдесят отцов твоего монастыря подражают тебе и тоже станут дрожать и трястись во время служб. И представь себе, что это будет!»

Он также подчеркнул еще, что божественная благодать, входящая в сердце верующего человека, не проявляет себя обычно тогда, когда он находится среди других людей, а тогда лишь, когда он уединен в своей келье или пустыни.

После того, как богодухновенный Старец посредством многих аргументов обличил прелесть отца Каллистрата, под конец, дабы тот не отчаялся, так его утешил:

«Не изумляйся своей ошибке, – написал он. – Брат мой возлюбленный, я тебя не упрекаю за нее. Только Сам Бог непогрешим и непобедим. Мы видим, что даже многие святые впадали в такую прелесть, но человеколюбивый Иисус не отверг их, но спас неизреченным образом. Разве не был преп. Кирилл Филеотесский святым и опытным Отцом? И все же, разве не впал он в ужасную прелесть в конце жизни своей земной? И Всеблагий Господь не отринул его, но спас. Разве не впали по своему неведению в ересь авва Герасим, преп. Иоанникий Великий и блаж. Августин? Провидение Божие вернуло их однако на путь истинный, и сегодня они почитаются и прославляются Церковью. И так же, как они не были оставлены, имея другие удивительные добродетели, так и ты, возлюбленный мой Старче, выйдешь победителем».

В сердце отца Каллистрата достаточно было места для благ Господних. Намерения у него были добрые, он просто никогда

раньше не прибегал к помощи опытного и прозорливого старца. И потому письмо старца Даниила имело немедленное воздействие. Словно сильный свет, рассеяло оно тьму, многие годы смущавшую дух отца Каллисграта. Позже, получивши второе письмо, он полностью освободился от своей прелести и бесовских телодвижений. Исполненный смирения, написал он ответ богопросвещенному Афонцу:

«Письмо твое было, как обоюдоострый меч, направленный против врага моего. С быстротой молнии разрушены были козни бесовские, которые изводили меня много лет, заставляя думать, что то от Бога, даже похвалиться этим. Сейчас я дивлюсь и изумляюсь тому, как подействовала твоя славная святость, как ты показал мне, недостойному, опозорившему род человеческий, такую чрезвычайную кротость, и как Господь Всевидящий, не желающий смерти грешника, тронул сердце твое и побудил поднять меня из той пропасти, в которую вверг меня злобный дракон. Ты ангел, посланный мне Богом, так как слова твои – Божии слова, и как только я их прочел и осознал, все происки врагов прекратились.

О, Боже Великий, сколь чудны дела Твои...

Какими словами мне воспеть и прославить и выразить радость мою от этого благодеяния! Ты услышал меня и сразу же поспешил рассказать мне о тщеславии и прельщениях бесовских. Я не умею писать красиво, не нахожу подходящих слов, чтобы отблагодарить тебя. Пусть Бог тебя вознаградит.

Со мной это произошло, потому что я не имел наставника. В то время, как находился я в плену иллюзий, думал, что это богоугодная брань...»

Старец Даниил был очень тронут таким Счастливым исходом. Он так сказал обо всем этом: «Все нам подается Всеблагим Господом. Бог призрел на веру его и просветил меня, как ему ответить. Человек сей добрый и богобоязненный, и за это Бог спас его таким необычным способом. Я не думал и сам, что он будет избавлен столь быстро и что такой опытный воин выкажет такую веру и смирение. Пусть его молитвы укрепят и меня».

Ангел мира и любви

Своими богодухновенными словами старец Даниил спасал не только тех, кто страдал от гордости и прелести, но и тех, кто страдал от скорби, таких, как отец Корнилий.

Святогорский иеромонах Корнилий решил отправиться на Синай. Дело было в том, что он был уже немолод и слабел здоровьем, вот и решил купить на Святой Горю удобную каливу, где можно было бы спокойно дожить оставшиеся годы. С этим намерением он и отправился на Синай, чтобы попросить тамошних отцов о денежной помощи. Все сложилось как и желалось. Довольный, отец Корнилий отправился в обратный путь, предвкушая выполнения своего плана. Но радость его неожиданно обернулась горем: по дороге напали на него лихие люди, отобрали деньги, да самого чуть не убили. Когда он добрался до Святой Горы, был подавлен и физически, и морально. То происшествие буквально сломило его. Нужен был кто-то, кто смог бы укрепить сей «тростник надломленный», и самым подходящим был старец Даниил. Но он болел в то время, лежал в постели и не мог сразу же навестить собрата. Однако любовь его подвигнула его найти другие средства, дабы смягчить боль ближнего. Он никогда не оставался безучастным к искушениям и испытаниям ближних, но всегда отдавал свои время и силы на помощь. Он руководствовался словами, что любовь «не ищет своих си» (1Кор.13:5). Поэтому, присев в постели, взял бумагу и карандаш и написал замечательное письмо-утешение. Мы приведем несколько отрывков:

«Его Преподобию, иеромонаху Корнилию.

...Это прискорбное известие глубоко тронуло мои смиренные душу и сердце..., все же вспоминая многочисленные повествования из житий святых, я укрепился духом, потому что знаю, что подобные и даже более тяжкие несчастья претерпели многие святые и праведники. Все то случалось не без ведома Божия, и вместо того, чтобы погибнуть, святые, которых и посмертно прославляют, приобретали большое духовное богатство...

...Скорбь тогда только может овладеть нами, когда мы по своей собственной воле творим зло и совершаем различные грехи. Тогда мы вынужденно испытываем боль и раскаяние. Но то, что вредит нашему телу, помогает спасению нашему, и нам следует не отвращаться трудностей, а приветствовать их.

-Я умоляю тебя собрать всю свою святость и в это время испытаний проявить терпение и положиться на милость Божию, и придет день, когда душа твоя будет щедро вознаграждена... Быть может, полезен будет следующий пример, своего рода картинка, которую я сейчас нарисую. Если бы, возвращаясь с Синая, ты увидел бы множество христиан, плененных на войне и собранных в гавани на египетском побережье, которых вот-вот отвезут в отдаленные уголки Африки, обнаженных, мучимых жаждой и, что хуже всего, рискующих потерять не только свою жизнь, но и свою православную веру. И если бы ты в святости своей, движимый любовью к ним и состраданием, отдал бы все свои деньги и все, что у тебя было, чтобы выкупить этих несчастных, ты бы не был так вознагражден, как если терпеливо снесешь теперь все, прославляя Бога

Посылаю тебе эти свои скромные размышления, чтобы немного отвлечь тебя. Как только улучшится мое здоровье, я лично навещу тебя, и тогда мы утешим друг друга.

Катонакия, 17 февраля, 1894.

Смиренный во Христе брат твоей святости, монах Даниил, иконописец.

Как все добрые монахи, Старец-отшельник Катонакский был настоящим Авраамом в гостеприимстве. Гостеприимство – это признак теплого, любящего сердца. Никто не уходил из его скромной калиты, не получив предложение принять хотя маленький дар, пусть это была только чашка холодной воды. «Не забывайте о гостеприимстве,» – учил он всех собственным примером. Старец Даниил с юности обнаруживал нежное чувство сострадания к ближним. Вспомним сейчас случай, сыгравший в свое время важную роль в становлении его характера. Однажды, когда ему было пятнадцать лет, он ел за семейным столом, и отец его сказал задумчиво: «Вот мы едим, пьем, всего у нас вдоволь. А сколько бедняков и сирот не

имеют еды!» Эти слова всколыхнули и встревожили душу юного Деметриуса. С тех пор он взял себе за правило лишать себя некоторых удовольствий для того, чтобы иметь возможность помогать бедным.

До наших дней чада его духовные сохраняют драгоценное наследство, оставленное незабвенным Старцем.

Гостеприимство Старца шло у него от души, светившейся любовью, сочувствием и миром. Это было от Бога! Все существо его было наполнено этим миром. Был старец Даниил благословенным миротворцем. От его бледного лица, ясных глаз и сладкозвучных слов уст его изливалось миро милосердия, которым он врачевал язвы тех, кто поражен был гноящимися ранами.

Однажды в святом монастыре Костамонит дружба между двумя монахами была опасно расстроена врагом нашего спасения, который приходит в ярость, если в душах людей царит мир, и всячески нудится посеять разногласия. Ибо царствует он там, где разногласия, споры и ссоры. Вражда между двумя братьями бросила тень на всю обитель. Отцы тщетно пытались их примирить, и отец Игумен оказался в трудном положении. Он надумал попросить помощи у старца Даниила, который жил некоторое время в Костамоните после ухода из русского монастыря и который мог понять это нестроение.

Помолившись Богу, вооруженный силой дара духовного рассуждения, Старец начал свой труд по примирению братиев. Тяжело пришлось ему, но он добился своего. Отец Даниил предпринял вот что. Каждого из них отводил в сторону и говорил таю «Брат твой так несчастен из-за ссоры, он так раскаивается и ищет примирения!» Отцу Модесту, с которым было труднее, он сказал: «Отче Модесте, это искушение, и оно пройдет. Бедный отец Афанасий плачет и сокрушается, что огорчил тебя. Сейчас он ждет тебя в комнате для гостей, чтобы примириться. Он может застесняться, потому я тоже пойду. Ты сильнее, так что сделай первый шаг и попроси прощения»

То же самое он сказал прежде отцу Афанасию. Когда же они встретились в комнате для гостей, старец Даниил первый

положил земной поклон. Другие последовали его примеру, и бес согласия бежал, посрамленный.

То был один из многих случаев, один пример того, как жил Старец-миротворец, подобно Сыну Божию, «благовествуя мир» (Деян.10:36).

Духовное родство

Духовный отец

Сияние святости отца Даниила было видным далеко. Священники, монахи, миряне (многие и из умнейших людей) из разных мест Греции похвалялись тем, что были его духовными детьми и следовали его советам без сомнений.

В Фессалониках жил известный человек именем Николас Ренгос, высокопоставленный чиновник почтового ведомства, обладавший твердой верой и имевший личные добродетели. Движимый усердием о Христе, он посвятил свою жизнь миссионерству. Добрые христиане города приходили послушать его в храм св. Харлампия на подворье Симонопетра. Кроме того, Николас издавал журнал под названием «Христианство». Его преданность старцу Даниилу основывалась на большой его любви. На одной фотографии Николаса, хранящейся в Катонакии, есть такая надпись: «Моему досточтимому духовному отцу, следующему после Бога и Пресвятой Девы спасителю, выведшему меня, грешного, на истинный путь спасения».

Николас всегда охотно изменял свои планы, если Старец говорил, что нужно нечто опубликовать в первую очередь. Его же духовный Отец, тронутый таким послушанием, возносил обыкновенно о нем свои усердные молитвы:

«О, Боже, благословляющий и милость подающий верным рабам и чадам Твоим, тем, кто ради любви к Тебе отвергается воли своей и суждений своих и на щит воздымает полное послушание и благословенное смирение, Ты, любвеобильный и милосердный, приими под покров Свой раба Твоего, сына моего духовного Николаса, дом его и всех братьев его во Христе... дабы не подпали они козням бесовским, и даруй им исполнения стремления их — спасение и жизнь вечную. И как ты благоволишь к нищим духом, кротким, чистосердечным, к тем, кто верен Тебе, так и ныне призри на смиренного раба Своего Николаса и всех учеников его и даруй им то, что чрез святых Апостолов даровал Стефану и иже с ним (Деян. 6 – ред.) и всем другим, послушным проповедям святых Твоих».

Смерть Старца была самым скорбным событием в жизни Николаса. Когда он, несколько лет спустя, посетил каливу учеников отца Даниила, то облил дорогой череп учителя своего потоком слез и отер драгоценным миром, специально для этого привезенным.

До конца собственной жизни Николас Ренгос отличался добродетельностью, милосердием, чистотой. Временами в нем бывал явлен пророческий дар, когда он действительно предсказывал события, которым надлежало совершиться позже. Об этом свидетельствовала дочь его Анна пред автором этих строк сохранилось множество писем старца Даниила к Николасу, свидетельствующих о тесной связи между ними. Некоторые отрывки из них помещены в конце нашего рассказа о Старце.

Письменные советы старца Даниила часто получал и отец Филофей Зервакос и другие отцы Лонговарда.

Еще одним духовным сыном Старца был архимандрит Георгий (Папагеоргиадис), известный писатель и наставник, поставленный в 1942 году митрополитом Неврокопии.

Нам довелось познакомиться и с кавсокаливским монахом, долгожителем – отцом Пантелеймоном (Гиамасом), также учеником Старца. Когда мы спросили его об учителе, он не смог найти слов для достойного рассказа.

«Он был моим духовником. Изю всех мудрейший и проицательнейший. Он врачевал души и многих исцелил от заблуждений. Что бы он ни говорил, все оказывалось верным-»

«Как показывает история монашества, много трудятся бесы, чтобы охладить отношения между старцами и их учениками,

придумывая всевозможные трюки. Чего только не делают они, чего не придумают, чтобы отделить учеников от отцовского окормления. Они внушают претензии, например, выдумывая якобы справедливый гнев на старца...» (Феодор Эдесский) И горе ученикам, соблазненным врагом. Ничто не спасет их от всепожирающей власти ада.

И среди учеников старца Даниила были двое обманутых врагом. Не избежал падения один из первых его учеников, взбунтовавшись против учителя и повергнув его в скорбь. Он

оставил каливу ради идеи своей «спасти мир». «Не уважая церковные авторитеты, а полагаясь на мирян, на знать, думая, что выполняет высшую миссию, он, к несчастью, не прислушался ни к слову духовного отца, ни к слову братии, ни к слову священной акафисты. Он верил, что получил задание от Бога, и ему нужно было наблюдать за добрыми делами в миру,» – как писал Старец.

Кроме прочего, он на свои нужды использовал деньги от продажи икон и добровольные пожертвования, что должен был доставить в Катонакию на потребности братии.

Поступая самочинно, думал, что будет более угоден Богу, чем пребывая в послушании Старцу. «Я не люблю славу и обольщения мира, не люблю погоню за разными титулами, чему преданся целиком отец А, насыщаясь всеми сладостями мира и любя его больше, чем Святую Гору и отвергая ради обманчивого мира священное послушание и смирение»» – писал старец Даниил одному из своих знакомых.

«Остаюсь, – писал еще Старец, – под властью скорби великой и самых тяжелых переживаний из-за непрекращающихся насмешек отца А. Помоги мне, Боже, вынести все, что он вытворяет против меня, своего несчастного отца» (6 февр. 1927).

Старцу достало и терпения, и выдержки, а горе-беглец, путившийся странствовать по миру, погиб на улице в Афинах под колесами грузовика.

Несчастье еще одного из его учеников, хотя и не столь трагическое, очень поучительно. Когда тот пришел в общину, стал выказывать большую преданность и послушание, и его посчитали достойным монашеской схимы. Но по прошествии немногого времени все изменилось: Старец уже не казался ему таким духовно опытным, каким виделось вначале. Он видел множество недостатков, много несовершенного. И решил что-то предпринять.

«Мне нужно поискать другого, лучшего старца. Я должен найти такого, чтобы был по мне,» – думал отец Дамаскин.

И с такими мыслями однажды утром отправился в Каракал, где подвизался прославленный Старец отец Кодрат.

Он верил, что отец Кодрат успокоит его душу, указав достойного старца. Когда же все рассказал ему – все, кроме того, что «недостойным» старцем был старец Даниил, стал ожидать ответа.

«Тебе следует сделать вот что,—сказал богодухновенный Отец.

– Иди в Катонакию, там есть великий Старец именем Даниил. Он станет наставлять тебя, а ты пребудь в послушании».

Отец Дамаскин, никак не ожидавший такого ответа, был видимо смущен. Но что оставалось делать? Нахмутив лоб и поразмыслив, вернулся он в Катонакию. Это необычное «совпадение» привело его в чувство, и он впредь оставался в смирении и послушании.

Старица Кечровунио

Одной из духовных чад старца Даниила была старица Феодосия, известная своей подвижнической жизнью игумения монастыря Успения Божией Матери в Кечровунио на Тиносе. Она с детства отличалась добродетельностью. И будучи мирянкой (ее мирское имя Феодора Н. Каркици), и став монахиней, а затем и игуменией, всю жизнь прожила под его духовным руководством и ничего не предпринимала без его совета. Познакомил их

Александр Мораитидис, часто бывавший со своей супругой на

Тиносеосе.

С первых шагов своей монашеской жизни матушка Феодосия !

руководствовалась мудрыми наставлениями старца Даниила и

никогда не сомневалась в правильности этого. Следующий абзац

– это отрывок из письма Старца Матушке, написанного в то время, когда она еще только собиралась принять монашеский постриг, и он показывает, с какой мудростью и проницательностью ; старец Даниил разрешал ее сомнения.

«Перед постригом поезжай в дом отца своего и закрой счета, если ты решилась на постриг, так чтобы со стороны родственников не было никаких препятствий. Потом, укрепившись, как вторая Мелания, оставь их и после улаживания всех дел возвращайся в обитель и немедленно принимай постриг. Однако если колеблешься в мыслях и если письма помогают разобраться тебе в твоём состоянии, то пиши мне».

Великая милость Божия в том, что есть среди нас люди, светочи духа, которые по верному пути направляют рабов Божиих. Это великое проявление добра Его – открывать в некоторых душах такие исключительные качества. С помощью их разрешаются все трудности, вопросы, проблемы. Достаточно

бывает одного вопроса, одного визита, одного письма, одного телефонного звонка.

Однажды состоятельная дочь богатого судовладельца Христина Гариифаллос из Сироса пожелала положить в банк на счет монастыря Кечровунио семь тысяч золотых лир. Старица засомневалась, может ли она принять такой дар и немедленно послала письмо в Катонакию. Старец Даниил ответил: «Так как у обители Вашей нет сейчас неотложных нужд, должно отказаться от этого дара. Удовольствуйтесь трудами своими. А труды Ваши – это молитва. Любой другой путь опасен и губителен для монашества». И обитель не приняла того пожертвования.

Когда Феодора собиралась принимать постриг, то просила Старца приехать в Иериссус и лично постричь ее. Но он, мудрый и человек, обладающий даром духовного рассуждения, не пошел на это. Он написал ей в объяснение, что не годится отшельнику оставлять свое убежище и предпринимать путешествие в Иериссус ради пострижения одной монахини.

Благословенная Старица, понимая различные трудности жизни в Катонакии, предлагала со своей стороны всяческую помощь. Вносила немалые деньги в строительство церкви и зданий, ее по праву можно числить среди строителей катонакских. В одном из писем она писала Старцу:

«...То, что так затянули начало штукатурных работ, было согласно воли Божией, ибо сезон нынешний более благоприятен. Я не сомневаюсь, что святые Отцы помогут тебе во всем, что должно

быть прекрасным, как при их помощи были сделаны и художественно элегантно отделаны окна и двери, украшенные моим богоданным братом Стефаном.

Верно, отче, что я очень сожалею, что не достаиваюсь видеть чудную святую церковь святых Отцов и получить оттуда благословение в ближайшем будущем. И как возможно не сожалеть, что находишься так далеко от места, которому предана сердечно? И от моего Богом данного почтенного Старца, которого я всегда помню, чьи спасительные

наставления блюду и чьи наполненные небесной мудростью писания читаю с умилением!..»

В библиотеке калины отца Даниила хранится более двухсот писем Старца этой монахине. Интересны его поздравления:

«От всего сердца приветствую благочестивое мое духовное чадо госпожу Феодору словами: «Господь да спасет тебя». «По поводу Христова Праздника, богоизбранная в преподобии Феодосия, посылаю тебе свое сердечное отцовское благословение». «Богоизбранной рабе Владычицы нашей Богородицы, ее преподобию Феодосии, посылаю в изобилии свои молитвы о благословении Божиим». «Ее преподобию амме Феодосии, которая, с помощью Божией, преуспевает в духовной жизни, посылаю свое отеческое приветствие» «Воину Христову, ее преподобию Феодосии, во всем утвердившейся, шлю свои отеческие поздравления»

В письмах его можно найти бесценные советы, особенно полезные для стремящихся достичь высот добродетели. Вот нечто из них:

«.-Но так как, чадо мое, будучи людьми, имеем мы плоть, подверженную многим болезням, то должны ясно понимать, что плоть надлежит соделать союзником в трудах добродетели, заботиться о ней средствами, содействующими не чувственности нашей, но законным установлениям, чтобы она могла служить добродетелям о Боге и доброму настрою души. Враги наши, изобретательные бесы, стремятся пленить верную Христу душу, соблазняют ее плотской любовью и развратом в начале жизни, потом пугают невыносимостью подвижничества и невероятными трудностями с целью ослабить бедную плоть и сделать ее неспособной к совершенной жизни.

Посему все духоносные Отцы-отшельники научают позаботиться о плоти, когда она будет страдать от излишних трудов и болезней, быть благоразумными и стремиться сохранить ее способной к молитве и трудам. Так как ты видишь, что здоровье твое ухудшается и так как у тебя есть понятия о медицине, тебе следовало бы жить более покойной жизнью в монастыре. Попроси досточтимую Игумению от моего имени назначить в послушницы к экклесиарху другую сестру, потому

что для этого послушания нужны здоровые ноги. Раз выявилась такая болезнь, нехорошо увеличивать нагрузку, поэтому я прошу тебя, чадо мое, во время молитвы как можно меньше стоять, ибо мы должны убивать не тело, но страсти. И ты уже, милостию Владычицы Богородицы, не новообращенная монахиня, которой должно много выстаивать на ногах, можешь молиться сидя, не понуждая себя к стоянию, но погружаться в молитву, навык в которой утешает душу».

Враг открыто показывает себя тем, кто подвизается в пустынях. Такое случилось и с матушкой Феодосией, и Старец писал ей;

«Ну и чем же напугана послушница Феодора? Шумом, своим страхом и звуками странных голосов, воспроизводимых изобретательными и немощными злыми? Такие вещи, чадо мое, переноси без страха, не обращая на них ни малейшего внимания, и все они исчезнут сами собой, как мыльные пузыри. Робость, находящая на тебя, от природы, а не от прелести. Только вера и мужество душевное в силах преодолеть ее. Однако, чадо мое, если бы ты своевольно жила в монастыре, без послушания упражнясь в затворе в аскетизме и не имела руководства опытного наставника, то могла бы оказаться в опасности. Но ты, стремясь к уединению из любви к нашему Спасителю, с юного возраста избегая мирских радостей и жаждая в уединении иметь молитвенное общение с Богом, избрала послушание своему духовному отцу, послушание, которое было в посещениях больных, подобно св. Евпраксии или св. Мелании выбрала служение больным, не взирая на их немощи и на все труды. Чего же боишься или о чем беспокоишься, чадо мое? «Не убоишися от страха ночного, от стрелы, летящая во дни» (Пс.90:5). Имея такую помощь, да не боимся. Но старайся во время молитвы не представлять никаких образов, никаких видений, не принимать света, ароматов,

сотрясений тела и души или утешений ложной радостью. Твори молитву просто, молись только теми словами, которые в ней есть, не придумывай ничего от себя. Не допускай никаких посторонних земных или духовных мыслей. И, если во время молитвы или скорби слезной не находишь утешения, если тело

твое покажется тебе легким, почти воздушным, не обольщайся и не придавай этому значения. Потому что, даже если то и от Бога, Богу угодны те, кто не верит этому. Подобным же образом, также если тело чувствует тепло или легкий трепет по причине брани духовной, не воспринимай этого, потому что, если воспримешь, это будет прелестью, даже если (здесь слово неразборчиво в письме Старца – ред.) во всех этих вещах, они от Бога. Подобным же образом не дивись на чудесные исцеления больных, происходящих по вере твоей, так как такие вещи – результат послушания и в действительности все то творит Пресвятая Дева, Которой ты предана.

...Сейчас, когда не хватает лекарств, видя нужду бедных больных, с помощью Божией нужно искать исцеления другими средствами. Поэтому я в тайне спешу тебе посоветовать: когда кто-нибудь из сестер или иной кто серьезно заболит, то во время посещения, раз нет у тебя нужных лекарств, притворись, что лекарство от этой болезни есть и воззови усердно к пресвятой Богородице с твердым упованием, что больной исцелится. Именно так поступали святые Бессребреники, которые, делая вид, что дают лекарства, молитвами излечивали больных. И не забудь сказать: «Добро, что нашла я Это лекарство», но знай, что раньше или позже ты найдешь лекарств вдвое, потому что Божия аптека всем, кто любит Его, щедро отпускает все необходимое».

Следующий отрывок относится к началу переписки старца Даниила с игуменией Кечровунио – она тогда была только-только постриженной – и заслуживает того, чтобы быть помещенным в заключение

«Да скрасит сладчайший Жених твой, Спаситель наш Иисус Христос, твое послушание невыразимой радостью наслаждения общением со Святым Духом, и да услышишь ты в час спасительного твоего ухода: «Войди, дочь Моя возлюбленная, в Царствие Мое и возрадуйся с мудрыми девами и с мироносицами, раз в благоразумии предпочла ты нищету духа и отказалась от воли своей и от всех низменных удовольствий» И да будет услышана молитва эта моя, чадо! Сейчас, когда я с умилением и теплом сердечным и верой в справедливость

Всеблагого Господа пишу тебе эти строчки, надеюсь, что буду услышан»

Мораитидис

И большой писатель из Скиатоса Александр Мораитидис был, как выше уже было сказано, несмотря на славу свою, смиренным учеником старца Даниила.

В жизни Александра Мораитидиса, внесшим в греческую литературу струю духовности, отшельник-подвижник занимал главное место. Писатель глубоко любил родную литературу и обогатил ее своим пером, а его, в свою очередь, отметили различными наградами, призами и академическими званиями.

Мораитидис с юных лет отличался благочестием. Он был племянником Старца отца Дионисия «Ученого» из Скиатоса, который «жил, не кланяясь никому, кроме Бога». Поддерживаемый им, Мораитидис с ранних лет стремился к высотам духа. Ничто не могло удержать его – ни слава и почести, ни даже супружество, ибо он и благочестивая супруга его, школьная учительница Ва- силики Фоулаки жили, «сохраняя невинность» .

Этому великому человеку особенно необходим был духовный наставник, и старец Даниил стал им. С первой их встречи Мораитидис испытал благоговейный трепет перед почтенным отцом, и до конца жизни писатель ничего не предпринимал без благословения Старца.

О преданности Мораитидиса старцу Даниилу последний однажды сказал: «Этот возлюбленный Богом человек на протяжении длительного времени поверяет мне все свои мысли, а мои скромные письма почитает (что делать, конечно, не следует) посланными свыше, и часто, как сам мне пишет, читает их в тревожные минуты жизни своей и чувствует большое облегчение».

Многие качества афонского монаха вызывали уважение у Мораитидиса: его любовь ко всем людям, кротость, подобная кротости Христа, мудрость, умение руководить души. С большим умением руководил он и душой самого Мораитидиса, у которого был непростой характер.

Однажды на праздник Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии (15 августа) в Иверском монастыре Мораитидис был на Всенощной, душа его восхищалась от радости. После службы была устроена трапеза. У отцов был интересный обычай: прежде чем пропеть величание и прежде молитв, они постукивали ножами о стаканы. В тот раз они сделали так же: «Величаем Тя, Пренепорочная Мати Христа Бога нашего, и всеславное славим успение Твое» Но по мнению Мораитидиса, постукивание по стаканам было мирским жестом и совершенно возмутительным. Он не смог этого вытерпеть и в знак протеста покинул трапезу. Расстроенный, отправился Мораитидис к старцу Даниилу, чтобы пожаловаться на это безобразие.

И случай этот – пример того, как Старец управлял душу писателя и пример послушания посл еднего. Отец Даниил убедил Александра, что он был неправ, что поступил дурно и должен загладить свою вину. И Мораитидис, великий писатель, обошел монастырь, смиренно прося прощения у всех.

Живя вдали от Святой Горы, Мораитидис имел радость общения со Старцем в письмах, помня постоянно о Катонакии. Катонакия со своим старцем Даниилом была его Эдемом. Когда позже он узнал, что ему теперь будет трудно бывать в Катонакии, то был очень расстроен.

«..Где снова познаю я те чтения псалмов, те всенощные, те молитвенные бдения пред Богом, ту духовную жизнь, что знал в Катонакии? Кто сможет описать терпеливые труды наши по изучению божественных слов и текстов, что читали мы, особенно преп. Симеона Нового Богослова? Кто опишет наш повседневный тяжелый труд, занятия ремеслом? Как не вспоминать тот прохладный двор, где вечерами сидел не властительный и богатый господин, а изнуренный монах?..

Не смею надеяться увидеть тебя снова, бесплодная, любимая, желанная, пустынная Катонакия!» («По волнам севера», гл. 5, стр. 174).

Вдали от Катонакии Мораитидис стремился разделить со Старцем все духовные радости и успехи, что видно из следующего письма:

«Скиатос, 1922.

Христос Воскресе!

В радость душевной, многоуважаемый отец Даниил, посылаю Вашему Преподобию свои приветствия, благодаря Бога, что посчитал меня достойным и в этом году отпраздновать Святую Пасху, по воле Пресветлого Иисуса, снисшедшего к моей немощи. Уповаю, что молитвами Вашими исполнится мое желание, и облекут меня в ангельскую схиму, прежде чем я покину этот мир. Приветствую всю Вашу братию, обнимая каждого.

Тружусь над переводом святителя Григория Богослова. Раньше уже посылал Вам одну часть из введения «Поэмы о девственности», с тем чтобы Вы могли прочитать ее, увидеть замысел всего труда и дать мне свое благословение. Помните, я написал Вам, что очень изможден, но как только минуло преполовление поста, сразу же начал работать над еще одной поэмой Святителя, сходной и связанной по замыслу с другой крупной работой, называемой «Совет девственникам». После большого и плодотворного труда вчера я и ее закончил (использовал двустопный ямб). В поэме более 1700 стихов. И вот посылаю начало большой поэмы, прося Вашего благословения. Вы сможете понять и получить определенное представление о грандиозности замысла. Вторая (поэма) действительно чудесна и является продолжением первой, как Вы увидите из начальных же стихов. Первая заканчивается победой девственности, которую Христос берет в Свою правую руку (брак Он берет в левую). После того, как торжествует девственность, Отец научает ее, как сохраниться не запятнанной, как не погибнуть. Советы Отца чудны, и Он приводит сильные наставления, как преодолеть природу. Он Сам крепкий Защитник целомудрия. В конце говорит ей:

Позаботься о том, о чистая девственность,
Чтоб в безопасности быть,
Со всех сторон себя защитить.
Неколебимая, совершенная,
Среди драгоценных камней Будь жемчужиной светлою.
Среди звезд ярче всех ты сияй И голубкою в стае летай,

На равнине цветком распустишь,
Веткой оливы в кустах протянешь,
Море бурное ты успокой,
И украсишь весь мир ты собой-
Прикладываюсь с почтением к Вашей руке.

А.М.

Кажется, была воля самого Святителя изложить этот перевод в стихах. В стихах поэма обрела как бы новую, чудную жизнь. Разница между прозой и стихами, как между мертвым и живым. Для меня это большое утешение. Открываются описания девственников и девственниц прежних времен!

Если пожелаете взглянуть на оригинал второго тома сочинений Святителя, то увидите, какой труда предпринял. Я бесконечно взволнован».

16 сентября 1929 года Мораитидис, с благословения старца Даниила, принял монашеский постриг в храме Трех Святителей на Скиатосе. Перед этим и супруга его сподобилась стать монахиней в Кечровунио, приняв имя Афанасии. Бывший студент Мораитидиса, митрополит Григорий Халкиский совершил его постриг с наречением имени Андроника. И в это время новопостриженный монах узнал о смерти своего духовного отца. Не перенеся горя разлуки, через несколько недель скончался и сам, чтобы встретиться с ним «в стране живых».

Святитель Нектарий Пентапольский и старец Даниил

«С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши» (Пс.17:26–27). Действительно, старец Даниил был братом возлюбленным и чтимым святителя Нектария. Их знакомство состоялось когда

Святитель посетил Афон, и постепенно регулярная переписка сделала их духовные отношения очень близкими. То были два избранника Божии: неизвестный миру святой и признанный Святитель, слава которого завоевала весь мир.

Святитель Нектарий, которого церковные чиновники его времени оклеветали, обвинили несправедливо, находил утешение в дружбе старца Даниила. Старец, в свою очередь, получил большую поддержку от Святителя в строительных трудах и считал его «строителем, отцом и игуменом святой общины». Очень часто он получал книги Святителя с его автографами. «Христология», «Познание себя», «Антиохийский Пандектс», «Записки священнослужителя», «Теотокарион» и другие книги до сего дня хранятся в библиотеке каливы старца Даниила.

Старец, в свою очередь, тоже помогал Иерарху. В одном из писем своих маститый Иерарх обратился к нему с просьбой касательно женского монастыря в Эгине «Вы очень обяжете нас, если напишите для укрепления монахинь духовное обращение Послание, написанное Вами, о действии и созерцании укрепит их в живом учении, станет духовной поддержкой и наслаждением».

Старец Даниил, движимый любовью и послушанием, ответил «Посланием о видах монашества», в котором не просто абстрактно поставил общие вопросы о послушании, оскудении, целомудрии, молитве и прочем, но пошел дальше

«...Когда во время молитвы сестра ощущает некое благоухание или видит свет изнутри или извне, или появление ангела, святого или Христа, да не примет видения, случись оно

и во время сна или во время бодрствования, ибо фантазиями такими злой бес многих увлек с пути истинного.

„Если из-за бесовской зависти между двумя сестрами возникает ссора, то требуется много выдержки, чтобы одна из сестер прежде другой сумела умолкнуть, перестать бездумно оправдывать себя, поймет, что ссоры насылают бесы и примет всю вину на себя (даже если не виновна), говоря другой: «Благослови, прости меня Христа ради, я неразумно поступила». Однако, так надлежит поступить младшей. Но когда младшая оказывается упрямой и забывает наставление «Позаботься о себе», тогда пусть это сделает другая, проявив мудрость и победив более слабую. Но примириться следует обязательно до окончания дня».

Эти советы исходили из его глубоких знаний и богатого духовного опыта.

И новый Святитель поддерживал старца Даниила. В одном искушении он проявил особенное сочувствие. Вот что произошло.

Респектабельный на вид джентльмен проехал однажды по Святой Горе, собирая подписку на «Избранные труды святителя Иоанна Златоуста», которые, как он заверял, собирался напечатать. Такое богоугодное дело заслуживало поддержки, и старец Даниил сделал все, что мог, дня поддержки его. Свои средства у него были весьма скудны, и он занял в Большой Лавре пятьдесят фунтов и вручил ему.

Прошло, однако, много времени, и ничего не было слышно об издании работ святого Златоуста. Позднее Старец узнал, что тот «безукоризненный» джентльмен – мошенник, которого уже разоблачили. Какой то был удар! В горе он написал святителю Нектарию, поведал о своей беде. Святитель Нектарий прислал ответ, достойный святого. Письмо то несоизмеримо ни с чем по философской глубине. В нем он авторитетно обосновывает то, что испытания ведут душу к истинной мудрости, что всем христианам следует стать мудрецами, что монахи должны любить мудрость. Бог попускает искушения, которые нужны нам, чтобы мы могли стать совершенными. Испытания открывают

нам глаза и просвещают разум, чтобы смогли мы видеть невидимое и помнить о вечном.

Но лучше нам будет процитировать это письмо с самого начала:

Церковная школа Ризариос.

Афины.

Март, 1903

Ваше Преподобие о Христе отец Даниил, обнимаю Вас с братской любовью.

Прочитав Ваше письмо, я огорчился и нахожу, что скорбь нарушает Ваш душевный покой. Действительно, случившееся ужасно, но мы знаем, что «благодать со всеми любящими Господа нашего Иисуса Христа в неистлении» (Еф.6:24), по слову Апостола. Истина этого апостольского слова столь же верна, как и слова Самого Господа. Предаваясь Божественной любви, уповаю, что испытания принесут мне большую пользу.

Святая любовь Ваша знает, что испытания ведут к совершенству, ни один человек, не претерпевший искушений, не достоин награды; ни один, не знавший страданий, не был возвышен и не ступил на лестницу добродетелей, возводящую на Небо. Для любящих Господа испытания становятся упражнениями, тренирующими душу в мудрости. Христианство – подлинная мудрость, которую христианин призван познать, и ни один человек, не став мудрым, не приблизился без мудрости к известной мере совершенства. И если все христиане должны стать мудрыми, чтобы быть совершенными, как того желает Господь, сколь же много любящих мудрость и посвящающих себя познанию. Если испытания необходимы для мудрого отношения к миру, а мудрость ведет к христианскому совершенству, то испытания необходимы.

Испытания, научающие мудрости, научают и терпению – сестре мудрости. Потому мудрый человек не бывает нетерпеливым и нетерпеливый не бывает мудрым. Испытания проверяют на прочность добродетели, проверяют терпение, которое ведет к спасению; с его помощью мудрый христианин не только не поддается злу, но, укрепившись в мужестве, все выносит с радостью. Да, действительно радуется, потому что,

согласно апостолу Павлу, «во мнозем искушении скорби избыток радости их, и яже во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их. Яко по силе их, свидетельство, и паче силы доброхотии» (2Кор. 2–3).

«Хвалимся в скорбех, ведяще, яко скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование. Упование же не посрамит. Яко любы Божия излися в сердца наша Духом Святым данным нам» (Рим.5:3–5).

Испытания, как хорошо известно, последователям истинной философии, случаются с ведома Божия, Божиим попусшением, чтобы умы наши взошли до более совершенного понимания тайны жизни. Не познает Истину не познавший искушений. Испытания –это очевидное свидетельство любви Божией и Его сострадания человеку, потому за них должно благодарить. Немоощной природе человека потребны испытания, чтобы улучшилась она. Испытания открывают духовному взору тех, кто любит Бога, Свет Истины и заставляют их видеть не только близкое, но и далекое. Они заставляют понимать не только то, что понятно, но и то, что выше понимания, и дают не просто понимание, но точное знание, ибо в совершенстве – полное знание Поэтому, так как испытания ведут к совершенству, они ведут к всеведению, а всеведение дает совершенство. Потому и необходимо нам подвергаться испытаниям, ради совершенства. Это необходимо не только потому, что, будучи рожденными по образу, мы должны достичь и подобия, но также потому, что несем в себе плоды наследия предков. Душевные силы слабеют от нападений, так что, чтобы разбудить душу, ее нужно встряхнуть, и нужен Божественный свет, чтобы просветить ум. Если, как Вы знаете, совершенство состоит в том, чтобы человек, созданный по образу, достиг и подобия Божия, и удастся этого достичь только на высшей ступени духовной лестницы, возводящей на Небо, а человеку еще надобно до нее добраться. Но разве не происходит та к, что, пока он карабкается и постепенно поднимается вверх, его неизменно тянет вниз, к земле, на которой опять предстоят испытания, пока он не достигнет желанного конца, к которому устремляется и которого жаждет сердце?

Брат во Христе, то испытание, которому Вы, всецело по провидению Божию, подвергаетесь, принесет огромную пользу Вашей душе. Сердце мое подсказывает, и я говорю это Вам, что сегодня Вы более совершенны, чем прежде. Потому прошу Вас перестать горевать и призываю прославить Бога, взыскующего Вас мил остию Своею.

Посылаю Вам тома святого Златоуста почтой в Дафну в коробке с надписанными буквами Д.А. (от Вашего имени).

С братским приветствием о Христе обнимаю Вас и Вашу братию, прошу в молитвах Ваших не забывать о нас

Остаюсь неизменно Ваш брат во Христе,
Нектарий Пентапольский.

На послании адрес: Д.А, Святая Гора, Катонакия.

Когда Старец получил это письмо от Святителя, скорбь его фазу рассеялась. Слова митрополита Пентапольского были не просто человеческим утешением, то были «дух и жизнь», потому что Владыка писал милостью Божией. И всегда он неуклонно слова подкреплял делами. Он собрал посылку из тринадцати объемистых томов св. Златоуста (изданных в Венеции, 1734–1741, Бер- нарди де Монтфаукон) и послал ее старцу Даниилу. Это было, «яко роса аермонская сходящая на горы Сионския» (Пс.132:3). Это был поток истинной любви, который животворит, орошая духовную и физическую засуху. Как же должен был старец Даниил выразить свою радость, как должен был он благодарить Бога!

Томы трудов святителя Иоанна Златоуста хранятся и сегодня в библиотеке каливы отца Даниила и свидетельствуют собой о единстве и гармонии двух душ, что ныне на Небесах наслаждаются «союзом любви вечной».

Попечения святых

Письма святых особенно дороги и поучительны. Благодать их благословенных душ проливается в них естественно и нестесненно. В письмах их можно почерпнуть нечто неизвестное по другим трудам о их повседневных заботах. Можно знать о желаниях их душ, о предпринятом ими. Например, чтобы понять внутренний мир святителя Василия Великого, нужно отвлечься от его произведений и изучить чудные письма его, раскрывающие величие этого человека.

Чем жил святитель Нектарий? Какими были его внутренние устремления и что предпринимал он для осуществления их? Что и насколько удалось? Следующее письмо хранится в каливе старца Даниила, оно свидетельствует нечто о жизни Святого. .

«Из святого женского монастыря Пресвятой Троицы в Эгине, 18 августа 1913.

Преподобный брат во Христе Даниил, братски обнимаю Вас.

Я взял на себя смелость, зная о любви Вашей к нам, доверить Вашему попечению дело, представляющее для нас большой интерес.

Вам известно, что мы хотим купить келью на -Святой Горе, где-нибудь с южной стороны, с садом, водой и, если возможно, также

и с небольшой церковью, потому что имеем план поселить там одного или двух своих духовных чад, желающих жить монашеской жизнью на Святой Горе. Через некоторое время, когда освобожусь от множества забот, которыми обременен в монастыре, сам приеду для врачевания душевного на Святую Гору

Далее, прошу Вас также позаботиться о том, чтобы найти хорошего добродетельного Старца, который возьмет на себя руководство нашими новообращенными духовными чадами, нуждающимися в хорошем наставнике, чтобы он вел их путем духовной брани и поддерживал их словом и примером

собственной духовной брани. Лука Каланчис, который доставит Вам письмо сие, сообщит все остальное.

Заканчиваю, обнимаю и остаюсь Вашим молитвенником пред Богом,

Нектарий Пентапольский.

P.S.. С моим посланником отправляю также две своих новых работы: два тома «О расколе» и две работы о Церкви и Священном Предании.

Жду Вашего ответа».

Плодотворение и урожай

Письменные труды Старца

Написание и публикация

Старец Даниил, которого так хорошо знал и почитал весь православный народ в Греции, получал обильную корреспонденцию. Его чада духовные, из разных уголков Греции, также, как и многие из более отдаленных мест, наслышанные о мудрости его, писали ему, желая получить совета, разъяснения духовных вопросов и решение проблем.

Обстановку кабинета Старца составляла единственная небольшая табуретка. Сидя на ней и положив на колено бумаги свои, он писал с редким даром. Много тихих вечеров провел он так – писал при слабом свете керосиновой лампы, отрывая время от сна. Что касается сна, то для отшельников это не господин, а послушный раб. Это у всех отшельников, но особенно было – у старца Даниила. Он был воином Христовым, сторожевой башней, поставленной в пустыне, чтобы бдеть за ухищрениями врага, рыщущего днем и ночью в погоне за душами.

Часто, окончив письмо, Старец шел в иконописную мастерскую и читал там монахам, смиренно принимая замечания и предложения.

Люди, получавшие письма Старца, хранили их как бесценные сокровища. Мораитидис, более тридцати лет переписывавшийся с ним, сказал о письмах: «Если их опубликовать, они составят самое духовно приятное и душеполезное чтение». В иных письмах обсуждаются важные вопросы, иные очень длинны, как, например, письмо «К Евдокиму монаху о том, будут ли помилованы еретики и неправославные из-за невежества своего, если они совершают богоугодные дела» (6 авг. 1910).

Помимо писем старец Даниил, не знавший отдыха, написал более семидесяти сочинений на богословские и общие духовные темы, современные и прочие. Чтобы эти работы стали известны более широко и могли принести большую пользу, ему

пришлось позаботиться об их публикации. Об этом – следующее письмо:

«Что касается брошюр, прошу тебя, не беспокойся. Даже если изобретательный змей позавидовал и намного отсрочил наши платежи, ранее или позднее свои долги за печатание мы вернем. Только приложи максимум усилий, чтобы Емилиан мог тоже иметь какую-то сумму, а я позабочусь, чтобы прислать тебе вскоре тысячу драхм, а в ближайшем будущем и остаток, потому что я не хочу, чтобы ты, вкладывая столько труда, еще и пострадал материально» (24 феврь 1924, Николасу Ренгосу).

Процитируем и еще письмо, посланное позднее этому же человеку.

«Из Катонакии со Святой Горы, 30 сентября 1929 года, моему возлюбленному послушнику Ник Ренгосу отеческие приветствия.

Мое нынешнее письмо должен доставить тебе твой Стефан, который устно сообщит, кроме того, хорошие новости о нас. Но, если из Дафны он поедет на пароходе «Спарта», тогда они пойдут через Каваллас, и ты получишь письмо по почте. Спешу обрадовать тебя известием, что святые мощи мы благополучно получили, получили и сладкие булочки. Благословляю тебя от всего сердца. Святые щедро вознаградят тебя, мощей ради, ты исполнишь все, как надо. Прочитав твое письмо и узнав, что те люди снова чинят тебе препятствия, я опечалился, что вполне естественно, но прошу тебя, не ропщи на них. Оставайся раз и навсегда непоколебимо преданным Христу и не вступай ни в какие распри. Все, что мы должны делать, – это смотреть за собой, дабы не впасть в искушение. Без страха повторяй слова псалмов: «Аз же яко глух не слышах»(.37:14) и: «Прокленут тии, и ты благословиши» (.108:28). Я же написал тебе, желая сделать объявление о книге, связанной документом, который я послал тебе и который с нетерпением ожидаю, и спросить, сколько будут стоить 150 или больше объявлений.

Что касается корректуры, я раньше писал также Александру Мораитидису, который относится ко мне с уважением и послушанием. Однако он пребывал на родине, в Скиатосе, и, очевидно, не получил мое письмо, посланное в Афины, и

потому не смог мне ответить, хотя, будучи специалистом в этом, без сомнения, помог бы. По этой причине я прошу тебя поторопиться с рукописью и отослать ее, потому что мы должны скорее подготовить ее к печати, а печатание я хочу поручить твоему Стефану, чтобы не перегружать тебя. Большинство святых монастырей известили меня о своем одобрении и что они охотно поддержат издание, потому что «Историческая учеба» больше всего и лучше всего поможет воспитанию нравственности монахов на Святой Горе. Однако хорошо было бы задать твоему другу-печатнику один вопрос сколько будет стоить напечатать 1 500 или более экземпляров, что, по моим подсчетам, будет примерно десять печатных листов большего размера, чем «Хилиасты»? И так как у меня в Патрасе есть духовный сын, владеющий типографией, и есть надежда, что он много не запросит, и, так как он быстро может приняться за печатание книги, если согласится, потому напиши мне, пожалуйста, сколько он возьмет.

Сообщая тебе все это, жду от тебя срочного ответа. Напиши мне, как ты справился с искушением, а я молюсь, чтобы ты избавился от него. Сердечно благословляю твое замечательное семейство и всех братьев во Христе.

Что касается тех дел, о которых я тебе написал и которые искушают тебя, будь стойким.

Остаюсь с отеческой любовью, монах Даниил, иконописец».

Вышедшее из-под его пера

Многие ли богословы с дипломами и знаками отличия могли бы сравниться с этим простым монахом? Он не учился в известных школах, он получал уроки неповрежденного Православия в «университете» пустыни. Учебниками его были Ветхий и Новый Завет и церковные предания. Учителями его были святые Апостолы, святитель Иоанн Златоуст, Отцы-отшельники, молитва и молчание. Его богословие, свободное от неправославного влияния и особенно от практики неправославной, выделяло его как одну из самых видных фигур на Святой Горе. Из многочисленных его писаний (около семидесяти) было опубликовано немного. о доктрине Макария (1898), «Голос со Святой Горы об угрозе Вселенского Собора», «Против упрощения языка», опубликованное в периодическом издании «Новое творение», «Историческое изучение собеседований в афонском монастыре св. Пантелеймона» (1927), «Против хилиазма» и так далее.

Мудрый Афинский архиепископ Хризостом (Пападопулос) по поводу его работы «Против хилиазма» прислал письмо с поздравлениями, которое мы процитируем:

«Монах Стефан доставил нам Ваше письмо и Вашу замечательную, ясно написанную работу «Против хилиазма», созданную ради просвещения и пользы верных чад Церкви. Мы рады, что верная святость Ваша, направляющая к верной цели, могущая и горы передвигать, проходящая должный путь аскетизма и добродетелей, подобно Христу, все же (благодаря письму Вашему душеполезному) считает благочестие высокой ценностью и с силой защищает перед христианами Православную Церковь. Воздавая хвалу святости Вашей, молимся Пресветлому Отцу нашему Небесному, чтобы укрепил Вас в борьбе за Православие, и чтобы Вы достигли спасительной цели своих аскетических подвигов.

Усердный молитвенник пред Богом Хризостом Афинский.

Из множества неопубликованных работ Старца (большей частью написаны они в форме писем) выделяем следующие

Об умной молитве.
О несвоевременной скорби.
О подозрительности.
О связях, которые не слабеют с телесной смертью.
О том, каким должно быть отцу духовному.
О пощении перед святым причащением.
Защита монашества.
Объяснение великой ангельской схимы.
Записная книжка монаха.
О спасении еретиков и неправославных.
Против евангелистов.

Против армян (Эта работа была послана с датой 24.03.1892 «Его Преподобию иеромонаху Модесту» и показывает, что автор ее был выдающимся историком экклесиологии и догматики).

Против Калапофакиститов.

Этот последний труд был послан в виде письма (или, точнее, двух писем) Федору Стергиоглидису, бывшему православному иеромонаху, ставшему вероотступником и расстригой, поддержавшему протестантское учение Калалофакиса. Мы полагаем, что стоит процитировать здесь прекрасно написанное вступление из первого, довольно длинного, письма от 8.02.1912 года,

«С немалым удивлением получил я твое письмо, что написал ты седьмого числа прошлого месяца, также, как и другой пространный текст, который я изучил так же тщательно и с болью в сердце, так как понял ужасное твое состояние, вызывающее слезы... Ты, который был рожден и воспитан в лоне Восточной Христианской Церкви православными родителями, похваляешься сейчас, что нашел убежище для спасения своего, порвав с Восточной Христианской Церковью. Сейчас ты действительно находишься не в «шатрах Иаковлевых» (Мал.2:12), а в «шатрах Ки- дарских» (Пс.119:5) протестантизма.

Несмотря на то, что ты мне адресовал письмо свое, я вижу, что цель вопросов твоих – не разобраться в том, что здраво и спасительно, а, скорее,—пропагандировать свои ошибочные идеи, воспринятые от последователей Лютера и Кальвина.

Поэтому, по моему рассуждению, отвечать на них необязательно. Раз ты объявил даже, что по своей воле порвал с Церковью Православной и сейчас нашел истину, все дальнейшие разговоры, конечно, бесполезны. Но чтобы не подумали, что мы соглашаемся с ужасными заблуждениями твоих новых идей, я решил, что лучше все же ответить. Это одна из причин нашего общения, кроме того, Божественное Провидение, быть может, разбудит твое сердце, и ты вернешься к вере отцов своих. Однако, если бы протестантская вера досталась тебе по наследству от предков и ты бы защищал ее, я бы промолчал, помня слова апостола Павла: «Аще ли кто мнится спорлив быти, мы такового обычая не имамы, ниже Церкви Божия.» (1Кор.11:16). А также: «Буих же стязаний и родословий и рвений и сваров законных отступай» (Тит.3:9)»

В работе, касающейся созыва восьмого Вселенского Собора, предварительное заседание которого должно было состояться на Святой Горе в 1932 году, он ясно высказал свое недовольство по отношению к тому, что некоторые вольнодумные церковные иерархи «предлагают на обсуждение нововведения, которые, вопреки ясному Евангельскому учению, приведут нас на путь, противный Евангелию... чтобы мы могли удовлетворить ожидания еретиков, похваляясь сближением с ними...» «Монашеское мракобесие,» – могли бы сказать некоторые злонастроенные критики. Но мудрость этого человека, его светлый ум и чистое сердце были в силах разоблачить, что значит сойти с узкого пути Христова на широкий мирской бульвар. Из своего отдаленного отшельнического прибежища этот богопросвещенный человек ясным взором проник в суть всех церковных проблем. Он знал, что мир, хотя и склоняется к легкому пути и удовлетворяется поверхностным, ложным решением проблем духовной жизни, никогда не найдет в них духовной полноты. Но некое таинственное духовное желание побуждает душу человека стремиться к трудному святому древнему добру и обретению его. Поэтому величайшей опасностью для Церкви и самой коварной западней для ее , пастырей является искушение приспособиться к колебаниям и меняющимся часто

настроениям мира. На пастырей Церкви ложится величайшая ответственность, так как они должны вести паству, а не паства пастырей.

Из-за настойчивых просьб одного из своих духовных чад, который учился в Хал кесе, а впоследствии стал митрополитом Георгием в Неврокопиосе, старец Даниил занялся темой «О том, обитаемы ли звезды». Его подход к этой теме поразителен. Он изумил даже ректора Иренайуса, ставшего позднее митрополитом Кассандры, заметившего: «У нас есть ларец, но мы не знаем, как открыть его. Этот монах нашел ключ, открыл и рассмотрел содержание».

Еще когда он был семнадцатилетним юношей, обучавшимся в школе Евангелия Смирны, старец Даниил написал большую работу «О том, как бежать от мира». Старец Каллиник Исихаст, рассуждая об этом его юношеском достижении уже после того, как старец Даниил покинул этот мир, с горечью спросил: «Где сейчас такие Отцы?»

Трудное покаяние Костиса Мармара

В последние годы жизни старцу Даниилу пришлось пережить трудное покаяние Костиса Мармара.

Костис был родом из Айдиниоса в Малой Азии и жил в Арнайасе в Халкидики. Он был душой беспокойной и увлекался разным. Был он фармацевтом, врачом-самоучкой, а также фотографом, имел собственную фотостудию. Он имел интерес к религии, знал византийскую музыку.

Случайно познакомившись с группой спиритов, Костис заинтересовался их делами. Мало-помалу интерес возрастал, пока он всей душой не пристрастился к спиритизму. И так запутался в сетях этого сатанинского ремесла, что не в состоянии был сам от них освободиться. Не пять лет, не десять, а целых тридцать занимался он спиритизмом, не подозревая, что за кулисами спиритических чудес действуют бесы.

Вовлекся он в это дело из простого любопытства. Узнав, что во время спиритических сеансов сами по себе двигаются столы, захотел исследовать это явление и решить, вызвано ли это электричеством или действительно духами. И выяснил, что электричеством эти движения объяснить нельзя и что причиной этого являются духи. Но какие, добрые или злые? Он решил, что это Святой Дух и потому полностью отдался спиритизму.

Костис делал успехи, приближаясь к автоматическому письму и чтению мыслей. Он научился общаться с «душами покойных». Особенное удовольствие доставляло ему беседовать с «прославленными врачами Парфенона» и даже с «Гиппократом», которые учили его разным фармацевтическим формулам и предсказывали судьбы некоторых пациентов. Он также общался с разными «святыми» и «ангелами». Задавал им вопросы и получал ответы, откровения и послания небес.

Первой искрой, сверкнувшей во тьме его заблуждения, была маленькая книжка старца Даниила под заглавием «Против спиритов», которую ему кто-то дал. Сильными аргументами афонский автор показывал, что спиритизм – это происки бесов. Чтение этой книги встревожило Костиса, у него появились

сомнения и вопросы. Ему понадобилась помощь, и он нашел ее в переписке с монахом из Катонакии. Письма Старца помогли ему постепенно избавиться от пагубного влияния бесов. Но было это нелегко, потому что за многие годы общения они обрели власть над ним. Они даже поколачивали его.

«Я встретил одного добродетельного монаха, – пишет Костис в одном из своих писем, – и попросил его указать мне средство для борьбы с дьяволом. Он назвал мне вторую молитву экзорсизма свят. Василия Великого. Прочитав ее, я вскричал: «Я нашел непобедимое оружие, чтобы изгнать дьявола! Но ночью, как только я погасил лампу и лег в постель, пришли бесы и стали бить меня кулаками. Так продолжалось три вечера. Однажды я пригласил священника, чтобы он прочитал надо мной покаянный канон и вторую молитву свят. Василия Великого. Дьявол незамедлительно напал на него и стал сзади сильно дергать за рясу, а в другой раз, когда священник читал молитвы об изгнании бесов, они рычали, как псы!""

Костису удалось все же избавиться от бесовских наваждений. Однако враг долго не оставлял его в покое, попытавшись искусить более тонким способом. Костис постоянно чувствовал присутствие в своем воображении яркого образа «апостола Павла». Он был высокий, в своем обычном одеянии, с руками, покоящимися на большом посохе, и иногда у него было одно выражение лица, а иногда другое. Иногда виделось Евангелие. Часто в мозгу Костиса раздавались какие-то фразы, которые он использовал обычно в разговорах с людьми. Он считал это проявлениями божественной благодати. Старец Даниил с большим трудом убедил его, что это заблуждение, и нельзя принимать на веру такие видения.

Однажды в полдень Костис вышел из церкви святых Бессребреников в Арнайасе, собираясь навестить больного, страдавшего пневмонией. У бокового алтаря церкви, где перед иконой святых Бессребреников горела лампада (икона пребывала здесь временно, потому что в главном пределе работали рабочие), он увидел очень яркий свет. Приблизившись к окну, разглядел человека, смотрящего на лампаду Святых.

Сразу же человек тот прошел в главный предел. Шаги его были слышны отчетливо.

«Кто это? Кто там?» – позвал Костис Он подумал, что там вор. С четырьмя прохожими вошел в храм в поисках предполагаемого злоумышленника, но они никого не нашли.

Костис написал об этом старцу Даниилу и просил его совета. Мудрый Старец объяснил, что это последствия его прежнего сотрудничества со злыми духами и что потому следует отвергать все это.

Да, враг все смущал Костиса ложными откровениями и видениями, хотя тот уже оставил спиритизм и вел полнокровную христианскую жизнь. Каждое утро он ходил в храм святых Бессребреников и слушал заутреню и канон Святым. Вернувшись домой, закрывался в своей комнате и читал канон преп. Иоанна Дамаскина Богородице, акафист, канон Всем святым и канон Иисусу Сладчайшему. Кроме того, когда на лошади отправлялся в соседнюю деревню по врачебным своим делам, в пути читал каноны и молился разным святым, читал вечерние молитвы. И, несмотря на все это, если бы не помощь мудрого и прозорливого старца Даниила, он бы был в опасности пасть жертвой заблуждения.

Среди бумаг Старца Даниила сохраняется одно письмо Костиса, в котором он задает разные вопросы о возможностях злых духов. Он просит Старца разъяснить, может ли бес произносить: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас», «Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святой, посети и исцели немощи наша имене Твоего ради» и: «Благословенно имя Господне..»

Несомненно, случай Костиса был трудным. Но своим терпением, большой перепиской со старцем Даниилом удалось ему избавиться от уз опытного врага. Брат Господень по плоти Иаков писал об этом: «Да вест, яко обративый грешника от заблуждения пути его спасет душу от смерти и покрывает множество грехов» (.5:20).

В Обитель Небесную

Старец Даниил провел в Катонакии пятьдесят лет в неустанных трудах – в молитвах, в сочинении книг, в духовном руководстве учениками, вышедшими на «залитую потом дорогу» ангельской жизни, в создании духовного убежища на голых камнях Катонакии, в повседневной брани за собственную святость, в любви о Боге к аскетизму и терпеливом отношении к братьям, огорчавшим его порой. Подвизаясь, он перешагнул земное восьмидесятилетие. Истинно, «человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет» (Пс.102:15) Он действительно был редким цветком в обширнейшем уделе Богородицы. Цветы сада этого, если не испортит их никакой червь, благоухают даже после того, как падут на землю. Благоухают они и памятью о них, и плодами жизни своей, своею простотой, своим следованием Христу, своим смирением.

Подобно всем святым, терзаемым «шипами во плоти», и старец Даниил постоянно страдал от мучений, причиняемых ему его плотью. В письме к одному из верных своих духовных чад от 26 апреля 1923 года он писал: «Твое письмо застало меня больным в постели, страдающим от лихорадки типа инфлюэнцы и опухоли правого глаза (она под ним и на веке), где я чувствую непереносимую боль. Но молитвы твои и мольбы, да не услышать тебе внезапно о смерти отца твоего духовного, помогли, и после шести дней мучений я неожиданно выздоровел».

Лето 1929 года было последним, когда он сиживал в прохладе двора, беседуя обыкновенно с Александром, с гостями и чадамай. Рано наступила зима, Старец слег в постель с жесточайшей простудой. Он видел своих учеников вокруг себя; каждый из них старался как можно лучше ухаживать за ним, он видел себя, теряющего силы. И был он очень счастлив: когда в поле, как золото, сияет пшеница, труженик забывает про все трудности. Старец Даниил, покидая этот мир, оставлял после себя благословенный урожай.» Он оставил вместо себя

нового старца Даниила, немногословного аскета, благочестивейшего священника с ангелоподобным голосом...

8 го сентября, в день Рождества Богородицы, душа его отлетела в Обитель Небесную как «птица пустыни».

С предыдущего вечера он покрылся холодным потом.

«Отче, я хочу принять Святое Причастие,—сказал он. — Я плохо себя чувствую».

«Мы причастили его, — вспоминал отец Геронтий. — Со слезами на глазах, дрожащим голосом дал он всем ученикам своим, собравшимся вокруг постели, последние наставления и благословения»

«Старче, что станется с нами?»

«Бог воздаст Вам за труды Ваши,» — ответил он. Потом заговорил о будущем:

«Бог справедлив, Старче. Ты послужил мне, Он пошлет тебе ангелов, и они послужат тебе. Ты расширишь каливу, у тебя будет два священника. Придет много монахов».

После полуночи язык его двигался уже с трудом, а губы побелели. Он говорил, но понять было невозможно. Утром в каливе совершили Божественную литургию. Прошло два или три часа. Лицо его светилось, и он улыбался в каком-то священном восхищении. После миропомазания Старец отошел. И счастлив был, что умирал в Праздник Пресвятой Покровительницы Афона, Всехвальной и Всепетой Матери Божией!

Бог призвал его в возрасте восьмидесяти трех лет, в расцвете духовных сил. Он был полон безграничного мира душевного, мудр, глубокомыслен, имел дар духовного рассуждения, мягок, милосерден, имел огромные духовные знания и опыт.

Известие о смерти его, как молния, облетело Святую Гору. Через два дня из Большой лавры пришло письмо с соболезнованиями: «-Потеря приснопамятного старца Даниила — это не только Ваша потеря, а потеря общая для нашей святой земли... В лице благословенного Даниила Святая Гора потеряла святого представителя современных жителей Афона...»

Отцы святых скитов Кавсокаливии тоже написали письмо с соболезнованиями:

«И все же необходимо жить... Благословенный был противником всяческих нововведений и первой фигурой в афонском образе жизни, прославленный своими писаниями каждой православной душой и каждым трепещущим сердцем».

Благословен же будь, старец Даниил, украсивший суровую почву аскетизма такими изобильными плодами. Истинно, «Дух Божий в тебе, и бодрость и смысл и премудрость изобилна обретется в тебе» (Даниил.5:14).

Духовные советы и поучения старца Даниила (избранное из трудов его, записей и писем)

Духовная брань

Враг наших душ всячески пытается мирскими и плотскими соблазнами ввести человека в искушение духа и плоти, так как он не может склонить его сразу же к смертным грехам, то использует сперва мысли, влагая их в уголки души – и «благоразумные», и возбуждающие, и страстные.

Для мыслящей части души он предлагает неверие, нечестивое любопытство, критическое отношение к трудным местам в Священном Писании и к непонятному для некоторых в церковных таинствах, глупость, высокомерие, самодовольство.

В жаждущую часть он привносит желание всяких мирских удовольствий, похоть плоти и то, чем обычно бес растлевает душу.

А возбудимой части души предлагает он неумеренное и несвоевременное рвение, критицизм, зависть, непослушание, противоречие, суждения даже такого типа: «Тот-то и такой-то сделал мне следующее и проявил полную неблагодарность ко мне, но, хотя он очевидно меня ненавидит, я его люблю».

И таким образом бес побеждает не слишком осторожного человека и подчиняет его страстям.

Чтобы бороться и побеждать страсти, человек должен быть очень внимательным при первых же признаках нападков бесовских, когда их еще можно отразить и не прекратить свое восхождение по лестнице добродетелей.

Что касается разумной части души, борющаяся душа должна сражаться против приступа неподобающих мыслей следующим

оружием. Нужно хранить веру незыблемой, не позволяя неверию, любопытству прочему богохульству близко подступаться к мыслям, а отклонять их молитвой и презрением.

Далее. В жаждущей части души нужно отбивать атаки врага оружием воздержания, всегда возвышающего ум до неотмирных красот, стремиться достичь чистого целомудрия, мужественно сражаться с постыдными помыслами.

Не менее важно в возбудимой части души противопоставить врагу любовь, терпение, выдержку и мужественно выносить все нападки и неблагодарность ближних, потому что посредством этого вырабатывается совершенство, и человек достигает блаженного смирения и совершенной любви.

В аскетических писаниях святых Отцов читатели могут увидеть, какими способами очищать все те уголки души, о которых я сказал: возбудимую, жаждущую и мыслящую, и как избавиться от бесов.

Там можно узнать, что такое понуждение ума, чувства души и страсть плоти.

Там можно найти всё – все ухищрения бесовские, бесстрастно проанализированные...

В этих писаниях можно прочесть, как «познать себя» и как совесть должна порицать даже малейший проступок; и можно увидеть, как чрезмерная любовь к себе и почитание себя не дают духовно расти.

Когда идете на исповедь к отцу своему духовному, не обвиняйте никого: «Он сказал то, а тот сказал так..», но говорите то, в чем хотите получить прощение.

Без пощения нельзя достичь ни чистой молитвы, ни целомудрия. Христианин, не знающий поста, не сможет нести крест, как нес Свой Крест Спаситель наш, не сможет человек такой последовать за Ним.

Он, Спаситель наш Христос, постился сорок дней и ночей и этим подал нам пример. И когда? После Крещения Своего. Значит, все крещеные христиане должны, по мере сил своих, соблюдать пост.

(О чтении духовных книг.) Лишь после того, как сотворите молитву Владычице Богородице перед иконой Ее святой, сотворите и три земных поклона и, прося милости Ее к себе, с вниманием и благоговением приступайте к чтению.

Монашеская жизнь

Монашеская жизнь – это великая школа, где научаются жить согласно заповедям Христа и где все совершается с евангельским тщанием.

Живя монашеской жизнью, можно избежать различных ловушек злостного дьявола – привлекательных соблазнов грешной жизни, и приготовить себя к житию добродетельному, подобному евангельскому совершенству.

Богоносные Отцы Церкви первым камнем в фундамент монашеской жизни заложили святое послушание, которое соседствует с нищетой духа, являющейся первым блаженством.

Послушание – основа монашества – уничтожает в корне тщеславие и разрушает бесчисленные бесовские происки и делает послушника нищим духом, мягким сердцем, скорбящим, милосердным, коротко говоря, делает его исполнителем божественной воли Христа.

Молчание между монахами должно быть наполнено любовью, а не угрюмой суровостью и презрением.

Также, как от грязи пачкается тело и ржавеет железо, так и благородство души монаха может быть принижено, если он выйдет из монастыря.

Когда, о монах, встретишь ты на дороге другого монаха, и он спросит тебя, как тебя зовут и в какой обители ты подвигаешься и так далее, отвечай кратко и благоразумно. Но себя не допускай унижаться до подобных вопросов.

«Не открывайте дверь чужую ключом своим».

Высоты духовные

Когда христианин достигает чистоты сердечной, он выполняет все повеления Господни, и тогда он «знает Бога», то есть ясно различает в сердце своем деяния Духа Святого, и они просвещают его, и он становится твердым руководителем для других и понимает тайное в Священном Писании и суть не только вещей, но суть Истины и вследствие всего этого обретает прозорливость, дар провидения, бесстрашие, тогда и бывают откровения небесные и чудеса.

Тот, кто отличился в целомудрии и святости и был удостоен всеразличных духовных даров, стал достоин их благодаря покрову Владычицы нашей Богородицы.

Чтобы сохранить свою чистоту, борющийся девственник должен прежде всего быть исключительно преданным Владычице Богородице и смиренно молить Ее о помощи, так как облачения непогрешимой девственности нельзя достичь только путем аскетизма и личного борения – это, однако, непременно должно быть – но дается это по милости Приснодеву Марии, Которая и очищает души девственников.

Кто желает сохранить целомудрие, должен приложить многие усилия, очищая душу свою от чувственных помыслов, которые всеваются для порчи душевной пособником зла. От помыслов этих можно избавляться при помощи молитвы Иисусовой и призыванием имени Владычицы Богородицы, Которая знает, как очистить души истинных ревнителей целомудрия.

Грех подозрительности

В спокойное время подозрительность бывает от непонимания и волнения. Подозрительность никогда не может различить правду, даже если глаза видят ее, а все окружающее говорит о доброте и любви. Подозрительность все искажает, и поработенный ею склонен видеть скорее ложь, чем правду, во всем, что видит.

Подозрительность – это лживый и искажающий все фотограф, который, фотографируя, меняет вид объекта.

Когда страдающего от подозрительности мучают искушения, неважно, люди ли им причиной или Бог их попускает для исправления, или сложилось так в силу обстоятельств, он немедленно начинает подозревать какого-либо человека, возможно, никакого отношения к его бедам не имеющего..

В качестве иллюстрации такого разрушительного безумия, я расскажу Вам, как сторонний наблюдатель, об уже почившем монахе из малого скита Праведной Анны отце Феофане Как мы знаем, он, будучи побежденным совершенно этим недугом, отделился от братии, заявив, что они его ни во что не ставят, а он и сам знает, в чем истина, все же остальные достойны только отвращения. Он повел себя так, потому что подозрительность его внушила ему такие мысли, а он им поддался и руководствовался ими.

Если, возлюбленные мои, Вселенский Собор, созванный святыми Отцами, осудил тех, кто обманут своею подозрительностью, то жаловаться им, заявляя, что они правды, не стоит. (Письмо старцу Каллинику Исихасту от 1.02.1896.)

Бегите, братия от подозрений, рождающих чудовищ.

Насколько грех этот кажется маленьким и незначительным, настолько, с другой стороны, если его не пресечь, он может разрастись и принести ужасные последствия. Изобретательный змий обычно подсовывает эту страсть недоверчивым душам, глупым и тщеславным, по той причине, что всегда завидуют и помнят чужие ошибки.

Поэтому, когда кто-либо из братии начинает уступать этой страсти, то, прежде всего, в нем проявляется ненужное любопытство, а позже, что бы ни представлялось ему в воображении, он рассматривает это как совершившийся факт...

Когда эта страсть овладеет человеком, враг внушает ему всяческие фантазии, чтобы сбить его с пути истинного. И так получается, что он теряет разум, от чего спаси нас Всеблагий Господь.

Чтобы предотвратить такую гнусную страсть, христианин должен с самого начала остерегаться ее, как смертельного яда, разоблачить же ее можно просто – при помощи исповеди и трезвения.

Православие и ересь

Протестанты, не знающие священного Предания и того, что именуется прямым и узким путем, не говоря уже о пощении, трезвении в молитве, того, что достигается отшельнической жизнью, убедили, к несчастью, некоторых наших студентов в Европе – быть может, даже большую часть наших «европейцев» (греков). И через них, и через многие хитрые предложения и мудрования замышляют, если удастся, переворот Православия.

Нам, монахам, надлежит быть неколебимыми столпами Православия».

Каждый день, читая жития святых и отшельников, разве не видят в них монахи то богодухновенное рвение, которое они питают по отношению к Православию?

Не говоря об иных, я приведу пример преподобной Мелании. Разве не превзошла эта Святая многих святых дев и в познании, и в житии отшельницы?

Из-за того, что дядя ее Волусиан, римский анфипат, придерживался еллинского многобожия, ей пришлось оставить свое уединение, нарушить молчание и отправиться в Царьград. Различными доказательствами из Священного Писания и примером своей ангельской жизни ей удалось убедить дядю отказаться от ереси, и он стал одним из самых выдающихся рабов Христовых...

И не только его. Разговаривая со многими язычниками, она многих наставила на путь истинный.

Если бы эта Святая не знала этого безбожия с точки зрения Православия, как бы смогла она одержать такие победы?

(Письмо к игумении Феодосии, 17.01.1924.)

„Подобное случилось и с одной из моих двоюродных сестер, которая, полюбив состоятельного человека с Запада, вступила с ним в брак, к несчастью, одобренный и ее родителями. Я был тогда молодым и жил в Смирне. Я осуждал и родителей, и саму кузину за то, что они не приняли во внимание мнения отца жениха, говорившего, что этот неестественный союз погубит обоих, как

позднее и случилось. Когда пришло время рожать, сестра моя двоюродная умерла в невыносимых муках, а тесть ее в тот же самый день перенес очень серьезный сердечный приступ. После этого родителям девушки довелось еще много пострадать, и они плохо кончили.

(Письмо к Николасу Ренгосу, 23.02.1923)

При написании этого труда, направленного против еретиков, взываю ко Владычице нашей Богородице, а все доказательства привожу из писаний святых Отцов Церкви.

Христианин ни в малейшей степени не должен поддаваться этим разрушителям, даже если это священники или иерархи, учителя или духовники, если они выступают против Православия древнего, против священного Предания, используя лжеучения, а должен твердо стоять в том, что издревле принято в Православной Церкви.

Касаясь эклесиологических вопросов

Сокрушенно думаю о нынешнем поколении, что за грехи наши Господь попустил хитрому диаволу найти к нему подходы с двух сторон.

С одной стороны, иерархи, правящие в нашей Церкви вместо того, чтобы защищать традиции, вводят разные новшества; в то время как, с другой стороны, истинно верующие вместо того, чтобы выразить в письменной форме свое мнение с проницательностью и в мирской манере, бунтуют против иерархов, и, делая так, они выставляют их в дурном свете перед всеми, и, таким образом, вместо пользы причиняется вред с обеих сторон.

Я не сомневаюсь, что ты держал в руках работу А.Ф., в которой он доказывает несостоятельность Нового Собора, но таким оскорбительным языком, который святые Отцы никогда не использовали даже против самых великих ересиархов.

Моя собственная скромная работа по существу нанесет более сильный удар по этим новаторам от А.Ф., потому что ему будет приписана ярость и страсть, не говоря уже о самомнении, но доказано

будет, что моими устами говорит сама Церковь, сокрушая все ревизии, которые намереваются предпринять те, кто мечтает о Новом Соборе.

(Письмо Николасу Ренгосу, 3.11.1926.)

Разное

Когда мы желаем чего-нибудь, и нам не удастся этого достичь, то не нужно бороться с обстоятельствами, но повторять; «Благословенно имя Господне» – и в случае успеха, и в случае неуспеха.

(Случай колдовского воздействия.) Болезнь несчастных новобрачных Ставроса и Хрисулы действительно вызвана происками бесовскими, а орудиями его послужили злые люди, которые, став их помощниками, стравляют многие такие невинные души. Потому-то древние христиане постились, исповедывались и причащались перед венчанием, и тогда бесовские искушения не имели никакой власти над ними.

Духовник очень хорошо сделал, что молился об изгнании бесов, как и мы сделаем завтра после Божественной литургии. Мы помолимся также по четкам за их выздоровление, и я верю, что происки бесовские рассеются при помощи неколебимой веры. Однако, если их состояние останется прежним, во что я не верю, то тайно договорись с добрым твоим духовным отцом, отцом Леонтием, совершить молебен святителю Василию Великому, не говоря никому, для чего, и тогда наверняка увидишь ослабление ужасной зависимости.

(Письмо Николасу Ренгосу, 13.05.1924.)

Один добрый христианин, известный тебе Георгийргий Баласкас, солдат, завалил меня сложными вопросами; как развивается мир, как живут люди в Америке, что такое был запретный плод и тому подобное, и собирается подготовить для меня и другие

Эти вопросы не приносят ему никакой пользы и происходят от заблуждения, в которое его ввел враг для того, чтобы он не занимался познанием того, какие страсти нужно искоренять и как

(Письмо Николасу Ренгосу, 13.05.1924.)

Старец Исаак из монастыря Дионисиат

«Он был образцом простоты, точности, благочестия, всегда молчаливый и сосредоточенный, пример для всех отцов».

Архимандрит Гавриил Дионисиатский

Предисловие

Святых угодников Божиих можно сравнить с многоцветными, яркими цветами. Краски всеразличные, но нанесены кистью Одного Художника. Как сказал апостол Павел: «Разделения же дарований суть, а тойжде Дух» (1Кор.12:4). Эта истина подтверждается каждый раз, когда мы узнаем о жизни еще одного праведного монаха Горы Афон.

У старца Каллиника Исихаста мы видели яркий Фаворский свет, в старце Иоакиме из скита праведной Анны видели подвижника и мученика, старец Даниил Катонакский изумил нас остротой ума и глубиной мудрости, старец Афанасий Григориатский – величием священника и благоговейным покаянием. Сейчас, в пятой части этой книги, рассказывая о старце Исааке из Дионисиата, мы ощущаем необыкновенное благоухание Божественного.

Отец Исаак был одним из тех редких монахов, которыми Господь благословляет монастыри, снискавшие Его особенную любовь. Такие подвижники как столпы Божии укрепляют и поддерживают большие обители. Их жизнь – источник щедрых благословений, река, что «радует град Божий». Счастливы жители тех Божиих градов!

Вспоминаю, как юношеские мечты мои привели меня в Дионисиат, через несколько лет после его кончины. Все говорили тогда о своем авве Исааке. Яркие, неизгладимые воспоминания о его жизни произвели на меня глубокое впечатление. Я не переставая говорил о его добродетелях и тогда-то родилось желание составить его жизнеописание.

Вершин святости старец Исаак достиг не благодаря богословским трудам: он был не очень образован, не отличался умением красиво говорить. У него не было стремления занять высокое место в монастыре или среди священников. Скорее, он отличался своей простотой, прямотой и чистосердечной преданностью монастырским установлениям. Будучи монахом святой обители, он постоянно выражал любовь ко Христу и был Ему безгранично предан. С тщанием и прилежанием следовал

по узкому и тернистому пути аскетизма, не отклоняясь ничуть ни вправо, ни влево. За это и получил свой венец. «Аще же и постраждет(подвизается) кто, не венчается, аще не законно мучен будет(будет подвизаться) » (2Тим.2:5). И: «Ты убо злопостраждет яко добр воин Иисус Христов» (2Тим.2:3).

В этой части книги – священное дыхание великого древнего монастыря Дионисиат. В этом месте Своего удела Пресвятая Покровительница Горы непрестанно взращивает небесные крины. Всегдашний покровитель этой обители и святой Предтеча Христов, и святой Патриарх Нифонт наставляют ее монахов высшему смирению мудрости.

Материалы для жизнеописания Старца предоставил Его Высокопреподобие архимандрит Гавриил Дионисиатский, один из старейших и виднейших обитателей Афона; возлюбленный и почитаемый старец Лазарь Дионисиатский, опытный труженик виноградников духовных, предоставил в наше распоряжение свои рукописи; старец-отшельник Варфоломей, исихаст в Божественной Катонакии и другие. Все они подвизались со старцем Исааком и сохранили для нас память о его святой, ангельской жизни. Низкий поклон им за это.

Начало пути

Юные годы

Старец Исаак родился в 1850 году в деревне Каввакли, Адрианополис, недалеко от границы с Болгарией. Его благочестивые родители нарекли его Иоанном Георгием. Маленький Иоанн не получил образования, что не сильно сказалось на развитии ребенка. Если это и не способствовало, то уж и не помешало на прямом пути к совершенству и святости.

Родители его были крестьянами, слишком бедными, чтобы дать ребенку образование. Он самостоятельно нашел путь ко Христу, когда, пася на пастбищах в долинах отцовских овец, трудолюбиво по буквам разбирал жития святых. И как же счастлив был маленький пастух, когда выгонял из загона стадо и, радостный, устремлялся в луга, держа в одной руке посох, а в другой – жития святых! Он пробирался по диким зарослям и горным перевалам, дыша ароматом елей и чистым горным воздухом, всегда побуждающим детей гор к душевному подъему.

Там, среди птиц и верных собак, стерегших стадо, Иоанн незаметно вырос. По мере того, как шли годы, возрастало в душе его желание духовного, всепоглощающее желание стать монахом. Наверное, он читал, что «нельзя стать монахом, если желание стать им не становится всеохватывающим пламенем».

Среди холмов северо-восточной Фракии он вел свое стадо на зеленые пастбища и радовался словам Господа: «Аз есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин.10:11), «Азъ есмь пастырь добрый; и знаю моя, и знают Мя моя» (Ин.10:14). Как Иоанн знал своих овец, так и Христос знает Своих: и молодой пастух был в Его божественном стаде. Он был пастухом своих овец и, вместе, благословенной овцой в стаде Господнем. Добрый пастух, Который знает овец Своих, знал сердце Иоанна, его стремления и радости. Иоанн был Его избранным. На лугу души его возрастал дивный цветок–желание мученичества бескровного, крин призвания к монашеству.

«Знаю Моя, и знают Мя Моя» Это знание было взаимной, теплой, ровногорящей любовью между маленьким Иоанном и его Сладчайшим Иисусом. Со временем это знание станет для маленького пастушка, простого и чистого, знанием божественной воли. Потому, когда высоко в горах он пел своими невинными устами псалмы или высвистывал на дудочке своей незамысловатые мелодии, ум и сердце его искали воли Божией. Он искал святости святых монахов, потому что без чистоты этой, которую так трудно обрести, «ихже кроме никтоже узрит Господá' (Евр.12:14).

Итак, когда желание это созрело в его душе, он отважно отправился на Гору Афон. Испросил прежде благословения у родителей, и они благословили от всей души, попрощались с ним и вверили судьбу его Богу. Счастливы те родители, которые детей своих посвящают Богу! Что может быть выше чести отдать Богу дитя свое?

Родители Иоанна обняли сына и проводили его с радостью. Христос постучал в их дверь, прося их сына, и они не отказали Ему. Они последовали примеру Авраама, который, услышав глас Божий, не колеблясь решил принести в жертву Исаака, любимого своего сына.

К Горе Господней

На Святой Горе Иоанн обошел паломником множество монастырей и скитов отшельнических. Что же произвело на него наибольшее впечатление? Природа? Хотя он и проводил раньше много времени среди красот природы, был изумлен природой Горы Афон: огромные бескрайние леса, бурные потоки, крутые горы, величественный пик Афона..

Красота там такая таинственная. Но что же дивило больше всего? Похожие на царские дворцы монастыри или скромные скиты, каливы и келии? Византийские соборы и часовни с их несравненными росписями? Прославленные чудотворные иконы? Их благоуханные мощи, через которые творятся многие чудеса Божии? Библиотеки с их обильными духовными богатствами?

Гора Афон – это остаток византийского духа, который все еще живет и дышит, это изливающийся из прошедшего неиссякаемый поток церковной жизни. Здесь можно почувствовать пульс православной литургической практики, вдыхающей жизнь в тело Церкви, бьющийся с той же силой и частотой, как и в византийские времена.

«Верному и опытному наблюдателю Афон предстает безграничной духовной реальностью; образ жизни на нем настолько неотмирный, что с трудом осознаешь, что ты еще на земле. Афон – это идеал, это опыт духовный, мастерская душ, божественное восхождение на Небо. Это поле подвижничества святых...» (Монах Феоклетий из Дионисиата «Между небом и землей», 2-е изд, стр. 139).

Из всего виденного в паломничествах, Иоанн был более всего поражен отцами, являвшимися истинными образцами афонского монашества. Но на своем пути он встречал и «монахов немонашеского поведения», которые шатались везде, часто посещали базары и гавани. Среди афонцев встречаются, к сожалению, и такие искаженные образцы монашеской жизни. Глядя на них, Иоанн молился: «Помилуй, Боже, этих несчастных монахов». Потом, удовлетворяя жажду своего сердца,

любовался молчаливыми неземными фигурами. И, подходя к ним, говорил себе обычно: «Смотри на людей этих: они бездомны, бедны, изнурены, смиренны и отвергнуты миром, а потому близки Богу. У них грязны ноги, они спят на земле. Живут в этом мире, но во всем возвышены над ним. Они от земли и все же принадлежат Небу, обнажены, но облачены праведностью. Эти уединенные отшельники вместе со всем миром Православным совершают всё праздники. Будь похожим на одного из них, чтобы не напрасным был приезд в это святое место».

Иоанн был очень вдохновлен примером жития отшельников Горы Афон и стал искать для себя пустынную келью. Он побывал во многих местах, ища жизни в подвигах исихазма. В окрестностях Большой Лавры, в местечке под названием Вигла, нашел уединенный скит. Представившись жившему там Старцу, попросил принять его послушником. Долго пришлось умолять тогда Старца-исихаста, чтобы тот позволил остаться, ибо не был готов Иоанн к отшельнической жизни. Но с первого же дня он выказал и стойкость, и добрую ревность.

Старец повел его через различные испытания и радовался втайне, видя терпение и послушание нового послушника, всю энергию направлявшего на то, чтобы как можно лучше исполнять послушания. Видел Иоанн на Афоне послушников, старательно подражавших послушанию Сына Божия. Чистые души их сияли на лицах радостью первых побед и ему хотелось быть таким же.

Но чем дальше продвигался он в брани своей на пути исихазма в Вигле, тем сильнее были происки бесов против него. Эти древние и опытные враги монахов знают тысячи способов мешать спасению. Иоанна они стали искушать таким же способом, каким искушали некогда преподобного Антония Великого. Отцы слышали обыкновенно в пустынной келии великого столпа монашества шумящую толпу, звуки ударов и жалобных стонов. Нечто подобное начало происходить и с Иоанном, когда бесы увидели, что в душе он отражает все их козни. Рвение и усердие Иоанна раздражали бесов, и они пытались запугать его видениями. Когда Иоанн молился по

ночам, слышал за стенами кельи всевозможные шумы, голоса, треск, грохот. Часто во время отдыха казалось, что Старец стучится в дверь. Тогда он вставал и говорил: «Благословен будь, Старче. Ты звал меня на службу?»

«Нет, чадо мое, успокойся и ложись спать, рано еще,» – отвечал Старец, понимая, что Иоанна преследуют наваждения бесовские.

Бесы постоянно мучили его. Господь попустил им это, чтобы направить Иоанна в монастырь, где было бы ему безопаснее.

Несколько лет спустя Иоанн признался: «Когда я понял, что то были козни бесовские, очень испугался. И больше не мог этого выносить. Тогда решил не оставаться больше в пустыни, а идти в какой-нибудь общежительный монастырь. Я ушел оттуда в монастырь Дионисиат, где и остался»

В святом монастыре Дионисиат

«Рано поутру паломникам, глядящим снизу из порта на монастырь, он представляется сияющей в утреннем воздухе громадой, а ночью маленькие огоньки келий смешиваются с небесными звездами. В общем, и вблизи, и в дали он похож на средневековую крепость со своими башнями на стенах, с высокой центральной башней, с бойницами в стенах» (Архимандрит Гавриил «Святой монастырь Дионисиат на Горе Афон», стр. 16.).

В этом монастыре, занимающим видное место в жизни большой афонской общины, в этой неприступной крепости византийского Монашества получил Иоанн благословение Божие вести жизнь общежительного монаха.

Какие чувства овладели им, когда он высадился на монастырскую пристань! На мгновение поднял взор и увидел громадный дом Божий. Похоже было, что свисал он прямо с неба и раскачивался, как люстра. Весь монастырь – это действительно величественное зрелище. Он стоит на огромной скале над обрывистым берегом. Кельи монахов расположены на разных этажах, верхние выступают над нижними. Они образуют балконы, висящие высоко над морем и поддерживаемые снизу балками. Великолепный Дионисиат!

Настоящий общежительный монастырь, словно пчелиный улей производящий чистый мед подвижничества и исихазма. По слову святителя Иоанна Златоустого, общежительный монастырь, такой, как Дионисиат, – это «небо на земле», где монахи подвизаются, «как ангелы, служащие Богу». Это совершение слов Господних: «Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф.18:20). Это духовное продолжение жизни апостолов.

Взволнованный Иоанн медленно поднимался вверх по широкой, вьющейся, выложенной камнями тропе, которая ведет к вратам древнего монастыря. Слева – большое ущелье со множеством платанов и других влаголюбивых деревьев, ущелье, называемое Аэропотамос (Воздушная река). Свирепые

зимние ветры, дующие с гор Афон и Антиафон врываются в это ущелье, производя ураганный шум и заставляя содрогаться все огромное здание

Просиявшие образы благочестия

Недалеко от входа Иоанн остановился, чтобы преклонить колени пред величественной иконой святителя Нифонта, Патриарха Константинопольского. Монастырь Дионисиат в числе многих других воспитал и этого человека – славу и украшение Афона и всей Церкви. Святитель Нифонт II был Патриархом Константинопольским в 1486 – 1489 и в 1497 – 1498 годах.

Будучи еще монахом, он с архиепископом Охридским Захарией пересек всю Грецию от Иллирии до Далмации, выступая против решения Флорентийского Собора, принявшего унию. Потом Нифонт отправился на Афон и был принят в братию монастыря Дионисиат, где его рукоположили в диакона и священника.

Когда преставился епископ Фессалоникийский Парфений, знатные граждане и все жители Фессалоников, ведавшие о святости Нифонта, пожелали, чтобы он был поставлен их епископом. В монастырь послали делегацию, чтобы убедить его принять сан, и после долгих уговоров им это удалось. В те дни, как и всегда, лучшие чада Церкви уходили в монастыри и пустыни. Там, в местах молитвы и покаяния, народ Божий искал себе пастырей.

И вот, уступив настойчивым просьбам, Святой принял на себя бремя епископского служения, смиренно и неустомимо трудясь, ради паствы своей. И Господь почтил его еще более: он был возведен в Константинопольского Патриарха. На высоком Вселенском Престоле Святой проявил себя действительно в полном блеске. После же ухода на покой отправился в Адрианополис, откуда его пригласили в Румынию, где проповедовал он слово Божие. «Святитель Нифонт признан всеми румынами как спаситель Православия в их стране Папистская Церковь нашла там подходящие психологические и духовные условия, чтобы ввести унию. Убедив православных в том, что с падением Византии пало и Православие, они легко могли уловить их в свои сети» (Архимандрит Гавриил «Святой монастырь Дионисиат на Горе Афон?», стр. 151.)

В довоенной Румынии люди, питая безграничную благодарность к Святителю за его труды, решили его прославить, и даже одну из улиц в столице назвали его именем (улица Патриарха Нифонта).

После сорокалетнего отсутствия ревностный Патриарх, состарившийся и неузнанный, вернулся в свое «место покаяния», в Дионисиат. Этот дивный Отец Церкви пожелал прожить остаток своих дней простым монахом и потому скрыл, кто он есть. Он попросил, чтобы его приняли в число братии, обещая исполнять любые послушания. Приняли Святителя послушником и дали послушание ухаживать за животными. Нужно было убирать за ними, кормить и поить их. Ночью же он должен был находиться на наблюдательном посту на скале над морем. В те времена была опасность нападения пиратов, которыми кишело Эгейское море Вселенский Патриарх с охотой и великим смирением выполнял послушания.

Но не было воли Божией оставить раба Своего смиренного неведомым. Однажды ночью явился отцу Игумену небесный покровитель обители святой Предтеча и сказал: «Сколько времени будешь ты держать подпаском Вселенского Патриарха – того самого, который спас тысячи душ? Вставай, собери братию и иди почти его подобающими почестями».

«Но, Святой, кто же это? Кто Вселенский Патриарх?» – спросил в смущении Игумен.

«Это Нифонт. Вы зовете его Николасом, и он приставлен к животным. Он выказал достаточно смирения, даже ангелы на Небесах изумлены».

Тут отец Игумен проснулся, напуганный сонным видением. Сейчас разъяснилось кое-что из того, что раньше его озадачивало. Например, поднимающийся над скалой столб света в то время, когда там молился во время несения дозорной службы Святейший «Послушник». Игумен немедленно ударил в симантрон, созвал братию и вместе со всеми священниками и монахами, несшими лампы и рипиды, вышел за ворота встречать святого Патриарха, спускавшегося с горы со своим стадом. Когда Святой понял, что тайна его раскрыта, то попытался скрыться, но по благословению Игумена братия – с

большой почтительностью – удержали его. Все пали ниц перед ним и просили прощения, что в неведении обращались с ним запросто, не как должно с таким высокочтимым человеком.

Святой по желанию своему остался в монастыре до самой кончины. Он прожил там, подвизаясь в святости еще тринадцать лет

и отошел ко Господу 11 августа 1515 года в возрасте девяноста лет.

Сегодня его святые мощи пребывают в монастыре в благолепной раке. Но глава и кисть правой руки в 1520 году были перевезены в Румынию и пребывают там в монастыре Куртеа де Аргес. Ежегодно с 11 по 15 августа там собирается большое паломничество из тысяч людей со всех уголков страны, чтобы почтить Святителя,

Волнующая встреча Святого с отцами монастыря произошла на том самом месте, где стоял перед его образом Иоанн, не знавший, однако, этой истории. Он внимательно помолился и в задумчивости продолжил свой путь.

Кроме этого дивного и великого Святого, в Дионисиате подвизались и многие другие, среди которых: св. Дионисий, основатель обители; св. Дометий, его духовный собрат; св. мученики Макарий и Иоасаф, св. Леонтий Мироточивый, который целых шестьдесят лет не выходил за ворота монастыря; св. Филофей, св. мученики Геннадий, Иосиф, Христофор и Павел; а также св. Никодим Святгорец, постриженный в этом монастыре.

Какой радостью было Иоанну стать монахом в таком монастыре! Его имя было вписано в ту же самую монастырскую книгу, в которой вписаны были имена этих просиявших образов благочестия.

В обители

«Зачем ты пришел, брате?»

С 1869 по 1874 год игуменом монастыря был отец Иаков, родом из Лакедемонии. Двадцатидвухлетний послушник Иоанн пришел в монастырь в 1872 году, когда в нем было около ста человек братии. Тогда все монастыри процветали, и вступить в братию допускалось только после строгого и тщательного испытания послушничеством.

И вот будущий монах предстал перед Игуменом. С первого же взгляда тот понял, что главной добродетелью молодого Иоанна была простота. Но, чтобы проверить его, он спросил: «Знаешь ли, чадо, что в нашем монастыре требуется полное послушание? Например, если я велю тебе прыгнуть из окна на скалы, прыгнешь?»

Иоанн просто и серьезно ответил: «Прыгну, Старче, не сомневаясь, что ты поймаешь меня за ноги, чтобы я не упал».

Никогда он не размышлял над благословениями Игумена и других отцов. Едва выслушав благословение, говорил обыкновенно: «Благословите меня!» и спешил выполнить его, храня тихий мир в душе, сохраняя неизменно спокойное выражение лица.

Отец Игумен понимал, что такой редкий послушник, как Иоанн, был для монастыря бесценной находкой. Как он мог отринуть его? Поэтому, по прошествии установленного срока испытания, он известил Иоанна, что решил посвятить его в великую ангельскую схиму. Постриг был совершен в соборе монастыря, расписанном фресками в византийском стиле 16-го века иконописцем Зорзи.

Где суета дел этого мира?

Где быстротечность мимолетных дел?

Неужели не видим мы, что они лишь прах и пепел?

Зачем же трудимся мы напрасно?

Почему мы не отвергаемся мира и не следуем за Тем, Кто призвал: «Кто хочет идти за Мною, да возьми крест свой, и да наследуй жизнь вечную?»

Новопостригаемый монах исполнился радости, принимая на плечи свои крест Господний. Поэтому, когда священник спросил: «Зачем ты пришел, брате?» он ответил от чистого сердца: «Желаю жить в подвижничестве, преподобный Отче»

Отец Исаак действительно желал такой жизни и жил в самом строгом подвижничестве. Он стал, как говорят на Афоне, «ревностным общежительным монахом». Никогда не жалел себя, никогда не думал дать отдыха своему телу, никогда не руководствовался собственной волей.

«Царствие Небесное нудится(с нуждею восприимлется), – говорится в Священном Писании, – и нуждницы восхищают е» (Мф.11:12). Сам Господь сказал, что воины духовные должны «нудиться» Когда бы я ни встречал на Афоне таких монахов, каждый раз ощущал в душах их Царствие Божие.

«Отдай душу в послушание и прими» – это были любимые слова отца Исаака во всех его аскетических борениях на поле брани общежительного монастыря. Он умертвил свое прежнее «я» и возродился о Христе, наполнившись добродетелями и дарами Божиими, как мы увидим вскоре.

Послушания

Отец Исаак был высоким, сильным, ладным человеком. Он мог проходить пешком большие расстояния, тратя на это намного меньше времени, чем любой другой. В те времена не было удобных средств связи, ни надежной почтовой службы. Поэтому он получил послушание почтальона в монастыре, как наиболее подходящий и надежный.

Кто бы мог поведать о тяжести и о трудностях этого важного послушания? Чтобы дойти до подворья Девеликии в Иериссосе ему требовалось идти тринадцать часов. Сикия и Моноксилитис были в нескольких часах ходьбы. Но самым дальним и изолированным подворьем было подворье в Каламари, что рядом с деревней Портария в Халкидике – в четырех днях ходьбы!

Почтовые отправления делали по пяти-шести раз в году. Через леса, горы и равнины шагал неутомимый отец Исаак, неся свой дорожный мешок и почтовую сумку. Перебирая четки, он безостановочно творил свою любимую молитву Иисусову. Сила этой молитвы отгоняла от него бесовские наваждения, и сердце его наполнялось миром. Красота молитвы заставляла забывать об усталости в долгом пути. Наслаждаясь ею, он выполнял свое послушание безупречно и без уныния.

Отец Исаак проявлял также безграничное терпение и на подворье Моноксилитис. Монастырь владеет там тридцатью пятью акрами виноградников, где производят прославленное вино «Моноксилити». Чтобы обрабатывать эти виноградники, требуется много труда. А из-за поста, который тамошние монахи соблюдают также строго, как и в самом монастыре, бывало вдвойне тяжело. А когда экономом был суровый и чрезмерно строгий человек (как, например, одно время, Калимниос), требовалось терпения и еще более. Часто изнуренный отец Исаак утешался воспоминанием слов своего небесного покровителя преподобного Исаака Сирина: «Лень и праздность разрушают душу, они могут повредить ей более, нежели бесы».

Одно время у отца Исаака было послушание главного пастуха обители. Стадо его составляло около 1 700 коз. Выгоняя их на пастбище, он как бы возвращался в свои детские годы, вспоминал мечты и чаяния мальчика-пастушка из Каввакли и благодарил Бога за то, что они осуществились. Другим его послушанием было послушание мельника на водяных мельницах подворий Марианон и Метагитсиу в Халкидике.

Отец Исаак был практичным, деятельным, простосердечным человеком – так вспоминали о нем все, кто его знал. На всех трудах его было благословение Божие. Все выполнял он тщательно и с большой пользой. Особенно очевидно это стало тогда, когда он длительное время ухаживал за садом. Каменные стены сада, выложенные в строгом порядке и с математической точностью, познали тогда славные дни. Все, что выращивал отец Исаак, приносило плоды сторицей, даже в сухих местах. Он выращивал больше овощей, чем могли потребить в монастыре, а потому выкладывал кучи оставшихся бобов, помидоров, тыквы и так далее вдоль дороги, и приходившие отшельники могли брать, сколько требовалось. То же самое он делал на подворье монастыря в Карее. Кроме сухарей, которые раздавал монастырь, отец Исаак обычно подготавливал к раздаче и свежие овощи из своего сада для отшельников и бедных монахов из скитов в Кутлумуше.

И чем больше он раздавал, тем больше у него вырастало в саду. Душа его была чуткой и полной сострадания и любви ко всей братии. Один монах попросил у него однажды несколько груш. «Возьми, сколько хочешь, – был ответ. – Бог удвоит все, что ты возьмешь».

Для ближних он готов был пожертвовать всем, нисколько не заботясь о себе. Он мало ел и скромно одевался. В своей непревзойденной нищете был он «высоко летающим орлом», по словам св. Нила. Однажды, копая в саду землю, нашел две или три лиры. Спокойно закончив работу, отнес деньги отцу Игумену.

Не говоря о других добродетелях, смирение его достигало невероятных пределов. Живя в обители, он постоянно вызывался делать самую грязную работу. Он подражал в этом

святителю Нифонту, Патриарху-"Послушнику», пример которого так его взволновал и научил столь многому. Никогда не стремился он к послушаниям, связанным с властью и ответственностью, но желал быть самым простым послушником.

Многотерпение и аскетизм

В течение более шестидесяти лет благословенный отец Исаак вкушал только за общей трапезой и никогда ничего не ел помимо того. И на различных подворьях, которые он часто посещал и жил там по послушанию, и в обители всегда придерживался умеренности. В обители устав относительно еды очень строг. Полный запрет на мясо. По понедельникам, средам и пятницам вкушают лишь раз в день, без масла и вина. Это не говоря о днях, когда соблюдается строгий пост. Отец Исаак строго соблюдал монастырский устав, даже покидая стены обители, а вне монастыря постился еще строже. Во время Великого Поста трижды держал полное трехдневное воздержание, не беря в рот ни пищу, ни воду—в первую, третью и Страстную седмицы. В конце жизни он сам сообщил об этом одному отцу, который просил открыть ему.

Многие годы, которые он прожил на подворье в Каламарии, где пас овец, воздерживался от искушения вкушать мясо. Тамошний настоятель, братия и работники часто употребляли мясо. Настоятель, отец Модест, специально для отца Исаака держал бочку соленой рыбы, приготовляемой по монашескому афонскому обычаю. Отец Исаак ел из нее, вознося хвалу Господу за то, что удастся воздерживаться от мяса.

На подворье Моноксилитис он работал на винограднике. Когда виноград созревая, он никогда ни единой ягодки не положил себе в рот ранее полудня, разве только если за трапезой. Ощувив благодать Господню, презрел он земные блага и ел лишь для того, чтобы поддерживать жизнь. «Если не отринем с радостью земные удовольствия, не восчувствуем, не ощутим всей сладости Божией» (блаж. Диадокх, епископ Фотики);

Будущий святой игумен Дионисиата, отец Гавриил (†1983), тогда еще послушник Георгий, однажды вместе со старцем Исааком отправился в Моноксилитис. После уборки урожая на лозах кое-где оставались гроздья. Старец стал угощать своего спутника, но сам даже не попробовал виноград.

«Угощайся, Георгий!» «Ты тоже, отец Исаак». – «Я монах. Мне этого нельзя».

«Я тоже хочу стать монахом,» – ответил будущий Игумен.

Так, примером своим, старец Исаак учил младших братьев.

«Георгий, сколько времени? Пора обед готовить? – Бывало спрашивал Старец. – А что сегодня подают за трапезой в монастыре?»

«Вареные овощи, Старче». – «Раз в монастыре вареные овощи, то и мы здесь будем вареные овощи» Он хорошо знал, что «лощение – узда для монаха», и что оно «предписано для очищения душевного» (св. Григорий Нисский). Поэтому постился не только для внешнего соблюдения устава.

Никогда не нарушал он ежедневного правила. В Дионисиате каждый монах 1200 раз ежедневно произносит молитву Иисусову, делая при этом 300 земных поклонов. Во время Великого Поста старец Исаак делал обычно 3000 земных поклонов – действительно удивительное количество. Когда в монастыре совершали Всенощную, а он был вне монастыря, то самостоятельно ее вычитывал, где бы ни находился и каким бы уставшим ни был. «Как олень жаждет воды,» так и он жаждал молитвы и почитания Господа. Всегда неукоснительно придерживался он монашеского правила. Иногда, находясь в келии, не слышал он симантрона и опаздывал в церковь. Тогда некоторые отцы, поддразнивали его, говоря: «Что, отец Исаак, время потеряно и списано?»

«Нет, не списано, мне дали кредит,» – отвечал он с присущим ему простодушием. И успокаивался, лишь когда выплачивал свой «кредит», молясь в уединении.

В «плавильном тигле» обители, где «металл» размягчается и превращается в «золото добродетели», отец Исаак восходил по ступеням совершенства. Исполнял послушания, трудился, подвизался в молчании, жил в страхе Божиим. Вел монашескую жизнь о Боге с простодушием малого дитяти.

Он не отличался красноречием, не умел красиво говорить, как некоторые другие отцы. Он предпочитал молчание и младшую братию старался приучить к этой добродетели.

«Сейчас, когда ты рукоположен во диакона, навыйай молчанию,» – учил отец Исаак новорукоположенного, отличавшегося любовью к говорению.

Отец Исаак совершенно не умел спорить. Когда кто-либо упрекал или укорял его, он склонялся в поклоне, более низком, чем обычно, терпеливо принимая «укол», а потом смиренно просил благословить его.

Братия любила и уважала его. «Вот истинный монах,» – часто говорили отцы друг другу. Из уважения звали его не отец Исаак, а авва Исаак

Но сам он никогда не знал чувства превосходства. Обычно говорил: «Бог знает, кто я есть». Когда другие принимались хвалить его, обыкновенно отвечал с неудовольствием: «Что вы такое

говорите? Я ничтожнейший грешник». И отправлялся со смирением в келью свою или на послушания.

Как ни скрывал он свои добродетели, слава его распространилась повсюду. Ревнитель монашества, митрополит Кассандры Ириней проникся глубоким уважением к Старцу. Когда бы не проезжал он по деревням своей епархии, на нощлег старался остановиться на подворье Дионисиата, особенно в Каламариин, где жил «Авва». Ему желалось повидаться и пообщаться с «Монахом».

«Но, Ваше Высокопреосвященство, разве там на подворье только один монах?» – спрашивали его с недоумением.

«Да, из-за этого монаха я туда и еду...»

К вершинам добродетели

Как учили святые Отцы, все аскетические труды, физические или духовные, имеют одну возвышенную и святую цель – созидание чистого сердца. Посты, всенощные бдения, терпение скорбей, страдания, молитвенное правило, совершение служб, чтение духовных книг, молитвенные и другие аскетические борения помогают монахам возвыситься и жить святой жизнью. Этой цели достиг достойный всяческих похвал монах из Дионисиата.

Восходя по лестнице добродетелей, он совершенствовался в кротости, целомудрии, простоте. Эта последняя добродетель, по словам св. Иоанна Лествичника, «ведет к высшему смирению», и «не бывает простоты без смирения».

Истинное смирение возводит к другой вершине добродетели – к бесстрастию. Воин Христов, о котором мы сейчас рассказываем, покорила и эту вершину. Бесстрастие – это очень высокая вершина, и достигают ее немногие. «Это требует времени и большой любви к Богу... Когда услышите или увидите, что кто-либо за несколько лет достиг самого возвышенного бесстрастия, то можно сделать вывод, что он шел к нему этим благословенным коротким путем – путем смирения» (преп. Иоанн Лествичник).

Отцы, хорошо знавшие отца Исаака, как, например, отец Леонтий, живший с ним на нескольких подворьях, рассказывали нам о высоком уровне бесстрастия, которого достиг Старец.

«Старец Исаак, – рассказывал отец Леонтий, – оставался спокойным и бесстрастным, когда беседовал с мирянами». – «Что Вы имеете в виду, Отец?» – спросил его отец Лазарь.

«Я имею в виду, что с женщинами и с мужчинами он разговаривал одинаково».

Когда возникала необходимость, он общался со всеми на высоком уровне, что и называется бесстрастием на языке святых Отцов. Старец Исаак, хотя и жил помногу на подворьях среди мирян, всегда оставался бесстрастным монахом, «воином, облаченным в броню», «сражающимся и не

проигрывающим сражений». Мир его не волновал, в душе его жил Один Христос. «Достигший совершенства в любви и вершин бесстрастия, не знает разницы между своим и чужим, между верующим и неверным, между зависимым и свободным и даже между мужчиной и женщиной...» (преп. Максим Исповедник)

Когда почтальон Дионисиата, этот дивный раб Божий, следовал тропой послушания, приближался он к вершине добродетелей, имя которой – Совершенная Любовь.

С любовью и сочувствием относился он ко всем людям, ко всему миру, ко всему созданному–живому и бездушному. Это и есть природа совершенной любви, как об этом написал некогда его небесный покровитель. Он всех любил и жалел.

Старец Исаак одно время жил недалеко от монастыря в кафисме Святых Апостолов с отцом Лазарем. Отец Лазарь ухаживал за садом с лимонными и апельсиновыми деревьями, а отец Исаак ухаживал за старцем Модестом, страдавшем гемиплегией. У старца Модеста была келья рядом с церковью, а отцы Исаак и Леонтий жили на верхнем этаже.

«После вечерней службы, – рассказывал отец Лазарь, – мы расходились, и не успевало пройти и получаса, как отец Исаак начинал молиться со слезами и стенаниями. Лицо его омывалось слезами, шедшими из глубин сердца. Слышав это несколько раз, решил я спросить, почему он каждую ночь плачет. Я сошел вниз и, приблизившись, услышал его голос: «Господи, сжался над бедными людьми. Сжался над голодными. Помилуй несчастных. Благослови их, Господи, помилуй...»

Не понимая, о ком он так молится, я спросил при случае: «Отец Исаак, ты так долго плачешь и просишь Господа – за кого? Кто эти бедные и несчастные?»

Он ответил: «Чадо мое, разве ты не видел крестьян на наших подворьях, работающих целыми днями? Такая тяжелая работа», а они едва сводят концы с концами. Как же им обеспечить свои семьи? Как им выдать замуж дочерей? Как выучить грамоте детей? Где добыть одежду? Как же мне не печалиться, думая о них, тем более, что они так любят и

уважают нас? Они слушаются нас, словно рабы. Почему же мне не плакать и не молить за них Господа?» Я молча ушел, оставив его плакать и молить Христа, дивясь его великому состраданию».

По этому примеру из его жизни в кафисме Святых Апостолов мы можем понять отношение истинного афонского монаха к людям. Оно раскрывается с двух сторон: любовь к прикованному к постели инвалиду, выражающаяся в самопожертвовании, терпении, ночных дежурствах, в самозабвенном труде, и любовь к крестьянам, выражающаяся в душевном волнении и слезах. И такое отношение к ближним видим мы у многих на Святой Горе.

Да возрадуемся о старце Исааке, вспоминая, как он подвизался в кафисме Святых Апостолов, вспоминая, как молился он, как ухаживал за инвалидом. В том и другом видятся воплощенными слова Создателя, сказавшего: «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин.13:35).

В том и заключается труд монашеский – молиться за людей и за весь мир, самоотверженно заботиться о больных, всем оказывать гостеприимство, научать истине собственным примером. Труд, о котором не трубят по всему миру, но ценность которого неоценима.

Небесные мгновения

Устройство святого монастыря Дионисиат компактно и строго и вместе с тем оно вызывает у паломников чувство раскаяния и побуждает к самоуглублению. Исполненная благородной сдержанности, византийская иконопись покрывает стены собора. Очень выразительны сцены из Апокалипсиса на стенах коридоров братского корпуса, в часовне. Повсюду византийские фрески.

Особенно хороши они в часовнях свв. Неусыпающих и св. Иоанна Богослова. В трапезной, где монахи вкушают пищу в молчании, слушая чтение, есть великолепные фрески Лествицы, возводящей на Небо, Собора Архангелов, Собора преподобных Отцов Афонских. Все это и другое образует для отцов этой святой обители, с их добродетельными традициями и строгим монашеским уставом, чудное, идеальное обрамление для их ангельского жития.

Старец Исаак много лет прожил в сем святом месте, столь проникнутом христианским духом. В пожилом возрасте он любил стоять на одном из мест старцев около древней иконы святого Предтечи.

Неподвижный, словно столп, внимательно слушал он службы – церковное поклонение, возвышающее землю и Небо приближающее к земле.

Во время всенощных бдений и утренних служб старшая братия сюит на своих местах под фресками святых. Церковь освещается лишь тусклым светом лампад, и старцы стоят в абсолютной тишине – иногда кажется, что их фигуры сливаются с фигурами на фресках. И пребывают они в радости вместе с «собором преподобных Отцов в раю» которые, как и они, подвизались некогда в земном Уделе Богородицы.

«Незабываемы всенощные бдения по великим праздникам на Святой Горе, долгожданные воскресные службы Великим Постом, чтение Евангелий Последования Святых Страстей Господних. Невозможно забыть этих старцев, полных любви и веры в Бога, прямых столпов, твердых мучеников, молчаливых

и трезвенных святых отшельников, терпеливо ожидающих своей очереди приложиться к Священному Писанию, святым мощам и приобщения Святого Причастия! Это неописуемо: торжественное служение, священники и диаконы в золотых облачениях и честные отцы в черных мантиях и простых рясах – все в богоподобии и страхе Божиим» (Архимандрит Гавриил «Святой монастырь Дионисиат на ГореАфон стр. 22–23).

В этом святом, небесном окружении душа старца Исаака возносилась, наполняясь теплом покаяния. Как часто глаза его наполнялись слезами!

Яко человек на реку пришел еси, Христе Царю, и рабское крещение прияти тщишися, Блаже, от Предтечеву руку, грех ради наших, Человеколюбце!

Чувство волнения и вдохновения достигало предела своего, когда он с трепетом прикладывался к руке Крестителя – первой и главной святыне монастыря. Множество раз слышал старец Исаак ее божественное благоухание, которое чувствуют очень немногие из монахов. Небесные, неотмирные, божественные мгновения!

Теплица духовная

Во времена старца Исаака Дионисиат благоухал духом праведников своих. В этом уголке Удела Матери Божией произросли дивные духовные плоды.

Пришло время рассказать нам об образах некоторых монахов, подвизавшихся в брани духовной вместе со старцем Исааком.

Истинным украшением монастыря был отец Марк – образец добродетели, негибаемый воин, прославленный духовник. Он трудился без устали, одновременно выполняя три и четыре послушания. Вкусал лишь раз в день. С 1926 по 1931 год был игуменом. Его кончина в 1938 году, сопровождаемая неотмирным благоуханием, увенчала многолетнюю брань и стала достойным завершением святой земной жизни.

Старец Игнатий поступил в монастырь в 1914 году в возрасте шестнадцати лет и всю жизнь провел в трудной, но победной брани за святость души и тела. Простой, смиренный, добрый и трудолюбивый, он, словно свеча, сожег себя в пламени любви ко Христу и служения братии. Никогда не отступал он от монашеских обетов. Умная молитва непрестанно изливалась из сердца его, «вознесенного на крыльях божественной любви». Кончина его была благословенной, а открытие останков подтвердило святость жизни. У его костей был янтарно-желтый оттенок, характерный для святых мощей Афона, а череп источал необыкновенное благоухание и теплоту во время панихиды.

Благословенный старец Виссарион имел живую и теплую веру. У него была простая, бесхитростная душа. Когда в 1916 году он

был настоятелем подворья Мариана, явился ему в образе седого старца святой Иоанн Предтеча, дружески говорил с ним и открыл ему, что на подворье сокрыта старинная церковь. Старец Виссарион восстановил ее и всячески украсил. Кончина его была достойным завершением славной земной жизни. Приближение ее он предугадал, находясь на подворье в

Каламитсиу. Сразу же стал прощаться с братией, со всеми, кого знал, очень спокойно и естественно сообщив им, что уходит в монастырь умереть. Он ожидал смерть с радостью и нетерпением. Как только прибыл в монастырь, вознес хвалу Господу и Предтече, испросив прощения у отцов. Через два дня заснул вечным сном праведника.

Среди этих, наиболее выдающихся отцов Дионисиата следует упомянуть и отшельника, исихаста старца Анфима. Он поступил в монастырь в 1916 году и с первых же лет ощутил особенное покровительство и помощь святых Предтечи и Нифонта, дважды исцеливших его от серьезных болезней. Старец Анфим без снисхождения подчинил плоть свою себе, изнуряя ее пощением. С благословения отца Игумена духовное правило отшельническое у него было строже, чем у других. Даже, когда был поваром в обители и приготавливал общую трапезу: рыбу, супы и прочее, сам вкушал только несколько размоченных сухарей и оливки. Однажды бесы, разъяренные его твердостью и не в силах помешать ему, ночью наведались на кухню, били металлическую утварь, вопили, завывали, в общем устроили некое подобие ада. Когда позднее старец Анфим стал отшельником неподалеку от малого скита Праведной Анны, он покориł и другие духовные вершины. Однажды, когда в течение трех долгих недель он сгорал в лихорадке, не имея ни еды, ни лекарств, ни чьей-либо помощи, удостоился редкой небесной благодати: ангел Божий посетил его в образе незнакомого монаха и ухаживал за ним до полного выздоровления.

В те же годы на поле духовной брани в Дионисиате вступил еще один исполнившийся божественной благодати монах, старец Лазарь, сердцем возжаждавший святости. Он поступил в монастырь в 1911 году. Ревность и энергия его не ослабли до самой смерти в 1974 году. В течение шестидесяти лет старец Лазарь вел брань со злом с необыкновенной твердостью и достиг высоких добродетелей. Он был образцовым послушником, ревностно относился к богослужениям, был практиком умной молитвы. Старец особенно чтит Владычицу Богородицу, Предтечу и других святых покровителей монастыря,

за что и был удостоен многих небесных милостей. Одаренный монах, которого Небо наделило мудростью, он привлекал к себе братию, тянувшуюся к нему, ища в его мягких словах совета и утешения. Живой, поэтичный, с открытым характером, он совершил уникальный и полезный труд: собрал материалы для жизнеописания современных отцов, составил прекрасный современный патерик. Именно из его текста мы почерпнули большую часть сведений о старце Исааке.

Возвышающимся древом пальмовым, столпом афонской жизни был архимандрит Гавриил (1886 – 1983), еще один наследник славных традиций богатого святыми монастыря Дионисиата.

Архимандрит Гавриил возрастал «у стоп» старца Исаака и от него познал азы монашества. Сорок лет был он игуменом Дионисиата, но труды его и заботы охватывали всю Святую Гору, а также все Православие, всю Грецию, весь мир. В течение полувека

достойно, почти в одиночестве, выполнял нелегкие труды собирания и записи сведений о жизни Афона и представил на суд и церковной, и мирской власти свою духовную родину с ошеломляющим успехом. Своими трудами и подвигами, добродетелями и нравственной чистотой, дарами и талантами, украшавшими его, выделялся как образцовый монах, назидательный автор, проницательный духовник, мудрый и справедливый игумен. Своей мудростью и опытностью он вдохновлял и наставлял к смирению, божественному благолепию и аскетизму, научал афонским преданиям и путям духовной брани. Он был недремлющим хранителем Православия и православного благочестия, а также горячим патриотом. Скончался в глубокой старости, в возрасте 97 лет.

Кроме того, в этот благословенный собор отцов Дионисиата мы должны включить непременно старца Каллиника Постника (1903), который молитвой своей добыл однажды для монастыря рыбу, отца Аверкия (1900), молитвою своей прекратившего многолетнюю засуху в Фассосе, старца Леонтия, который в 1916 году удостоился видения Предтечи, старца Иллариона, строителя лодок (1933), отличавшегося до самой смерти

смирением, послушанием, умеренностью и аккуратностью, благословенного старца Геннадия (1933), украшавшего собой монастырь монаха, исполненного любви, веры и смирения, старца Иакова (1939), творителя сердечной молитвы, жаждавшего всю жизнь часа своей встречи с Господом, прославленного и смиренного старца Константина, который на девяностом году жизни, приложившись к руке Предтечи, молил Святого взять его из этой жизни, и был немедленно услышан, а также множество других земных ангелов, ставших, благодаря подвигам своим, благоуханными цветами Духа, украсившими Удел Богородицы...

Благодатная жизнь

Чудесное избавление

Бог творит чудеса – великие знаки милости Своей к подвижникам.

Отец Исаак тоже знал чудеса Божии – эти знамения живого Божия присутствия – не однажды в жизни своей.

Когда он был еще молодым и подвизался в послушании келаря (хранителя съестных припасов), на подворье в Карее произошло нечто чудесное. Настоятелем подворья был тогда старец Геласий, родом из Лаконии. Однажды зимним днем, в феврале месяце, возникло какое-то срочное дело, и старцу Геласию нужно было срочно связаться с монастырем. В те времена телефонов и других средств связи не существовало, потому, несмотря на ужасную погоду, пришлось Старцу отправить своего ученика, отца Исаака в Дионисиат пешком с несколькими письмами. Отец Исаак, выслушав благословение, поклонился ниц, взял посох, почтовую сумку и пошел. Дорога от Карей до Дионисиата окружена чудными видами. Тропа проходит через дикие заросли и густые, высокие леса орешника. Как правило, весь путь занимает около пяти часов И хотя небо темнело, надвигалась буря – одна из тех, что часто бичуют Афон – послушное чадо старца Геласия и не думал об отсрочке послушания. Уже минут через пятнадцать он достиг «Креста» – вершины горы. Отец Исаак быстро шел по тропинке, которая ведет от перевала вниз – к дороге на монастырь. Тут повалил опасный снег. Отец Исаак вышел из Карей около часа дня (в 7.00 по византийскому времени). В три часа достиг земли

Симонопетра у холодного источника «Боусдоум». До сих пор он еще видел тропу, но далее все было уже покрыто снегом. Из всех сил отец Исаак старался найти дорогу. Призывая пресветлое имя Иисуса, продолжал идти до тех пор, пока не застрял совсем в снегу.

Метель резко усиливалась, со всех сторон с новой силой повалил разбрасываемый ветром снег. Не в силах более двигаться, отец Исаак встал. Сделал попытку пойти, но бесполезно – лишь более увяз в снегу. Дорога была

окончательно потеряна, напал жестокий холод, снег продолжал валить, сугробы росли. Уже не было надежды на людскую помощь, нечего было думать и об укрытии. Прошло некоторое время, тьма все сгущалась. Казалось, снег вот-вот засыплет его, и эта ночь станет последней в жизни ночью.

Когда стало очевидно, что нет надежды самостоятельно спастись, отец Исаак воздел к небу руки, возвел глаза и с колебимой теплой верой взмолился: «Господи Иисусе Христе, Боже мой, молитвами Старца моего спаси меня! О, святой Предтеча, помоги мне во здравии добраться до монастыря!»

И – о, чудо! Исполнились слова пророка Исайи: «Так говорит Господь: близко спасение Мое» (.56:1). В тот же самый момент какая-то невидимая сила подхватила его и в мгновение ока перенесла к стенам монастыря! Отец Исаак стоял пред вратами Дионисиата.

Было около 4.30 дня (10.30 по византийскому времени). Братия только что поднялась от трапезы. Привратник собирался было закрыть монастырские ворота, как вдруг с испугом увидел перед собой отца Исаака.

«Как, откуда ты здесь, Авва? В такую метель.» – сказал он в ошеломлении. Замешательство привратника еще более усилилось, когда заметил, что за отцом Исааком нет следов. Он немного прошел вперед, следов не было. Другие отцы тоже были удивлены, стали расспрашивать его. Но отец Исаак, не желая раскрывать чудо, произнес только: «Я здесь по послушанию, милостью Господней и заступничеством Святого,» – сказал, указывая на икону св. Иоанна Крестителя.

И все же по прошествии некоторого времени случай чудесного перенесения отца Исаака по воздуху был раскрыт ко славе

Господней его духовником, которому «Авва» сам все подробно описал.

Подобные чудесные перенесения в другие места мы встречаем в некоторых житиях святых И в ряду прочего это одно из проявлений жизни, исполненной благодати и особого покровительства и милости Божией.

Словно Адам до грехопадения

Подвизавшиеся со старцем Исааком, помнят змею, дружившую с ним. То была большая ядовитая гадюка, длиной метра в полтора.

В те два года, когда отец Исаак исполнял послушание на монастырской пекарне, змея жила рядом с ним. Он кормил ее мукой, тестом, общался с ней без всякой боязни. Змея же исполняла важное «послушание», данное «ее Старцем»: она старательно охотилась на мышей, избавив от них пекарню. И так подружилась она с отцом Исааком, что отдыхала на его кровати, спокойно свернувшись в кольцо.

«Когда я впервые увидел, как по пекарне ползет змея, – рассказывал нам архимандрит Гавриил, – я вздрогнул. Но отец Исаак дружил с ней, словно Адам до грехопадения».

«Отец Исаак, – с боязнью спрашивали другие отцы, – зачем тебе нужно держать здесь гадюку?»

«Она добрая и никому не мешает. Не бойтесь, у нее здесь «послушание» охотиться на мышей».

Пока отец Исаак трудился на пекарне, змея была при нем. Когда же он ушел оттуда, она уползла в горы.

Да, многие угодники Божии за добродетели свои живут, словно Адам до грехопадения, дружески общаясь с дикими зверями и даже повелевая им. Рядом с такими людьми дикие звери и даже

гады меняются, приручаются. Так бывало не только в древние времена (о чем мы читаем в житиях), но происходит и в наше время. Свидетельством тому и жизнь старца Исаака.

Враг, искусивший Адама и Еву, не прекращает брани своей против рода человеческого. Он открыто воюет с теми, кто достигает состояния прародителей до грехопадения. Особенное желание бесовское было изгнать из райского сада святости старца Исаака, но этого ему, применившему многие ухищрения, не удалось. Отец Варфоломей, Старец-отшельник, подвизавшийся в Карули, в юности своей живший со старцем Исааком в Карее, рассказывал нам о многочисленных случаях,

когда бесы донимали его собрата. Так, однажды он подошел будить старца Исаака, так как пора было начинать печь хлеб. Он слегка толкнул его, и отец Исаак отозвался: «Изыди, бесе, изыди!» По тому, как это было произнесено, отец Варфоломей понял, сколь сильно донимают ему бесы по ночам.

Как-то в ночное время старец Исаак, идя, увидел на дороге какую-то безобразную рожу. Он молча прошел мимо, исполнил должное и пошел обратно. Снова увидел это, но прошел мимо, не сказав ни слова. Многие такие попытки духовного врага напугать его остались безрезультатными.

Когда он был в Моноксилитисе, то каждый субботний вечер обыкновенно отправлялся в близлежащий русский скит (называемый Новой Фиваидой), где отстаивал всенощные службы, а затем причащался Святых Таин. По пути бесы постоянно пытались запугать его и заставить повернуть обратно. Бывало, через каждые пятьдесят шагов встречал то вепря, то волков или шакалов, то огромных шипящих змей. Но продолжал подвижник свой путь, не обращая на все это никакого внимания, повторяя 26-ой псалом: «Господь просвещение мое и Спаситель мой; кого убоюсь?» Он бестрепетно продолжал путь свой к Сокровищам Небесным, к Телу и Крови Господним, которые предстояло вкусить.

Дивен Бог во святых Его

В 1893 году отец Исаак подвизался на подворье в Каламариин, где настоятелем был добродетельный отец Гервасий, родом с Итаки. Стояла в том году ужасная засуха. Был апрель, и все посевы засыхали на корню. Зная, какое дерзновение пред Богом имеет отец Исаак, отец Гервасий просил его помолиться Господу, чтобы Он сжалился над ними и послал дождичек И отец Исаак, не ведавший, что такое непослушание, с вечера погрузился во всюнощную молитву, со слезами моля Господа о милости, дабы была напоена сухая земля, дабы не посрамлены были труды и надежды бедных крестьян и отца Гервасия.

Когда забрезжил рассвет, на горизонте появилось несколько тучек. Приближаясь, они все увеличивались, темнели, пока не разразился, наконец, настоящий ливень! Огромная туча накрыла землю до деревни Портария. Ливень был такой сильный, что земля пропиталась водой. Бог услышал молитвы раба Своего. «Призре на молитву смиренных, и не уничижи моления их» (Пс.101:18).

Многие, знавшие отца Исаака, приходили к нему со своими нуждами, чтобы он помолился за них. И никого он не оставлял без молитвенной помощи.

Среди прочих его послушаний было послушание выпекать просфоры. И остались воспоминания не только о том, как старательно, с какою любовью он исполнял послушание это, но и о некоем исключительном чудесном происшествии.

Обыкновенно в монастыре еженедельно выпекается от сорока до пятидесяти просфор. Пятнадцать оставляется на нужды монастыря и его подворья в Карее, остальные же раздаются благословением отшельникам, живущим на землях от Нового Скита до Кавсокаливии. Но в тот год муки было мало. Братия обители в , феврале рассчитали, на сколько хватит остатков, и поняли, что хватает едва-едва до следующего урожая. Призвали отца Исаака и сказали ему: «Отец Исаак, запасы муки на исходе. Хватит, если будем экономить. Помни,

что у нас последний мешок, так что отшельникам просфор больше не достанет. Будь бережлив».

Словно гром с ясного неба были эти слова для отца Исаака. Он ничего не сказал, но очень расстроился; «Что же делать? Конечно, братия правы: муки остался последний мешок. Но как можно лишить отшельников благословения святого Предтечи, как они будут совершать Литургии во славу Господа и во оставление грехов? Нет покоя душе моей»

Оставалось молиться. Он подошел к иконе св. Крестителя (что пребывает рядом с пекарней) и трижды преклонился до земли, облобызав ноги Святого и всем сердцем умоляя указать ему, что делать. Старец Исаак очень любил святого Иоанна и, когда молился ему, обращался с большой простотой и верой, словно маленький ребенок со старшим братом. Восстав от молитвы, почувствовал, что в сердце окрепло решение. Он обратился ко Святому со словами, полыми веры: «Святой Предтеча, я буду продолжать раздавать отшельникам благословение. В святости своей соверши чудо, сделай так, чтобы хватило муки до нового урожая».

И чудо свершилось. Мука в мешке не уменьшалась. Как обычно, выпекался хлеб до 22 июня, через два дня после которого в монастыре совершался праздник. В тот день в гавань приплыл корабль из подворья в Каламари, нагруженный пшеницей!

Можно представить себе радость отца Исаака и благодарность его святому Предтече, помогшему в такой трудной ситуации.

Слезная молитва

В душе старца Исаака угнездилась благодать Божия. Молитвы его были покаянными, как мы уже знаем из примера сострадания его и любви к страждущим. Бог даровал ему благодать молитвенного слезного умиления душевного.

«Не увидите, – говорит св. Симеон Новый Богослов, – чтобы кто очистился или стал святым, или воспринял Духа Святого, или Бога узрел, или, наконец, обрел Бога в сердце своем без слез и непрестанного покаяния». К концу жизни земной постоянно бывали слезы в глазах Старца. Много раз видели отцы, что глаза его припухли от слез; проходя мимо его кельи часто слышали, как он молился в глубине сердечной Иисусу.

Целыми днями, но сугубо ночами, пребывал он молитвенно на Небе. Все время он был в молитве. В тишине ночной, забыв про сон, устремлялся молитвенно от мира и всего земного, изливая потоки слез в божественном покаянии и небесной любви.

Однажды отец Лазарь спросил его: «Отец Исаак, сколько часов мне следует спать?»

«Тебе, поскольку ты еще так молод, следует спать пять часов: три ночью и два днем. Для монахов постарше довольно будет трех-четырёх часов в сутки».

Сам отец Исаак спал один час днем и два часа ночью. Остальное время отдавал Тому, Кого так жаждала душа.

«Когда мы были в кафисме Святых Апостолов, – вспоминал отец Лазарь, – мы вдвоем молились два с половиной часа. Отец Исаак обыкновенно два раза произносил спокойно: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас грешных». На третий сердце его возгоралось, и он не мог заставить себя говорить спокойнее, но голос начинал дрожать от волнения и срываться.. Слыша его, дивился я любви его сердечной ко Христу».

Однажды ночью отец Лазарь поднялся, чтобы из кафисмы Святых Апостолов идти в Карею (что-то было необходимо нужно

отцу Модесту). Стоял июль, было очень тепло; ярко светила луна. Когда он вышел из каливы и немного от нее отошел, увидел вдруг рядом около дороги одинокую фигуру. Кто-то молился в тишине ночи и таинственной природы, стоя на коленях, с воздетыми вверх руками. То был отец Исаак.

Отец Лазарь остановился, постоял и пошел другой дорогой. Ему показалось святотатством пройти рядом с отцом Исааком и нарушить молитву, внушающую благоговейный трепет.

Кто знает, какая божественная радость, какая небесная благодать воссияла в тот вечер о светлом лице Старца? Кто знает, чего искали у Неба эти свято воздетые руки? Кто знает, какие слезы, оросили тогда землю кафисмы Святых Апостолов? Какие слезы излились, вызванные у него «льющим потоком божественного просвещения и Небесами, открывшимися перед ним?»

Добрая кончина

Смерть его была такой же благословенной и святой, как и вся его жизнь, исполненная божественной благодати. Когда человек пребывает постоянно в памяти смертной, питающей ежедневно, словно сладким хлебом, душу, как старец Исаак, то кончина его действительно бывает христианская, безболезненная, непостыд-

ная, мирная. Труженики на ниве добродетели ожидают смерть с радостью и спокойствием, от этой жизни смертью они переходят к лучшей, светлой и бесконечной жизни».

Авва Исаак, верный почтальон обители, окончил свой маршрут шестидесяти лет подвигов молитвы, терпения и любви. Шестидесять лет он безупречно исполнял послушания, отринув собственные желания, смиряясь и алкая ради любви ко Христу. Шестидесять лет его наполнены благодатью святой жизни.

Авва Исаак был святым, одним из молчальников Святая Гора постоянно пополняет Церковь Небесную такими людьми. Их много, но трудно бывает видеть их, ибо бегут они от мира в безвестность и молчание и пребывают в своих потертых рясах вдали от суеты и неверия, в больших обителях или скитах, в пустынных каливах, в диких углах.

За несколько месяцев до кончины старец Исаак лечился в монастырской больнице: он страдал от болезни желудка. Монах, исполнявший больничное послушание, хотел было призвать доктора, отца Николая, из соседней Григориатской обители, но Старец не разрешил этого делать.

«Оставь, чадо. Не тревожь доктора. Если Господь пожелает, чтобы я еще пожил, я поживу. А если пришло время уходить мне, Он призовет меня. На все воля Божия». На лице его было выражение глубокого покоя. Волнения не было совсем. Он вверился юле Божией, какова бы она ни была – жить или умереть. В последние минуты жизни земной отцы спросили его, видит ли он что-нибудь неземное.

«Да, – ответил он, – вижу льва у двери...»

Это был враг наш – диавол, что «яко лев, восхищай и рыкай» (Пс.21:14). Он неумоимо преследует людей до последнего мгновения, обольщая, клеветая, угрожая. Когда душа покидает тело, он старается забрать ее себе.

Но Авва был спокоен. Ангелы стояли рядом с ним, чтобы помочь тому, кто был воплощением ангельской жизни на земле.

21 мая 1932 года этот мужественный монах мирно почил. Он предал душу свою в руки Господни.

Покаянным настроением было наполнены похороны Старца, снискавшего шестидесятилетним подвижничеством своим

любовь и уважение братии. Лежал он, обвитый мантией, покаясь с миром.

Паломник, который сегодня придет на простое и тихое кладбище Дионисиата, с трепетным чувством взглянет на святую землю, сокрывшую незабвенного Старца. В гробнице увидит кости отцов, среди которых и кости отца Исаака, тихо ждущие, когда протрубит Архангел..

Если паломник просмотрит кладбищенский журнал, то на одной из страниц прочтет эти немногие, но точные слова, написанные в конце земной жизни Святого:

«1932 год, 21 мая.

В этот день брат наш старец Исаак, пришедший сюда из Каввакли сорока церквей, отошел ко Господу в возрасте 82 лет. Он пробыл в монастыре шестьдесят лет и был образцом и примером добродетели, верным монахом и полным святости.

Да упокоит Господь Бог наш со святыми светлого нашего богоносного Отца. Аминь. Останки его были перенесены в нижнюю стену 9 сентября 1937 года».

Архимандрит Херувим

Старец Савва

«Всем бых вся да всяко некия спасу»
(1Кор.9:21–22).

Чада пустыни

Пример для подражания

Был вечер. В ограде каливы Малого скита Праведной Анны рядом с высохшим бугристым холмом разговаривали два монаха – Старец и его ученик. Вечернюю тишину подчеркивал непрерывный шум моря, омывающего подножие холма – идеальный аккомпанемент молитвам монахов, которые своими воздетыми руками поддерживают мир. Два монаха беседовали, пока, наконец, младший не поднялся. Он поклонился Старцу и направился к каливе, где его ожидал еще один монах.

«Ты закончил, отец Онуфрий?»

«Да, отец Иларион».

«Тогда я пойду».

Легкими шагами молодой монах приблизился к Старцу. «Благослови, Старче».

«Да, Иларион! Да, мой ангелок! Садись сюда». Немного дней прошло со времени его пострига. Любовь к Богу оторвала его от родной страны, от родителей во Вриоле Смирнской и привела сюда, на землю отшельников. В течение трех лет (1879 – 1882) он был послушником. С того момента, как облачился в ангельскую схиму, чувствовал себя полностью преображенным. Он больше не был Георгием Хаджитасоу, он был теперь отцом Иларионом из Малого скита Праведной Анны. Принадлежал теперь не людям, а Богу, и преисполнен был Божественной благодати. В этот вечер продолжилось его общение со Старцем, когда он наслаждался исполненными мудрости словами.

Некоторое время ушло на откровение помыслов,

«Иларион, чадо мое, нравится ли тебе имя, которое я тебе дал?» «Очень, Старче».

«А знаешь ли ты, почему я его выбрал?»

«Как же я могу не знать? Ты дал мне имя «дедушки», твоего блаженного Старца отца Илариона»

И не в первый раз глаза отца Саввы наполнились слезами при воспоминании о своем духовном отце.

«Да поддержат нас его молитвы, да не оставит он нас молитвенно. И о тебе, чадо мое, я молюсь от всего сердца,

чтобы ты мог унаследовать его святость. Как правило, внуки похожи на своих дедов. Постарайся унаследовать его добродетели. Повтори его и именем своим, и своей жизнью».

«Да будет на то благословение Господне, Старче». Последовало недолгое молчание.

«Повтори его, Иларион, чадо мое, чистотой своей жизни. Вся душа его, мысли, желания и намерения были светлы. В его добром, ясном лице виделся отраженным лик Господа. Во взгляде его светилось сияние райское. О, какой у него был взгляд! Я часто даже не осмеливался прямо посмотреть в его глаза. Они буквально пылали. То были глаза пророка!»

«Старче, ты сказал, что у него был пророческий дар?»

«Да, чадо мое. И это не удивительно. Чистые сердцем обретают пророческий дар. Что пишет учитель наш святитель Василий Великий? «Дар провидения прорастает в тех, чьи души чисты и незапятнанны». Где сердце чистое, там Дух Святой «говорит устами пророков», воздвигая храм Его».

«Значит, Старче, любовь его ко Господу была необыкновенно велика».

«Чадо мое, сердце его пылало Божественной любовью. Что еще могло его заставить с дальнего Кавказа прибыть в глушь Святой Горы? Он не мог жить без Христа. О, если бы ты мог видеть его, когда он совершал Литургию, когда принимал Причастие! Он ни единого дня не пропустил без Святого Причастия! Он говорил: «Христос – жизнь моя». И по пятницам, каждую пятницу сокрушался у Распятия вместе с Богородицей и святым Иоанном – так сильно сострадал он страстям Господним. В этот день

никогда он ничего не ел и не пил в знак преданности страстям Спасителя».

Старец рассказывал своему ученику о добродетелях и благодатности своего собственного блаженного Старца. А молодой монах жадно впитывал эти рассказы. Душу его волновало стремление послужить Богу, как море волнуется сильным ветром.

«Твой «дедушка» был истинно святым, чадо мое Иларион. Да будет он тебе примером для подражания».

В тот вечер, как только вновь постриженный монах прикрыл глаза, было ему видение старца Илариона.

Пора и нам познакомиться с этим земным ангелом, этим «древом с плодами добрыми», одним из которых был святой и выдающийся отец Савва.

Старец Иларион Ивериец

У южного склона Кавказских гор севернее Армении лежит Иверия (современная Грузия). Именно там мифические аргонавты нашли золотое руно. Это горная страна, живописная и плодородная, богатая даже своими недрами. Там обитают иверийцы – один из прекраснейших народов на земле.

Иверийцы – люди с высокими духовными устремлениями. Они рано приняли христианство – в конце третьего века. И до сего дня, несмотря на все трудности и превратности судьбы, не предали Православия

Иверийцы всегда любили монашество. Монахиней была их первая миссионер и просветительница святая равноапостольная Нина. Любовь иверийцев к монашеству простерлась до Палестины, Синая и Афона. Третий по значению и величине афонский монастырь был построен иверийцами, откуда и название его – Ивер. И сколько же святых возросло в этом монастыре! Великое множество дивных цветов выросло в нем, и аромат этих цветов достиг Небес, «горы ароматов» (Песнь Песней Царя Соломона.8:14). Святая душа отца Илариона Иверийца, одного из тех цветов с иверской почвы, восхищает своим благоуханием.

Сейчас, когда прошло уже более ста лет со дня его отшествия, обитатели Святой Горы все еще помнят отца Илариона Грузина. Имя «Грузин» восходит к его национальности, так как Иверия именуется ныне Грузией. Его почитают «почтеннейшим человеком, достойным представителем монашества», чудным и признанным подвижником, достигшим высот добродетели.

Немного мы знаем о его жизни в Иверии. Почему он оставил свое отечество? Без сомнения, из-за стремления к духовным высотам, чему посвятил всю жизнь в исихазме, неотмирности и аскетичности Горы Афон. Быть может, также и из-за политического климата в своей стране: в те годы, когда Русский Государь Александр I Павлович в 1907 году присоединил Грузию к России, в Грузии была беспокойная,

нестабильная ситуация. Но может быть и то, что он покинул Грузию, чтобы избежать почестей, которые многие стали выказывать ему за его добродетели. Известно, что слава его распространилась по всей Грузии, даже сам Царь приходил к нему на исповедь.

Прибыв на Святую Гору, отец Иларион, конечно же, отправился в святой Ивер. Любя тишину, он обратил свой взор на кафисмы, расположенные близ него, и, наконец, выбрал для жительства

грузинскую келью св. Иоанна Богослова. То был добрый выбор: отец Иларион, любящий послушник Христов, пришел под покровительство Апостола Любви. И вскоре к нему присоединился молодой послушник Савва.

Отец Савва приехал из восточной Фракии. Он родился в 1821 году в Афире, важном городе на берегу Мраморного моря. Двадцать пять лет спустя в близлежащем районе – в Силиври – родился святой нашего столетия – святитель Нектарий Пентапольский.

Богодухновенный отец Иларион предвидел будущие подвиги юного Саввы и без колебаний принял его под свое духовное попечение. Он рад был ученику-греку, потому что тот помогал ему совершенствоваться в греческом языке, так как «милостивый ко всем, он не скрывал своей любви ко всему греческому, желая жить с греками и говорить на их языке, молиться, читать и совершать Литургии на греческом языке» (архимандрит Гавриил Дионисиатский, «Лавсаик Святой Бэры», стр. 35).

Сияние его добродетелей и слава его не дали ему пожить спокойно в новом убежище. Пчелы всегда отыскивают медоносные цветы. Многие искали знакомства с ним, притягивавшиеся его духовным величием. Всех глубоко трогало его смирение. Он, который был в Грузии очень богат, сейчас в каливе своей не брал никаких денег. Принимая в прежние годы исповеди Грузинского Царя, он бывал облачен, как то предписывает дворцовый этикет, в великолепную мантию, сверкающую рубинами, жемчугами и 750 алмазами. Сейчас же

носил самое бедное монашеское одеяние. Все это, конечно, производило глубокое впечатление на отцов Святой Горы.

Постоянно его духовной помощи просили русские монахи. Хорошо зная русский язык, он мог помочь им во всех духовных нуждах. По их просьбе он часто приходил исповедовать в св. Пантелеймонов монастырь. Наконец, стал духовником братии в этой обители, в которой его чтили как святого.

Кафисма св. Иоанна Богослова, очевидно, не могла обеспечить ему желанный покой. Старец и его ученик часто вспоминали слова псалма: «Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни» (.54:8). Отец Савва, тогда еще очень юный, время от времени горячо

предлагал: «Старче, убежим. Давай уйдем подальше и в глуши обретем святую тишину».

И они бежали. От одного апостола – к другому. Св. Иоанн Богослов передал их Брату Господню по плоти. Уединенная кафисма Дионисиата, освященная во имя св. Иакова, Брата Господня, дала им то, о чем они мечтали. Согласно записям, сделанным рукой отца Саввы, они перешли в год 1843, и это было началом чудного периода их жизни. «Без лжи совершится закон, и премудрость во устех верных совершение» (Иис. Сир.44:8).

В поисках Бога

В «Истории сирских монахов» есть рассказ о некоем генерале, отправившемся охотиться в горы со свитой на лошадях, с собаками и оружием. Вдруг перед ним появился отшельник

«Что ты делаешь здесь, Авва?» – спросил генерал.

«А что ты приехал сюда делать?»

«Я? Я приехал сюда охотиться. Я охочусь».

«Я делаю то же самое».

«Что? Ты тоже охотишься?»

«Конечно! Я ищу Бога. Я следую за ним день и ночь, стремясь приблизиться к Нему и заключить Его в сердце свое».

Генерал был изумлен этими словами. «Вот, – сказал он, – истинный отшельник».

Общеизвестно, что пустынь – лучшее место для богоискателей. Потому и наши два аскета пребывали в радости. Местом их обитания было место, словно гора Кармил, а они сами – словно Илия и Елисей с душами, возгоревшимися любовью ко Богу.

Кафисма Брата Господня расположена на небольшом расстоянии от Дионисиата, вверх от него по горе, в тихой, пустынной, сокрытой от посторонних глаз местности. Справа – покрытые кустами склоны холмов и грозное ущелье Аэропотам, в котором зимами ревет и завывает ветер. Слева – очень сыро: густой лес с огромными деревьями. Над кал ивой – голый скалистый склон

горы. Сама келья по виду была очень старой. Кто знает, сколько отшельников обитало в ней прежде?

Людей рядом не было. И подвизались отцы не среди людей, а в пустыни: вокруг лишь солнце и ветер, деревья и кусты, птицы и гады, бесы и ангелы, св. Иаков, Владычица Горы и Бог, но Бог – Первый, к Кому они стремились. Двадцать один год восходили, взбирались они по лестнице Иаковлевым, не взирая нимало на душевные немощи или уныние. Глас пророка

звучал в сердцах их: «Приидите, и взыдем на гору Господню, в дом Бога Иаковля»

(Ис.2:3).

Одно орудие охоты было у них – аскетизм, умерщвляющий страсти: воздержание, пост, всенощные бдения. Обоюдоострым мечом их было изучение Слова Господня и писаний Отцов, содержащих неоценимые богатства духовного опыта. Другими орудиями их были непрестанное призывание имени Иисусова и почти ежедневное причащение из Чаши Жизни, насыщение Манной Небесной. И все – благодаря священной и сокровенной тишине, возносящей их ввысь. Молчанию посвящены бессмертные слова свят. Василия Великого:

«Молчание – это начало чистоты душевной. Язык не говорит ничего о том или ином человеке, глаза не обращаются к плотской красоте, уши не портят душу чувственными мелодиями или праздными словами легкомысленных или смешливых людей. Разум, когда он не разбрасывается на внешнее и не отвлекается чувствами, обращается к самому себе. А от себя поднимается он к богообщению. Приближаясь же к Богу и насыщаясь богато светом Божественной красоты, он забывает самого себя».

С ученой точностью святой Отец описывает подъем, совершаемый в исихазме. Единственный истинный подъем – это подъем к Богу, к самому прекрасному Добру. Разум, просвещенный добром, забывает даже о своей природе. Захваченный, восхищенный, уносится он в какую-то даль вне времени и пространства и теряет собственное «я».

Благословенны и трижды благословенны души тех, кто удостоен таких небесных восхищений. Будь благословен и ты, отче Иларионе, и ученик твой – души воспаряющие, утонченные и очищенные, обретающие Бога в безмолвии. Мы видим, Вы обрели

Его и теперь предлагаете опыт свой нам, несчастным и бедным – неизмеримо беднее Вас.

Жизнь в пустыни

Двадцать один год отец Иларион и его ученик, отец Савва, вместе подвизались в лишениях в пустыне. Умеренность и воздержание царили во всем. Монастырь Дионисиат и некоторые знакомые отцы посылали им еду. Нечего и говорить, что удобные постели – простыни, матрацы и тому подобное – неизвестны были аскетам. Воду отец Савва носил в келлию из леса, где она была в изобилии.

Хотя подвизались они в созерцании, но все-таки было немало и физических трудов: прибирали кельи и особенно церковь, поддерживали порядок на окружающем участке земли, заботились об оливковых и других деревьях, не давали разрастаться дикому кустарнику, выкладывали кое-где низкие каменные стены, собирали дрова для обогрева в суровые зимы и так далее.

Много времени уделяли они учению книжному, книги для отшельников – дорогие друзья. Ученик помог Старцу хорошо изучить греческий язык – и разговорный, и язык священных книг. На греческом языке написано так много святых текстов, что не знать этот язык – просто грех. Конечно, изучить его – дело сложное, требует много труда, но благодаря своему прилежанию отцу Илариону удалось в совершенстве овладеть им.

Убежище свое покидали они лишь в редких случаях. Иногда Старец на несколько дней уходил в монастырь св. Пантелеймона исповедывать монахов. Тогда отец Савва в полном одиночестве переживал величие пустыни. Он не боялся бесов пустыни, которые развлекаются, издавая странные звуки и шумы во время молитв подвижников. Он привык к ним, а кроме того, с ним рядом всегда был его защитник – св. Иаков.

Иногда – на Рождество, Пасху, Троицу и другие великие праздники – отцы оставляли Брата Господня. Двое отшельников отправлялись в монастырь на Всенощные бдения, принося с собой туда дух пустыни. Отец Иларион, статный, красивый, как все иверийцы, высокий, с внушительной бородой, стоял всегда

на месте одного из старцев обители. Без отдыха отстаивал ночные бдения.

Никто никогда не видел, чтобы он присел или вышел хотя на минуту из храма. Даже во время небольшого перерыва перед началом Литургии он оставался ждать в приделе. Его духовный сын следовал за ним во всем в точности.

В самом начале их пребывания в кафисме тишина там была нарушаема строителями, полностью ее перестроившими. Здание было прежде в плачевном состоянии, и если бы отец Иларион не предложил отцу Игумену перестроить его, то зимой оно совершенно бы разрушилось. Оно было перестроено превосходно. С восточной стороны отстроена маленькая церковь, с западной – келья Старца, а под ней – его послушника. Вскоре церковь и освятили.

Во все остальное время там царила тишина. Лишь иногда в ближайшем лесу слышался звон пилы. Но тот ритмический звук не нарушал молчаливой гармонии пустыни.

Каждый год, когда наступал вечер 22 октября, вокруг слышались дивные песнопения. Сладкоголосые певцы Святой Горы трогательно пели св. Иакову:

«Яко Господень ученик, восприял еси праведне евангелие: яко мученик имаши, еже неописанное: дерзновение, яко брат Божий: еже молитися яко иерарх; моли Христа Бога, спаситися душам нашим»

Все славил и святого покровителя, который был не только Брат Господень, но и аскет, иерарх и мученик.

Св. Иаков был крепкой опорой двух отшельников, столпом, как наименовала его древняя Церковь, сугубо укреплял он молодого послушника и помогал ему в трудах молитвенных. Сколько бы ни нападал на него враг, Брат Господень, этот титан молитвы, поддерживал и укреплял его. История древней Церкви сохранила для нас воспоминание, что колени у св. Иакова были тверды, как у верблюда, от непрестанных коленопреклоненных молитв. На коленях во все время обращался он к Богу; испрашивая милости Его для людей.

Между Небом и землей

Жизнь в пустыни двух отшельников раскрывается перед нами, как цветущая ветвь, на которой каждый благоухающий цветок –

это нечто священное из их жизни. Мы видим чудеса святого послушания, пророчества, неотмирные откровения, показывающие нам, что в пустыне темная завеса мира отдергивается и открывается Небо.

Сердца их особенно волновало приближение пасхального таинства Божественной литургии. Вскоре оделся в облачения священнические и отец Савва, и ритм литургической их жизни усилился. Мелкие события, сохраненные для нас историей, свидетельствуют, что «паря над сотворенным миром», они сослужили у Небесного Алтаря совершающим богослужения. В одной из следующих глав мы расскажем о том.

Пережить встречу с бешеной собакой, у которой глаза горят яростью, которая издает страшное рычание и рвет все на своем пути – ужасно. Повсюду можно встретить взбесившуюся собаку, даже и в таком месте, как калива отшельника.

Однажды такой неожиданный гость появился в кафисме Брата Господня. И что же предпринял отец Иларион?

«Отец Савва, – позвал он, – видишь ту собаку? Поймай ее быстренько и приведи ко мне».

И добродетель послушания, добродетель священного послушания подверглась серьезному испытанию. Возможно, кто другой и отступил бы, но не отец Савва.

«Благослови, Старче! И помолись...»

Отгоняя страх, вооружившись верой в чудодейственность послушания, он перекрестился, взял благословение и пошел прямо к собаке. «Послушание укрощает даже диких зверей,» – пишут Отцы. И действительно, он не только не пострадал, но и исцелил еще взбесившееся животное.

Однажды отец Савва тяжело заболел. Много дней держалась у него высокая температура, и состояние не

улучшалось. Тогда Старец решил прибегнуть к оружию монашескому – к святым

четкам. Он верил, что Господь услышит его моление. И вместе, хотел также, чтобы исцелению помогла и добродетель послушания. Так что же?

В их прибежище росли оливы, лук, бобы и другие растения. Он с некоторыми из этих плодов приблизился к больному.

«Отец Савва, – сказал, – прими эти лекарства и поправишься».

Отец Савва чуть было не засмеялся, увидев такое «лекарство», но тут же понял серьезность происходящего и, словно послушный ребенок, съел все принесенное И не было от того вреда, но было исцеление (позже доктор, которому все рассказали, был немало изумлен).

Иоанн Ремундос, молодой студент политехнического института, родившийся в Андросе, приехал вместе со своим братом в монастырь Дионисиат, желая стать монахом. Через несколько дней его приняли, а брату велели отправиться в другую обитель. На следующий после грустного расставания день Иоанн, идя по послушанию на работу на мельницу в лесу, решил навестить двух отшельников, чтобы познакомиться с ними и получить у них благословение на свою новую жизнь.

«Подойди сюда, чадо,» – вдруг услышал он незнакомый голос. Это был отец Иларион, сидевший у входа в келью. «Добро пожаловать!» И после приветствия Старец продолжил:

""Тебе нужно быть терпеливым и послушным. Не грусти о расставании со своим братом. Сегодня он отправится в святой монастырь Ксенофонт, а позднее станет там игуменом».

Юный послушник был изумлен, так с ним еще никто не говорил. Ему почудилось, что он разговаривает с кем-то из библейских пророков

«Подойди сюда, чадо, и почти св. Иакова. Трижды поклонись земно и приложись к его святой иконе».

И с отеческой любовью похлопав его по плечу, отец Иларион сказал:

«Ты должен особенно любить этого Апостола, чье имя носишь Он твоя надежная защита».

«Но, святой Отче, меня не Иаковом зовут».

«Да, чадо мое Иоанн, но ты будешь Иаковом. И позаботься о том, чтобы до дня твоего пострига никто, кроме тебя, не знал, что я, глупый старик, сказал тебе сегодня».

Когда Иоанна нарекли отцом Иаковом, а брат его позднее стал игуменом Ксенофонта, можно уже было не опасаться, что отца Илариона одолеет тщеславие, ибо отошедшие от этой жизни не подвержены таким искушениям.

Для России 1854 год был годом волнений и трудностей. Начав войну с Османской империей, она терпела военные поражения. Россия вынуждена была сражаться не только с турками, но также с англичанами и французами – с большой армией врагов. Крымский полуостров стал местом ожесточенных боев, Севастополь находился в осаде. Будущее казалось мрачным.

В таких ситуациях Русские Цари всегда обращались за помощью к святым старцам, подобно как Цари Израильские в свое время – к пророкам. Парусный корабль с офицерами Государя Николая I прибыл по такому случаю в поисках угодника Божия на Афоне и бросил якорь у монастыря Дионисиат. Они искали отца Илариона. Когда офицеры пришли к нему, стали выпрашивать об исходе войны. Смиренный Старец не хотел, чтобы его почитали пророком, но офицеры, зная о духовной силе этого человека, не отступались. И чем дольше он отказывался сказать им что-нибудь, тем больше они настаивали. Три дня стоял корабль у монастырской пристани. Наконец, Старец уступил. Взяв в руки четки, он обратился ко Богу, Господину времени и вечности, моля дать ему ответ.

«Россия перенесет трудности, она не победит, но и территорий не потеряет».

Вот что узнал Русский Царь об исходе Крымской войны (1854 – 1855), и будущее подтвердило правильность предсказания Старца из афонской пустыни.

Расставание

С годами отец Иларион становился все светлее и телом, и душой. Волосы его были седые, манеры и речь приятны, святая ангельская доброта переполняла его. Белоснежные волосы и борода и чистая душа его напоминали слова евангельские «Возведите очи ваши, и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже» – «Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве» (Ин.4:35).

Он подвизался долгие годы, просветляясь умом и, исповедуя, освещая умы других. Он поднял и ученика своего на высоты добродетели, он прославил имя Господа и поддерживал мир молитвами своими. От него исходило духовное благоухание. Теперь оставалось только снять урожай обильных гроздьев виноградных и возложить их на лоно Торжествующей Церкви.

В начале Великого Поста отправился он в монастырь св. Пантелеймона исповедывать братию. И там 14 февраля 1864 года ангел смерти встретил его и препроводил его душу ввысь, в светлую Страну Радости.

Но прощание всегда печально. Великая скорбь охватила душу отца Саввы, который среди других монахов был тогда в русском монастыре. Они потеряли своего отца. Смерть такого высокодуховного человека – невосполнимая потеря; она вызывает не только скорбь, но иногда даже отчаяние. Слышались и громкие вздыхания: «Зачем, Отче, оставил ты детей своих, которых всегда так любил и пестовал?»

Подобно прочим Богоносцам, отец Иларион предвидел свою кончину. Предвидел он и то, что русские станут почитать его и поместят его останки среди святых мощей. Великая скромность побудила его предпринять шаги, препятствующие этому: он распорядился, чтобы отец Савва не дал похоронить его в русском монастыре, но похоронил в Иверской келии Богослова – месте его первого покаяния.

Но Старец, как сам и предсказал, опочил в монастыре св. Пантелеймона, и отец Савва не знал, как исполнить его

последнюю волю. Отцы русского монастыря были непреклонны. Не зная, что еще сделать, однажды ночью, когда все было тихо и никто его не мог видеть, он забрал останки Старца из монастыря, перенес и похоронил их в тихой Иверской келии св. Иоанна Богослова. И благодать любимого ученика Христова оведала святые останки блаженного Илариона. Он с миром упокоился в месте своего аскетического подвига, в той земле, которая была полита его потом, а теперь орошалась неудержными слезами его ученика.

А через три года, в 1867 году, волна любви всколыхнула Дионисиат. С большой торжественностью мощи приснопамятного отца Илариона были перенесены на кладбище монастыря.

В свое время отец Иларион сделал отцу Савве следующее распоряжение.

«Когда мои кости выкопают, отнесите их на кладбище монастыря Дионисиат и смешайте с костями других отцов».

Чадо смирения не хотел, чтобы его кости были выставлены отдельно для почитания, но хотел, чтобы их смешали с костями других. И потому среди почитаемых мощей других Отцов появилось новое бесценное сокровище. Мощи его, вместе с мощами более поздних праведников, ожидают времени, когда труба Архангела воскресит их. «И кости ваша яко трава прозябнут».

Заклячая наш рассказ о житии чудного отца Илариона, мы должны отметить, что на Афоне имя его окружено славой. Многие из старшей братии рассказывают о нем случаи, которые не знаешь, куда и отнести – к истории ли или к легенде. Некоторые из них, подобно нижеследующему, свидетельствуют о напряженности его аскетических борений.

Однажды старец Иларион затворился в башне – в одной из тех башен, что были построены на Святой Горе для защиты от набегов пиратских. Он возжелал полностью отгородиться от внешнего мира и полностью погрузиться в свой мир внутренний. Старец взял себе за правило никогда не поднимать глаза и не выглядывать из окна: ничто внешнее не должно было отвлекать его ум от молитвы и созерцания.

Но злые бесы, вековечные враги подвижников, замыслили заставить его нарушить это правило. Когда он душою возносился

ввысь, в сферы духовные, они собирали свой кагал у подножия башни за дверью и неожиданно начинали кричать: «Где ты, старец Иларион?» Кричали, стучали по двери и вообще устраивали шум. Тогда отшельник невольно, думая, что что-то случилось, прерывал молитвы и с тревогой выглядывал в окно. И бесы сразу же начинали кричать от удовольствия, бить в ладони и восклицать: «Мы победили тебя, старец Иларион! Мы тебя победили!»

Но целью их была не эта «победа», а низведение его с пути подвижнического и погубление его души, чего им никак не удавалось. И, в конце концов, победителем стал он, как позже – и его достойный учению

Восхождение

К свету

После кончины Старца в жизни отца Саввы многое изменилось. Сначала он вынужден был оставить свою любимую кафисму и жить в монастыре Дионисиат. Нам неизвестно, сделал ли он это по собственному желанию или по благословению покойного отца Илариона, а быть может по послушанию отцам монастыря.

С душевной болью собирал он свои немногие вещи. С почтением брал вещи, оставленные старцем Иларионом, среди которых тяжелый металлический крест, что Старец носил на груди и чудное деревянное распятие, привезенное им из Грузии – работу древнего грузинского мастера.

С полными слез глазами молился он своему покровителю, св. Иакову, и просил его благословения. Попрощавшись с пустыней, взволнованный, спустился отец Савва к монастырю.

Есть воспоминания, что св. Иаков говорил с ним, что он слышал ушами своими прощальные слова Послания: «Обративый грешника от заблуждения пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак.5:20). Отец Савва не знал еще, что ему предстоял святой труд, что многие души он должен был направить на путь покаяния. И многие, многие заблудшие найдут путь спасения благодаря ему.

Для Дионисиата отец Савва был Божиим благословением, источником духовного благоухания, крином Благодати Божией, полным нектара небесного. Многие возжелали быть рядом с ним и воспользоваться его духовным богатством. Но все ему было очень непривычно. С ранних лет привыкнув к тишине, он не находил себе покоя в многолюдной общине обители. Тамошняя атмосфера тяготила его, душа жаждала тишины, она хотела обрести себе какое-нибудь пустынное прибежище.

Когда он сказал о своем желании отцу Игумену, то Игумен и братия воспротивились было этому, ибо любили и почитали его и не хотели лишиться его. Но, в конце концов, уступили, видя сильное стремление к тишине. И, конечно, не могли они мешать промыслу Божию об отце Савве.

Высоко в горах в Малом скиту Праведной Анны, напротив скита Матери Богородицы была пустая калива, посвященная тогда великим святым Афонским Онуфрию и Петру (позднее, как мы увидим, она была освящена в честь Воскресения Господня). Это было как раз то, чего искал отец Савва. Вся та местность пришлась ему по душе – и очень. Каждая калива, каждая скала и пещера имели свои собственные чудесные святые истории. Под его каливой была пещера, где в XVII веке подвизался некоторое время в отшельничестве отец Агапий (Ландос), знаменитый монах из Крита, великий благовестник поработенного греческого народа. В этой пещере достиг он святости, в ней написал и свою прославленную книгу «Спасение грешников».

Немного далее была еще одна пещера, где в конце XVI века подвизались в отшельничестве первые обитатели Малого скита Праведной Анны – ученый монах св. Дионисий Проповедник и ученик его св. Митрофан. Отец Герасим, гимнотворец из Малого скита Праведной Анны, называет их «яркими лампадами, ангельским образом жизни своей осветившими пустынь афонскую».

И во время отца Саввы в Малом скиту Праведной Анны тоже жили добродетельные монахи. Например, в каливе Успения Богородицы подвизался знаменитый духовник отец Григорий из Мессолонги, «Василий Великий Пустыни», как его называл и.Свет лый и трудолюбивый Патриарх Иоаким III в течение тех двенадцати лет (1889 – 1901), что прожил на Святой Горе в живописном Милопотаме, исповедовался у него.

Нечего и говорить, что в таком превосходном духовном климате душа отца Саввы исполнялась радостью. И хотя он надеялся, что его новым прибежищем станет тихая и уединенная гора Кармилъ, но волей Божией прибежищем его стал часто посещаемый источник Силоам. Но да Пастырь Добрый лучше знает, в каких местах должны светить Его ярчайшие лампы.

Община отца Саввы

Души, привлеченные к монашеской жизни, ищут себе достойного руководителя и когда находят такого, собираются вокруг него. Так и к отцу Савве приходили многие страждущие за духовным очищением, и вокруг него вскоре образовалась маленькая общинка. Он и сам желал этого, ибо не мог в одиночестве совершать Литургию. Известны пять его учеников: отцы Онуфрий, Иларион, Петр, Анастасий и Савва.

Первый, отец Онуфрий, пришедший из окрестностей Константинополя, полуцил имя одного из двух святых покровителей их каливы, чтобы иметь для себя вдохновительный пример его аскетического подвига. И в самом деле, он повторил его в аскетизме. Единственное, в чем не был похож отец Онуфрий на преподобного Онуфрия – своей редкой, маленькой бородкой. Но, конечно, это неважно. Важны его большая добродетельность, вера, подвижничество, а кроме того – его образованность, ум и разнообразные таланты – от художественного до поварского. Он изучил искусство иконописи и, таким образом, зарабатывал средства на содержание общины. Он был правой рукой Старца, управителем дел в каливе, а позднее, когда отец Савва ушел в чисто духовные труды, стал вторым старцем. Этот первый ученик был для отца Саввы благословением Божиим.

Прибытие на Святую Гору второго ученика связано с трогательной историей. В 1879 году двадцать человек из Вриулы в Смирне, стремившиеся к духовной жизни, приняли мужественное решение. Однажды ночью, никому ничего не сказав, они распрощались с мирской суетой и отплыли под парусом в Удел Божией Матери, чтобы стать ангелами на земле. Будущему отцу Илариону было тогда двадцать пять лет. В той группе также был будущий знаменитый игумен монастыря Каракалл отец Кодрат.

Духовное возрастание отца Илариона было таким же чудесным, как и начало этого пути. В нем возродилось не только имя

Старца отца Саввы, но повторились и его добродетели. Он был высокий, худой, с довольно светлыми волосами; выражение лица его бывало обыкновенно приветливым, приятным и мирным. Его исключительные простота и доброта, его взгляд напоминали мир ангельский – духовный, исполненный благодати. Преданность его Старцу была безгранична – до готовности пожертвовать всем. Часто можно было видеть его с сумой на спине, когда нес он все необходимое для совершения Божественной литургии, пищу, другое – все, в чем нуждалась калива.

Отец Анастасий, приходившийся отцу Савве родным братом, пришел на Святую Гору поздно и – это доподлинно известно – умер раньше своего брата.

Два другие, отцы Петр и Савва, не достигли больших высот в монашеской жизни. Известно, что первый из них умер молодым (14 февраля 1907 года) от сильной болезни. Второй, которого отец Савва особенно любил и даже дал ему свое имя, ушел со Святой Горы и кончил дни свои в каком-то другом монастыре.

В общине чувствовалось особенное присутствие приснопамятного старца Илариона. Отец Савва так часто упоминал его и так живо о нем рассказывал, что он стоял перед мысленным взором учеников, как живой. Старец Иларион был в памяти старца Саввы, словно Илия Фесвитянин в памяти Елисея. Он наполнял атмосферу каливы своим наследием, благословениями и поучениями. Даже и спустя много лет чувствовалось его присутствие.

Когда в Дионисиат были перенесены мощи старца Илариона, отец Савва молитвенно попросил отца Игумена о милости: о разрешении взять его чтимый череп. Отец Игумен не возражал, и с неизмеримой радостью он перенес его в свою каливу. С каким же волнением ликовали отцы, молясь перед ним ежедневно! Калива их была обогащена и украшена, и наполнена духовным ароматом.

Духовное насыщение

Человеку, желающему обрести духовное богатство, недостаточно обучиться и иметь степень по богословию. Он должен беспрестанно подвизаться, изживая в себе «ветхого Адама», вести брань с силами тьмы. Только так воспитывают души истинные духовные руководители и наставники.

Некоторое время назад один Иеромонах, мой хороший знакомый, написал мне достойные внимания слова о том, что неопытные люди вмешиваются в сложные духовные вопросы: «Я смиренно полагаю, что они, в конце концов, потерпят поражение, потому что у них нет опыта рассуждения, и они не знакомы с аскетической традицией. Видите ли, наука – это одно, а традиционное подвижничество – другое, студенческая скамья и послушания старцу – разные вещи. Я смиренно полагаю, что традиции – это присутствие Духа Святого, продолжение Духа».

Нетрудно понять правду этих слов. «Изучающий Божественное» находится на низшей ступени. Изучающий и любящий Божественное – на высшей. Тому, что отец Савва стал источником великого духовного обогащения, он был обязан большому опыту духовной жизни, который получил через собственные страдания и пот. Двадцать один год был он послушником в кафисме Брата Господня, а до того несколько лет прожил в Иверской скиту под руководством опытного духовного отца, живого носителя и продолжателя традиции. Только так он тоже смог стать «почитаемым учителем закона для всех людей» с богатым духовным опытом.

Можно представить себе, какие сокровища аскетической мудрости исходили от уст его во время бесед с учениками, какие чудесные наставления в брани духовной, какие вдохновения и озарения.

«Чада мои, – говорил он им, – бойтесь искушений, связанных с чрезмерным желанием праведной жизни. Вас может одолевать желание всех превзойти в аскетизме: держать слишком суровые посты, жить духовной созерцательной жизнью и быть в полном уединении. Боритесь с этими искушениями,

прикрывающимися праведными мыслями. Не попадите в эту ловушку, она погубит вас. От благодати Божией не бывает незрелых плодов. У меня был такой горький опыт искушения праведностью.

«Старче мой, – однажды попросил я блаженного отца Илариона, когда мы с ним жили в тиши кафисмы Дионисиата, – я очень хочу жизни в полном уединении. Хочу наедине быть с Богом, один на Один. Благослови меня, чтобы я нашел какую-нибудь пещеру повыше в горах и жил там отшельником».

Я одолевал его такими просьбами, думая, что стремление мое угодно Богу. Однако он, опытный и богомудрый, видел в этом неправду, понимал, что это опасное заблуждение юношеского рвения – желание преждевременное и незрелое. Но само это желание ему не хотелось подавить во мне.

«Ступай, чадо, – сказал он. – Раз уж так хочешь, ступай. А воля Божия явит себя».

В тот вечер, поселившись в уединенной пещере, расположенной выше на голом горном склоне, я возносил Небесам свои молитвы и благодарности. «Этой ночью, думалось, – стану наслаждаться молитвой». А ниже, в келье Брата Господня, мой Старец молился Богу, прося Его дать мне подходящий урок, выявив всю мою юношескую самонадеянность и нетерпение.

Стало совсем темно. Погрузившись в молитву, я наслаждался тишиной. Но так продолжалось недолго, потому что неожиданно разразилась буря. Камни стучали о камни, ветер ревел – казалось, что наступает конец света.

Охваченный ужасом, я чуть не потерял рассудок. Не знал даже, смогу ли добраться обратно до кельи св. Иакова, до отца моего духовного: «Будь подальше от меня весь этот исихазм!» То было на счастье мое, что Бог услышал молитвы моего Старца и попустил бесам запугать меня, так как, если бы я остался в уединении, вреда для души моей было бы гораздо больше. То был незабываемый урок!»

Шло время, и многие насыщались из богатой сокровищницы духовного опыта отца Саввы. Когда же он стал исповедывать, еще больше людей отведали плодов мудрости его. И мудрость

эта с избытком заполнила пустоту, оставшуюся после смерти отца Илариона.

И не так уж важно, что тишина в каливе постоянно нарушалась и необходимо было заботиться о многих посетителях, что отец Онуфрий должен был постоянно трудиться над писанием икон, чтобы заработать всем на жизнь, что вообще у всех было много работы и волнений. Главное, что совершалась воля Божия.

Бесы часто насылают такие страхи на отшельников. Интересующимся этим вопросом мы рекомендуем изучить житие преп. Антония Великого, составленное с Божией помощью свят. Афанасием Великим.

Разве уставали ученики Господа, насыщая пять тысяч человек? Но о том, как отец Савва стал духовником, как, подобно второму Иосифу, «отверзе вся житницы, и продаяше всем египтяном» (Бытие.41:56), расскажем более подробно.

Живой столп добродетели

Даже если бы отец Савва ни слова не говорил о духовном, а сохранял бы молчание, за него красноречиво говорила бы его жизнь. На нем, как на живом столпе, высечены были добродетели святых.

Он был усерден в умеренности и трезвении. Много раз на своем примере показывал «правило умеренности», которого столь) твердо и преданно держался. До глубокой старости не прекратил он упражнений в аскетизме.

Один немолодой уже монах из Нового скита, старец Симеон (ныне уже почивший), года три назад рассказал нам следующее

«Как-то отец Савва взял себе за правило от пищи, что ему приносили, оставлять немного как дар воздержания, «для Господа», из любви к Нему. И что же, по попущению Божию, предпринял враг? Старец Онуфрий, ученик его, видя, что Старец оставляет еду и хлеб, решил, что он не может столько съесть, и уменьшил порцию. Старец, не желая нарушить свое правило, продолжал немного оставлять. Старец Онуфрий еще урезал порцию, рискуя, таким образом, уморить Старца голодом. Однако Старец ничего об этом ученикам своим не говорил. Потому случилось так, что я пришел к Старцу, и из любви ко мне он сознался: «Симеон, чадо мое, я близок сейчас к смерти». Он рассказал мне по секрету, что происходило, обязав меня ничего никому не говорить об этом. Однако я подумал, что лучше будет все же открыть это и, уйдя от него, все рассказал отцу Онуфрию. Он исправил тогда свою ошибку, и старец Савва дожил до своей естественной смерти».

Совершая подвиги аскетического подвижничества, отец Савва научился полностью владеть собой. Всегда он был совершенно мирен, и мира того не могли нарушить никакие искушения, ни волнение, ни печаль, ни грусть. Те, кто знал его, свидетельствовали, что никогда не видели его сердитым, взволнованным,

расстроенным или унывающим. Он достиг вершины бесстрастия.

Если кто-то случайно причинял ему боль, вредил или расстраивал, это не приводило его в замешательство и не уменьшало любви его.

Однажды в его каливу пришли несколько торговцев.

«Мы из Сикий в Халкисе, – сказали они. – Внизу на берегу у нас груз превосходного меда. Вот немного. Не желаете купить?»

В постные дни отцы ели черствый хлеб с медом, потому отец Иларион и решил купить кувшинчик этого прекрасного меда. Но когда после открыл его, то обнаружил, что их обманули: продали безвкусный густой сироп, совсем не похожий на мед.

«Пойдем в церковь, – спокойно сказал отец Савва, – и помолимся за них, чтобы Бог их помиловал».

Через некоторое время мошенники принесли другой кувшин. На море им пришлось туго, и, приписав это тому, что обманули святого Старца, они решили искупить свой грех.

Отец Савва всегда был очень осторожен, когда говорил о других. Он избегал осуждения и, говоря о людях, хвалил и превозносил их.

«Отче, что это за человек?» – спрашивали его иногда

«Хороший человек, очень хороший. Святой человек,» – обыкновенно отвечал он.

Не было равных ему в раздаче милостыни. Как мы увидим вскоре, многие монахи и миряне, приходя на исповедь, оставляли подарки, даже если он и отказывался. Старец почти все раздавал. И вот, когда в церкви потребовалось однажды сделать кое-какой ремонт, кое-что подправить, у него не оказалось на это денег. Многие удивлялись его полному безразличию к деньгам.

Дар прозорливости

Когда мне было четырнадцать лет, на меня произвела большое впечатление следующая история:

«Одна верующая и благочестивая женщина, жившая в Пирее по соседству с нами, сменила мирскую суету на монашескую жизнь. Ее родственники, сестры и братья во главе со старшим,

Дионисием, повсюду ее искали. Сердитые и даже разъяренные, они ополчились и против нее, и против монастыря, который ее принял. Однако довольно долго не могли обнаружить ее местонахождение, пока, наконец, на стали искать ее в районе Парнитоса. Они предполагали, что сестра их была в святом монастыре св. Параскевы, и отправились туда. Прошли ворота. На балконе лицом к ним сидел старый монах. Конечно, ни он их, ни они его никогда прежде не видели. Они не знали, что это был отец Иероним, духовник монастыря. Старец их очень удивил. Встав со своего места, повернулся к их группе и приветствовал такими словами: «Здравствуй, Дионисий. Подойдите, подойдите сюда ко мне. Хорошо, что вы пришли. Ваша сестра здесь». Их изумлению не было предела, когда они обнаружили, что Старец был слеп. Их как громом поразило, и они не знали, верить ли. Дрожь охватила их перед святой тайной. Слепой Старец не только «увидел» их, но даже знал, зачем они пришли и как их зовут! Души их наполнились благоговением и страхом, они поняли, что перед ними прозорливый монах. И чем же это все закончилось? Они не только не потревожили свою сестру, не устроили предполагавшуюся сцену в монастыре, но, наоборот, превратились из непримиримых врагов монашества в защитников. У них не хватило слов, тогда, чтобы выразить хвалу этому чудному угоднику Божию».

Я помню, как все соседи наши только и говорили, что о чудной этой перемене. Что касательно до меня, я был полностью захвачен этим событием, и именно тогда в душе моей зародились возвышенные устремления. Безграничным

было мое восхищение слепым отцом Иеронимом. Тогда я впервые узнал, что есть люди, имеющие дар прозорливости.

Отец Савва также в полной мере обладал этим даром. Многие, приходившие к нему для разговора, исповеди или за советом, бывали изумлены, видя, как он взором своим духовным проникал в самую глубину сердец, читал тайные мысли. Он видел скрываемые грехи, вспоминал забытые проступки, вскрывал бесовские козни против них, предсказывал, что их ожидает в будущем.

Однажды он сказал отцу Григорию из Григориата: «Ты покинешь Святую Гору, но вернешься обратно. Это повторится еще раз, а потом ты снова уйдешь».

И действительно, все слова отца Саввы в точности сбылись. Уйдя в последний раз с Горы, отец Григорий окончил дни свои в святом монастыре Булкану в Мессине.

Какое таинство совершается в голове прозорливого человека? Появляются ли истины и откровения в какой-либо мистической форме? Быть может, святая жизнь очищает и укрепляет духовное зрение? Какое действие оказывает природная чистота и какое – сверхъестественное озарение? Может ли пророк быть связан со своим пророчеством?

Вообще-то я думаю, что человек, обладающий даром прозорливости, подобен человеку, поднявшемуся на вершину горы, и оттуда, естественно, он может видеть дальше и больше, чем другие. Когда он описывает то, что видит, то выражается очень просто и определенно, не сомневаясь в себе. Великий светоч Православной Церкви св. Григорий Палама прекрасно выразил эту истину: «В той мере, в какой он стал вместилищем Духа Святого, он с Его помощью и видит» («В защиту святого исихазма» 1:3). То есть, он получил дары Святого Духа. Эти дары даются тем, кто трудится, чтобы очистить и привести в порядок хранилища своих душ.

Когда отец Савва достиг высших духовных вершин, он не только просветился «прекрасными лучами божественного яркого света», но и испытал неопишемое состояние духовной радости. Он был согрет неиссякаемым небесным теплом и освежен сладостными дуновениями и легким веянием Святого Духа. Он

был восхищен неотмирными мелодиями и песнопениями, опьянен неопикуемой красотой, видениями ангельских иерархий, божественными благоуханиями, недоступными таинственными видениями того, что лежит «за завесой», духовным сиянием и светом Фавора. И так, просвещенный и охваченный божественным светом, он сам мог теперь светить и просвещать заблудших, выводя их из тьмы к свету, а от света – к еще более яркому свету. «Просвещенный может, словно солнце, просвещать тех, кто к нему приближается» (св. Симеон Новый Богослов).

Прославленный духовник

Когда дерево посажено в плодородную почву и получает достаточно и света, и воды, оно вырастает, дает плоды «и бысть древо велие, и птицы небесныя вселишася в ветвие его» (Лк.13:19).

Это как бы образ того, что происходит с избранным духовником. Души, измученные палящим зноем зла, бегут к нему, чтобы освежиться. Они омываются, просвещаются, облачаются в белые одежды. И когда духовник – Богоносный Старец возвышенной добродетели, исполненный светом, то ему дней и ночей не хватает, чтобы принять исповеди всех стремящихся к нему. Они тоже устают, ожидая часы, а то и дни очереди своей. Если же это старец общины, то послушники его должны оставить всякую надежду обрести тишину и покой. Они также должны постоянно принимать визиты почтальонов, приносящих целые горы писем.

Все это происходило и с отцом Саввой, чья слава выдающегося лекаря душ людских росла день ото дня. Приходившие к нему на исповедь, с радостью рекомендовали его всем и каждому, пока слава его не распространилась по всему православному миру.

Его милосердие, терпение и сочувствие, его опыт в постановке диагнозов душевных болезней и помощь пациентам в обнаружении болезней, его способность утешить, подбодрить и научить – все это при святости его собственной жизни сделало его несравненным духовником. «Многие из монахов и мирян, приходившие к нему на исповеди, – писал в 1953 году игумен Дионисиата отец Гавриил, – еще живы. Все они с уважением хранят память о его доброте, его отеческой любви и сострадательности и особенно – о его мягкости по отношению к кающимся грешникам, отягченным тяжкими грехами. Никто не уходил из маленькой, похожей на склеп, исповедальни доброго духовного отца без утешения» («Лавсаик Святой Горы», стр. 36).

Если мы сравним духовников Святой Горы с великими святителями, то отец Савва будет соответствовать святителю Иоанну Златоусту. Даже и иные отцы афонские, столь скупые на похвалы, без колебаний называли его «Златоустом духовников».

Мы чувствуем свое бессилие, пытаюсь достойным образом представить труды этого знаменитого духовника. Мы боимся, что можем умалить его величие. Но нельзя оставить в забвении чудеса, им совершенные с Божией помощью, поэтому мы кратко опишем их, а остальное пусть дополнит воображение читателя. Сначала мы поговорим о его методах, а потом расскажем несколько характерных случаев, о которых все еще говорят на Святой Горе и которые показывают умение отца Саввы исцелять души.

«Всем бых вся» (1 Кор.9:22)

Богоносная душа отца Саввы трепетала от безграничной любви ко всем христианам. Каждый приходивший был человеком, за которого Христос, движимый безграничной любовью, пролил Кровь Свою. Любовь была силой, руководившей душой духовника.

Он не жалел ничего, когда нужно было спасать заблудших, растерявшихся, израненных, ослабевших, больных овец Христовых от волков и разбойников. В сердце духовника пребывали напечатленными слова библейские: «Заблудившее обрящу, и сокрушенное обяжу и немощное укреплю» (Иез.34:16).

Быть может, самое трудное в мире – отвергнуть широкую, удобную дорогу греха и стать в смирении и покаянии на узкий путь добродетели. Нужно бороться с самим собой, с миром и с теми темными силами, которые мешают достичь света. Потому и труд духовника столь тяжелый, столь изматывающий.

Отец Савва очень хорошо знал, сколь нелегко разрешать людей от грехов, открывать внутренние раны, вскрывать греховные нарывы и гнойники. Знал он также, что не может быть исцеления,

покаяния и прощения вины без изобличения этих грехов. Чтобы это действительно произошло, он, движимый любовью и состраданием к своим больным братьям, прикладывал все усилия. Когда впервые встречал посетителя, то, независимо от времени и часа, встречал добротой, с радостным и теплым сердцем. Конечно, целителю душ мрачное и нахмуренное лицо не подходит. Выслушивая исповеди, он никого никогда не торопил, не считался с собственной усталостью. Все, о чем думал он на исповеди – это диагноз болезни и ее лечение, покаяние грешника и решимость исправиться. Слова евангельские «ктому не согрешай» (Ин.5:14) были у него всегда главными.

Часто из комнаты, где исповедывал, он выходил на улицу. Он знал, что кто-то, возможно, бродит по каливе, не в силах

принять душеспасительного решения. Чтобы помочь человеку в такой критический момент, нужно подойти к нему с любовью, убедить и подбодрить его и привести в гавань спасения.

Когда он видел, что кому-то трудно открыть свои грехи, применял всевозможные способы, чтобы вселить в него мужество. На следующих страницах мы опишем некоторые из них. Даже и те сердца, которые представлялись замкнутыми на замок, ему в конце концов удавалось отпирать.

Он без колебаний ставил себя на место погрязшего в грехах человека. Чтобы убедить его осмелиться открыть раны свои, заставлял кающегося верить, Беззаконным яко беззаконен, не сый беззаконник Богу, но законник Христу, да приобрящу беззаконныя; бых немощным яко немощен, да немощныя приобрящу. Всем бых вся, да всяко некия спасу» (1Кор.9:21–22).

Он знал, как себя принизить в глазах кающегося, но знал он также, как открыть духовное свое величие в тех случаях, когда то было необходимо. Он был носителем Духа Святого и использовал свой дар прозорливости для спасения душ. Кающийся у него оказывался – лицом к лицу – пред огнем Пятидесятницы. Пред этой силой не могли устоять никакие ухищрения врага, и кающийся, с ощущением чуда, восклицал невольно: «Да человек ли этот Старец, не ангел ли?»

Изобретательность любви

Несколько лет назад мы посетили старца Симеона, жившего в каливе Сретения Господня в прекрасном Новом скиту рядом со святым монастырем св. Павла. Прикованный к кровати девяностопятилетний Старец ежечасно ожидал смерти, после которой должен был отправиться ко Господу. Рядом с ним был его ученик – отец Пантелеймон, любящий сын, подобный Ангелу-Хранителю.

«Старче, Вы помните отца Савву, духовника?»

«О, духовник! Святой отче Савва! Моли Бога о нас! Как же я могу его не помнить? Я у него исповедовался; я постоянно бывал у него в каливе. Много-много раз помогал ему, пел на Литургии».

«Расскажите нам что-нибудь о нем. Мы о нем много слышали и хотим составить его жизнеописание. Говорят, он был знаменитым духовником»

«Милость Божия почивала на нем. Он всех воодушевлял, особенно молодых монахов. Как только видел их в комнате, где принимал исповеди, улыбался и говорил; «Ну, ангелочки! Так, так, мои ангелы здесь. Я этих молодых монахов считаю ангелами, потому что они оставили суетный мир и пришли сюда, в пустыню, из любви к нашему Пресветлейшему Христу». Он подбадривал всех, кто пал духом. «Не доводите никого до отчаяния,» – снова и снова повторял он».

«Говорят, Старче, что он дивно исповедовал».

«Да, и с большой любовью. Он хотел, чтобы люди не скрывали от него свои грехи. Если видел какого-нибудь молодого монаха или послушника, стыдящегося сознаться во всех своих грехах, то придумывал нечто, эдакие уловки. «Не колеблясь, расскажи мне о своих грехах, чадо мое. Я старый человек, я даже могу заснуть, но ты продолжай. Христос здесь, и Он все слышит. Бесстрашно открывай все и очистишь душу свою, и станет она белоснежной». Монах начинал говорить, а духовник притворялся засыпающим. Скоро голова его опускалась, он даже и похрапывал. Тогда монах начинал

называть свои самые серьезные прегрешения. «Чадо мое, остановись на минутку. Ты только что назвал какой-то грех. Что ты сказал? Я не расслышал. Скажи более отчетливо, ты очистишь свою душу». Монах набирался смелости и говорил ясно. С души его спадала тяжесть. Бог радовался, а бес уязвлялся».

«О, спаси Господи, Старче. Мы получили от Вас бесценные свидетельства. Умение этого великого духовника просто удивительно. Мы ничего подобного прежде не слышали».

«Свидетельствую: он был очень опытный и любящий. Сегодня нет ему подобных».

В каливе скита Праведной Анны жил один отец Иеромонах. Он тоже принимал исповеди, но не имел такого опыта и проницательности, как отец Савва. Однажды к нему пришел на исповедь человек, совершивший ужасные злодеяния.

Священник никогда раньше не встречал подобного человека. Тот начал исповедоваться. Слушая его, священник ужасался: «Боже мой, какие зверства! Что он такое говорит! Да не бес ли это?»

Не дав несчастному закончить, духовник прервал его, полный негодования:

«Хватит! Это ужасно! Я с ума сойду! Это не человеческие грехи, а бесовские. Убирайся, нет тебе прощения! Я больше не желаю слушать! Немедленно уходи!»

Единственное, на что тот надеялся на свете, была милость Божия. Когда у него отняли и эту надежду, не осталось ничего. Глядя вниз на море, он думал, что остался единственный выход – утопиться, и этим положить конец своей страшной жизни.

Но велик Бог. В тот момент грешника увидел случайно его знакомый, живший в скиту Праведной Анны.

«Здравствуй! Что случилось? Что происходит?»

Он не отвечал,

«Ну, что такое? Почему ты молчишь?»

С большим трудом удалось выведать, что же случилось, и он очень расстроился. Но как же помочь? Выход был только один – привести его, как бы ни противился, к отцу Савве.

Совершенно измучившись, он, в конце концов, сумел это сделать.

При первом взгляде на кающегося отец Савва все понял: «Мой брат в аду. Чтобы вытащить его оттуда, я сам должен спуститься к нему вниз».

«Отче, есть ли для меня спасение?»

«Для тебя, брат мой? Путь к спасению есть у каждого. Милость Божия шире, чем небо, и глубже, чем бездна».

«Нет, Отче, мне нет спасения. Такой грешник, как я, не может спастись. Это просто невозможно!»

«Ты не можешь спастись? Кажется, ты думаешь, что я могу?»

«Вы-то какие грехи могли совершить?»

«Великие грехи, очень великие».

«Что за «великие грехи»? Кто может быть виновнее перед Господом, чем я, несчастный?»

«Тем не менее... Понимаешь, однажды и я.— позволил себе увлечься и впал в грех».

Туг отец Савва рассказал о некоем серьезном грехе Его собеседник начал оживать.

«Ах, Отец, я-то делал точно то же самое».

«Да? Но Бог волен простить тебя, раз ты исповедал свой грех».

И отец Савва продолжал в том же духе. Выдумка его увенчалась полным успехом. Несчастный грешник набрался смелости и со всей искренностью привел весь мрачный список грехов своих. Мысль, что и сам духовник был подобен ему, придала ему смелости.

В конце отец Савва сказал:

«Я покался и долго плакал. Прошло уже два года с тех пор, как я полностью изменил свою жизнь. Мне дали теперь послушание принимать исповеди, и я делаю это. Я также давал милостыню, постился, стал совсем другим».

«Я тоже раскаиваюсь всею душою, Отец мой. Буду поститься и делать все, что Вы мне скажете».

«Раз принял ты решение изменить свою жизнь, тогда преклонись, я прочту разрешительную молитву. Бог вычеркнет

все твои прегрешения»

Выйдя от старца Саввы, человек тот чуть не прыгал от радости, ибо освободился от невыносимой тяжести. Встретив в скиту Праведной Анны своего знакомого, сказал ему

«Ты спас меня. Я как заново родился!»

«Слава Богу!»

«Этот духовник такой хороший и добрый, такое мягкое сердце. И он, бедняга, единственный, кто в жизни своей нагрешил больше меня».

Знакомый его сразу смекнул, в чем дело.

«Нагрешил больше тебя? Я сейчас засмеюсь! Друг мой, он подвизается на Святой Горе чуть не с детства, он совершенный ангел. Потому его и удостоили стать священником».

Человек тот был просто ошеломлен... Он не мог понять сразу, что же произошло. Так вот она, изобретательность любви... И велико же было его изумление. Действительно, после удара, полученного от первого духовника, другого способа спасти его от гибели не было. С этого момента он преисполнился безграничной любовью к замечательному целителю душ.

Следует здесь, однако, сказать и то, что некоторые отцы Святой Горы не одобряли эти «трюки». Но нам думается, что они были не правы, так как отец Савва был достаточно проницателен, чтобы точно знать, как, когда и что нужно, и никому не было от него ни малейшего вреда.

Целительные средства

Отец Савва хорошо знал, когда нужно быть снисходительным, когда умеренным, а когда строгим и требовательным. Сокрушенные и смиренные души он подбадривал мягкостью и терпимостью. Когда же видел, что кто-то проявлял упорство и упрямство, то не делал уже никаких уступок. Если бывало необходимо, назначал и епитимьи, но всегда таким тоном, что наказываемый не роптал. Он был подобен опытному погонщику верблюдов, точно знающему, какую ношу может нести каждый верблюд.

Он был суров с обижающими ближних.

«Отец, – обратился к нему некий паломник, – я должен рассказать Вам еще нечто. Когда я проходил мимо каливы знакомого Старца, который как раз отсутствовал, я, дерзкий, сорвал в его саду несколько апельсинов».

«Плохо, чадо. Все другие твои грехи Бог тебе прощает через меня, но апельсины ты должен вернуть. Иначе не будешь прощен, и другие твои грехи останутся с тобой».

Он был очень строг и не шел на компромиссы в делах, касающихся священства. Если кандидат в священника был запятнан каким-то грехом, то он ни за что не давал ему своего благословения.

А если священник совершал какой-то серьезный проступок, он говорил ему:

«Отец, чтобы еще больше не отягчать свою душу,ними епитрахиль»

Когда он только еще стал духовником, то имел обычай каждым Великим Постом ходить по монастырям и принимать исповеди. Однако однажды в Иверской монастыре случилось так, что ему пришлось наложить строгие епитимьи на двух монахов, сбившихся с пути истинного, и за этим последовало неприятное искушение. Он был очень расстроен поведением этих монахов и с тех пор больше не совершал обходы, а ограничивался выслушиванием исповедей в своей каливе. Во всяком случае, он не поступился достоинством священника.

Он знал, что подходящая, тщательно подобранная епитимья – это большая воспитательная и исцеляющая сила. Как мы увидим из следующего эпизода, в подборе епитимий ему не было равных.

Много лет назад в тихом месяце октябре отправился я на Святую Гору. Через несколько дней прибыл в незабвенный скит Праведной Анны – в место своего собственного духовного рождения. В его священной атмосфере можно встретить святых монахов, которые под покровительством матери Божией Матери хранят горящую лампаду православного аскетизма.

«Смотри, вон старец Антоний, – сказал мне как-то мой друг-Иеромонах. – Вон он внизу, оливки собирает. Ему девяносто лет. Воспользуйся возможностью поговорить – он многое помнит о старых отцах»

Именно этого мне и нужно было, и я сразу же направился к нему. Он был высок и слаб здоровьем. Одевание потертое, а зрение слабое из-за преклонного возраста. Но он был радостным, как малое дитя.

«Помните ли Вы что-нибудь об отце Савве?»

«Отец Савва! Как же мне не помнить святого Отца? Я обыкновенно исповедывался у него»,

«Значит, Вы можете рассказать мне-»

«Конечно, я расскажу кое-то, что произведет на Вас впечатление! На этот язык, что с Вами говорит, это произвело большое впечатление».

Что же это могло быть? – заинтересовался я. Как это на язык можно произвести впечатление? И отец Антоний разрешил загадку.

«Я был молодым монахом и тогда не забыл еще дурные мирские привычки. К тому же, по характеру я был немного вспыльчив И вот, однажды в саду каливы поспорил я с братом. Это было искушение. Он сказал мне что-то довольно резкое, и я потерял над собою контроль. Открыл рот и, не подумавши, ответил ему...»

Притихший и смущенный, как маленький ребенок, старец Антоний признался, что сказал тогда дурные слова.

«Немного позднее я взбирался на кручу к Малому скиту Праведной Анны. Мой Старец послал меня к отцу Савве на исповедь. Духовный отец, увидев меня, сразу почувствовал мое внутреннее волнение.

«Отче, я пришел покаяться в великом грехе».

«Тебе следует в нем покаяться. Хорошо, что ты знаешь это. Но не торопись. Сядь, отведай хлеба», «Иларион, – позвал он своего послушника, – принеси угощение!»

Он спросил меня о моем Старце, о том, как мы работаем, о нашей каливе. Он хотел прежде, чем выслушать исповедь, рассеять мою тревогу. Было необходимо, чтобы таинство совершилось в покойной атмосфере.

Когда я успокоился, мы пошли в комнатку, где он принимал исповеди. Комнатка была маленькая, крошечная, как склеп. Там я открыл свой великий грех. Я помню, он сказал тогда мудрые отеческие слова. Он разогнал в душе моей темные тучи.

Под конец, улыбаясь, сказал мне: «На твой язык, чадо мое, нужно наложить небольшую епитимью». – «Да, святой Старче».

«Вот, когда вернешься в скит Праведной Анны, поди в кириакон. Высунь язык и волочи его по полу от порога до иконы Спасителя и проси Его простить тебя. Согласен?» – «Согласен». Тогда это наказание не показалось мне очень серьезным.

Через несколько часов я снова был в каливе отца Саввы. «Отче, – сказал я ему, – посмотри, каким стал мой язык после исполнения епитимьи, которую ты мне дал. Он весь ободранный, распухший, красный, как чаруши (разновидность крестьянской обуви)».

Я показал ему свой язык, а он слегка улыбнулся: «Ну, чадо мое, такой язык – это как раз то, что тебе нужно».

И с того времени и до сего дня не бывало случая, чтобы у меня изо рта снова вылетели такие грубые слова.

Преображения

Для того, чтобы попасть в Малый скит Праведной Анны, нужно было высадиться в гавани скита и идти по узкой и крутой тропинке. При жизни отца Саввы тропинка эта была очень оживленной. Особенно в дни Великого Поста, когда по ней шла бесконечная цепочка христиан, ищущих духовного очищения.

«Поток людей был бесконечен, – рассказывали нам старые монахи из скита Праведной Анны. – Люди шли отовсюду: монахи со всех уголков Святой Горы и из других монастырей, священники, миряне, работники из Карей и Дафны, люди из близлежащей Халкидики. Ни один паломник на Святую Горю старался не упустить возможности исповедаться у отца Саввы. Трудно было со временем для всех По вечерам паломников скита Праведной Анны, ожидающих своей очереди, устраивали в кириаконе на ночлег.

Другим удивительным явлением было выражение лиц людей, выходящих от духовника. Удивительно было на них смотреть. «Что же там происходит? – бывало спрашивали люди. – Почему так преображаются побывавшие там?»

Два отца из скита Праведной Анны, родные братья, рассказали мне кое-что в связи с этим. Как-то к ним приехал их старый отец из Арфары в Мессине. Когда разговор у них зашел об исповеди, они посоветовали ему посетить отца Савву и исповедаться полной исповедью – за всю жизнь, чтобы, милостью Господней, очистить душу свою.

Конечно, он не пренебрег этим советом. Пошел к отцу Савве и оставался у него довольно долго. Когда же вышел, то буквально прыгал от радости. На лице его было умиротворение, а внутри

чувствовал он духовную перемену – непонятное и чудное изменение. Он глубоко вздохнул и воскликнул; «О, дети мои! Как легко у меня на душе! Я не иду по земле, я лечу. Весь мир видится мне преобразившимся. Слава Тебе, Господи!»

Одному Богу известно, сколько таких вздохов облегчения, радостных слез и благодарных восклицаний раздавались в этих

местах, подобных источнику Силоам.

Однажды в Афинах, в 1896 году, архимандрит Иоаким (Специерис), священник подворья Святого Гроба, беседовал со своим Другом Феофаном Тронгасом, владельцем фабрики.

«Дорогой Феофан, я думаю поехать на Гору Афон. Я должен подышать хоть немного благоуханием Удела Божией Матери».

«Я был бы счастлив, отец Иоаким, если бы смог поехать с тобой».

«Отчего нет? «Блази два паче единого» (Еккл.4:9), – как говорится в Писании».

И вскоре они скромными паломниками прибыли на Святую Гору. Прежде всего желалось им побывать у святого духовника отца Саввы. Отец Иоаким уже исповедовался у него прежде, семь лет назад, в Святой Земле и с похвалами рассказывал о нем другу. Он надеялся убедить Тронгаса приблизиться к этой духовной купели.

Когда пришли они в каливу Воскресения в Малом скиту Праведной Анны, то их удивило – особенно фабриканта, – что там было много людей.

«Все ждут исповеди, – сказал отец Иоаким, – отец Савва – великий дшеведец. Он – богодухновенный пастырь, и овцы стада Христова устремляются к нему, как к пастбищу и источнику. Не знаю, когда придет и моя очередь очистить душу свою от вредоносных ядов. Дух мой измучен в атмосфере Афин».

Все, что видел и слышал господин Тронгас, побудило его принять решение, уладить, как он выразился, свои дела с Господом, искать, так сказать, прощения и примирения. Совесть его неожиданно взбунтовалась против его образа жизни. Наступило, наконец, время идти на исповедь.

Конечно, искушали его и прямо противоположные мысли, пытавшиеся увести его от спасительного решения. Но, с помощью благодати Божией, он Победил все сомнения и бесстрашно вошел в исповедальню. Его друг, отец Иоаким побывал там прежде него.

Господин Тронгас долго оставался в этой лечебнице души. Ему нужно было лечить множество ран. И что же произошло с ним. Быть может, ему и прежде приходилось в своей жизни переживать чудо, но на этот раз он был словно громом поражен и ослеплен. «Бог мой, – сказал он вышедши, – где я был? Что слышал? Не обманывали ли меня уши мои?»

Позже отец Иоаким записал: «Сначала я был на исповеди, а потом друг мой Феофан.» Он долгое время провел у отца Саввы. Когда вышел, и мы шли в Катонакию, Феофан сказал мне: «Что за человек отец Савва? Или он ангел?» Я спросил, что случилось. А он ответил: «Исповедуя, он рассказал мне все, что я делал за последние двадцать с лишним лет, в то время как я молчал. Он рассказал мне о моих старых покупках, о которых я и сам забыл. Откуда он может знать, что я делал?»

«Дорогой Феофан, не удивляйся: отец Савва прозорлив».

«Что это значит?»

Отец Иоаким объяснил. В тот день душа господина Тронгаса преобразилась.

Таким духовником был отец Савва!

Паломничество

Радости и горести Сиона

Страсти и Воскресение Господа были постоянной темой размышлений отца Саввы. Дороже всех мест на земле были для него Голгофа и Святой Гроб. Ах, если бы только, по милости Божией, привелось ему побывать там смиренным паломником! Это было бы таким облегчением для его души, отягощенной трудами духовническими.

И однажды паломничество ему удалось совершить, удовлетворив, таким образом, сильное желание. Православные верующие там тоже были обрадованы приездом Старца со Святой Горы. Святая Земля переживала трудные времена, и им нужна была его поддержка.

Он прибыл в святой город Иерусалим в 1889 году. Встречаясь с православными верующими, узнавал их положение и очень опечалился. Иерусалим! Город святости и радости, но и город греха и суеты тоже.

В течение шести лет Патриархом Иерусалимским был Никодим (Кизикус). Он имел многие добродетели, был высоким в нравственном отношении, честным, справедливым и великодушным человеком. Он был также опытным администратором, человеком энергичным и представительным. Однако время тогда было очень тяжелое. За несколько лет до этого болгарский раскол раскачал корабль Православия.

Так называемый «арабский вопрос» внес смущение в сознание православных на арабском Востоке, быстро росла «Палестинская Конфедерация».

Патриарха, который прежде был экзархом Святого Гроба в Москве, обвинили в русофильстве. Финансовые дела Патриарха были в критическом состоянии. Во второй раз пришлось закрыть Школу Богословия Святого Креста. Чтобы показать, насколько наэлектризована была атмосфера, достаточно упомянуть, что за год до того (в марте 1888) в Патриарха произвели четыре выстрела из ружья, и он уцелел только чудом.

Поэтому прибытие богоносного Старца тогда для настрадавшихся православных было большим утешением.

Усталые и смущенные души видели в нем Богом посланного ангела-утешителя, подобного «росе аерминской» (Пс.132:3). Приведем слова очевидца, бывшего в то время в Лавре св. Саввы.

«Архиереи, иереи, монахи, монахини и люди всех сословий приходили к нему на исповедь. И он принимал всех, как сказано, «грядущего ко Мне не изжену вон» (Ин.6:37). Он сказал мне «Я приехал в Иерусалим, чтобы поклониться святым местам и немного отдохнуть, и посмотри! Люди идут ко мне, недостойному».

«Они нуждаются в духовнике,» – сказал я ему.

«Да, я это и сам вижу, – ответил Старец, – но я вскоре собираюсь уезжать».

«Сейчас они обрели врача и хотят, чтобы он исцелил их раны. Когда врач уедет, Всемиловитый Господь пошлет другого лечить их».

С радостным лицом, он сказал: «Правда, чадо мое, Бог не оставит творения Свои пасть жертвами волнений и смущений» («Воспоминания», т. 1, стр. 19)».

И позже, после того, как ему выпало поклониться тем местам, откуда пришло наше спасение, отец Савва еще более остро переживал таинство исповеди.

Какое невыразимое чувство испытал он, когда приближался к политой Кровью Голгофе! В этом месте его любимый Господь принял горчайшую чашу страданий за грехи человеческие. Губы его чуть слышно шептали: пригвожденный ко Кресту и пронизываемый копьем, 'Ны страдал во искупление человечества. О, Спаситель наш, слава Тебе!»

И снова небесные чувства переполняли его сердце, когда поклонялся он Животворящему Гробу! Здесь исток победы над тремя составляющими зла – над бесами, грехами и смертью. Отсюда забрезжила заря нового мира, наполненного небесным светом и торжествующим «аллилуйя»! В память о своем паломничестве к Святому Гробу он посвятил часовню каливы Воскресению Господню.

Св. Савва Освященный

Среди прочих славных святых святой Савва Освященный в жизни отца Саввы сиял, словно звезда. Этот подвижник и учитель пустыни, украшение монахов и светоч всей Земли Обетованной был его любимым Святым. Он не только дал ему свое имя, но до конца жизни оказывал особую помощь и покровительство.

«Святой Савва, – взывал он сейчас к нему, – я жажду совершить паломничество в твою святую обитель, освященную молитвами твоими и трудами».

Знаменитая Лавра св. Саввы находится от Иерусалима в трех часах ходьбы. Нужно идти на юго-восток по Иосафатовой долине, которая начинается в Гефсимании, а кончается у Мертвого моря. Вокруг – унылая пустыня, обжигающий ветер, небо видится бронзовым. Долина постепенно превращается в ущелье с крутыми склонами.

Монастырь, расположенный высоко на правой стороне ущелья, производит впечатление чуда. Среди дикой величественной природы видишь вдруг огромные здания, стены, башни – все, построенное в древности, и бесчисленные пещеры и убежища. Воздух наполнен запахом серы, ароматом ладана, птичьим пением, звоном колоколов. Лавра св. Саввы словно царский дворец в этом уединенном царстве.

Приближаясь к святому месту, отец Савва пел: «Яко от младенства Богу жертва непорочная принесся еси добродетелию, Савво блаженне, садоделатель быв благочестия; темже был еси преподобных удобрение, гражданин же пустынный достохвален. Темже зовем ти: радуйся Савво пребогате»

Отцы Лавры св. Саввы приняли его с радостью.

«Благослови, святой Отче. Добро, что пришел ты к Святому и принес нам благословение Горы Афон».

Лавра св. Саввы

Он провел в Лавре два дня, немного познакомившись с ней и ее жизнью, дивясь и наслаждаясь собственным пребыванием там.

«Святой Отче, – обратился к нему отец Игумен, – отцы хотят исповедаться у тебя. Не лиши их этой милости».

И как же он мог отказаться? Шестьдесят отцов Лавры пришли к нему на исповедь и получили облегчение под епитрахилью Богоносного Старца.

Оставшееся время использовал он для знакомства с Лаврой. Посмотреть там было что. усыпальница Святого, келья св. Иоанна Дамаскина – этого «златописца», мощи отцов, умученных сарацинами. Воздух наполнен был непередаваемыми ароматами святых мощей. Какие благоуханные крины насадил Господь среди этих диких скал!

В прекрасной церкви Благовещения была древняя чудная икона Святого. Величественно возвышалась над скалами башня, построенная Императором Юстинианом. Внизу в глубине ущелья – святой источник Святого, вода в котором изливается прямо из скалы. К северу – келья его матери и посаженная им финиковая пальма. К югу – пещера великого и чудного Иоанна Исихаста (6-ой век).

Но не хватало главного – мощей самого са Саввы, которые в то время пребывали в далекой Венеции. Хвала Господу, что с того времени они вернулись в монастырь] (Они были возвращены 30 октября 1965 года.)

Птицы пустыни

Бог многообразно утешает своих верных раба В этом сухом и жарком месте Он подарил им диковинное чудо – стаи великолепных птиц.

По всей видимости, отец Савва совершил паломничество в Лавру св. Саввы в конце Великого Поста, как раз в то время, когда можно было увидеть этих чудесных птиц. (Это чудо было не единственным, в этом святом месте можно было видеть много необычных явлений, на которых не будем сейчас останавливаться.) Как записано в монастырской летописи, более двухсот диких птиц, черных с желтыми клювами, похожих на дроздов, жило с монахами с сентября до апреля. Завидев открытое окно, они влетали в кельи, внося с собою радость и оживление. По утрам, когда отцы пили кофе, птицы садились им на подрясники, на ноги в поисках крошек. Когда монахи подзывали их, птички подлетали и садились им на плечи, на головы и с необыкновенной смелостью клевали с ладони хлебные крошки или изюм. Но никогда не подлетали они к мирянам или к пришедшим из других мест монахам или священникам. Однако, очевидно, делали из этого правила некоторые исключения. К благочестивым пришедшим монахам, подобным отцу Савве, они подлетали.

Отец Филофей (Зервакос), побывавший в Лавре 28 апреля 1924 года, рассказал следующий случай:

«Когда я собирался испить поданный мне кофе, внезапно прилетели семь или восемь птиц. Некоторые сели мне на плечи, другие на руки, а остальные расселись вокруг меня кружком,

перекликаясь и щебеча. Это произошло так неожиданно, что я было испугался, но скоро пришел в себя. Отцы удивились, что все птицы прилетели ко мне и, улыбаясь, говорили: «Вот и птицы, которых ты хотел видеть». Удивленный и счастливый, я поставил чашку и стал крошить хлеб для птиц. Отцы принесли еще фиги, которые я порезал на мелкие кусочки и дал им. Благословенные птицы ели с моих рук, а когда все съели, то

веселым щебетанием выразили мне свою благодарность и улетели».

У монахов, когда они поют, такие же приятные голоса, как у птиц, и по мере того, как поднимаются они по ступеням святости, их духовное пение становится все прекраснее. Среди этих в образе человеческом «птиц» особенно выделялись три отца святой жизни. Отец Савва душой отдыхал, находясь рядом с ними.

Одним из них был достопочтенный семидесятилетний старец Варнава из Мафитоса. После аскетического подвижничества на Горе Афон и в Иорданской долине он прибыл в Лавру св. Саввы. Видевшие его видели ожившего анахорета древности.

«Глядя в лицо его, все преисполнялись почтением – настолько добродетель запечатлелась на нем. Умер он в глубокой старости, причем задолго до смерти предсказал кончину свою» («Воспоминания», т. 1, стр. 57–58).

Другим был отец Каллистрат из Пелопоннеса, великий подвижник добродетели, мудрый и прозорливый. В прошлом он три года (больше не благословил Патриарх) провел в аскетических лишениях в пещере, расположенной в мрачной скале под горой Нево, где находится могила Моисея. Православные арабы из небольшого городка Кориакон спускали ему на веревке хлеб и воду в обмен на одежду, которую он для них шил. В уме его и на губах непрестанно звучало божественное «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Третьим был пятидесятилетний иеромонах Герман из Керкиры. О нем вспоминают как о «простом, невинном, простодушном, добром и смиренном – образце истинного монаха». Когда он совершал Литургию, Божественная благодать овеивала его, лицо становился ангельским. Он повторял неустанно: «Когда бы Вы знали, какое насаждение духовное дает нам причащение Святых Таин, Вы бы всем пожертвовали, жизнью собственной, чтобы быть достойными этого».

Паломничество к Иордану

В планы отца Саввы входило паломничество к священным водам реки Иордан, к месту, где Бог явил себя в Троице.

В те дни не было таких удобных транспортных средств, как сейчас, и путь к месту Крещения Господнего был трудным.

Нужно было идти пять-шесть часов на восток, а потом немного к северу от Иерусалима до возвышенности Иерихона. Местность была дикая, бурные потоки и глубокие ущелья затрудняли путь. Но благочестивым паломникам эти трудности не были серьезной помехой.

Монастырь преп. Герасима, этого великого отшельника, укрощавшего в пустыни диких зверей, гостеприимно предложил отдых усталым путникам. Приближаясь к святому месту в конце их пути, игумен Анфим из Лавры св. Саввы, который вместе с несколькими другими отцами сопровождал Старца, рассказал, что представляло из себя разрушенное строение, видневшееся поблизости.

«Там, святой Отче, древний монастырь святого Предтечи, построенный святой Еленой и одаренный Юстинианом. Помолись, чтобы мы могли восстановить его».

«Да будет на то помощь святого Предтечи».

Благодаря Богу за несколько последующих лет он был восстановлен Патриархией. Сегодня там совершаются Литургии, отрадные для паломников.

Спустя пять минут после того, как они миновали разрушенный монастырь, послышался шум реки Иордан.

Волнительная дрожь охватила душу отца Саввы. Он удостоился счастья немного пожить в обители его святого Покровителя, св. Саввы, а сейчас был в краю великого, редкого отшельника и заступника всех монахов – святого Предтечи. Отцу Савве казалось, что вот сейчас может повстречаться его бестелесная фигура и он увидит горящие глаза пророка.

Губы невольно шептали:

«О, святой Предтеча, не оставь нас заступлением своим».

Живо вспомнилось повествование Евангельское: «Тогда исходдаше к нему Иерусалима, и вся Иудея, и вся страна Иорданская, и крещахуся во Иордане от него, исповедающе грехи своя» (Мф.3:5–6).

Место это истинно свято. Здесь говорили пророки, здесь был подготовлен путь Господа. Здесь было святое место исповеди, где разрешались грехи, здесь была сооружена «купель обновления». И однажды в числе многих других Сам Сын Божий пришел к этому месту и «крестися от Иоанна во Иордане» (Мк.1:9).

Держась за ветвь ивы, чтобы быстрое течение не унесло его, отец Савва погрузился в реку Иордан. И увидел он как бы голубя, и услышал громовой глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный,

о Немже благоволих» (Мф.3:17). Молитвы излились из груди его – молитвы ко Пресвятой Троице, Которая явила Себя в этом месте.

Земля окрест реки Иордан, казалось, была создана для молитвы. Всегда обитали там избранные святые отшельники, последователи Предтечи. Какую радость почувствовал отец Савва, когда узнал, что в Иорданской долине среди бесконечных зарослей кустарника и камыша подвизалась в отшельничестве уже при его жизни Фотиния. Подвизалась там она пять лет, творя непрестанную молитву, и никто о ней не знал. Старец был глубоко тронут. В благоговении он преклонил колени пред Отцом Небесным и благословил Его Всесвятое имя. После он вернулся в монастырь, а оттуда – обратно в Иерусалим (Отец Иоаким (Специерис) «Воспоминания»).

После того, получив благословение Патриарха Никодима, отец Савва отправился в обратный путь – в Удел Божией Матери на Святую Гору. Он не чувствовал горя изгнанных иудеев, когда покидал Иерусалим, возвращаясь в свою страну. У алтаря храма его каливы ждали его свет и слава Нового Иерусалима. Там он подвизался о молитвах святых и о благословении Богородицы – Покровительницы Горы.

Брань с бесами

Божия благодать в борьбе с бесами

Воплотившись во образе человеческом, Господь победил грех и смерть, победил торжествовавшего диавола. Последователям Своим он велел «наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию» (Лк.10:19). Все истинные Богоносные последователи Его придерживались этого завета.

Мы часто видим это в житиях святых. Те, кто сражается и побеждает диавола оружием света, кто распинается и воскресает вместе со Христом, те в изобилии получают дары духовные. Одним из этих даров является бесстрашие перед лицом невидимого врага. Такие люди могут разрушать козни диавольские и исцелять попавших в их сети.

В «Луге духовном» об одном монахе написано: «О, истинно, христиане, бес велик и ужасен. Но пришедшим сюда, мучимым нечистым духом, им будет даровано исцеление».

Эти слова как раз подходят и к отцу Савве. Своими подвигами в аскетизме, постом, всенощными бдениями, молитвами – напряженной жизнью духовной, прилежанием, рассудительностью и созерцанием, а также силою молитв своего Старца он преодолел над собой власть диавола. Победоносной была его брань со злыми духами.

Брань отца Саввы с силами тьмы немного приоткрывается из доверительных разговоров его с отцом Иоакимом (Специерисом). «Он много раз говорил мне, что собственными глазами видел злых духов, приходивших мешать ему. Когда он чувствовал их назойливость, то падал пред Господом на колени и начинал молиться. Все козни злых духов исчезали тогда» («Воспоминания», т. 1, стр. 19). Он разил врага молитвами и испепелял пламенными словами псалма: «Суди Господи, обидящая мя, побори борущия мя. Да будут яко прах пред лицом ветра, и ангел Господень оскорбляя их» (.34:1,5).

Он не только сам спасся от яростных нападок бесов, но спас еще и множество несчастных, подпавших под их власть. Нередко можно было видеть, как эти люди приходили к нему в каливу, дабы осенил он их крестом, дабы прочитал над ними

молитвы, изгоняющие нечистых. Множество раз, когда какой-либо страдалец не мог сам прибыть на Святую Гору, Старец молился о нем, и молитва была действенной и на расстоянии. И люди, чувствуя, что спадают с них страшные цепи, приходили в великую радость.

Магическая книга

Где-то в Халкисе у одного человека испортились отношения с супругой. Муж вел нехороший образ жизни, живя в некоем странном, искаженном мире. Лицо его постепенно приняло отталкивающее выражение. Он порвал с Церковью, не хотел ничего слышать о Священном Писании. Его несчастная супруга всячески старалась вернуть его к Богу, но он упорствовал. Наконец, она поняла, что должна действовать жестко.

«Послушай меня. Ты сделал мою жизнь невыносимой. Если на Пасху не пойдешь и не примешь Причастие, я от тебя уйду. Нам просто нельзя будет жить вместе. Я хочу, чтобы Христос управил нашу семью».

Настойчивость, твердость и горячие молитвы этой доброй христианки не пропали даром. Муж увидел, что поведением своим он может непоправимо разрушить свой семейный очаг, свое будущее и будущее своих детей. Он испытал душевное потрясение и решил-таки вернуться к свету.

Внутри, в душе его была великая тьма, так как несчастный опустил до общения с бесами, упражняясь в магии. Это и отвращало его столь сильно от Церкви. Он понял, что, прежде всего, ему нужен хороший духовник. Святая Лэра недалеко, и он отправился туда и там нашел отца Савву.

Как же отличался его путь туда от его пути оттуда! Душа обновилась. Вместо смятения, хаоса и тьмы он видел новый, преобразившийся мир. Лицо сияло от легкости, и слезы радости текли по нему, когда он отошел от исповеди. Какой покой чувствовал, какое облегчение! Но ему необходимо было еще кое от чего избавиться. Он протянул к Старцу руку, в которой держал книгу.

«Отче, возьми еще и эту книгу. Она была причиной моей беды».

Это была «Соломоники» (магическая книга), основное пособие для изучающих магию.

«Зачем ты отдаешь ее мне? Ее нужно сжечь. Возьми и сожги где-нибудь подальше отсюда».

По пути от каливы к скиту Праведной Анны он увидел большой грот в скале. В нем «Соломоники» скоро обратилась в пепел. Евангелист Лука так писал о подобном: «Довольни же от сотворших чародеяния, собравше книги своя, сожигашу» (Деян.19:19). Такие костры радуют ангелов, а бесов от них корчит. Недопустимо людям пользоваться такими дурными, темными книгами.

С чувством еще большего облегчения мужчина продолжил свой путь. По дороге он случайно встретил отца Илариона, ученика отца Саввы.

«Передай, пожалуйста, отцу Савве мое почтение и безграничную благодарность И скажи ему, что я сжег эту книгу в гроте – повыше этого места».

Отец Иларион, молясь, шел дальше к Каливе. Когда же поравнялся с гротом, вокруг него обрушился целый камнепад из больших камней. С грохотом покатались камни те по склону. Испуганный, он дошел до каливы и рассказал о происшедшем Старцу,

«Чадое мое, это дело рук бесовских».

Когда отец Иларион немного успокоился, то вспомнил, что надо передать Старцу слова человека, встреченного им на дороге. Рассказал, что сожжена и какая-то книга. Когда же отец Савва объяснил, кто был тот человек и что за книгу он сжег в гроте, отец Иларион понял, что произошло.

Но не только отцу Илариону пришлось пережить камнепад в том месте – это стало происходить с каждым проходившим там. Вскоре дорогой той перестали ходить, ибо боялись все. Обеспокоенные, отцы обратились к отцу Савве. Он, попостясь и помолясь, окропил грот святой водой, и злые духи отступили. Благословил он отцам поместить в гроте икону Божией Матери и затеплить перед ней лампаду. И дорога снова, как и прежде, стала спокойной.

Сегодня проходящие мимо этого места часто останавливаются и, ничего не опасаясь, возносят молитвы к Богородице. Но некоторые из отцов говорили нам, что время от времени в том месте бесы все еще строят козни свои, особенно,

если мимо проходит послушник или монах, нарушивший послушание.

Странные камнепады

Молодой пекарь из Фессалоников Афанасий почувствовал нежелание жить далее мирской жизнью и решил принять монашескую схиму и жить в святом монастыре Дионисиат. Послушника Дионисиата, его отправили на подворье в Моноксилитис готовиться к принятию монашества.

Тем временем, родители его в Фессалониках не могли примириться с решением единственного сына. Они готовы были перевернуть небо и землю, чтобы «спасти» его, вернуть обратно в мир. Стали искать они помощи даже у бесов при помощи магии и колдовства

Афанасий вдруг постоянно стал ощущать какую-то тяжесть, словно груз какой давил на него. Он и сам в прежней жизни своей знаком был с магией, а потому верно определил, чем занимаются его родители. Боль постоянно усиливалась. Что-то очень неприятное нависло над ним. Он стал чаще молиться, особое внимание в молитве Господней уделяя словам «избави нас от лукаваго».

Братия Моноксилитиса сначала ничего не подозревали. Однажды утром после службы, когда он вместе с другими готовился выйти на работы, на них вдруг неожиданно сверху из леса начали падать камни. К счастью, ни они, ни имущество подворья не пострадали. Немного обождав и думая, что это неосторожность каких-то прохожих, они принялись было за работу. Но сзади на них снова полетели камни. Тогда они поняли, что происходит что-то серьезное, и скрылись в церкви. Камнепад прекратился, но любая попытка выйти из храма возобновляла его. Отцы обратили внимание, что вместе с камнями сверху падают и табуретки, и деревянные формы для стасидий, и другие предметы. Вдруг собаку их отбросило метра на три оттого места, где она лежала.

Скоро, извещенные об этих событиях, прибыли из Карей полицейские. Они обыскали те места, даже постреляли в том направлении, откуда летели камни. Наконец, все поняли, что это дело рук не людей, а врагов невидимых.

Тогда послушник Афанасий решился объяснить причину происходящего.

‘Чтобы вы поверили мне, – сказал он, – давайте я один пойду вон туда, к маленькой церкви св. Артемия, и вы увидите, что камни полетят за мной».

Так и случилось. Камни густо падали вокруг него, впрочем, его не задевая.

После этого его одного оставили в церкви. Эконом подворья отец Порфирий отправил письмо прислать лодку из монастыря за ним. С того момента, как Афанасий вышел из церкви, и до минуты, когда он вышел из лодки в гавани монастыря, происходили ужасные вещи. Слава Богу еще, что лодочники не падали в обморок от ужаса. «Падение камней не прекращалось и на море, хотя они были на значительном расстоянии от берега. Камни продолжали падать, но, к счастью, вокруг лодки, не причиняя никакого вреда» (Отец Гавриил Дионисиатский, «Новое Эвергетинос», стр. 65).

По пути от берега до монастыря все было спокойно. Поэтому кое-кто стал говорить, не привиделось ли все то. Однако град камней с ближней к ним башни заставил его умолкнуть.

Немедленно собрался Совет Старцев и вынес решение «послать новообращенного к Богоносному Старцу отцу Савве... чтобы тот ему помог». По общему мнению отцов, молитвы отца Саввы могли изгнать злых духов.

Калива Воскресения пережила неделю трудных испытаний. Атмосфера была военной – открытой войны между силами света и тьмы. Оглушительный шум стоял постоянно. Огромные булыжники слетали с близлежащих скал, пролетая мимо и над каливой и с жутким треском падали с обрывов в море. Окрестности потрясали яростные голоса, изрыгавшие богохульства. Звучали

хулы – обычные хулы на всех монахов, но особенно – на отца Савву. Зловония адские изливались наружу.

Божий угодник, несмотря на свой преклонный возраст (это были последние годы его земной жизни), вступил в великую битву. Неделю он непрестанно молился и держал полный пост.

«Сей род не исходит, токмо молитвою и постом.» (Мф.17:21). Его сострадательное сердце не могло вынести зрелища страданий, которым подвергались создания Божии.

В конце недели Старец, храня непоколебимую свою веру в Воскресшего Христа, приблизился к страдальцу. Злой дух заволновался.

«Изгоняю тебя... дух нечистый... именем Бога, Словом Своим сотворившим мир, именем Иисуса Христа... Убирайся со страхом, исчезни, отыди от Божия раба Афанасия...»

И свершилось так. Казалось, изо рта Афанасия что-то вылетело. Исчез нежеланный гость, как дым исчезает. Слова, произнесенные одухотворенными устами отца Саввы, поразили беса как огненный меч. Послушник обрел мир и вздохнул с облегчением и с безграничной радостью и благодарностью припал к ногам отца Саввы, целуя их и орошая своими слезами.

«О, угодник Божий, ты спас меня, ты снял с меня ужасную тяжесть. О, благодарю тебя. Ты избавил меня от ужасного змия. Слава Тебе, Господи!»

Афанасий еще на несколько дней остался со своим избавителем. Затем по его благословению отправился в скит Кутлумуша, где и остался. Отец Аввакум – такое имя воспринял он при постриге – выделялся среди отцов суровой аскетической жизнью. Никогда не забывал он дорогого ему Старца, спасшего его от власти дьявола.

Ложный ангел

Среди духовных детей отца Саввы был один румын, имевший сан диакона. Он был еще молод и жил в тиши пустыни, окружавшей Малый скит Праведной Анны.

«Отче, – сказал однажды дьякон отцу Савве печальным голосом, – прошу Вас, помяните завтра на Литургии мою мать. Завтра третий день.

Для отца Саввы слова эти прозвучали свидетельством победы диавола. Проницательный Старец бы обеспокоен. Тут, понял он, враг безобразничает. Коварный! Ни перед чем не останавливается, чтобы обмануть и погубить создания Божии.

Не выказывая наружно своей озабоченности, он попытался разобраться, что случилось.

«Чадое мое, расскажи-ка мне. Завтра третий день «кончины» твоей матери, то есть она «умерла» вчера. Она «умерла» в Румынии. Но как ты можешь знать о ее «смерти»?»

Последовало непродолжительное молчание.

«Как? Как я узнал? – робко начал дьякон. – Ну, он сказал мне.

«Кто тебе сказал?»

«Мой ангел-хранитель».

«Твой ангел-хранитель? Ты видел своего ангела?»

«Я удостоился его видеть, и не один-два раза. Это длится уже два года. Он является мне и молится вместе со мной. Мы вместе поем акафисты, бьем поклоны, ведем духовные беседы...» Эти «два года» очень расстроили отца Савву. Два года обмана бесовского – дело не из простых. В течение двух лет позволять врагу беспрепятственно работать над твоим уничтожением – действительно очень печально.

«И почему же, чадое мое, за все это время ты мне ничего не рассказал?»

«Ангел сказал мне, что это ни к чему».

Отец Савва понял, что ему предстояло большое сражение. Сначала нужно было убедить несчастного дьякона, что вовсе это не ангел является ему, а потом он должен был противостоять

ярости бесовской. «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас грешных!» – горячо воззвал он к Богу втайне от ученика.

«Чадое мое, ты уверен, что тебе является ангел?»

«Абсолютно уверен, Старче! Ведь мы вместе молимся и тысячи поклонов в день кладем. Мы говорим о будущей жизни и рас. Он мой ангел-хранитель!»

Видно было, что дьякон твердо верил в свою правоту. Но верил он также и Богодухновенному Старцу, что заставило его задуматься. Но, сказал он, как же бес может поощрять его к молитве? Ведь он борется против молящихся.

Наконец они договорились проверить «ангела-хранителя».

«Как только он снова тебе явится, – сказал отец Савва, – попроси его прочитать «Богородице Дево, радуйся...» и изобразить знамение креста».

Но все было не так просто. Если нечистый в течение двух лет вводил человека в заблуждение, то может уже обмануть даже его глаза и уши. Он может заставить вообразить, что слышится «Богородице Дево, радуйся...» и видится изображение знамения креста.

В следующий приход дьякон, скрывая торжество свое, сказал духовнику: «Старче, все было сделано, как ты сказал. Это Божий ангел, мой ангел-хранитель. Он и произнес «Богородице Дево», и перекрестился».

Отец Савва понял, что два года обольщения бесовского не прошли даром. Но, хотя диавол и знает великое множество всеразличных уловок, он не может превзойти мудрость Божию, которая светила в Богоносном Старце. Старец повернулся к дьякону:

«Послушай, чадое мое. Будь внимателен: мы устроим окончательную проверку, которая прояснит дело. Божии ангелы знают все, ибо все открывает им Господь. А бесы всего знать не могут, многое темно для них. Ты согласен?»

"Да".

«Раз ты согласен, слушай внимательно, что тебе нужно сделать. Вот сейчас я кое о чем подумаю – и он подумал плохое о диаволе – и это останется в моем мозгу тайной.

Сегодня вечером попроси ангела сказать тебе, о чем я подумал. Если он ответит правильно, то, без сомнения, он от Бога. Приходи и сообщи мне, что произойдет».

Вернувшись в свою каливу дьякон чувствовал какое-то беспокойство, что-то было не так. И, вместе, он восхищался мудрым предложением Старца. Сейчас дело должно разрешиться.

Когда в тот вечер дьякон попросил ангела разрешить загадку, на «ясном» лице того появилось легкое беспокойство. Он показался смущенным.

«Но, отец мой возлюбленный, почему ты, существо высшего порядка, интересуешься мыслями простого смертного? Ты унижаешь себя, это недостойное желание. Может, я лучше покажу тебе сегодня рай и ад, славу Владычицы Богородицы?»

Но дьякон, начавший уже подозревать нехорошее, настаивал. «Я пребуду в послушании у своего духовника. Скажи мне, что он подумал».

Ангел всячески увиливал, стараясь переменить тему, но дьякон настойчиво возвращал его к тому же вопросу. Эти увиливания вызвали еще большие подозрения.

«Ты должен сказать мне, что думал духовник. Это же так просто. Разве ты не знаешь?»

«Берегись, дьякон. Из-за своей мелочности ты рискуешь потерять мое хорошее расположение».

«Я не знаю, я же тебя спрашиваю о такой простой вещи. В последний раз: знаешь или нет, что думал отец Савва?»

И в этот же момент исчезла лучезарная внешность, уступив место ужасному образу, а точнее сказать – безобразию. Чудовище заскрежетало зубами и завывало диким зверем:

«Ты погиб, несчастный! Завтра в это же время ты будешь гореть в аду! Мы сожжем тебя, мы тебя уничтожим!»

И дьякон остался один, один и в полном расстройстве. Вся сладость двухлетних видений не могла возместить горя этой минуты. Если бы его не укрепляли молитвы духовника, который в это самое время бодрствовал молитвенно о нем, он совсем упал бы духом. Прошло несколько часов, прежде чем он

заставил себя встать на ноги. Он не мог оставаться в своей каливе. Он мог чувствовать себя в безопасности только рядом со своим духовником. В ушах все гремела угроза: «Завтра в это же время ты будешь гореть в аду!» Ужас пронизывал его до глубины мозга.

Он добрался кое-как до каливы Воскресения. Ухватил за подрясник Старца и ни на минуту не желал отойти от него. Даже когда Старцу необходимо было немного отдохнуть, перепуганный дьякон был рядом с ним,

«Не бойся, чадо мое! Успокойся».

«Да как же я могу не бояться, отче, когда приблизился час мой? О! Приблизился час, когда они заберут меня. О, Христе, помилуй мя!» И действительно, в назначенный час последовала яростная атака злых духов. Дьякон вскричал в ужасе и отчаянии:

«Спаси меня, отче мой! Я погиб, они забирают меня! Спаси меня!»

Отец Савва, пав ниц, с болью и слезами молился Господу, чтобы Он сжалился над рабом Своим и отогнал злых бесов. Молитва его была услышана, и несчастный дьякон был спасен «из пасти льва».

Так закончилась эта печальная история – очень печальная и очень поучительная. Действительно, за видениями скрывается много опасностей! Когда мы не полностью открываем в исповеди свой внутренний мир, враг может сделать с нами, что захочет. Опытный духовник – это поистине сокровище!

Но жизнь земная того дьякона на этом не закончилась. Со временем, благодаря окормлению старца Саввы, он успокоился. Его духовная жизнь далее развивалась хорошо. Позднее он был посвящен в священника, отличался своим благочестием. Тем не менее, те годы бесовского наваждения оставили нехорошие следы. Дьявол имел к нему особенное внимание, не зря же он насылал на него приятные видения. Итак, хотя и пришел он на Святую Гору с юности и мужал здесь в окружении, как говорится, ангельском; несмотря на все это, до конца жизни мучим был разными искушениями. Все

прозорливые отцы видели в этом последствия его двухлетнего сотрудничества с ангелом лбжным – падшим ангелом.

«Сказал ми еси пути живота» (Деян.2:28)

У источника жизни

Подобно земле, изобилующей растениями и плодами, душа отца Саввы, давшая обильные плоды, орошалась постоянно животворящими источниками. Непрестанной молитвой и богослужениями он привлек к себе волны благодати Божией и стал «яко древо насажденное при исходящих вод» (Пс.1:3).

Ночами он бодрствовал обыкновенно, жертвуя сном ради молитвы. Всегда стоял прямо и неподвижно, как столп неколебимый, держа в руке четки с тремястами узлов, возносясь мыслию к Небесам, прославляя Пресвятую Троицу, окруженную лучезарными ангелами. Когда немощная плоть ослабевала, готовая рухнуть и сдаться сну, он поддерживал ее ремнями, пропуская их подмышками, ремнями, привязанными к веревкам, свисавшим с потолка кельи. Этот способ был придуман более других возлюбившими Бога, чтобы не прекращать бодрствование, пребывая в молитвенном стоянии. Какие это были Божественные мгновения, когда «внутренний человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние, в бесконечную глубину онаго века, так что всецело устраняется туда парящий и восхищенный ум», чего, как пишет в своей дивной восьмой беседе преп. Макарий Великий, «человеческим устам изречь невозможно»!

Также и литургическая жизнь отца Саввы была очень напряженной. Каждый день в келие Воскресения совершалось

Пасхальное Таинство. На этих литургиях неизменно бывали его многочисленные верные духовные чада, а также монашествующие, желавшие частого общения Тела и Крови Господних.

Многие вспоминали потом о той духовной высоте, на которой была молитвенная жизнь в храме отца Саввы. Все было благообразно и по чину. В подтверждение этого приведем одну лишь деталь: в храме он никогда не бывал в обычной своей обуви, а одевал специальные для того тапочки. С исключительным благоговением относился он к Святому

Престолу, избегая излишних к нему прикосновений. «Сколь страшно место сие!» – часто восклицал он.

«Когда он бывал в келье, – рассказывали нам, – то виделся смиренным и неприглядным монахом, роста был маленького. Но когда совершал Литургию, бывал величественным, а лицо сияло, словно лик ангельский».

Отец Онуфрий, имевший прекрасный голос, тоже добавлял нотки торжественности в течение Литургии. Отец Иларион, хотя и был неграмотным, имел хорошую память и на слух выучил много песнопений и псалмов, как например, псалом 118 и Шестопсалмие.

Можно ли рассказать о небесном, неописуемом волнении, которое испытывал отец Савва в святом алтаре? Достаточно помнить, что он был учеником отца Илариона Иверийца и наследником его литургического духа. Отец Иоанн (Специерис) писал: «Отец Иларион, посвятивший себя аскетической брани, когда один или с отцом Саввой совершал Литургию, когда возносил песнь: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф...», ударял себя в грудь и проливал слезы». Кто может знать, что тогда видели его ясные глаза? Нет сомнения, что видел он ангелов, с благоговейным ужасом творящих Литургию пред окровавленным закланным Агнцем. При виде этого он только и мог, что ударять себя в грудь и лить слезы».

Вспомним сейчас подобное. Несколько лет назад отшельник отец Тихон подвизался в аскетизме рядом с монастырем Ставроникита. Рассказывают, что, совершая Литургии, он частенько во время пения Херувимской песни падал, восхищенный душой,

лицезря Носимого херувимами и слыша: «Иже Херувимы тайно образуяще, и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение. – Яко да Царя всех подыдем, ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуйя. Аллилуйя. Аллилуйя». Исполненный благоговейного страха, певчий ждал и полчаса, и час, пока отец Тихон не приходил в себя. Это бывали ангельские, райские часы литургической жизни!

Литургическая жизнь отца Саввы достигала подобных же высот. Вместе с шестокрылыми серафимами восклицал он: «Достоин есть агнец заоленный прияти силу и богатство, ипремудрость и крепость, и честь и славу и благословение» (Ап.5:12). Ежедневно Распятый и Воскресший Господь питал его Своим Телом и Кровью Своею, и дня него становился Он – «рай, древо жизни, бисер, венец, домостроитель, земледельатель, страждущий, бесстрастный человек, Бог, вино, вода живая, овча, жених, воитель, оружие» (преп. Макарий Египетский, 31-я духовная беседа).

И так, молитвами и ежедневным совершением Литургии непрестанно орошался он источниками бессмертной жизни и стал «яко древо насажденное при водах» (Иер.17:8), покрытое цветущими ветвями и сладкими плодами праведности. В следующей главе мы предложим еще нечто о литургической жизни отца Саввы, ясно показывающее его любовь к ближним.

«Помяни, Господи»

Потоки благодати, изливающиеся от Бескровной Жертвы, благотворно влияют не только на живых, но и на умерших. Поэтому служители алтаря постоянно призывают. «Помяни, Господи...» И чем больше их вера и любовь, тем длиннее список имен, за кого они молятся.

Отец Савва поминал большое количество имен. За проскомидией он по два-три часа изымал частицы из просфор, непрерывно произнося имена. У него был большой дискос с изображением Рождества.

«Святой отче, – бывало говорили ему другие отцы, – Вы же очень устаете. Зачем читать так много имен, выстаивая для этого часами?»

«Я не устаю, – отвечал он. – Напротив, я счастлив. Те, кого я поминаю, удостоиваются милости Божией, и это радость для меня».

Как-то он сказал, что Бог открыл ему, какую великую пользу получают души людей, которых поминают. Однажды, когда он был еще молодым священником в кафисме св. Иакова, увидел он ангела в облачениях священнических, оттирающего и смывающего грехи Кровью Агнца. Однако он никому не говорил, что именно он видел, и все вопрошали. «Что же видел отец Савва? Что заставляет его поминать такое количество имен?»

Незадолго до смерти он решил, что можно рассказать о том духовном откровении и записал его. В 1925 году отец Иоаким (Специерис) нашел эту запись среди прочего и переписал ее. Вот она:

«Вопрошающим, что вдохновило меня поминать многие имена, изымая частицы за проскомидией ежедневно на Литургии.

В 1843 году мы прибыли из Ивера в Дионисиат, где жили в уединении над монастырем в кафисме, церковь которой была освящена во имя св. Иакова, Брата Господня. Это та самая церковь, которую мой Старец просил отца Игумена полностью перестроить.

Освятить ее приехал Епископ, а вечером пришел Иеромонах из монастыря, принес все необходимое для освящения.

Утром, после освящения и Литургии, Епископ сказал моему Старцу: «Пожалуйста, разреши мне дать отцу Савве несколько имен для поминовения, потому что он будет служить сорок Литургий». Мой Старец сказал на это: «Дай ему столько, сколько хочешь». И Епископ записал на листочке бумаги шестьдесят два имени, а потом подал пожертвование Стефану.

В течение тридцати девяти дней я поминал всех этих людей, а на сороковой день, ожидая прихода Старца с тем, чтобы начать Литургию, оперся на

аналой и заснул. Во сне увидел, что в облачении стою пред Престолом, на котором Чаша, наполненная Кровью Христовой. Я также увидел, как подошел отец Стефан, взял с жертвенника листок с именами. Он идет к Престолу, держа клещами листок тот, и начинает окунать его в Чашу с Кровью Христовой. При каждом погружении истиралось одно имя, пока, наконец, весь лист не стал чистым.

Я проснулся. Вошел мой Старец, и я рассказал ему свой сон. Он спросил тогда: «Разве я не говорил тебе, что снам нельзя верить?» После Литургии сказал: «Не достоинствами твоими прощаются грехи людей этих. Мы по вере своей получаем отпущение грехов».

Вот почему я поминаю такое количество имен».

Со временем увеличивалось число лиц, которых знал Старец. Он имел все больше и больше духовных детей, и многие просили его молитв. Поэтому список его все рос, и набралась уже тысяча имен. Где было взять время, чтобы помянуть всех? Наконец, он придумал: все имена поделил на три части. Большими красивыми буквами переписал их в три разные книжечки и каждый день прочитывал одну из них. Отцы монастыря Кутлумуш, исключительно почитавшие Старца, позаботились о том, чтобы по смерти его получить от его учеников один из этих помянников, и хранят его как святыню.

Да побудит нас пример отца Саввы задуматься об изобильных дарах, изливающихся на Божественной литургии, а

начало им – Жертва на горе Голгофа. Много говорил об этом свят. Кирилл Иерусалимский (4-ый век) в своих пяти огласительных поучениях к новокрещенным.

Помощник и наставник

Отец Арсений, монах, перешедший в скит Праведной Анны из монастыря в Хиосе, пришел к нему однажды за советом.

«Отче, как мне быть? Я жажду частого причащения, но некоторые из отцов говорят, что причащаться следует не чаще, чем раз в сорок дней. Скажи мне, что же делать?»

«Приходи в нашу каливу, я буду часто причащать тебя,» – ответил отец Савва.

Позднее, чтобы окончательно решить этот вопрос, он благословил его сменить свое прибежище.

«Переходи жить в скит Кавсокаливии. Там тебе никто ничего не скажет».

Часто страждущие духовно монахи просили отца Савву посвятить их в секреты умной молитвы. И если он видел, что они достаточно духовно подготовлены, что выдержат это крепкое, пьянящее вино, то удовлетворял их желания.

Многие монахи практиковали умную молитву под его руководством и присмотром. Нам известно, что среди них был юродивый во Христе Феофилакт из Кавсокаливии, почивший в 1927 году в возрасте семидесяти двух лет.

Отец Савва жил подобно старцам Русского Православия. Он не ограничивал свою помощь чисто духовными советами, но давал советы и в делах практических, с вопросами о которых к нему приходили люди. Это ясно видно из следующего воспоминания.

При жизни отца Саввы Святая Гора была под протекторатом турок. Нередко между монастырями и турецкими властями возникали серьезные разногласия.

Однажды пришли к нему отцы из монастыря Кутлумуш, сильно взволнованные.

«Святой Отче, у нас очень серьезное положение. Мы вступили в конфликт с каймаканом (турецким управителем). Монастырь наш могут разрушить. Что нам делать? Спаси нас!»

В этой критической ситуации отец Савва дал изумительный совет.

«На вратах монастыря повесьте английскую корону и затворите их, а на углах стен и на башнях должны у вас развиваться английские флаги. Турки не осмелятся стрелять по ним, они будут думать, что у вас англичане».

Отцы последовали его совету, и в самом деле, неожиданное зрелище умерило ярость турок. Они скрежетали зубами, но напасть не решились. Постояв, удалились, ибо не имели никакого желания вступать в конфликт с британцами.

Отец Савва получал множество писем от людей, слышавших о нем, но не имевших возможности приехать на Гору Афон. Годы шли, количество писем возрастало все больше и больше. Некоторые приходили из очень далеких мест – из Иерусалима, от отцов Лавры св. Саввы, из России и даже от православных из Америки. Бывавшие у него удивлялись количеству писем, заполнявших целый шкаф.

Чтобы ответить на все письма, отец Савва должен был ночами сидеть и писать. А что еще оставалось делать? Быть духовным отцом – значит отдавать себя детям. В своих чудных письмах (он был выдающимся каллиграфом) он предлагал верным Христовым утешение, радость, покой и разум о Боге. Не жалел он трудов своих, ему лишь слышался глас Великого Пастыря:

«Савво Иларион, любиши ли Мя? Паси овцы Моя» (Ср.: Ин.21:16).

Многоценное письмо

Среди оставленного нам отцом Саввой есть одно очень ценное письмо. Оно датировано 12 декабря 1907 года и адресовано «В Россию, Екатерине». Мы не знаем, кто была эта Екатерина, но ясно, что она были близка Царской Семье.

Когда было написано это письмо, Русское Царство переживало трудный период. Атмосфера в обществе была беспокойная, все было взбудоражено иноверцами. Много было всеразличных зол: шла активная пропаганда нигилизма и атеизма, насаждались идеи социальной розни, классовой ненависти, провоцировались общественные протесты, подогревались революционные брожения, устраивались заговоры, политические убийства, проповедовалась анархия. Естественно в таких обстоятельствах искать себе поддержку. Так, знаем мы, что в часы испытаний Благоверного Царя Александра III (1881 – 1894) поддерживал святой праведный Иоанн Кронштадтский.

В то время слава отца Саввы со Святой Горы достигла и Царского Двора России, и, близкая Царской Семье, вышеупомянутая Екатерина, посылала ему письма, прося молитв. Истинно, души людей привлекаются сиянием святости независимо от положения или звания, национальности и расстояния! Давайте обратимся теперь к ответу отца Саввы, посланному «почтеннейшей и благочестивой» Екатерине».

"ІС ХС

NI КА

В Россию, Екатерине.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Возлюбленная! Я получил благородное письмо твое с двадцатью пятью карпобулас [деньги – прим. пер.] и возрадовался, что здоровье у тебя хорошее, чего я тебе желаю всегда. Я о нем молюсь день и ночь – и на дневных наших службах, и на всенощных – вместе с братией моей, моими духовными чадами, монахом Онуфрием (иконописцем), монахом Иларионом и монахом Саввой, которые любят тебя

братской любовью. Поэтому и говорю тебе вместе с апостолом Павлом: «Радуйтесь о Господе» (Фил.3:1), и снова повторяю: «Радуйтесь!» Возрадуйся, блаженная Екатерина, что удостоил тебя Бог принести Ему как лучший дар целомудренного твоего чрева двух детей своих любимых.

В Царствие Его получишь ты великую награду от Христа, ибо дети твои любимые служат не временному преходящему Царству, но Небесному Царству Царств и Царю Царей, Помазанник Которого – сам Православный Христианский Монарх благословенной России и всего христианского мира Государь Николай. Сегодня только Государь Николай – Император нашей Православной веры, Помазанник Божий – один он, и никто более, под солнцем. И если кто не молится денно и ночью о нем, о его Дворе, об армии его, напрасно тот думает о себе, что христианин. Возлюбленная сестра моя, ежедневно я совершаю Божественную литургию, и каждый раз изымаю частицу с молитвой ко Богу за Царя Александра III, омывая ее Святой Кровью Спасителя нашего Иисуса Христа, а потом молюсь о Дворе и воинстве ныне здравствующего Царя. Я должен написать тебе все это, чадо мое,

не потому, что хочу, чтобы все об этом знали, а потому что ты и раз, и два, и три раза писала мне с просьбой помолиться Богу за возлюбленных детей твоих, умереть готовых за Православную веру и Христову любовь. По этой причине, не желая опечалить тебя, я написал даже больше, чем обычно это делаю. Молю Бога за всех вас, чтобы удостоились вы Царствия Небесного и радовались вечно прекраснейшему свету и красоте Святой и Животворящей Троицы пред ликом Иисуса Христа со всеми святыми. Аминь.

12 декабря 1907 г.

Смиренный иеромонах Савва, духовник Малого скита Прав. Анны, храм Святого Воскресения Христова.

Обнимаю вас, чада мои духовные».

Письмо это – драгоценный духовный текст. Если внимательно читать его, оно может открыть не одно окно в дивный духовный мир отца Саввы. Сколько, например, возвышенного смирения во фразе: «Я должен написать тебе

все это, чадо мое, не потому, что хочу, чтобы все об этом знали, а потому что ты и раз, и два, и три раза писала мне...» И заключительная фраза: «...и радовались вечно прекраснейшему свету и красоте Святой и Животворящей Троицы пред ликом Иисуса Христа со всеми святыми» – точное и краткое изложение всей сокровищницы духовного Богословия.

Пасха Небесная

Когда наступил Великий Пост 1908 года, Старец был уже очень слаб физически. Силы оставляли его, тело отказывалось служить. Единственное, что еще поддерживало жизнь в нем, – это святой алтарь. Архимандрит Гавриил из Дионисиата говорил, что он продолжал совершать Литургии «до глубокой старости, лишь раз в день вкушая хлеб и постную пищу. В последние четыре или пять лет жизни он поддерживал силы только святой водой и чашкой кофе вечером» Тем не менее, душа его была бодрой, а доброта и святость, сиявшие на лице его, производили на всех глубокое впечатление.

Воскресение было престольным праздником его каливы. Многие приходившие к нему на исповедь в Страстную Неделю, оставались, чтобы встретить с ним Пасху. Омытые святодействием разрешения от грехов, они бывали подготовлены к встрече со Христом, воскресающим из мертвых. В этой бедной каливе они могли почувствовать все ослепительное величие Праздника Пасхи. В 1908 году Пасха пришлась на 23 апреля; в этот день отец Савва праздновал свою первую Небесную Пасху. Он вынес на своих плечах семьдесят восемь лет подвижнических трудов, и пришло время его ухода на покой.

Бог часто призывает к Себе святых в знаменательные дни. В пятницу, 14 апреля, в канун воскрешения Лазаря, почтенный духовник, собрав свои слабые силы, совершил Литургию Преждеосвященных Даров. Он знал, что совершает последнюю Литургию и потому чувствовал нежность и грусть. Эти чувства усиливались, когда на вечерней службе читалось о смерти святых людей – чтение из книги Бытия: «И возложив Иаков нозе свои на одр умре» (.49:33). «И рече Иосиф братии своей, глаголя: аз умираю» (.50:24).

Пришло время и его ухода. Подобно Иакову подвизался отец Савва, чтобы угодить Богу, подобно Иосифу насытил многих жаждущих.

«После Литургии он сел и с усталым видом сказал ученикам своим – отцам Онуфрию и Илариону: «Простите меня и помолитесь, ибо пришло время умереть мне» (отец Иоаким (Специерис)).

Он благословил их, попрощался, дал последние наставления, сказал, что будет ожидать их в Чертогах Божиих. То был священный момент, полный траура, тишины и таинственности. С полностью умиротворенным лицом ожидал он приближения ангелов, а губы его непрестанно славили Бога – Хозяина жизни и смерти.

В девятом часу по византийскому времени, за три часа до захода солнца за Гору Афон, посреди рыданий учеников, благоухания апрельских цветов, весенних пений птиц пустыни и звучания вечерних молитв, душа Старца отлетела в Небесные Чертоги, в чистый мир. Она отлетела, полная веры в воскрешение в то время, когда Церковь славila Победившего смерть и даровавшего воскрешение Лазарю, бывшего мертвым уже четыре дня.

Господь Иисус Христос ожидал его любящую душу у берега моря Тивериадского, чтобы дать ей «дворец прекрасный и венец дивный». Вручал Он ему все это при пении: «Добра еси, ближняя моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим, ...уподобилася еси финику» (Песн.6:4;.7:7).

Многие души опечалились утратой этого святого и плодоносного пальмового дерева (финика). Лишились редкого человека, «силы Израиля» Небесного.

Нехоженой стала тропинка, поднимающаяся к Малому скиту Праведной Анны, не носит более писем почтальон, калива Воскресения погрузилась в тишину. Лишь время от времени некоторые благочестивые паломники приходят туда, чтобы оросить слезами могилу отца Саввы и попросить священника отслужить панихиду.

Старец Арсений из общины отца Харалампия рассказал нам следующее:

«В 1909 году я покинул горы Кавказские, пересек Палестину и Египет и пришел на Святую Гору. В Александрии мой Патриарх дал мне немного денег. «Пойди, – сказал он мне, – в

Малый скит Праведной Анны и отслужи панихиду на могиле отцы Саввы. Он был Богоносец. Я знал его в Иерусалиме и исповедовался у него».

Патриарх все еще приклонялся пред отцом Саввой! (Это был Патриарх Фотий, прибывший с Тиноса. Добродетельный человек, сильный и добрый проповедник, он прибыл из епархии Патриарха Иерусалимского.)

Когда в свое время отошел в вечность старец Онуфрий, старцем каливы остался отец Иларион. Вместе с одним избранным послушником, Мануилом Пападовасилакисом, прибывшим из Крита и получившим в постриге имя Онуфрия, он вырезал печати для просфор и постоянно рассказывал ему о незабвенном духовнике своем, духовном «дедушке» нового монаха.

Гостям, приходившим в каливу, старец Иларион рассказывал о величии благословенного старца Саввы. Если просили, показывал рукописи, К сожалению, фотографии Старца не осталось, потому что «приснопамятный прославленный аскет и отшельник избегал фотографироваться» (Павел из Лавры, врач). Он также разрешал паломникам прикладываться к почитаемому черепу, который хранил в церкви, как зеницу ока.

«В каливе Малого скита Прав. Анны, где подвизался отец Савва, – написал отец Иоаким (Специерис), – сохраняют его череп. Когда я приложился к нему, то почувствовал, что это был череп святого человека» (Воспоминания», т. I, стр. 22).

Читая о его жизни, разве не понимаем мы, что он был свят? Многие люди, приходившие в каливу, говорили: «Идем на исповедь к отцу Савве». Верим, что придет день, когда святость его будет официально всецерковно признана. Мы всем сердцем этого желаем. Отец Савва, по всеобщему признанию, был словно яркая комета добродетели, цветущая лоза из святого Виноградника, милосердный утешитель, «силен в брани» прозорливец, святой, блаженный, угодник Божий, любимый Богом и людьми.

Старец Игнатий

Божие благословение на вас, море любви и терпения.
– один из старцев Горы Афон

Духовное становление

Жертвоприношение Богу

Монашеское поселение Катонакия расположено у южного подножия Горы Афон. На крутой и скалистой местности, разделенной на две части глубоким ущельем, разбросано около тридцати калив. В восточной ее части высоко в горах, рядом с огромной скалой находится калива Успения, возвышающаяся над местностью подобно сторожевой башне пророка Аввакума (.2:1). Вся местность покрыта камнями и бесплодна, оживлена только немногими дикими вечнозелеными дубами, полна неземного величия.

Если Вы присядете на низкую стенку, окружающую двор, и посмотрите вниз, то увидите приблизительно в шестистах метрах море с его непрерывным рокотом волн. Массивная скала, словно Великая Китайская Стена, загораживает вид на восток. Из-за нее поднимающееся солнце поздно заглядывает в каливу. И все же скала эта имеет собственное захватывающее величие, и каждое утро, рано-рано на рассвете, птицы, гнездящиеся в ней, наполняют воздух своими трелями.

Калива Успения отличается своим местоположением. Если бы Катонакия была Царством, то Царь наверняка воздвиг бы свой дворец в этом месте, чтобы наслаждаться величественным видом и чтобы обозревать всю местность.

Эта калива, хорошо сохранившаяся и до наших дней, где и сейчас непрерывно совершаются Божественные литургии, светила, словно маяк, в первые десятилетия XX века, светила и в прежние времена. Подвижничество там иеромонаха Игнатия

делало ее чудным духовным ульем, где души находили нектар Духа Святого.

Отец Игнатий родился в Серрае в 1827 году. Родители его были православными; отец – болгарин, мать – гречанка. По мере того, как Иван (так его звали в миру) возрастал, «растяше и крепляшеся духом, исполняяся премудрости, и благодать Божия бе» (Лк.2:40) на нем. Юношей он отличался красотой плоти, но более того – красотой души. Вежливый, искренний, спокойный, внимательный, любящий, трудолюбивый, он был

единственным ребенком у своих родителей и предметом их тайной гордости. Естественно, поэтому с ним были связаны их самые прекрасные мечты.

Но Отец Небесный определил ему назначение более высокое и еще более прекрасное. Он приготовил для Ивана ангельскую схиму, облачения священнические, милость пророков и святых монахов.

В назначенное время глас Божий достиг его и призвал к высокому предназначению, легким дуновением проникнув в самое сердце. И он стал достойным этого зова, воскликнув с готовностью: «Се раб Господень, буди мне по глаголу Твоему».

Но не надо думать, что ему легко было так ответить. Прежде нужно было преодолеть немалые препятствия. Было бы легче, если бы у его родителей были еще дети. Но он был единственным, единственной их надеждой, их опорой и радостью. Страшной мукой была для него мысль, что покидает он своих родителей, повергая их этим самым в невыносимую скорбь. Чувствительность и нежность его характера еще более усиливали эту муку.

В жестокой той борьбе сохранила его от ран кольчуга веры. О чем говорил ему зов веры? О величии любви Божией. Глас веры говорил, что Господь Сам позаботится о его родителях. Он прольет на них бальзам утешения и успокоит их. Он превратит бурю в покой и удовлетворит все их нужды. И победил Иван и, подобно великому патриарху Аврааму, удалился от земли своей, от своих родителей. «Сия есть победа, победившая мир, вера наша.» (I Ин.5:4).

Бегство его на Святую Гору было по необходимости тайным. Можно представить себе душераздирающие стенания его родителей и родственников, когда они узнали о его исчезновении.

Итак, двадцатидвухлетний Иван мужественно стал на путь освященной жизни. Все свои плотские намерения и желания смирял он на алтаре Духа. Всеми своими земными привязанностями пожертвовал он ради любви к Богу. Жертвы такие непонятны для большинства людей, особенно для тех, кто «суть плоть» (Быт.6:3).

Св. Симеон Новый Богослов, слава духовидцев православных, сказал: «И поэтому нет любящим мир, нет любящим временную жизнь, любящим славу, любящим плоть, любящим удовольствия и любящим богатства». Иван, однако, жил о Духе Божиим.

Жертва его была угодна Богу как «благоухание духа». Она была принята, подобно жертве Авеля, и сразу же как первое вознаграждение Бог дал ему редкий дар—праведного духовного наставника.

Он направил стопы его к добродетельному отшельнику—старцу Неофиту Хаджи-Георгиту (т.е., ученику старца Хаджи-Георгия), подвизавшемуся в Катонакии, в той самой высокой сторожевой башне, которую мы описали раньше.

Само имя «Хаджи-Георгит» указывало на величие Старца. Около сорока учеников старца Хаджи-Георгия, его чада духовные, были ярчайшими алмазами, сиявшими на земле Святой Горы.

Старец Неофит родом был из Олимпа, он был образцом истинного аскета. Все имущество его составляли четки и книги св. Исаака Сирина. Он был полностью равнодушен ко всему земному, живя ради Бога. Его ум постоянно пребывал в Небесах и Небесах Небес. О нем можно сказать словами псалмопевца: «Хлеб ангельский яде человек» (77—25). Непрестанно он славил Бога, вознося славословия как жертвоприношения и каждая молитва его была словно язык пламени.

Живя рядом с таким строгим отшельником, Иван обрел все условия, которые нужны были ему, чтобы взойти на вершину добродетели, как Моисей Боговидец взойшел на Синай.

Научение нестяжанию

Когда Иван был уже было принят в каливу, ему предстояло открыть кое-что своему духовному отцу.

«Старче, – сказал он, – до того, как ушел из мира, я работал и, экономя, скопил кое-что и взял теперь все с собой. Я должен отдать Вам эти деньги. Это довольно большая сумма – триста фунтов!»

Старец Неофит был единственным, кто не засмеялся при этом сообщении.

«Триста фунтов!.. А зачем они нам здесь нужны? Ты ведь хочешь стать монахом. Если ты действительно этого хочешь, то должен избавиться от этого груза. Послушай внимательно, что нужно сделать! Возьми эти деньги и пройди с ними по всей Горе. Где встретишь нуждающихся монахов – давай им понемногу и получай с них расписки. Когда вернешься, должен будешь их мне показать – иначе не приму тебя обратно».

Иван еще не поступил в школу аскетизма, и сейчас ему был преподан первый урок – урок нестяжания, который в то же время

был и серьезной проверкой. Ему предстояло сдать экзамен на самопожертвование, послушание и безразличие к земным богатствам. Ему предстояло познать, что именем «монах» называют того, кто не отягощен материальным. «Ничем не обладающий монах – словно орел высоко летающий» (св. Нил). Если за этот экзамен он получит хорошую оценку, то это будет серьезным шагом вперед в его монашеской жизни.

Горя любовью ко Христу, юный послушник с ревностью принялся за дело. Разве деньги станут препятствием, когда и любовь родителей не удержала его? Он знал, что пожертвовал бы гораздо большим, чем деньги. И принялся Иван за свой труд. Когда еще стремящемуся к монашеской жизни давали такое послушание – бродить повсюду и раздавать деньги!? Он воображал себе, что сделать это будет нетрудно, но быстро понял, что это не так. Многие монахи, несмотря на нищету

свою, не хотели брать никаких денег. Поэтому многих Ивану приходилось упрашивать.

«Отец, возьми хоть немного, ты ведь беден, сможешь использовать их на какие-нибудь нужды. Возьмешь немного – сделаешь мне хорошо, так как я быстрее покончу с этим делом. Если же не раздам всех денег, не смогу вернуться назад. Пожалуйста, пожалей меня и прими хоть немного денег».

Он мучился с этим делом четыре месяца. Но что он мог поделать? Послушание превыше всего. И это послушание принесло ему великую милость – возможность встретиться со многими добродетельными монахами Святой Горы. И чем беднее были каливы, которые он посещал, тем богаче духовно бывали они. Он предлагал монахам золото бренное, а они давали ему золото вечное. Не только слова их, но сам их вид вдохновлял и ободрял.

И – все! С расписками в руках вернулся он в Катонакию. Он раздал триста фунтов. Из всей суммы себе оставил совсем немного, купив одну книгу св. Исаака и теплое пальто на зиму. Старец упрекнул его за это и потребовал было вернуть все, но потом передумал и разрешил оставить себе.

Теперь, освободившись от денег, Иван мог спокойно и без помех отдаться изучению монашеской науки. Деньги больше никогда его не беспокоят – так он думал. Тем не менее, через некоторое время золотой телец снова нарушил его покой.

В Серрае у него была тетя, чрезвычайно богатая. Ее состояние оценивалось в восемь миллионов золотых драхм. Она была немолода, бездетна, и ей непереносима была мысль, что огромное богатство попадет в случайные руки. Поэтому своим наследником она назначила любимого племянника. Узнав, что он на Святой Горе, послала людей для встречи с ним. Люди те прибыли в Катонакию и взволнованно описали состояние тети.

«Тетя твоя сойдет с ума! – говорили они Ивану. – У нее такое богатство, столько денег, и некому оставить! Поезжай к ней и унаследуй огромное состояние, а также и состояние своих родителей. После ты сможешь сделать все, что только пожелаешь. Ты должен поехать обратно, или тетя твоя потеряет

от отчаяния рассудок Восемь миллионов золотых драхм – и все пропадет!»

Много еще говорили они ему, пытаясь уговорить пожалеть тетю. Вместе с ними трудился и невидимый враг, нашептывая, что, мол, с этим наследством он сможет сделать столько добра! Атака была яростной, но Иван был не один. Щит его Старца помог отразить стрелы, мудрый совет старца Неофита прекрасно разрешил этот вопрос.

«Я понимаю ситуацию, в которой оказалась твоя тетя, – сказал он Ивану. – Конечно, нужно позаботиться о том, чтобы надлежащим образом пристроить такое большое состояние. Поэтому тебе должно написать тете письмо, поблагодарить за ее большую любовь к тебе и предложить следующее решение: разделить всю собственность на три части. Пусть одну она отдаст бедным родственникам, другую вдовам и сиротам, а третью разнесет по храмам. И таким образом окажет помощь бедным родственникам, вдовы и сироты будут благословлять ее, а в церквях будут молиться о ней».

Предложение Старца разрешило затруднение. Более богоугодного решения найти было невозможно. Возможно ли и нам сдержать восхищение пред мудростью этого простого и необразованного отшельника? Событие это напоминает один случай, связанный с преподобным Антонием Великим.

В Александрии жил один сапожник, ведущий очень добродетельную жизнь. Он достиг высот смирения и представлялся самому себе ничтожнейшим из всех жителей города. Конечно, у

него не было большого состояния, но то небольшое, что зарабатывал он своими ежедневными трудами, использовал так, чтобы угодить Богу. Все свои доходы он разделял на три части. Одну оставлял себе на жизнь, другую отдавал бедным, а третью относил в церковь. И однажды Бог открыл преп. Антонию, что сапожник этот в добродетели своей был выше, чем он.

«Антоний, – сказал Он ему, – ты не достиг еще меры сапожника из Александрии»

Давайте же, возлюбленные читатели, помолимся прямо сейчас, чтобы было больше христиан, которые таким же образом распоряжаются своим именем, а после продолжим знакомство с жизнью Ивана. Люди будут благодарить таких христиан, Бог благословит, и совесть у них будет в покое.

Аскетическая брань

Нелегко было стать учеником старца Неофита. Тем, кто приходил к нему, предстояло обыкновенно искать себе другого старца. Чтобы остаться у него нужно было отказаться от собственного мнения, уметь писать, выполнять тяжелую физическую работу, быть готовым к полному самопожертвованию и, самое главное, обладать бесконечным терпением. С первых же дней он устраивал им серьезные испытания. Испытанием Ивана, как мы видели, был четырехмесячный обход Святой Горы с раздачей денег и собиранием расписок.

Долготерпение Ивана означало для Старца, что этот молодой человек способен на высокие духовные подвиги. Другие отцы Катонакии, хорошо знавшие отца Неофита, сразу это поняли.

Отшельничество Старца было исключительно суровым. Он ревностно следовал правилам старца Хаджи-Георгия – без каких-либо отклонений или послаблений. За трапезой у него никогда не бывало растительного масла, яиц, сыра или рыбы, даже на Пасху. Его маленькое судно, пересекавшее море Великого Поста, из провизии имело лишь сухари, соль и оливки. В день монахи каливы могли съесть не более десяти оливок, но обязательно – согласно правилу – с косточками.

Они не ухаживали за телом своим: не было купаний, мытья, расчесывания волос и т.д. Другие отшельники тоже соблюдали это правило, как мы уже видели из жизнеописания старца Каллиника Исихаста.

В одежде отец Неофит тоже следовал правилу своего Старца. Быть «Хаджи-Георгием» означало ходить босиком и иметь только одно платье. Он никогда не обращался к сапожникам, хотя в той местности непривыкшим ногам требовались хотя бы шерстяные носки. Одевание его состояло из одного подрясника, который раз в год он красил в черный цвет.

Из того немногого, о чем мы рассказали, вы можете видеть, под какое жесткое ярмо подогнул выю свою Иван. Старец Неофит поведал ему о трудностях, ожидающих его, но Иван был полон решимости вынести все. Он помнил постоянно слова Старца; «Отдай душу в послушание и прими Дух».

Вокруг каливы на площади в один акр росли оливы, принадлежавшие старцу Неофиту, и для ухода за ними требовалось много нелегкого труда. Можно представить себе, сколько времени требовалось на уход за деревьями, особенно за саженцами, братией посаженными. Много заботы требовала земля. На бесплодные склоны нужно было наносить хорошей земли и огородить сложенными из камней стенами. Но и это было еще не все: нужно было также помогать другим отшельникам – старыми немощным, которые не в силах были сами сложить стенки. Позднее, как мы увидим, возникла необходимость построить церковь. Все это при недостатке воды, постоянном посте, всенощных бдениях, молитвенном правиле и происках врага было как страшный ров (Пс 39), из которого могла их извлечь только сила Господня, при условии, что терпение их будет неистощимо.

Много раз из-за большой усталости они не могли проснуться ровно в полночь, чтобы встать на молитву. После общей службы нужно было молиться еще келейно, а в это время бывало еще темно даже летом. Послушник считал большим грехом, когда просыпал. Он каялся в этом Старцу, расстроенный и взволнованный. А Старец спокойно увещевал его:

«Чадо, нет причин расстраиваться. Закрой окна, и снова будет ночь. И тьма ночи, и свет дня – все в воле Божией. Как говорит псалмопевец? «Твой есть день, и Твоя есть ночь» (Пс.73:16)»

К трудам этим старец Неофит повторял слова Писания, которые часто цитировал и его Старец: «Всяк же подвизаясь, от всех воздержится: и они убо да истленен венец примут, мы же неистленен. Аз убо (...) умерщвляю тело мое и порабоощаю» (1Кор.9:25–27). Упование на неподкупные престолы вдохновляло сердца борющихся.

Ежедневные службы их совершались согласно отшельническому правилу – без книг, по четкам. Например, с началом вечерней службы каждый произносил молитвы по четкам, по пять- шесть четок, один за другим. Когда так проходило три часа, звонил будильник, и Старец заканчивал службу.

Старец Неофит не был однокрылым орлом. Он не ограничивался телесными трудами и молитвами, но действие соединял с созерцанием. Помогало ему в этом, а также в совершенствовании в молитве Иисусовой, чтение св. Исаака. К счастью, за несколько десятилетий до того мудрый иерей Никифор Теотокис опубликовал «Подвижнические наставления св. Исаака Сирианянина». Таким образом, они стали доступны для страждущих в пустыне. Нет для отшельника лучшего спутника, наставника и утешителя, чем эта чудная книга, «самый точный устав жизни исихаста».

И у Старца, и у ученика были собственные экземпляры книги св. Исаака: Иван купил эту книгу, еще когда раздавал деньги, о чем мы уже и рассказывали. Итак, оба они могли освежать души свои духовными дуновениями этой святой книги. В периоды усталости, грусти, жестоких нападков и искушений вражьих (люди, живущие в миру, могут и не подозревать о таких нападках) св. Исаак вооружал их непобедимой верой и мужеством.

«Пренебрегая, по мере сил, плотью своей, души вручив Господу, вступим во имя Божие на поле брани. Сохранивший Иосифа в земле Египетской, Даниила во рве со львами, трех отроков в печи горячей, вызволивший Иеремию из грязной ямы, Петра из темницы, когда двери были затворены, спасший Павла из синагоги еврейской и нам да подаст силу И спасет от волн, что вокруг нас. Аминь».

Мало-помалу Иван изучал творения св. Исаака. Но, чтобы приступить к сложному, Старец должен был научить его прежде простому – дать, так сказать, начальное монашеское образование.

Согласно Апостолу, по мере возрастания, человек вкушает сначала молоко, потом овощи, а уже потом твердую пищу.

Тайна послушания

Когда человек прибывает в большой незнакомый город в чужой стране, то первое, что ему необходимо сделать, – это найти гида и переводчика, иначе он будет блуждать, не зная, куда идти. То же самое в монашеской жизни: тот, кто вступает в огромную, необъятную страну монашества, нуждается, прежде всего в духовном руководителе. Монашество – это жизнь, полная тайн, в которую наставник должен вводить ученика постепенно. Первая, самая важная тайна – это тайна послушания. Если монах не воспримет ее правильно, то он тем уже определит собственное духовное крушение.

Старцу Неофиту необходимо было первым делом посвятить Ивана в эту основную тайну. Поэтому он начал вводить ученика своего в святая святых тайны послушания. Представьте, дорогие читатели, что мы слышим голос его в уединенной тишине Катонакии, среди благоухания молитв, слез покаяния и непрерывного отдаленного рокота моря, лежащего в шестистах метрах ниже

«Чадо мое! Послушание – это священная дорога, она ведет монаха к спасению. Послушание – это путь в Рай. Монах, постигший тайну послушания, ощущает вкус Рая, он достигает ангельского состояния. Ангелы Небесные исполнены смирения, в то время как диавол и полчища его лишились славы Небесной из-за гордости. Утратив смирение, потеряли они свое место на Небе. О, смирение! Оно возвышает нас до Рая! Как же обрести его? Лишь в послушании непременно обретается смирение. Лишь в послушании сохраняется блаженство Рая. Из-за непослушания своего наши прародители потеряли Рай, тогда как Христос, пребывший в послушании до смертного часа у Отца Небесного, снова открыл Рай. «Пребывший в послушании до смертного часа!» В этих словах сокрыта вся суть тайны послушания. Послушание равно жизни, непослушание – смерти».

Слова Старца, голос его, эти святые истины были подобны таинственному дуновению, несущему собой дыхание

непрерывной традиции.

Он передавал молодому отшельнику то, что сам получил от своего Старца, старца Хаджи-Георгия, внимая его словам, но – более – подражая житию его. А старец Хаджи-Георгий воспринял эту традицию в свою очередь от своего Старца – иеромонаха Неофита Кавсокаливского. Иеромонах же Неофит – от своего Старца и так далее. И так дойдем мы до Аввы пустыни Египетской в первые века Христианства, когда Дух Святой начинал давать Церкви сокровище монашеского подвижничества. Эта традиция, ее развитие от поколения к поколению, ее обогащение и цельная суть существуют благодаря невидимой работе Святого Духа.

Старец Неофит постоянно вспоминал своего Старца – предшествующее звено в традиции Духа.

«Иван, чадо мое,—продолжал он.—Старец мой отличился в духовной брани, ему не было равных в послушании. До своего грехопадения Адам и Ева повелевали дикими зверями. Мой Старец тоже постиг это умение – по послушанию он мог укрощать диких зверей».

Старец Неофит упомянул о волнующем случае из жизни своего духовного отца. Не успел он еще закончить свой рассказ, как по щекам его потекли слезы, в то время как душе послушника его открылись райские красоты о силе святого послушания. Сегодня, полвека спустя, отцы Святой Горы все еще вспоминают эту историю. Давайте и мы с ней познакомимся.

К югу от Кавсокаливского скита находится дикая, пустынная местность. Там, рядом с морем, пещера ангелоподобного отшельника св. Нифонта (14 век). В тех местах в начале XIX века подвизался в отшельничестве отец Неофит – старец старца Хаджи-Георгия. Если о древе судить по плодам его, то он, видно, достиг вершин добродетели. Его ученик, отец Георгий (позднее его прозвали Хаджи-Георгием, потому что он совершил паломничество – на восточный лад: хадж – в Святую Землю и принял омовение в реке Иордан), стал добрым монахом, которого можно признать образцом послушания.

Чтобы как-то кормиться в том бесплодном месте, они устроили садик, поливая его дождевой водой, которую собирали, как в

цистерну, в маленькую яму. Но в диком и непроходимом лесу повыше их каливы жили дикие кабаны, и один из них время от времени спускался вниз и рылся в саду.

О, тот кабан стал настоящим искушением! О каком урожае можно было думать? Разное приходило в голову отцу Неофиту. В конце концов, он прозрел определенный смысл в этом испытании. «Бог использует этого кабана, – подумал он, – чтобы дать мне возможность испытать моего ученика в послушании. Он сможет показать, чему научился. Он долго молился, желая получить подтверждение своего плана. И Вскоре уже знал, что так и должно быть. Настал решающий час.

«Георгий, – сказал он с властью своему ученику – ночью ты будешь охранять сад Когда увидишь дикого кабана, свяжи его своим поясом и приведи ко мне».

Отец Георгий сразу понял духовный смысл этого послушания и без страха пошел на испытание. Он знал, что молитва Старца отведет от него опасность.

В различных житиях святых мы читали о послушниках, восклицавших «Молитвами Старца моего...» и укрощавших диких зверей. И вот еще раз повторилось чудо послушания. В тот вечер дикий кабан, связанный и смирный, как овечка, был приведен к Старцу. Тот осенил его крестным знамением и велел уходить прочь и больше никогда не приходить.

Остановимся здесь и поразмышляем. Отец Георгий привел животное к Старцу. В тот момент бес усиливался сбросить и ученика, и Старца в пучину гордыни. Но они посрамили его. «Я ничего не сделал, – подумал ученик. – Все произошло так благодаря молитвам моего Старца».

«Я, – подумал в свою очередь Старец, – ничего не сделал. Смирение и послушание моего ученика призвали благодать Божию». О, святое послушание! Ты возносишь монахов на высоту и защищаешь от падения в пропасть. Ты восхищаешь небесную благодать и хранишь ее. Какую глубокую Божественную мудрость ты таишь! Да будут благословенны

ищущие тебя. Да будут вдвойне благословенны отведавшие твоих святых плодов. Истинно, ты – сила непобедимая, «бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих» («Лествица», 4:3).

Послушание и священство

И сегодня можно видеть храм Успения в Катонакии, он очень хорошо сохранился, нетронутый всепобеждающим временем. Он величественной постройки, северная сторона его сливается со скалой. Он не такой бедный, как храмы других калив, но его нельзя назвать и богатым или пышным. Полутьма его способствует покаянному и молитвенному настроению молящихся. Из двух окон в южной стене можно видеть беспокойное Эгейское море.

Иконостас украшен простой деревянной резьбой. На нем пять икон. Хотя и написаны они в новом (западном) стиле, но вызывают почтение и почитание. Вверху – изображение Распятия, Богородицы и Иоанна Богослова, являющиеся редкими произведениями искусства, отличающиеся прекрасной живописью, богатой позолотой и изумительной работой по дереву. Надпись под Распятием: «Год 1862 по Рождеству Христову, сентябрь» указывает на точную дату его создания.

Придел, более светлый и относительно большой, может легко вместить десять человек Позднее, когда отец Игнатий стал известным духовником, люди ожидали обыкновенно там своей очереди на исповедь.

Если мы перенесемся на столетие назад, к тому времени, когда в этом суровом, безводном, окруженном скалами месте строилась церковь, мы сможем представить себе те огромные трудности, с которыми столкнулись строители вместе со старцем Неофитом и его учениками.

До того времени в Катонакии церкви не было, и поэтому Лавра приветствовала старца Неофита в его начинании. Церковь была необходима в этой пустынной местности, чтобы служить духовным потребностям отшельников. Она была посвящена Успению Пресвятой Богородицы. Это пришлось очень по душе Ивану, потому что церковь в Серрае была тоже посвящена Успению. Другой придел ее был посвящен Преображению, празднику, особенно любимому старцем Неофитом.

Храму нужен был священник, и, кроме Ивана, им никто не мог быть. В монашеском постриге он наречен был именем святителя Игнатия Богоносца – святого, ощущавшего в груди своей благодать Духа Святого. Имя это было также наградой за нравственную чистоту жития его.

Монах Игнатий был во всем примерным монахом. Он всегда стремился быть предельно точным на откровении помыслов Старцу, а также безукоризненно исполнять послушания. Рассказывают, что это ему удавалось, хотя Старец был очень строг. Об этом свидетельствуют и обстоятельства, при которых он стал священником.

Отец Игнатий был пострижен после шести лет послушаний. В течение всего этого времени он соблюдал строгий устав своего Старца. Так, в числе других правил, он выполнял и правило никогда не заботиться о своей плоти – он не мылся, не умывался, не причесывался. Он привык к этому, и правило это не казалось трудным; он не представлял себе, что когда-то нарушит его.

Однажды утром его Старец изумил его, сказав: «Отец Игнатий! Сегодня ты должен помыться, расчесать волосы и привести себя в порядок как можно аккуратнее».

Удивленный таким необычным послушанием, он не возразил ни слова. Началась «великая битва». Он вооружился щелоком и старательно стал выполнять послушание. Больше всего намучился с волосами, пока не промыл их, не распутал и не прочесал деревянным гребнем.

На следующий день, безо всяких объяснений, Старец объявил ему, что они идут в Лавру. Часа через два-три они пришли туда, и старец Неофит вошел внутрь, а отцу Игнатию благословил ждать снаружи. Через какое-то время его тоже провели внутрь, где он пал ниц пред старцами. И тут загадка разрешилась.

«Сейчас ты восприимешь благодать священства, ты не должен забывать о нас и поминать нас на проскомидии,» – сказали ему старцы Лавры.

Отец Игнатий был в полной растерянности. Его словно громом поразило, но он молчал. Старец его устроил так, как в

обычае у индийских родителей, когда они устраивают свадьбу детей своих, не знакомя их до свадьбы. Конечно, он переживал сложные чувства, но, так как это была воля его Старца и, следовательно, воля Божия, он был мирен.

Вновь построенная церковь со вновь назначенным священником многое переменила в жизни пустыни. Была обустроена маленькая гавань, куда отшельники прибывали на общие богослужения по воскресным и праздничным дням. Пройдут десятилетия, прежде чем появится еще один такой духовный центр: прекрасная церковь Даниилитов будет построена сорок лет спустя. Церковь Успения была первой, и отец Игнатий благословлял всех детей пустыни.

Писатель Мораитидис из Скиатоса в своей книге «По северным волнам» упомянул о том, как посещали церковь отшельники тех мест. «Так как в каливе старца Даниила не было церкви, они ходили пешком в пустынную каливу великого духовника отца Григория. Они делали это каждое утро. То есть надо сказать, что они ходили слушать Божественную литургию иногда в одну каливу, иногда в другую... Так они бывали временами в каливе духовника отца Игнатия...»

В каливе Успения можно было встретить не только умудренного старца Даниила вместе с Мораитидисом, но также и других

славных подвижников. Можно было встретить старца Герасима, великого учителя умной молитвы, отца Каллиника Исихаста (до того, как он ушел в затвор), дивного русского отшельника из Карули, молчальника отца Христофора и других. Когда эти преподобные Отцы собирались на общую молитву, ангелы сами наполняли сладкозвучными молитвами их фиалы.

Отец Игнатий совершал Литургии не только в храме Успения. За ним посылали, чтобы совершить Литургии и таинства даже из таких далеких мест, как Керасия, особенно когда в какой-нибудь церкви бывал престольный праздник Эти странствия за пределы каливы создавали одну деликатную проблему. После Литургии его обыкновенно приглашали в трапезную, но, так как он придерживался правил старца Хаджи-Георгия, то не вкушал никакой пищи, приготовленной на

растительном масле Для отцов это было большим Затруднением, и они просили старца Неофита разрешить этот вопрос.

«Здесь, в нашей каливе, – сказал Старец ученику, – пока я жив, мы не будем вкушать масла. Но когда ты выходишь отсюда для совершения Литургии и остаешься на трапезу, то можешь с ним есть, я тебя благословляю»

Так благоразумный Старец разрешил эту проблему. Иногда такие уступки неизбежны.

Их отказ от масла не только укреплял их воздержание, но и давал им возможность подавать милостыню. Из масла, которое они выжимали из своих олиив, два отшельника определенное количество сохраняли для лампад их церкви, а остальное распределяли как милостыню. Многим стало известно, что в каливе Успения раздают масло, в малых и больших мерах, нуждающимся.

Однажды, когда им было материально трудно, пришли и просили у них масла несколько бедных мирян. Старец Неофит велел своему ученику пойти в кладовку и принести его. Но тот ответил, что кувшины пусты, и бедняки вынуждены были уйти с пустыми руками.

Минут через пять-десять после их ухода отец Игнатий рядом с каливой повстречал незнакомого монаха. Без лишних слов тот вручил ему пятьсот драхм, попросив о сорокоусте, и удалился.

Старец, которому сразу было об этом сказано, спросил: «А кого он просил поминать?»

«Ой, а я и забыл спросить! Но сейчас догоню его, он не мог далеко уйти».

Отец Игнатий побежал за ним. Звал, искал, но монах тот исчез.

Старец Неофит глубоко задумался:

«Деньги мы получили как раз тогда, когда очень нуждались. Получили их, как только ушли бедняки. Этого монаха ты не знаешь, то есть он, должно быть, издалека. Но разве там, откуда он пришел, нет священника, которому можно заказать сорокоуст? И еще, как он мог исчезнуть за две минуты?»

И он сделал из этих размышлений такой вывод пред учеником:

«Быть может, монах этот—ангел. Как бы то ни было, он посланец Божий. Бог хочет вразумить нас. В самом деле! Разве я не говорил тебе пойти и принести масла?»

«Да, Старче».

«Однако ты не пошел, но объявил, что масло закончилось. Я же тебя не спрашивал, закончилось оно или нет. Как твой Старец, я благословил тебя, а ты не исполнил благословения. Если бы ты был послушным, ты бы пошел, и в кувшинах чудесным образом оказалось бы масло. Также, как чудесным образом у нас оказались пятьсот драхм. Тогда бы мы смогли помочь тем бедным людям, как Бог помог нам. Из-за твоего непослушания они ушли от нас с пустыми руками, мы потеряли возможность дать милостыню. Мы оба должны сейчас понести за это наказание, чтобы заслужить прощение».

После этого случая ученик стал глубже вникать в тайну послушания, стремясь внимательнее слушать слова Старца. Многие он стремился рассмотреть не через очки человеческой лотки, а через таинственный телескоп веры.

Духовные отцы и чада

Великий Старец

Сейчас мы оставим на время старца Неофита и новопостриженного новорукоположенного отца Игнатия, чтобы заглянуть в прошлое и кратко описать житие их дивного духовного праотца. Мы увидим прославленного аскета старца Хаджи-Георгия – великого Старца старца Неофита, ибо надо знать деда, чтобы понять внука. Ствол, корни и почва многое скажут о плодovitости дерева.

К сожалению, нам не многое известно об этом великом афонском отшельнике, и потому описание наше будет бедным и недостойным его.

Речь и произношение старца Хаджи-Георгия выдавали его восточное происхождение. Он, вероятно, прибыл из Кесарии Каппадокийской или из более восточных земель, на которых располагалась некогда Российская Империя. Он хорошо знал русский язык

Родился он между 1805 и 1810 годами. Примерно в 1828 году он – молодой монах, ученик отца Неофита, подвизавшегося в отшельничестве в пустыни Кавсокаливии.

Позднее он подвизался выше в горах, в Керасии, во главе большой общины в каливе свв. Мины и Димитрия. Керасия стоит на пересечении дорог, и через нее проходит много людей. За великие аскетические добродетели Бог дал ему такое место, где он мог многим светить. В пустынной местности Кавсокаливии он

ограждал, чтобы обрести свет, а в более населенной Керасии давал этот свет душам обращавшихся к нему людей.

Как правило, в каливах Керасии было по три-четыре монаха в каждой. Но в каливе старца Хаджи-Георгия число их постоянно возрастало, пока община не стала насчитывать от сорока до пятидесяти монахов, среди которых было несколько юношей по имени Вениамин. Эти мальчики в возрасте пятнадцати-восемнадцати лет, которым не разрешалось еще жить в монастырях или скитах, нашли убежище в его общине. Старец Хаджи-Георгий, исполненный любви и отеческой

нежности, принял их и благополучно управлял их души к вершинам добродетели.

Если сказать только, что устав общины был строгим, то это значит не сказать ничего. В строгости они превосходили прочих отшельников. Воздержанием в пище, сне, одежде подвизались они подобно аскетам древности. Пост их был исключительно суровым. Быть «Хаджи-Георгием» означало быть строгим постником. Они отказывались не только от яиц и рыбы, но даже и от растительного масла, будь это и во дни Сырной седмицы, Рождества или Пасхи. Вместо пасхальных яиц они отваривали картофель, красили в красный цвет и этими картофелинами христосовались.

Этот жесткий устав распространялся на всех неукоснительно – и на молодых, и на старых. Но вот, что удивительно: чем труднее он был, тем больше прибывало туда жаждущих стать монахами. Видимо, душам этим требовался истинно монашеский дух, а не монашество, разбавленное всякими послаблениями.

Великий Старец был Богом данным центром, притягивающим к себе страждущие души. Его слава распространялась все шире, и приходившие к нему внимали ему с благоговением. Это было не только благодаря его добродетелям, но благодаря и сильному, и энергичному характеру. У него был острый ум, от него невозможно было что-либо скрыть. В словах он был непревзойден, особенно, когда защищал аскетические установления, и это несмотря на то, что образования почти не имел. Кроме того, он был проницательным душеведцем. Взглянув лишь раз на человека и обменявшись с ним одним-двумя словами, он мог очень точно его оценить. Никакие ухищрения и притворство обмануть его не могли.

Старец Хаджи-Георгий был искусен в медицине. Он умел излечивать многие болезни различными народными средствами – мазями, травами, массажем, горячими ваннами и т.д. Особенно хорошо лечил простуды и обморожения, от которых обыкновенно страдали монахи в той местности. Он разжигал в комнате печь, добивался нужной температуры и помещал

внутри больного монаха. Когда же доставал его оттуда, никаких следов простуды не бывало, все выходило вместе с потом. Быстрое и уникальное лечение! Правда, однажды он не точно рассчитал температуру в печи, накалив ее более нужного. И монах, побывавший в ней и излечившийся, получил небольшие ожоги.

Многие исцеленные им были ему благодарны, многие нуждавшиеся в бедности восхваляли его щедрость. Щедростью и великодушием отличался и он сам, и его последователи. Быть «Хаджи-Георгитом» означало быть не только постником, но также и милосердным. Его честность и прямота вызывали уважение. Он никогда не льстил известным людям, его не пугали несправедливые угрозы. Боялся он только Бога, Его Закона и Судного Дня. Когда правда и справедливость требовали этого, он, не колеблясь, говорил суровые обличительные слова. Когда нужно было говорить, он не молчал, и не пугали его «устремления нечестивых» (Притч.3:25). Для него Бог и собственная совесть были превыше всего.

Неизмеримо было его тщание в духовных трудах. Еще будучи послушником, он одолел вершины добродетели, и Старец его радовался втайне. Свет Божий воцарился вскоре в его сердце.

Он рано получил дар пророчества. Записанные его пророчества о будущем Оттоманской империи сбылись в точности. Молитва его обладала большой силой, и он достиг высокого, удостоившись дара чудотворения. Еще при жизни его благочестивые русские просили прислать его портрет, и он творил чудеса в России. К бедному отшельнику в Керасии поступало много средств из России, что позволяло ему благотворить ближним и строить новые кельи, в которых была большая нужда, так как численность братии постоянно возрастала.

Подобно другим верным слугам Божиим, старец Хаджи-Георгий тоже прошел чрез горнило искушений. В последние годы земной жизни ему довелось испытать из горькой чаши клеветы, преследований и изгнания.

Жизнь его, таким образом, уподобилась жизни Распятого Христа. Виновны в этом были некоторые русские монахи, затаившие на него обиду из-за того, что его община привлекала многих их соотечественников. Посредством клеветнических несправедливых обвинений им удалось повлиять даже на Святой Правящий Кинот, который подписал указ об изгнании. Сокрушаясь, старец Хаджи-Георгий должен был покинуть своих духовных чад; он был вынужден оставить их сиротами и остаток жизни провести в изгнании в Константинополе, вдали от любимой своей Горы.

Но Господь в мудрости Своей и из горького извлекает сладкое. Ученики Старца разошлись по всей Святой Горе, и, где бы они ни селились, повсюду сеяли цветы добродетели и распространяли благоухание святости. А его изгнание для христиан Константинополя было в то тревожное время Небом ниспосланным благословением. Взрывоопасная ситуация, созданная султаном Абдул Хамитом II, взбудоражила христиан и доводила до отчаяния Патриарха. Великий Патриарх Иоаким III переживал трудные испытания. Старец со Святой Горы, благодаря святости своей, пророческому дару и искусству исцелять, многое мог дать взволнованным и несчастным христианам. Сохранились воспоминания о многих чудесах исцеления, совершенных по его молитвам. Даже пояс его чудотворил, Одна христианка сильно страдала в родах, была в смертельной опасности. Ей приложили пояс старца Хаджи-Георгия – пояс, который надевал на тело свое великий постник, и – о, чудо! – она избавилась от страданий в то же мгновение

Терпеливо неся крест разлуки с любимым Афоном и неся благословения множеству христиан Константинополя, он почил о Боге где-то в 1885 или 1890 году, полный святости, совершивший аскетические подвиги. Даже мощи его явили святость: когда их переносили, они оказались очень легкими, лимонно-желтыми и благоухали.

Таким был знаменитый старец Хаджи-Георгий, строго постившийся, ходивший босиком, имевший всего один подрясник – великий Старец Керасии, прославленный афонский

аскет. Но мы с ним еще не расстаемся, мы еще представим Вам один из написанных им текстов, бережно сохраненный для нас.

Слово о посте

В конце XIX века многие выходцы из Хиоса стали добрыми аскетами. Назовем лишь некоторые имена: знаменитый отец Пар-фений, основатель монастыря св. Марка, отец Пахомий, бывший разбойник, и многие другие – мужи и жены, известные и неизвестные. Некоторые из этих выдающихся подвижников были связаны со Старцем из Керасии, как, например, отцы Иерофей и Макарий, о которых мы теперь и расскажем.

Эти два монаха подвизались в исихазме в некоей пустынной каливе. Они были или учениками старца Хаджи-Георгия, или тщательно соблюдали его устав и правила.

В те годы митрополитом Хиоса был владыка Григорий Византийский (1860 – 1877), который, очевидно, не имел представления об аскетизме. Не понимавший духа аскетизма, он вступил в конфликт с двумя монахами. Дело в том, что они придерживались правила никогда не вкушать растительного масла и приправ. Митрополит решил, что никому нельзя поститься таким образом, особенно по субботним, воскресным и праздничным дням. Он оказывал на них давление, добиваясь, чтобы они отступили от своего правила. Но монахи, видя, что Митрополит не разбирается в вопросах аскетизма, не собирались ему уступать и твердо решили пребыть в этом правиле. В столь затруднительном положении обратились они за помощью к старцу Хаджи-Георгию. Он же послал письмо Митрополиту с просьбой проявить понимание и помочь монахам в их аскетических подвигах. Это замечательное письмо было сохранено для нас, и мы приводим его здесь. Мы исправили только некоторые орфографические ошибки.

«Высокопреосвященному Митрополиту Хиоса, владыке Григорию:

Высокопреосвященнейший Владыка, смиренно лобызаю правую руку твою.

Умоляю тебя и уверяю, что монахи, старец Иерофей и старец Макарий, подвизающиеся в исихазме в каливе в твоей епархии, возлюбили и избрали путь праведный, пусть же

претерпят они таковые подвиги, которые решились претерпеть. Но отныне пусть совершают они это с твоего благословения. Да постятся по своему правилу, ибо постящимся по грехам, со смирением или же с подвижническими целями, или любви ради ко Господу, святые Отцы делать этого не запрещают. У нас есть многие свидетельства: многие святые во всю жизнь питались лишь травами, другие – бобами, подобно святителю Иоанну Златоустому.

Святой Иаков, Брат Господень, за всю жизнь свою ни разу не вкусил животной пищи. И многие анахореты подвизались так же, в их числе и я, недостойный. В нашей келии тридцать человек братии. Я провел здесь сорок лет, ведя такую жизнь. Ни на Пасху, ни на Сырную седмицу мы не нарушаем пост свой. Множество отшельников живут подобно, многие живут по двое-трое и тоже во всю жизнь постятся.

Постящимся строго по правилам всегда препятствия чинят, говорится же, что для подвизающихся нет закона, ибо подвизающийся всегда воздержан. Пусть же эти монахи молятся и благословляют твою Святость, чтобы совесть не мучила их за то, что проявляют непослушание. Монах всегда должен подавать людям добрый пример – тогда пред людьми будет сиять свет.

Большая есть нужда в том, чтобы ты был добрым пастырем, каковым ты и являешься. Тебе следует выступить против тех, кто не соблюдает пост, который сегодня игнорируется многими христианами. Страхом и увещеваниями тебе следует наставлять их не преступать установления святых Отцов и Соборов нашей Церкви, потому что они говорят, что тот, кто не соблюдает пост по средам и пятницам, Великий Пост и другие, должен быть отлучен. Поэтому мы должны учить людей не нарушать закон Божий и не совершать недостойных поступков–таких нарушителей ты должен обличать. Но братию, желающую поститься, не с плохой целью, тебе не следует гнать. Видя их брань, возрадуйся, что в твоей епархии есть такие добродетельные люди, и гордись ими, как славой своей. И если у них возникнет какая нужда, тебе следует помогать им. Я думаю, ты удостоишься великой награды, когда поможешь им.

Владыка снятый, поразмысли, ведь все мы умрем, и ожидает нас Суд, и тогда Бог будет судить каждого по делам его. Прости меня, ничтожного, за дерзость мою, ибо недостоин я и рта раскрыть, чтобы сказать тебе хоть слово единое. Наслышаны мы о доброй славе твоей, да будут с нами всегда святые молитвы твои. Аминь.

Хаджи-Георгий, монах, Святая Гора Афон, 15 апреля 1872 г.

Мы не знаем, какие были последствия этого письма к Митрополиту, но восхищаемся мужеством старца Хаджи-Георгия, сказавшего без колебания: «Владыка святой, поразмысли, ведь все мы умрем, и ожидает нас Суд». Он побуждал Митрополита задуматься о справедливом Судии, Который спросит с него не столько за двух аскетов, постящихся более положенного, сколько за многих христиан, презирающих правила пощения и умеренности.

Отшельник со Святой Горы научает нас тому, что все мы, независимо от нашего положения и чина, когда-то предстанем пред лицом Господа, Который нелицеприятно судить будет каждое наше дело, каждый наш поступок.

Первый ученик отца Игнатия

Многое еще можно сказать о великом старце Хаджи-Георгии, и мы молимся о том, чтобы кто-нибудь полно рассказал нам о прекрасной жизни этого подвижника. А сейчас давайте вернемся к двум подвижникам Катонакии.

Старец с учеником прожили вместе долгие годы, деля радости и скорби своего пути. Вместе прошли тридцать девять лет аскетических подвигов, и на сороковом году старец Неофит окончил свою брань. До последнего дыхания верный монашеским обетам и правилам старца Хаджи-Георгия, спокойный и мирный, он с узкого пути подвижничества в Катонакии вступил в бескрайние просторы Небесного Иерусалима.

Его верный и любящий сын отец Игнатий, с его утонченной и чувствительной натурой, едва перенес скорбь потери. Кал ива стала пуста, и невольно губы шептали жалостные слова псалма: «Уязвен бых яко трава, и исше сердце мое, яко забых снести хлеб мой.(...) Уподобихся неясоти пустынной, бых яко ночный вран на нырищи» (.101:5–7). Но одиночество его длилось недолго. На сороковой день, во время панихиды по старцу Неофиту, пришел Неофит-ученик. Молодость заступила место старости.

Он был двадцати пяти лет, высокий, хрупкий, утонченный и вежливый. Прибыл из Западного Пелопоннеса, из богатой семьи в Пиргусе, и в миру звали его Иваном Каладзопулосом. По его внешности можно было сделать вывод, что человек он интеллигентный. В миру занимался журналистикой, учился в политехническом институте. Но, горя желанием вкусить монашеской жизни, оставил занятия (он учился тогда на втором курсе) и отплыл на Гору Афон.

Иван попал в Катонакию окольным путем. Сначала был послушником в монастыре Дионисиат, а затем, в течение двух лет, на подворье в Кассандре. Его уже постригли и собирались снова отправить в Кассандру, но он не желал этого, так как на подворье молодого монаха подстерегали серьезные опасности

в нравственном плане К несчастью, нужно признать, святые обители не заботятся об этом. Они посылают молодых, неопытных монахов на подворья, подвергая их бесчисленным опасностям.

Приход в Дионисиат отца Саввы (он исповедовал там братию) помог новопостриженному монаху в решении этого вопроса. Они обсудили его, и духовник предложил такое решение: «В пустыни Катонакии есть добродетельный Иеромонах – отец Игнатий. Если ты пойдешь к нему, душа твоя успокоится. Но он довольно суров».

«Пусть он будет суровым, святой Отче. Мне нужен строгий Старец, потому что я легко увлекаюсь и начинаю говорить лишнее, и мне необходим кто-то, кто бы сдерживал меня».

Вопрос, таким образом, был решен, а в каливе Успения снова появился отец Неофит. Познав себя несчастным на подворье, где монахов смешивали с работниками, он чувствовал сейчас огромное облегчение в святой атмосфере пустыни. Умный и проницательный, он сразу же понял, что Старец его был человеком высокой духовности.

Поначалу, как это часто случается с новоначальными, он выказал чрезмерное рвение в аскетизме и даже приблизился к опасности впасть в прелесть из-за неопытности. Мы расскажем об этом позже, в главе под названием «Неугасимая лампада».

Откровенно говоря, характер у отца Неофита не был ровным и спокойным. Были у него такие качества, которые не давали покоя ни ему, ни другим. Очевидно, есть типы людей неугомонных, которые, если только они не работают много над собой, не очень хорошо приспособлены к монашеской жизни. Отец Неофит принадлежал к такому типу людей, которые обязательно становятся знаменитыми, занявшись политикой, дипломатией или журналистикой. Его ум и знания могли открыть любую запертую дверь. Его сообразительность и живой язык могли, как говорится, представить белое черным, а черное белым.

Однажды он отправился в Русский Монастырь, который раздавал тогда отшельникам обильную милостыню, чтобы попросить что-то. Привратник сказал, что в тот день отец

Игумен не благословил никому открывать. Тогда отец Неофит, который был столь способным, что выучил легко русский язык, пустил в ход свое красноречие. В результате, ему охотно открыли и с почтением препроводили к Игумену.

Если он замечал, что кто-то унывает, то мог быстро развеселить его. Он был приятным в общении и легко создавал непринужденную атмосферу. Однажды, когда увидел своего Старца расстроенным, начал с ним говорить о разном, пока тот не забыл о печали своей.

Он был неподражаем, когда миряне, желая показаться умными, задавали иронические вопросы. Некоторые люди из Сикий в Хал кесе спросили его: «Отец Неофит, наш город так близок к Святой Горе, а твой так далеко. Почему же люди из нашего города не становятся монахами, а из вашего становятся?»

«Возлюбленные! – отвечал он. – Земной Царь для воинства своего отбирает лучших. Также и Христос, Царь Небесный, выбирает только лучших христиан в Свои верные слуги. А кого Он может выбрать из вас?»

Однако в смутные и непростые времена живость его ума могла причинить много вреда. Но у него всегда доставало ума признавать и исправлять ошибки. Он всегда раскаивался и просил прощения за свою болтливость, всеразличные порывы и чрезмерный интерес к политическим новостям.

У отца Неофита были недостатки, но были и достоинства. Он ревниво выполнял монашеские послушания, относился к своему Старцу с большой любовью и преданностью. Всегда заботился о нем и всегда называл его «Святой духовный Отец». Вера его в Господа была крепка. Позднее мы увидим, как он посрамил диа- вола. Благочестие его проявлялось и в том, как читал он священные тексты. Благодаря образованию своему и красноречию он стал чтецом. Когда по праздничным дням в церкви Успения, а позднее и в церкви Даниилитов собирались отцы, отец Неофит Игнатиев (как его прозывали) обыкновенно читал проповедь. В Великую Субботу он произносил несравненную проповедь св. Епифания «На погребение Божественной Плоти Господней».

«Какой сегодня день? – начинал отец Неофит. – Земля тиха, тиха и спокойна. Она тиха, потому что спит Царь..»

К концу проповеди душевное напряжение достигало своей высшей точки. Господь, держа Адама за руку, выводит его из тьмы ада: «Восстань, творение Мое, восстань, Мое создание, восстань сотворенный по образу Моему и подобию. Восстания выведу тебя отсюда, от смерти к жизни, от нечистот к чистоте, из темницы к свету вечному, от страданий к радости, от рабства к свободе, из узилища в Иерусалим Небесный».

Чтец выразительным голосом своим мог передать собравшимся отцам бесконечное сострадание Господа именно так, как воспринимал в своем молитвенном состоянии святой Епифаний. Каждый, кто побывал в монастыре в Великую Субботу, знает, каким волнующим бывает этот день. В святые его мгновения души монахов заполняют волны благодати. Глаза наполняются отрадными слезами покаяния, и звучат слова в устах духовного Псалмопевца: «Речная устремления веселят град Божий» (.45:5).

Второй ученик

Жизнь отца Игнатия и отца Неофита шла своим порядком. Старец часто должен был говорить со своим учеником о важности тишины и сосредоточенности в духовной жизни. Но, наряду с духовными темами, им приходилось обсуждать и практические дела, и заниматься вновь возникавшими потребностями их общины.

Из-за того, что Старец был священником, ему приходилось иногда покидать каливу. Когда он начал принимать исповеди, трудов у него еще более прибавилось. Это служение требовало много времени. Он имел дар управлять души, и многие стали приходить к нему на исповедь, в том числе и русские монахи, так как он знал русский язык. И так, как мы видим, на плечах его лежал тяжелый груз забот.

В Каливе тоже было много дел. Нужно было заботиться об устройстве пришедших на исповедь, так как многие проходили долгий пуп» и уставали в дороге. Отец Неофит усердно трудился, но разве мог он со всем справиться? Они оба постоянно уставали, особенно Старец, им нужен был еще один помощник. И Бог, любящий Отец, скоро позаботился о них.

В то время, когда отец Неофит, первый ученик, прожил в наливе Успения уже двенадцать лет, появился и второй ученик. То был семнадцатилетний юноша из Смирны по имени Аристидес Каридас. Красивой внешности, среднего роста, крепко сбитый и с хорошим характером, он напоминал отца Игнатия в молодости. Он был явно даром любви Божией. При пострижении, чтобы довершить его сходство со Старцем, ему дали имя Игнатий. Таким образом, в общине Богоносного Старца стало два ученика.

Чтобы улучшить материальное положение каливы, отец Игнатий младший подвизался некоторое время в соседнем скиту Праведной Анны. Вернулся, когда овладел искусством иконописи – ремеслом обычным для монахов Святой Горы и хорошо им подходящим.

На свои молодые плечи он принял добрую часть ноши духовной Старца своего: несмотря на юный возраст, уже спустя четыре года своего пребывания в каливе, был рукоположен во священника к большому облегчению Старца. Случилось это потому, что священников тогда не хватало. Молодой священник мог совершать Литургии в разных каливах.

И сколько бы он не совершал Литургий, чувство благоговения перед святыней никогда у него не притуплялось. Но наоборот, чем больше служил, тем более чувствовал благодать. Когда он совершал Литургию, всегда плакал слезами покаяния и умиления. Священнический дар Старца передался ученику, и отец Игнатий славил и благодарил Бога.

Через несколько лет и он начал принимать исповеди. Таким образом, в каливе Успения было два духовника – два отца Игнатия, из которых младший помогал старшему. Приветливый, добрый, с непременной улыбкой на устах, он придерживался всегда строгих правил, был добрым духовным отцом для разных людей.

Принимая исповеди, был исключительно внимательным и богобоязненным, что видно из следующего случая. Однажды новый послушник из скита Праведной Анны пришел к нему на первую исповедь и получил очень строгую епитимью. К вечеру того дня отец Игнатий пришел в скит Праведной Анны и стал искать каливу новичка. Когда тот увидел его, очень испугался. «Что, – спросил он, – Батюшка пришел увеличить мое наказание?» Но произошло иное.

«Чадю, – сказал ему отец Игнатий, – я на два года отлучил тебя от Святого Причастия, но забыл сказать тебе кое-то. Если случится так, что ты заболеешь (пусть, конечно, этого не будет) и жизнь твоя будет в опасности, тогда ты можешь сразу же причаститься. Так велят церковные каноны. Я должен был тебе это объяснить, потому что, если ты покинешь сей мир, не приняв Святого Причастия, на мне будет грех».

В будущем, чтобы избежать такой ситуации, накладывая подобную епитимью, он всегда добавлял: «Однако, если жизнь твоя окажется в опасности, тебе дозволяется принять Причастие».

В жизни отца Игнатия младшего произошел удивительный, небывалый случай, о котором мы должны поведать читателю.

По каким-то нуждам он был в Карее и, опоздав на обратном пути на лодку, должен был возвращаться пешком. Он не просто шел семь часов, но нес еще тяжелый мешок. Было уже темно, когда он, наконец, достиг каливы. Обессиленный, упал на кровать. И из-за усталости просто не мог встать. Спустя шесть часов колокольный звон позвал всех на трехчасовую службу, начинавшуюся в полночь. Отец Неофит пришел его будить, но не смог этого сделать – это было просто невозможно. Тогда он сообщил об этом Старцу, и тот молча стал обдумывать, как поступить.

Вскоре решение нашлось. То, как поступил Старец, может многим показаться странным, но в монашеском мире, где нет четкой границы между материальным и духовным, такие действия не являются чем-то необычным. Он сказал нечто отцу Неофиту, а тот передал его слова брату своему возлюбленному:

«Старец благословил тебе встать немедленно, помазаться маслом от лампы и прийти на службу».

И что же? Он должен проявить послушание, потому он встал, помазался маслом от лампы и – о, чудо! С телом его произошло чудесное изменение. Исчезли все следы усталости. Он чувствовал себя отдохнувшим и бодрым, как никогда прежде – легким, как птица.

«Какое чудо! – сказал он. – Куда девалась вся моя усталость? Отчего мне так легко?»

Он был в затруднении, пытаясь понять произошедшее. Не знал, чему обязан таким чудом – маслу из лампы или послушанию своему? Так, прошла усталость, но осталось небольшое беспокойство. И вместе с этим укрепилась вера в то, что Старец его был действительно угодник Божий.

Гавань спасения

Наука управлять души

Старец Игнатий не получил хорошего образования, никогда не учился в университете. Но, несмотря на это, знание его монашеской жизни просто поражало. Он достиг внутренней чистоты, соделав душу свою восприимчивой к свету Святого Духа, и Дух Святой, источник всяческой мудрости, научал его. Он научил его педагогике, психологии, пастырскому знанию и умению и всем наукам, нужным духовнику. Отец Игнатий, таким образом, поднялся на недостижимую высоту, неся душам исцеление и покой и направляя их. Исповедь у него была гаванью спасения для многих.

Давая духовное направление, он придерживался золотой середины, избегая и слишком большой строгости, и чрезмерной снисходительности. Он знал, как наказать и как поощрить. Но более был склонен проявить милосердие, опасаясь всегда, как бы не повергнуть кого в отчаяние. Он знал, как высказать сочувствие и как снизить к немощам духовных своих чад с отеческой любовью и с желанием исправить их. Его слова, лицо, манеры вызывали уважение и полное доверие.

У него была редкая способность совершать таинство исповеди, что изумляло духовных чад. Незабываемое впечатление производила исповедь на тех, кто приходил к нему впервые. Его окружала особенная атмосфера, в которой Божие присутствие было ощутимым. Старец Фома, престарелый монах из скита Праведной Анны, говоря с нами, особенно вспоминал про это. Среди прочего сказал следующее: «В первый же раз, когда Вы приходили на исповедь к отцу Игнатию, Вы чувствовали, что его

устаами говорит с Вами Святой Дух. Дух Святой вдохновлял все его слова».

Древняя Церковь потеряла некогда перводиакона Стефана, но обрела вскоре еще более ревностного апостола Павла. Израиль потерял Илию, но обрел Елисея. Подобное происходит также с монахами Святой Горы. В 1908 году они оплакали смерть прославленного духовника отца Саввы, а теперь

провидение Божие послало им отца Игнатия. Поток кающихся, текший прежде к Малому скиту Праведной Анны в каливу Воскресения, потек теперь немного далее – в катонакскую каливу Успения.

«Были тогда и другие добрые духовники, – рассказывал нам старец Пантелеймон, монах из Нового скита. – Здесь, в Новом скиту, были у нас отец Кирилл и отец Серафим. Подальше, в скиту Прав. Анны, были отец Нафанаил, отец Кесарий, отец Ефрем, отец Дионисий и другие. В малом скиту Прав. Анны были отец Феодосий и отец Косма. И все они были хорошими и добродетельными духовниками, но мы шли мимо них к отцу Игнатию. После того, как умер отец Савва, никого не было лучше него. Он был чудный, необычный духовник!»

В то время на Святой Горе было много добрых отшельников славянского происхождения. В русском, болгарском, сербском монастырях, в различных скитах и келлиях было много насельников славянского происхождения. Для них отец Игнатий был благословением Небесным, потому что он знал русский и болгарский языки. Русские отшельники в Карули, среди которых были бывшие князья и генералы Царской армии, относились к нему с исключительным уважением. И так как он жил не слишком далеко, многие избирали его своим духовником. Раз в два-три в год маленький русский пароход увозил его в русский монастырь, а также в болгарский Зограф, чтобы он исповедал там братию. Греки, русские, болгары, монахи из различных обителей, скитов и пустыней обновлялись духовно благодатью Божией чрез Богоносного отца Игнатия. Он продолжал труд этот до глубокой старости, даже и после того, как потерял зрение. Многих он утешил и просветил.

Принимая исповедь, сидел он на скамье в церкви, облаченный в чистенькую рясу. Из благоговения перед таинством надевал

также положенную в торжественных случаях мантию и выглядел весьма благолепно. Когда же достиг почтенного возраста, стал принимать исповеди в келье своей, сидя на стуле рядом с иконами Спасителя, Богородицы и Предтечи. Многие из старшей братии помнят, как он принимал исповеди,

помнят седую его бороду, ниспадавшие на грудь волосы и лицо, от которого веяло покоем»

«Подойди, чадо мое, – обычно говорил он. – Подойди, мой маленький Герасим. Сядь и давай немного поговорим. Как у нас идут дела? Побеждает нас бес или мы его?»

«Он, святой Отче. Я часто преступаю должное».

«А переходи в наступление и посрами его! Этому помогает молитва. Давай с сего дня и начнем. Не будем отказываться от наших правил. Разве не в состоянии мы их выполнить? Давай, по крайней мере, немного хоть сделаем. Давай не будем преступать. Повергнем беса ниц».

Так он говорил обычно, с большой любовью и очень просто укрепляя души.

«Святой Отче, я часто грешу желанием противоречить, – признался ему отец . из скита Прав. Анны. – Братия и Старец говорят мне что-нибудь, а я спорю с ними».

«Ах, чадо мое, это большой грех! Когда мы спорим, не движемся вперед. Мы стоим. Нельзя, чтобы желание противоречить вошло в привычку, я буду следить за этим. Ты должен победить спор- ливость».

Его отеческая любовь заставляла его в серьезных делах казаться чересчур педантичным и строгим, но он никогда не бывал суровым и безжалостным. Столкнувшись с человеческой немощью, всегда готов был проявить снисхождение, если грехи не были тяжкими.

«Ну-ну, чадо мое, – приговаривал он, – раз ты не можешь... Мы же не собираемся тебе в горло камень забить и задушить тебя!»

В трудных, сложных случаях он говорил властно, без малых колебаний.

«В этом деле следует поступить так,–благословлял он. – Иначе плохо кончится».

И человек проникался убеждением, что такова истинно воля Божия.

‘Когда кто-либо из братии просил о посвящении во внутреннюю работу умной молитвы, он бросал взгляд на лицо

его и, немного выждав, медленно и твердо говорил обыкновенно: «Нет, чадо мое, еще не время».

Прежде, чем закончить эту главу, мы упомянем о его обычае. После того, как кающийся заканчивал свою исповедь, он велел ему читать коленоприклоненно молитву св. Ефрема:

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Потом он читал разрешительную молитву, и кающийся, приложившись с почитанием к руке духовника, уходил, очистившись душой, с миром на сердце.

«Сын утешения»

Душа отца Игнатия была как духовный букет со множеством ярких, благоуханных цветов добродетели и благодати. Об этом мы позже специально поговорим. А сейчас давайте рассмотрим красоту одного особенного цветка, поскольку это связано с его пастырским даром. Его можно назвать Варнавою Святой Горы, потому что, как и Апостол, он был сыном молитвы, то есть, сыном утешения.

Способность утешить чистым свободным потоком изливалась из сердца его, бывшего подобным морю любви. Все, кто на себе испытал этот его дар, вспоминали о нем со слезами. Архимандрит Гавриил из Дионисиата написал об этом: «Этот чудный и благословенный угодник Божий наделен был исключительной добротой и чистой отеческой любовью по отношению ко всем, особенно к приходившим к нему на исповедь».

Любой, кто приходил на исповедь в каливу Успения, познавал эту щедрую любовь. Сначала там заботились о плоти его. Старец

обязательно благословлял, чтобы ученики его предложили угощение и гостеприимство всем посетителям. Но это бывал только скромный пролог к тому утешению духовному, которое следовало затем. Из нижеследующих рассказов мы увидим, как утешались и освежались души, приходившие к блаженному Старцу.

Молодой отец Христодул, ученик великого исихаста старца Каллиника, был поранен в битве духовной стрелами вражьими. Пришло к нему искушение великое. Когда он открыл об этом своему Старцу, тот отправил его сразу к отцу Игнатию.

«Это дело серьезное, – сказал он. – Нужно исповедаться священнику. Иди к отцу Игнатию и получи епитимью»

С тяжелым сердцем отец Христодул поднялся в кал иву Успения и горестно рассказал все святому Старцу. И тот, с улыбкой на устах, мягко утешил его: «Не переживай слишком сильно из-за этого искушения, мой Христодул. Ты, видимо,

молился несколько более обыкновенного и ранил врага, приведя его в ярость. Вот он и накинулся на тебя. Не расстраивайся. Успокойся, и пройдет искушение. Такой и бывает всегда невидимая брань».

Выйдя из церкви, молодой воин Христов чувствовал, что в душе его вместо волнения воцарился мир. Бурные волны утихли.

Была пятница, 5-я седмица Великого Поста, а также праздник Благовещения, 25 марта 1911 года. В монастыре Дионисиат к концу ночной праздничной службы двадцатидвухлетний послушник Георгий должен был облачиться в ангельскую схиму. Отец Игнатий, к тому времени уже совсем старенький, был там, потому что был духовником и того монастыря и решил отпраздновать в нем Благовещение и празднование Похвалы Пресвятой Богородицы. Также хотел поддержать послушника, которому предстоял постриг, потому что особенно любил его.

Закончилась утренняя Благовещения, и началось чтение первого часа. Ничто не указывало на то, что будет совершен постриг. Не было никаких приготовлений.

«Отец Архимандрит, – спросил отец Игнатий, – разве не будет сегодня пострижения?»

«Нет, святой Отче, оно отложено до завтра, до Акафиста Пресвятой Богородице».

«Почему? Зачем его отложили?»

«Я объясню. Послушник сказал мне, что вчера в полдень, когда был в трапезной русского монастыря, ел оливки. Но во время пострига он будет причащаться; и, согласно нашему типикону, за день до этого ему нельзя есть оливки. Потому я и благословил ему попоститься сегодня, чтобы завтра мы смогли постричь его».

Выслушав это, отец Игнатий пожалел послушника. Постриг отложен из-за того, что новичок забылся и съел две-три оливки! А теперь постится в Благовещение, в такой радостный день!»

«...Его отцовское сердце было столь добрым, – писал! позже архимандрит Гавриил (бывший послушник Георгий), – что он, найдя меня во время Литургии, обнял со слезами на глазах. И,

чтобы утешить, сказал: «Я тоже буду поститься и вместе с тобой буду читать правило, чадо мое». И в этот день Благовещения, единственный день за весь Великий Пост, в который разрешается вкусить рыбы, он не пошел на общую трапезу, а разделил со мною маленькую просфору».

Днем он снова нашел послушника и спросил его, где он будет читать правило. Тот ответил, что ему нравится часовня святого Златоуста, очень спокойное место.

Придя после вечернего богослужения в эту часовню, Георгий нашел там почтенного Старца, ожидавшего его там. Он хотел помочь юноше в его духовных приготовлениях. Не многие монахи имели возможность готовиться к своему постригу так, как готовился Георгий. Отец Игнатий благословил его и предложил трижды прочесть канон пострига в большую схиму из полного молитвослова. После этого послушник выслушал от Старца чудные наставления и размышления о монашеской жизни. В конце они помолились святому Златоусту, приютившему их в своей часовне.

«Георгий, чадо мое, прочитай акафист св. Златоусту. Его заступничество да укрепит тебя в новой жизни твоей».

Георгий не имел понятия о том, что должно было случиться после чтения акафиста. Очевидно, Златоустый Святитель немедленно откликнулся на его молитву. Но мы не фазу расскажем о том, что видел Георгий, но после главы, которая называется «Ангелоподобный». О том, что произошло в тот день, архимандрит Гавриил позднее записал: «Единожды происшедший в моей жизни, случай этот незабываем. Он – неопровержимое доказательство большой святости этого человека».

В другой раз враг злобно ополчился на монаха, лишь незадолго до того покинувшего мир. Яркими красками рисовал он в его воображении прелести мирской жизни. Нападки были такими бурными, что монах должен был пролить кровь, чтобы их отразить. Но как бы ни старался бес отравить его своим ядом, его святой духовник, отец Игнатий, в силе был утешить и укрепить,

«Чадое мое, – говорил он, – мир – это пустое, преходящее. Не пугайся сей брани. И малое подвижничество завоевывает большие венцы. Размышляй о Небе, думай о том, что ожидает тебя там, куда ты отправишься. Невыразимая радость и наслаждение! Только потерпи, будь внимательным к себе, будь готовым. Отдай свое сердце Христу. Люби Его, возлюбившего тебя».

Эти простые слова священной отеческой любви развеяли наваждение. Этот призыв: «Люби Его, возлюбившего тебя,» коснулся прекраснейших струн его сердца. Престарелый монах до сих пор помнит те слова, которые столь укрепили его, и со слезами на глазах свидетельствовал перед нами:

«Как он утешил меня! Как он меня укрепил! Этот человек был благословением Господним. Поскольку он знал три или четыре

языка, он мог утешить всех; греки, русские, болгары... бесчисленное количество монахов из монастырей, скитов, келий – он всех вдохновлял. Он для всех был Богом посланным благословением, он был морем любви и терпения. Молись же о нас, святой Отче».

Почтенный духовник и не мог быть другим, так как был он вместилищем Утешителя, Духа Святого, Который сделал его ангелом любви и «сыном утешения».

Искушение отшельника

Еще с того времени, когда преподобный Антоний Великий открыл путь аскетизма, диавол потерял покой. Он прилагает с тех пор все силы на брань против монахов. Ожесточенно сражается против них, потому что они стремятся восполнить ангельский чин и занять то место в Небесном Царствии, которое он потерял. Он использует самые хитрые уловки: когда обнаруживает, что с левой стороны не поразить монаха, то заходит справа. При нападениях справа отшельнику, помимо прочих, грозит опасность впасть в прельщение.

Когда жизнь отца Игнатия близилась уже к закату, однажды зимой пришел к нему несчастный отшельник, по лицу которого было видно, что он пережил что-то ужасное. Дрожащим голосом рассказал он Старцу о своем кошмарном происшествии. Закончив, вздохнул с облегчением: «Слава Тебе, Господи! Ты спас меня от когтей смерти. Я чуть было не погиб».

Но что же могло случиться с этим монахом? Давайте узнаем.

Горя желанием быть хорошим монахом, он жил отшельником рядом с Катонакией. Не имея, как следовало бы, духовного наставника, он с большим рвением предался аскетическим трудам. Ему казалось, что он быстро достигнет высот святости. И, даже не подозревая того, начал переоценивать свои силы и полагаться на себя. Он сам (как думал) давал себе послушания, сам выполнял их и сам же вознаграждал себя.

Но не знал он, что был не один. Враг, повелитель тьмы, бдительно следил за ним и готовил яму для его падения. Короче говоря, как и можно было предвидеть, он впал в прелесть. О таких случаях говорят слова современного Исихаста: «Где бы злые бесы не усмотрели желанное для них отклонение разума, тотчас же их глава посылает соответствующего духа к такому человеку, и, постоянно пребывая с ним, дух этот использует всяческие уловки и

исключительно вкрадчиво, постоянно нашептывает желание в течение длительного времени» (отец Иосиф Пещерник).

Дух обмана использовал средства обмана и терпеливо рыл яму гибели. Мало-помалу незаметно сердце отшельника стало затемняться. И чем больше в нем становилось тьмы, тем больше было гордости в мыслях, а чем больше становилось гордости, тем сильнее сгущалась тьма.

Шло время, и отшельник, ревностно постившийся, проводивший ночи в молитве, подвизавшийся в аскетизме, говорил себе: «Живя так, я достигну добродетели Антония Великого! Но меня удивляет, что, при всех успехах моих, я до сих пор не удостоился видений..!»

Скоро было и желанное видение. «Светлый» ангел явился ему, чтобы подтвердить все, что он навоображал.

«Твоя жизнь, – сказал он ему, – намного более угодна Христу, чем жизнь любого другого подвижника на Святой Горе».

И ангел исчез, оставив его парить в море блаженства. Получено подтверждение небес! Его аскетические подвиги заставили даже небеса возрадоваться! Он удостоился видеть ангела. И не раз! Однажды вечером, как он и ожидал, небесный ангел явился вновь, и какие же радостные вести он принес!

«Велика добродетель твоя, брат мой, – сказал он. – Тебе уготованы драгоценный венец и великая слава. Завтра вечером будь на вершине Горы Афон, где Христос снизойдет к тебе для поклонения Ему». Радость отшельника была безгранична, неопишима! Что завтра увидят глаза его! Он познает вкус славы Фавора. Он даже не заметил, как наступил рассвет. И, наконец, начал восхождение. Он не чувствовал обжигающего зимнего холода, не мешал ему снег сопровождавшие его ангелы согревали его. Не чувствовал ни холода, ни усталости, было хорошо.

Когда поднялся на вершину, радость ожидания достигла предела своего. Между тем стемнело. Как вдруг – о, неотмирное и великолепное зрелище! – что же увидели глаза его?

Факелы, яркий свет, фимиам, «священники», «иерархи»- пышная встреча! И самое величественное – «престол славы»,

на котором восседал царь, «Христос», окруженный «почтенными иерархами» и другими «святыми». Среди «иерархов» он мог различить даже «святителя Спиридона», любимого покровителя отшельников.

Ужасно, дорогие читатели, если диавол обретает власть над нами. Тогда наше воображение и чувства подчиняются ему, и он может заставить нас вообразить, увидеть и услышать то, что ему хочется. И только Бог может освободить нас от власти его. Но давайте продолжим описание этой бесовской западни.

Через мгновение послышался величественный голос царя:

«Спиридон, приведи сюда моего слугу избранного, чтобы поклонился мне».

«Святитель Спиридон» послушно приблизился медленным и торжественным шагом к впавшему в исступление монаху.

Это был критический момент. Если бы отшельник поклонился ложному Христу, он через то и сам вступил бы в ряды служителей тьмы, как это случалось с другими, или бы упал и разбился, так как, вероятно, под воображаемым троном зияла жуткая пропасть. Но, очевидно, в сердце несчастного отшельника оставалось еще немного места, открытого для милости Господней. И в последний момент милосердие Божие спасло его.

Когда ложный святитель Спиридон приблизился, монах заметил, что на нем не было скуфьи. Конечно, это не столь уж и важно. Но Бог дал ему разглядеть на голове «святого» два диавольских рога!

И тут же из груди его вырвался душераздирающий крик «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

И все исчезло. Грандиозное обольщение бесовское рассеялось, «яко исчезает дым» (He.67:3). И высоко на вершине Афона, посреди тишины и снега, один, ночью, стоял отшельник...

Все это рассказал он отцу Игнатию.

«Ну, – сказал отец Игнатий, – восславь Господа, спасшего тебя от плена бесовского. Отныне впредь не оставайся более один в своей каливе. Иди в Дионисиат, там будешь в безопасности».

Монах был спасен. Враг едва не обольстил его в погибель, как обольстил он несколькими годами ранее одного монаха из Малого скита Праведной Анны, который поверил, что с ним говорит Богородица и что он достиг вершин смирения, целуя ноги других отцов. Этот несчастный стал одержимым бесами. Пытаясь взлететь с крыши каливы (ему представилось, что может летать, подобно ангелу), он сломал себе ноги. Позднее он даже совершил преступление в монастыре Ксиропотам и закончил дни свои в тюрьме. Этот несчастный, прежде чем впасть в беснование, изнурял себя чрезмерными аскетическими трудами. Например, в начале Великого Поста, когда все в общине держат трехдневный пост, он напоказ постился шесть дней.

Какие ужасные ловушки готовит диавол подвижающимся! Даже через аскетизм, всенощные бдения, молитвы – эти средства достижения святости – он в состоянии погубить нас. Поэтому благодарение Богу, что есть такие Богоносные Отцы, которые разрушают козни вражды. Необходимость в святых Старцах и горе обольщенных бесами будут подтверждены рассказами из следующих трех глав.

Неугасимая лампада

В православном мировосприятии духовное и материальное находится в дивной гармонии. Духовные истины имеют соответственное материальное выражение. Это подтверждается учением. Согласно Богодухновенному определению Святого Четвертого Вселенского Собора, в Христе нераздельны два начала – человеческое и Божественное. Он – совершенный Бог и совершенный человек невидимый, нематериальный и неопиcуемый, но вместе и видимый, Которого можно описать. Истина эта отображена во всех аспектах церковной жизни.

Когда мы принимаем крещение, души наши просвещаются невидимой духовной благодатью, а тела в это же самое время омываются в святой воде купели крещения. Когда мы молимся, молитвы наши возносятся к Престолу Небесному, как сладостный аромат, и в то же самое время воскуряется вверх настоящий аромат – благоухание ладана.

Когда мы входим в православную церковь ночью, лица святых бывают освещены лампадами, горящими пред иконами. Материальный свет символизирует свет духовный, исходящий от святых как «результат непрерывного освещения святых Святым Духом» (св. Симеон Солунский).

Сколько покаянных молитв и святых слез видели эти лампадки с их живительным огоньком! В маленькой уединенной церкви Успения мягкий свет неугасимых лампад мерцал пред святыми иконами повсенощно. Это была небесная радость – молиться ночью перед иконой Успения, глядя на печальные лики апостолов и на спокойно усопшую Богородицу.

Все здесь тихо, хорошо и благолепно. Но даже и тут попытался коварный змей отравить все своим ядом. Он попробовал уловить в сети свои монаха, послушанием которого было поддерживать огонь лампад. План его был точный, он не мог, казалось, не осуществиться. Опасность ему была только со стороны отца Игнатия.

«Ох, этот отец Игнатий, – ворчал, вероятно, бес сам в себе. – Сколько моих планов он расстроил! Он досаждаёт мне!

Необходимо, чтобы на этот раз он ничего не узнал. Стану нашептывать на ухо его послушнику, убеждая его ничего не говорить Старцу. Чтобы осуществить план, нужно затемнить душу послушника, нужно, чтобы он возгордился. Как это сделать? Да просто – буду его безудержно расхваливать. Раскачаю все дерево его существа – листья, ветки, ствол, корни – ветром похвал. Буду напоминать ему, какую жертву он принес, отказавшись от мира, о его родителях, о его учебе, о том, какой он хороший отшельник, о его уме, обо всех добродетелях, существующих и несуществующих, о талантах его и успехах. Быть может, найду возможность сплести для него венец похвал. Все получится!»

И начал враг затемнять и омрачать разум монаха духом гордости. Позже, подготовив почву, приступил к выполнению своего плана.

Была поздняя ночь. Отец Неофит спал и – кто знает? – быть может, видел даже ангельские сны. Но что это? Послышался тихий стук в дверь его кельи (она была на верхнем этаже), и приятный голос сказал: «Восстань, чадо мое. Спустись в церковь. Моя неугасимая лампада потухла».

Он немедленно вскочил и, встревоженный, побежал вниз в церковь, где неугасимая лампада Богородицы действительно погасла. Он зажег ее, горячо помолился и вернулся в келью.

«Я достиг, – подумал он.–Я высоко взошел. Царица Небесная посетила меня, я слышал Ее нежный ангельский голос. Я зажег потухшую лампаду. Какое счастье!»

Несколько раз слышал он мягкий, тихий голос, советовавший рассказать все Старцу. Но он не принял этого совета.

«Зачем говорить об этом Старцу? Разве это грех, в котором надо исповедоваться? Это священное событие, и святость его сохранится, если все останется в тайне».

Так он думал. С такими мыслями, где было место Христу в сердце его? Но Старец не дремал. Он что-то прозревал.

«Неофит, чадо мое, будь осторожен. Ты должен открывать мне все, что происходит в твоей духовной жизни».

И однажды на исповеди он заставил его в подробностях описать это событие. И убедил его, что вся эта прелестная ткань была соткана бесом.

«Какие чувства были в душе твоей, когда зажег ты потухшую лампаду?» – спросил отец Игнатий послушника.

«Радость и благодарность за то, что удостоился такого благословения».

"Еще что?"

«Правда, кое-что еще. Втайне я испытывал непонятное беспокойство и смущение, о которых не сказал тебе».

«Это ясно говорит о присутствии дьявола».

Старец долго говорил с послушником о ловушках дьявольских и в конце сильно обличил: «О, заблудший! Дьявол обманул тебя. Разве я или ты нужны в помощь Богородице? Разве нуждается она в нашей помощи? Будь осторожен! Если снова услышишь стук в дверь, не вставай, чтобы зажечь лампаду. Я буду следить за этим».

Бедный отец Неофит! Ему будто крылья подрезали. Никак не ожидал он такого бесславного конца истории, которая столь вдохновляла. Конечно, позже он будет благодарен Старцу, спасшему его от врага. Но сейчас он был очень расстроен. Он даже переживал, услышит ли снова стук в дверь. Но как только козни бесовские были освещены ярким светом, они сразу же рассеялись, словно дым. Из яиц, на которых не сидит наседка, не выведутся цыплята, их обдувает прохладный ветер.

В схожей ситуации, о которой поведал авва Кассиан, Старец аввы Серапиона сказал ему: «Признание твое освободило тебя от плена твоего; открывши свои грехи, ты поразил беса, уязвлявшего тебя при твоём молчании. Доселе ты попускал ему обладать тобою, не противореча ему, и не обличая его, а теперь будучи изведен из сердца твоего и обнаружен, он уже не будет иметь в тебе места».

Для осуществления коварных вражьих планов требуется тьма. Горе тем монахам и прочим христианам, которые сокрывают состояние свое от отцов духовных. Князь тьмы погубит их и будет радоваться их гибели.

Странная болезнь

Печально, но многие греки, оказавшись за пределами своей страны, по нерадению своему оказываются жертвами антихристианских идей и ересей, теряя бесценное сокровище Православия. Так случилось и с человеком по имени Ангелис Киуса.

Он из Лиона Фивского, со своей родины, отправился в далекую Америку, надеясь преуспеть там. Человек умный и предприимчивый, сумел достичь не только профессионального успеха, но и очень разбогател.

Когда исполнилось сорок лет, захотелось ему чего-нибудь новенького. Ослепленный своим богатством, полный высокомерия, запутался он в сетях секты сатанистов. Душа его была так отравлена, что он даже на специальной церемонии отрекся от христианства и осквернил иконы Господа и Его Матери. Такие злодеяния совершали и другие люди, и с ними ничего не было.

Бог долго терпит, но скоро приходит. Так произошло в случае с Ангелисом: кара пала на голову его, когда он выходил из комнаты, где совершилось отвратительное действие. Внезапно его поразило сумасшествие.

«Богач Ангелис заболел, – пополз слух среди греков-эмигрантов. – Он не понимает, что говорит и что делает, у него с головой не в порядке».

У братьев его появилась обязанность не из приятных – ходить по докторам, от психиатра к психиатру. Хорошо еще, что они могли позволить себе много на это тратить. Его осматривали самые известные врачи, давали лучшие лекарства, лечили в самых современных клиниках, но результата не было. Некоторые доктора стали говорить уже: «Это странная болезнь! Здесь что-то не так. Небывалый случай! Что же делать?»

Родители его начали думать, что болезнь его – это нечто не связанное с медициной. Они напомнили ему о вере, им отверженной, и привезли обратно на родину, чтобы здесь

прибегнуть к помощи Церкви и ее иереев. Место таблеток заняла молитва на изгнание бесов святителя Василия Великого. Этот новый курс лечения привел, наконец, больного на Святую Гору.

«Не повезти ли его на Святую Гору, чтобы какой-либо святой монах мог помолиться за него?» – говорили знакомые.

Это предложение было незамедлительно принято, и Ангелис с братьями приехал в Новый скит, где у них были знакомые.

Некоторое время тому назад в Новом скиту мы встретили одного монаха, который принимал их тогда в своей каливе, – отца Евстратия, агиографа. Когда мы стали расспрашивать его, он нам подробно все рассказал. Он описал нам, как проявлялось сумасшествие одержимого. Тот, бывало, носил с собой четыре-пять мячиков, размером с апельсины, и забавлялся, бросая их один за одним в воздух, сильно и быстро. Затем ловил их и снова подбрасывал. Ни один мячик не падал. Самые искусные жонглеры позавидовали бы.

Одержимых терзают разные бесы. Некоторые из них полдневные, другие ночные, еще некие действуют раз в месяц. Одни глухие и немые, другие болтают без умолку и тд Демона Ангелис а можно охарактеризовать как «вредящего разуму, повреждающего его» и как «болтливого». Под влиянием его несчастный непрестанно болтал, говорил сам с собой, перескакивал с предмета на предмет. Язык его не знал отдыха.

Отцы Нового скита упорно трудились над изгнанием беса, но безуспешно. Бес был силен – «ярем железен на выю» (Втор.28:48). И решили они обратиться к какому-либо старцу, который был бы о Господе «силен в брани» (Пс.23:8). Таким старцем был отец Игнатий, многих исцеливший от одержания бесовского.

Итак, Ангелиса привели в Катонакию, где встретил его отец Игнатий, и они стали готовиться к сражению. Отец Игнатий видел, что потребуется много усилий для изгнания злого духа. Его ученик, носивший то же имя, должен был помогать ему во время Литургий и отчитки. Они должны были поститься сорок дней, ежедневно совершать Божественную литургию, молиться

об изгнании бесов и просить Господа о помиловании. Ангелис, как велел ему отец Игнатий, должен был исповедоваться ежедневно, рассказывая самые тайные мысли свои – все, что скажет ему диавол.

Та труднейшая брань продолжалась тридцать девять дней, и на сороковой день страдалец вздохнул с облегчением. Цепи, которыми он был так долго скован, наконец спали. Невозможно описать радость его. Счастливый, он вернулся к себе на родину, а потом в Америку, где уже в здравом уме продолжил жизнь свою. И никогда не забывал Святую Гору и почтенного старца Игнатия, освободившего его от власти бесовской.

Монах, впавший в одержимость чрез гордость свою

Старец Силуан Афонский (1866 – 1938), познавший милостью Духа Святого небесную сладость смирения, писал: «О, богоугодное смирение! Сладки плоды твои, ибо они не от мира сего... О, смиренная душа! Ты, как цветущий сад, в глубине которого есть дивные уголки, которые любит посещать Господь».

В нижеследующем рассказе мы не будем прямо говорить о смирении, так как речь будет не о смиренном монахе. Наоборот, расскажем о монахе Иларионе, которым овладел дух гордости.

Но величие смирения, таким образом, будет показано с обратной стороны.

Случай этот произошел в Катонакии в 1914 году в каливе Рождества Христова, где подвизался Макарий, немного пониже каливы старца Игнатия. В те дни в общине старца Макария было много работы: отцы надстраивали над каливой своей второй этаж. Работа продвинулась уже далеко, сооружалась крыша.

«Чада мои, – сказал Старец, – слава Богу, все идет хорошо. Сейчас нам нужно поднять наверх доски. Будьте осторожны, доски тяжелые. Давайте наберемся терпения, будем заносить наверх по одной доске. Не торопитесь».

Все стали носить доски. Отец Иларион, самый младший в общине, не мог спокойно носить по одной доске. Молодой, сильный, он брал сразу по три.

«Отец Иларион, – сказали ему братия, – доски тяжелые. Не бери так много – надорвешься».

Он не послушал их совета. «Пусть за собой следят, – сказал сам себе. – Я знаю, сколько могу унести».

Увидел это и Старец и увещевал его, но монах не обратил и на это внимания. Своим поведением, недопустимым для послушника, он расстроил Старца. Это был пример дьявольской гордости и непослушания.

Согласно монашеским правилам, суровое наказание ожидало послушника, обидевшего своего Старца. Время

наказания для Илариона приблизилось. Гордый монах, желавший поступать своевольно, поднялся в очередной раз на крышу каливы с тремя досками на плече. Кактолько положил их, ему сразу был нанесен удар – он подпал под власть бесовскую, стал одержим бесом. И каким страшным, ужасным бесом! Ярость его всполошила всю округу. Отвратительные слова вылетали изо рта его, его действия ужасали всех.

«Что случилось? В чем дело?» – спрашивали встревоженные отцы из соседних калив,

«Послушник старца Макария, Иларион, впал в одержимость! Иларион одержимый! Внутри него злой бес Бог его наказал».

Отцу Игнатию немедленно сообщили о случившемся. Опытный в таких делах, он знал, что предстоит тяжелая брань,

чтобы изгнать этого беса. Он сразу же сказал, чтобы несколько отцов иеромонахов собрались в каливе Рождества, чтобы объединить молитвы и совершить таинство святого помазания страдальца.

Таинство совершали семь иеромонахов. Было что-то необычное. В воздухе чувствовалось особое волнение. При виде происходившего могли разорваться сердца. Посередине церкви лежал одержимый бесом Иларион, привязанный к доске веревками. Этому несчастному монаху мало было нести одну доску, нужны были три. Сейчас же его самого принесли на одной доске, привязанного. Несколько сильных монахов стояли рядом, потому что одержимый был страшно силен и мог разорвать веревки.

Стали молиться, прося исцеления, и святость молитвенная то и дело нарушалась воплями и оскорблениями злого духа.

Молитвы и слезы отцов и сила святого таинства сотворили чудо: ужасный захватчик отступился от Илариона. Страшное испытание окончилось, но гордый монах получил хороший урок, полезный также и многим другим. Все научились чему-то.

И отец Неофит, ученик отца Игнатия, извлек пользу себе из этого опыта. Он сторожил одержимого монаха до помазания. Понимая, что Господь почему-то попустил такое, он спросил:

«Злой бес, ты зачем вошел в Илариона?»

«Отстань! Ты что себе возомнил? Ты что думаешь, я скажу тебе?»

«Именем Пресвятой Троицы приказываю тебе сказать причину».

«Ха! Ты мне осмеливаешься еще приказывать? Кто ты такой? Ты даже не священник! Я вошел в него, потому что... потому что он гордый».

«Еще приказываю – именем Пресвятой Троицы – скажи мне, что есть гордый человек?»

Под действием этого повеления, неохотно сделал демон такое замечательное признание:

«Что такое гордый человек? Вот что.— тот, кто за целые сутки ни разу не подумает, что он грешник, и есть гордый». (Последние слова он резко выкрикнул.)

Эти слова долго звучали в ушах отца Неофита. «Боже мой, – повторял он время от времени, – сохрани меня от гордости». Он навсегда запомнил урок, полученный от демона.

«Бог гордым противится». Богодухновенные слова эти трижды повторяются в Священном Писании (Притч.3:34; Иаков.4:6; 1Петр.5:5).

И в «Лестнице» сказано об этом: «Гордость есть отвержение Бога» (Слово.23:1). Слышали мы это много раз и еще раз подтверждают это страдания гордого Илариона, желавшего отличиться, неся две лишних доски, но получившего унижительное отличие.

Свет благодати

Благоухающий крин

Достигающие духовных высот приобретают сразу все добродетели. Тем не менее, мы видим иногда, что отдельные добродетели сияют более ярко. В отце Игнатии все отмечали особенную аккуратность. Все труды свои, особенно монашеские труды, он выполнял безотлагательно и в строгом порядке. Так было до глубокой старости. Слова Писания «Вонми себе и снабди душу твою зело» (Втор.4:9) он изобразил четкими буквами на хоругви битвы своей духовной. Всегда он был рассудителен, немногословен, справедлив, внимателен. Лицо его отражало его внутренний мир, и видно было, что он не позволяет блуждать мыслям своим. Всегда он был бдителен и внимателен, точно соблюдая наставления старческие. «Монах должен, подобно херувимам и серафимам, быть внимательным» (авва Виссарион).

Воздержание было важным в его жизни. Его духовный дедушка, старец Хаджи-Георгий, любил говаривать: «Всяк же подвизаясь, от всех воздержится» (1Кор.9:25). Десятилетия он соблюдал строгие правила старца Хаджи-Георгия. Только в конце жизни, коща силы его ослабели, повинувшись духовнику своему, должен был он есть более разнообразную пищу. Но и тогда дух воздержания преобладал в нем: он не позволял себе наслаждаться едой.

Однажды, когда ему было уже девяносто восемь лет, в праздничный день отец Неофит, превосходный повар, приготовил вкусный суп. За столом сидел также молодой отец Евстратий, который последним присоединился к их общине. В какой-то момент, изумленный действиями Старца, он спросил «Старче, зачем Вы себе в еду добавляете укус?» – «Чтобы было не так вкусно, Евстратий. Монаху не пристало есть вкусную пищу».

Также в высшей степени присуща ему была простота. Отцы Святой Горы много рассказывали нам об этом. Он был прост, как трижды благословенный преподобный Павел Препросгой, «образец блаженной простоты», как Адам до грехопадения, как

дети невинные. На небосводе души его никогда не появлялось облака хитрости, подозрительности, скрытности, лести или лицемерия. Если ему говорили что-либо, он и воспринимал это так, как было сказано, ничего не додумывая и не умаляя, чуждый подозрения и осуждения. В нем самом не было зла, он и в других его не подозревал.

Душа его красива была о простоте, так как красота в ее высшем проявлении всегда рядом с простотой. Бог, Чья красота неопишима, главным образом, «прост и мудр». Все отцы немало возлюбили его. Простота его «сделалась чуждою всякого различия и неспособною к лукавству» («Лествица», слово.24:14).

Но красота души его была обязана также и такой добродетели, как «чистейшее целомудрие», о чем необходимо теперь сказать подробнее.

Библия говорит о человеке, посвятившем себя Богу, отличавшемся девственной чистотой, как «крин в тернии» (Песн.2:2). Это потому, что лилия отличается «своей чистотой, благоуханием, красотой и жизнерадостностью», как объясняет са Мефодий из Олимпа. Чистота – это весенний цветок, в котором цветет неподкупность («Пир десяти девственниц»,.7:1»).

Отец Игнатий отличался нравственной чистотой своей жизни, «чистотой, благоуханием, красотой и жизнерадостностью» своего целомудрия. С юных лет он хранил свет негасимым, цветок белоснежным, одеяние целомудрия незапятнанным. Белый, чистый, как снег на нехоженных горных вершинах, он достоин был носить небом сотканые облачения священнические, а священство его осватило целомудрие. В день его рукоположения благодать Духа Святого щедро излилась на него и украсила тело его вечной и неотчуждаемой нравственной чистотой.

Скажем подробнее. Между днем его рукоположения и его кончиной прошло семьдесят лет. За все это время никакие плотские искушения не потревожили его. Ни одна нестройная нота не нарушила песнопения его целомудрия. Даже во сне плоть его не испытывала никаких неудобств. Присутствие

Святого Духа совершило пожизненное смирение плоти и охранило дар чистого целомудрия. Это завидное и достойное восхищения состояние обязано Божией благодати. Великий святой православного Севера преподобный Серафим Саровский назвал это святостью плоти.

Святость плоти сопровождается приятным запахом. Не раз замечалось, что от святого духовника исходит благоухание. Старец Арсений, подвизавшийся вместе с блаженным старцем Иосифом Пещерником, рассказал нам следующее: «Когда мы были молодыми монахами, мы с отцом Иосифом ходили к отцу Игнатию на духовные беседы. Он всегда давал нам мудрые отеческие советы. Я помню, что он, среди прочего, говорил: «Кто трудится в юности, будет иметь пищу в старости. Сейчас, пока вы молоды, вы должны молиться, поститься, подвизаться в аскетизме, класть поклоны, так чтобы в старости иметь, чем питаться. Советы его были для нас очень ценны. И вот, что чудна вместе со словами из уст его исходил прекрасный аромат. Когда он говорил, мы чувствовали благоухание!»

Это важное свидетельство согласно со свидетельствами других почтенных монахов, живших в одно время со святым отцом Игнатием. Старец Хрисанф из скита Праведной Анны поведал нам:

«Он был моим духовником, и я регулярно бывал у него. Не только от уст его, но даже и от одежды, от пота распространялось благоухание».

По смерти, как мы увидим, и кости его стали благоухать. Это плоды целомудрия.

Святой Дух самые щедрые дары Свои дает чистым, ибо более угодны они Ему. «Как фимиам услаждает обоняние, так и Дух Святой ублажается чистотой» (св. Ефрем Сирин).

Здесь необходимо отметить следующее: чем выше святость плоти, тем сильнее дар благоухания. К этому высшему уровню целомудрия относятся также мощи мироточивых святых. Мироточение предполагает ослепительное целомудрие. Поэтому св. Григорий Палама в своем хвалебном слове называет са Димитрия Мироточивого «целомудренным и пречистым».

О, блаженный отец Игнатий с благоуханным целомудрием своим, о, цветущая лилия Афона, вместе с мироточивыми святыми помолись, чтобы и в нашем веке, таком трудном, беспокойном и нечистом, распускались благоуханные цветы скромности, воздержания и чистоты! Молитвами его да войдут и в наш зловонный век ароматы мира Духа, «облечени в виссон бел и чист» (Ап.19:14).

Прозорливость

Разум отца Игнатия отличался ясностью. Его желания, мысли и замечания были кристально чистыми и светлыми. Во время проповеди, исповеди, бесед и т.д. слово его изумляло. Казалось, что говорит пророк. Сейчас мы расскажем о некоторых случаях его прозорливости.

Некий старец из одной каливы рядом с монастырем Ксенофонт вместе со своим учеником был в Катонакии на исповеди у отца Игнатия. Когда отец Игнатий читал разрешительную молитву, то назвал имя ученика, не спрашивая его. Ранее он знал того Старца, но не знал ученика.

«Старче, ты видел, что произошло? – воскликнул ученик, когда они возвращались. – Мы не сказали ему мое имя, он сам его знал. Он, должно быть, святой человек, должно быть, он общается с Богом. Наверно, Бог ему все открывает»

«У него дар прозорливости, чадо мое. Бог наделяет нас необыкновенными талантами, если мы любим Его и живем по Его заветам».

Два человека, искавших монашества, пришли из Афин в одну общину в Катонакии. Говоря о них, старец Игнатий сказал Старцу общины:

«Не надо бы брать этих двоих, отец Неофит. Они не пригодны к монашеской жизни, ничего не получится».

Старец не внял словам отца Игнатия. Оставил в общине их, а позже постриг. Но вскоре уже раскаивался. То и дело у братии из-за них возникали трудности. Наконец, они расстриглись и вернулись в мир. Сокрушаясь, отец Неофит сказал: «Отец Игнатий знал, что говорил».

Один монах из соседнего скита часто приходил к отцу Игнатию, находя утешение в его наставлениях. Но однажды слова отца Игнатия обеспокоили его. С того времени он чувствовал тревогу, подобно Пресвятой Деве, когда старец Симеон предсказал Ей, что оружие пройдет душу Ее. Что же сказал ему духовник?

«Двадцать восемь лет ты будешь вести мирную жизнь. Но после этого испытаешь столько искушений, что придется тебе вооружиться терпением Иова, И чтобы победить, должно уже сейчас научиться терпению».

Монах стал спрашивать о предстоящих испытаниях, что было вполне естественно. Он не сомневался в истинности предсказания, так как знал, что предсказания Старца всегда сбываются.

И через двадцать восемь лет пророчество начало сбываться. Трудности, страдания и отсутствие средств, вызванные болезнью его послушника – вот, что ему выпало. У послушника был туберкулез, который в то время не излечивался. «Многи скорби праведным» (Пс.33:20). Все это провидел отец Игнатий, потому что Тот, Кто попускает страдания, Кто дает терпение и награды, открыл ему это.

Двадцатичетырехлетний отец Хрисанф много раз хаживал из скита Праведной Анны по узкой тропинке, ведущей к уединенной каливе отца Игнатия. Каждый раз, когда он шел к нему,

чувствовал усталость после яростной схватки с врагом, особенно восстававшим против него тогда. И каждый раз, уходя от него, чувствовал, что душа, утешенная и укрепленная угодником Божиим, становилась, словно успокоившееся море.

Он шел путем своим. «Духовник мой, – думал, – истинный угодник Божий. Думается, что Святой Дух говорит устами его». Был полдень, ровно середина дня – не такое время, когда бывает страх или какие опасения. И вдруг, совсем неожиданно – страшный шум и шипение, ужасное зрелище! Он увидел отвратительного дракона, готового разорвать его на кусочки.

При этом неожиданном нападении взмолился он молитвой сердечной. И в то же мгновение демоническое видение, «полуденный бес», исчезло.

Такая атака приведет в напряжение и волнение душу любого человека, каким бы смелым он ни был.

Дрожа и молясь, пришел он к отцу Игнатию. «Благослови меня, святой Отче и помолись обо мне».

Духовник, словно все уже знал в малейших деталях, с отеческой любовью сказал ему: «А, мой маленький Хрисанф, – так он обычно называл его, очень его любя, – не убойся «от убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф.10:28).

Отец Хрисанф пришел в изумление от этих слов. Слепой Старец (а случилось это в 1922 году, когда он потерял уже зрение) все видел! Он видел острым взглядом пророка. Он все знал, все, что происходило, еще до того, как ему об этом рассказывали, ибо Дух Святой обитал в душе его и открывал ему все, что нужно было знать.

Ангелоподобный

Святитель Григорий Палама, познавший православные тайны духовной жизни, говоря «о свете, небесном озарении и святом блаженстве» среди прочего пишет.

«Даже тело услаждается, года Божественная благодать посещает разум... Даже тело чувствует неким образом непередаваемое таинство, совершающееся в душе... Так сияло лицо Моисея.

Внутренняя озаренность разума просвечивалась наружу, и тело светилось так сильно, что видевшие его своими земными глазами, не могли вынести такой ослепительный свет. Подобным же образом лицо Стефана было «словно лик ангела», ибо внутреннее ангельское состояние духовно соединялось с неотмирным светом, и он стал ангелоподобным» («Апология святого исихазма»).

Отец Игнатий тоже принадлежал к числу тех избранных святых, которые, подобно Моисею, вознеслись к «свету над тьмой» и омываются Божественным сиянием. Нерукотворный свет озарял не только внутренний его мир, но и тело его, делая лицо его сияющим, «словно лик ангела».

Мы обязаны доброте иеромонаха П. (он просил не раскрывать его имя), который сообщил нам о чудесном случае из жизни святого Старца. Мы встретились недавно с этим Иеромонахом. Он достиг уже почтенного возраста – ему восьмой десяток лет – память у него ясная, он очень точно помнит события ранних лет своей монашеской жизни.

«Это был день святого равноапостольного Царя Константина, – начал он, – 21 мая 1916 года. В Малом скиту Праведной Анны отец Феодосий служил панихиду по своему старцу, отцу Стефану. Все иеромонахи той местности собрались в его каливе, чтобы вместе с ним помянуть и помолиться о Блаженном. В то время я, семнадцатилетний мальчик, еще не был пострижен. У меня не было бороды, и я следил за службой из моей кавии, через щели в стене».

«Старче, – прервали мы его, – что такое «кавия»?»

«Кавия – это маленькая келья. Старшие монахи протянули в середине кельи толстую веревку и, опираясь на нее, молились за всенощным бдением. На языке моряков такая толстая веревка называется «канат» (по-гречески «кавос») и келья поэтому называлась «кавия».

Так вот, из своей кавии, примыкавшей к маленькой церкви, я наблюдал за ходом службы, совершавшейся отшельниками-иеро-монахами. Когда отец Игнатий стал кадить, что же я увидел? О Господи Боже, какое чудо видел я) Он предстал моим глазам охваченным светом. Лицо его было преображено, оно сияло о благодати Небесной, словно лик ангела!

«А другие иеромонахи выглядели также?»

«Нет, только отец Игнатий».

«А что Вы чувствовали, Старче, при виде такого замечательного зрелища?»

«Я чувствовал огромную радость, необычайное наслаждение. Никогда прежде не видел я такого светлого и прекрасного лица».

Рассказ отца П. об этом чудесном случае еще более укрепил нашу веру в то, что отец Игнатий и в самом деле был живым храмом святого света.

Мы уже рассказали, как отец Игнатий помог будущему архимандриту Гавриилу накануне его пострига, но не закончили эту историю. Сейчас самое время сделать это.

С чувством покаяния читал послушник акафист святителю Иоанну Златоусту. Закончив молитвенное чтение этому светочу, великому Отцу Церкви, он распростерся ниц пред святой его иконой. После повернулся к Старцу, чтобы получить его благословение. Но увидел дивное... Он был потрясен, напуган необычайным светом, он задрожал пред чудом преображения. Лицо отца Игнатия было освещено светом Фавора, оно сияло, словно лик ангельский. Он припал к его ногам – к ногам земного ангела и дрожащим голосом просил: «Благослови, Отче, благослови меня».

Возложив святую свою правую руку на его голову, Старец осенил его крестным знамением, произнеся:

«Благословенно имя Господне, Владыки сущего!»

Мы рассказали о двух всего случаях, когда от отца Игнатия исходило небесное сияние. Кто знает, сколько раз просияло еще лицо святого Старца светом неземным? Сколько раз в уединении кельи омывали его волны нетварного, нерукотворного света?

Кто мог наблюдать и описать эти святые мгновения? Какой взгляд может проникнуть «тайну неведомой тишины духовной» (священномуч. Дионисий Ареопагит) и увидеть светоносное величие благодати? Жемчужина сокрыта в раковине, а раковина – глубоко в океане. Это относится и к жизни, «яже о Христе Иисусе»

(21км.1:1), по слову апостола Павла, Отца христианской духовности, Отец Игнатий видится нам в образе корабля, плывущего через светящееся море нетварного света, с белыми парусами, раздуваемыми легким дуновением Святого Духа.

В двух случаях, о которых мы рассказали, можно видеть лишь отсвет внутреннего света и величия этого святого человека, чье лицо виделось ангелоподобным!

Совершая Божественные литургии

Тишина способствует духовной жизни. Чем больше тишины и уединения, тем легче душа возносится к Богу. Но из всякого правила бывают исключения, так как «Дух, идеже хочет, дышет (Ин.,3:8). Святой праведный Иоанн Кронштадтский, яркий светоч святости православного Севера, являет собой выдающийся пример такого исключения. Несмотря на бесчисленные свои пастырские обязанности, он так сильно ощущал в себе присутствие Божие, что превосходил в этом многих отшельников, ведущих самый строгий и уединенный образ жизни.

Это же можно видеть и в жизни отца Игнатия. У него было много трудов – постоянные обязанности священника, много времени занимала исповедь приходивших, духовные беседы в каливе и т.п. Несмотря на все это, духовный его рост был столь высок, что этому дивились даже ведущие самый уединенный образ жизни исихасты Святой Горы. Благодать Святого Духа заменяла тишину, она «восполняла недостающее», Его чистосердечие, святая простота, целомудренная чистота и великая любовь его снискали ему обильную благодать.

Но подъема своего к небесным вершинам он не прекращал, совершая «восхождение в сердце своем». Апостольские слова: «В молитве терпите, бодрствуя в ней со благодарением» (Кол.4:2), и: «Непрестанно молитесь» (1Сол.5:17), воспаляли душу его. Его усердие в молитве достойно восхищения. В келье его была обычная кровать. Но вместо того, чтобы лечь на нее, он стоял, удерживаемый веревками, привязанными к крючкам шкафа, борясь со сном. Так, стеной его шкаф послужил орудием восхищения святости, около него душа Старца обрела Господа.

Другим таким местом был низкий стул. Сидя на нем в тихие ночные часы, он понуждал себя максимально сосредоточиться. Ум и сердце объединялись о благодати Божией, и он непрестанно творил молитву Иисусову и достигал через то

невыразимого словами блаженства умной молитвы, вершиной которой были видения нетварного неотмирного света.

Местом и священным, и, при этом, страшным, настоящим Вефлиемом – домом Божиим (Быт.28:10–19), где, как патриарх Иаков, встретился он с непостижимым и неописуемым величием Божиим, была церковь во время совершения Божественной литургии. На протяжении пятидесяти шести лет он совершил множество Литургий, он знал невыразимое духовное состояние, воспаряя «на крилу ветреню» (Пс.103:3) Литургии. Когда за службой читал он Евангелие, то весь приход его приходил в состояние покаянное – и было это более служба Божественная, чем чтение. Он так сильно переживал смысл чтения Евангельского, что всегда разражался слезами. Когда говорилось о Страстях Господних, то закончить он мог лишь при помощи Божией.

Когда такое происходило во время чтения Евангелия, то что уже говорить о пении Херувимской? Мы говорили уже в предыдущей главе, что лицо его просиявало ангельским светом. И что же сказать о часе Искупления? Он плакал над словами Христовыми. Что чувствовал он при Его мучениях на Голгофе, при невыносимых унижении, скорби и страданиях Сыма Человеческого.

Но тот, кто, совершая бескровное Жертвоприношение, переживает страдания Голгофы, почувствует также и невыразимое счастье Воскресения. Тайна Христианства – тайна бесконечного унижения и бесконечной скорби и бесконечного торжества и славы–охватывает Божественную литургию. Переживающий все это, волнуем бывает сильнейшими духовными переживаниями.

Когда отец Игнатий совершал Литургию, вся церковь наполнялась этими чувствами. Наш знакомый Иеромонах, рассказывал:

«Отец Игнатий служил дивно, прекрасно, торжественно и величественно. У него был очень хороший голос, движения его исполнены были достоинства. Когда он совершал Литургию, от него исходила сила духовная. Он был несравним. Подобных ему не было».

Если внимательно вслушаться в слова: «Когда он совершал Литургию, от него исходила сила духовная,» то многое нам откроется о его достоинствах как священника.

Во время праздничных Литургий или других торжественных служб, в которых принимали участие многие священники, например, при совершении елеопомазания, отец Игнатий, старший среди них, выделялся из всех.

Даже внешний вид его создавал особенное настроение. Он был среднего роста, коренастый, румяный, с белоснежной седой бородой, круглым детским лицом, с мохнатыми бровями, под которыми прятались яркие голубые глаза. Голос его, чистый и красивый, доносил до всех высокое значение литургических текстов, украшая их.

Но истинной причиной великолепия его служения была его любовь ко Христу. Она заставляла его волноваться и плакать от чтения Евангелия до конца Божественной литургии. Он любил Христа, ибо Христос Первый возлюбил его. «Мы любим Его, яко Той первее возлюбил есть нас» (1Ин.4:19). Это объясняет и его любимое обращение к чадам духовным, столь часто им повторявшееся: «Чадое мое, люби Его, Который возлюбил тебя».

К свету

Одним из наиболее любимых отцом Игнатием чтений Евангельских было чтение от Луки.18:35–43.

Сильная жажда света слепого иерихонского, возопившего: «Иисусе Сыне Давидов! Помилуй мя» и: «Господи! да прозрю», всегда его трогали и вдохновляли. Для монаха, практикующего умную молитву, просто и быть не может более вдохновительного благовестия.

Когда отец Игнатий достиг 86-летнего возраста, он потерял зрение, Сначала глаза его ослабли из-за катаракты, а вскоре он совершенно ослеп.

Лишенный света тварного, он испускал свет духовный и освещал путь идущих ко Граду Вечного Света. Бог дал ему еще годы жизни, и паства Святой Горы по-прежнему была с ним, словно «на месте злачне"и «на воде покойне"" (Пс.22:2).

Кому бы ни требовался опытный духовник, всех посылали в Катонакию, к отцу Игнатию Слепому, как его стали называть. В

нем находили доброго пастыря, дивного целителя, банк с бесценным духовным капиталом. Люди видели почтенного маленького Старца, слепого, ослабевшего и согнувшегося под тяжестью лет, предлагавшего слушающим его мир, утешение и мудрые наставления. До конца земной жизни сохранял он мудрый и ясный ум и неумоимо продолжал труд свой, руководя другие души.

Почти все время он проводил в келье. Ему трудно было уже спускаться вниз в церковь, и он ходил туда только на Божественные литургии. Когда, время от времени, совершал он небольшие прогулки вокруг каливы, его любящие и почтительные ученики присматривали за ним и убирали с дороги камни, чтобы он не споткнулся.

Как и всех людей его возраста, его мучило плохое здоровье. Он страдал от ревматизма и множество ночей провел, поглаживая непрестанно свои ноющие от боли ступни. Однако состояние это переносил он молча, без жалоб, и никогда не просил ни лекарств, ни особого ухода.

Духовное величие его было видно и в его отношении к еде. Что приносили в келью ему, то он и вкушал. Если же с трапезой запаздывали или вообще забывали о нем, он не говорил ничего. Мысли его были исключительно о Небе, и ни мало – о земном.

Очень он беспокоился о своем отходе в вечность. Ему исполнилось уже девяносто лет, потом – девяносто пять, а потом – и сто. Сто лет земной жизни, из которых двадцать – в миру и восемьдесят – на Афоне. Этого было достаточно. Корабль, целых сто лет бороздивший земные моря, стал, наконец, на якорь в Небесной Гавани.

Месяцем его ухода стал октябрь 1927 года. Почтенный Старец предчувствовал свой конец, и в последние пятнадцать дней полностью воздерживался от пищи. Он как бы хотел иметь как можно менее веса перед своим великим путешествием.

25 октября, вскоре после восхода солнца, русский отшельник из Карули, отец Варфоломей, сподобился видеть смерть Святого. Он поднялся к келие Успения, и его проводили в келью Старца.

«Здравствуйте, Старче. Благословите»

"Кто ты?"

«Я – дьякон Варфоломей».

«Как ты чувствуешь себя, чадо мое?»

«Хорошо, Старче».

«Ты – хорошо. А я жду чьего-то прихода»

Кого ожидал Старец? Кого же еще, как не ангелов, которые примут и сопроводят душу его? И прибыли посланцы небесные, и приняли они душу слепого Старца и увлекли ее к свету Небесному, к «месту света и зеленых пастбищ». «Старец, – как нам все согласно рассказывали, – усоп мирно, словно птичка малая». Отец Варфоломей никогда более не видел такой мирной смерти.

На следующий день, в праздник великомученика Димитрия Солунского, осененные благодатью мироточивого Святого, состоялись похороны. Никогда насельники Святой Горы не переживали такого горя, как в тот день. Отец Герасим из Малого скита Праведной Анны много рассказывал нам о скорби и

чувстве невосполнимой утраты, которые вызвала кончина Старца-избранника Божия.

Спустя несколько лет его почитаемые останки были извлечены из земли. Все отцы радовались тогда, потому что от костей блаженного Старца исходило чудное благоухание, через что Сам Бог подтвердил святость этого человека.

Спустя десять лет автору этих строк довелось побывать на Святой Горе, где он удостоился видеть учеников отца Игнатия. Исполненная благодати внешность отца Игнатия, второго его ученика, ясно сказала мне о святости Старца; о древе судят по плодам его.

Я не застал самого незабвенного Старца. Но святые молитвы его да помогут нам увидеть его по смерти нашей на Небе, совершающим Литургию в «святом небесном мудром святилище Божиим», в небесном священническом облачении. Аминь.

Старец Кодрат из монастыря Каракалл

Отец Кодрат был истинным рыбаком – ловцом человеков. Как никто иной мог он улавливать души. Леской его было покаяние, удочкой – свет Божий, а наживкой – любовь.

Место покаяния и подвижничества Святой монастырь Каракалл

Святой монастырь Каракалл—один из великих афонских монастырей, одиннадцатый по иерархии, имеет интересную историю. Он расположен на северо-восточной стороне Афонского полуострова на лесистом, живописном склоне холма, обращенном к огромному Эгейскому морю, берег которого лежит от него в получасе ходьбы. Немного повыше него поднимается святой монастырь Филофей, а к юго-востоку, на расстоянии четырех часов ходьбы, Лавра.

Посетитель Каракалла, рассматривая окрестности из гостевого домика, непременно окажется под сильным впечатлением от увиденного. «К юго-востоку простирается Эгейское море, огромное и спокойное, в водах которого отражаются небеса. К западу открываются дикие ущелья, тянущиеся от самых высот Афона, и песня севера слышится нам в постоянных и разнообразных завываниях ветра. С первой улыбкой рассвета, когда лучи солнца освещают морские волны, симантроны призывают нас на Литургию...» (К Луварис, «Афон, врата Неба», стр. 49). Все, кто бывал в монастыре Каракалл летним утром, увезли такое впечатление.

Первые страницы истории монастыря затеряны в глубине веков. Мнение, что он связан с римским императором Аврелием Антонином Каракаллой (3-ий век) не поддерживается современными историками,

Доподлинно известно (об этом свидетельствует хрисобулла Византийского Императора Романа IV Диогена (1068 –1071), что монастырь существовал уже до 11-го века.

Подобно другим монастырям на Афоне, он помнит различные повороты истории. После падения Византии Каракалл пережил время упадка и был почти разрушен. Но благодаря заботам правителя Молдавии Иоанна Петра Рареша (1527– 1546) и его дочери Роксандры, супруги правителя Молдовалахии, он был восстановлен и укреплен.

Между монастырем и морем стоит высокая величественная башня, построенная в XVI веке на деньги правителя Молдавии Рареша.

Жизнь и развитие монастыря проходят под покровительством и защитой первоверховных апостолов Петра и Павла. Им посвящен собор, и в их день, 29 июня, бывает большое торжество. Часто с уст монахов слетают славословия двум святым Покровителям обители: "Апостолов первопрестольницы, и вселенная учителя, Владыку всех молит, мир вселенной даровати, и душам нашим велию милость».

Вся церковь украшена фресками дивных шедевров иконописи XVIII века. Многоценна икона в строгом византийском стиле, на которой апостолы Петр и Павел написаны обнявшимися (работа Константина Палайокапаса). Есть в храме и еще замечательная икона – икона Двенадцати Апостолов, работа славного иконописца иеромонаха Дионисия из Форна Аграфон.

В затруднениях своих монахи часто прибегают к чудотворной иконе Божией Матери «Скоропослушница», и: «Никто, к ней прибегающий, не уходит посрамленным.»

Дивные Царские врата собора, созданные Феофаном в 1562 году, являются произведением исключительной художественной ценности.

В монастырской библиотеке, кроме новых книг, можно видеть и старинные – и из бумаги, и из пергамента, примечательные и количеством своим, и ценностью.

Из мощей святых, «более чтимых, чем камни драгоценные, и более ценных, чем золото», пребывающих в обители, в первую очередь надо сказать о главе апостола Варфоломея, главе св. Христофора, частичках мощей мученика Меркурия. Особо почитаются мощи новомученика Гедеона, бывшего насельником монастыря. В серебряном сундучке здесь хранится частичка Святого Креста. Хранятся также шлем и меч мученика Меркурия.

В таком окружении, в живом присутствии такого количества святых, икон, сокровищ духовных, воспоминаний... как может не

возрастать новая святость?

И окрестности монастырские также способствуют возвышенному настрою души. Местность между Лаврой, Каракаллом и Филофеем всегда привлекала подвижников, в бедных пустынных лесных каливах практиковавших умную молитву. Уединенность тех мест способствует молитве, и тишина помогает устремлению мысленному ввысь.

Один благочестивый монах из Лариссы, побывавший паломником на Святой Горе в 1950 году, с изумлением видел в этом святом месте, рядом с монастырем Каракалл, монаха, молившегося на воздухе, стоявшего в метре над землей (Архимандрит Хризостом (Мустака), «Святая Гора Афон», Афины, 1957, стр. 40).

Среди монахов Каракалла более позднего времени достойны упоминания имена отцов Паисия и Галактиона. Первый прославился своей самоотверженной любовью к ближним – трудами в монастырской больнице, а второй – выдающимся аскетизмом. Подвизался здесь также в покаянии старец Андрей. После некоей болезни у него открылось непрерывное слезотечение, и слезы те, словно источник наслаждения, услаждали сердце его. Он всегда держал в руке платок, денно и нощно орошаемый слезами. В этом возвышенном окружении – природном, архитектурном и духовном – подвизался великий воин духа, чью жизнь мы собираемся описать, – игумен святого монастыря Каракалл отец Кодрат.

Происхождение и монашеское призвание

Отец Кодрат был родом из Вриулы в Малой Азии. Видно, этот маленький городок населен добрыми христианскими богобоязненными семьями, так как многие отцы Святой Горы произошли оттуда.

Имя его мирское было Кириак Вамвакас. Отец его торговал лесом и через то много общался с капитанами, перевозившими лес из Малой Азии на Святую Гору. Маленький Кириак слышал множество рассказов и описаний Удела Божией Матери, и желание его поехать туда укреплялось. Он благоговел перед этим святым местом, единственным в мире, и мечтал быть удостоенным чести стать воином Христовым и быть зачисленным в Его духовное воинство. С юного возраста он очень строго и внимательно относился к жизни. Развитие его было добрым, жизненный путь казался ясным.

Когда он прибыл на Бэру, ему было двадцать лет–расцвет молодости. Во все времена молодежь находится в состоянии духовного поиска. Они поразному понимают смысл жизни, смысл существования человека, думают о будущем, о превратностях и испытаниях судьбы. Юная душа легко попадает в сети мирских соблазнов, но также легко она способна принять героическое решение в поисках Христа. Никакая другая любовь на земле по глубине своей и радостному чувству не может превзойти любовь ко Христу, которая рождается в молодой душе. Очевидно, лучи этой любви Божественной осветили и Кириака, некая сладостная волна любви к Богу прошла через сердце его, уставшее уже от искушений, и он бежал, «словно олень, устремившийся к источнику водному.»»

Позднее отец Кодрат рассказывал: «Когда дома точно узнали, что я отправился на Гору, то родные горевали. Особенно сокрушалась мать. Однако отец мой был более спокойным и более духовным человеком.

«Почему ты плачешь, родная? – сказал он ей. – Разве мальчик наш ушел в разбойники? Нет. Он ушел стать убийцей? Нет. Он ушел от нас, чтобы стать злодеем? Нет. Покинул нас,

чтобы стать вором? Нет. Ушел, чтобы прожигать жизнь в тавернах и притонах? Нет. Он ушел, чтобы стать монахом, отдать жизнь свою Христу, а не диаволу. Тебе надо бы радоваться, а не плакать!»

Эти слова утешили мать. Они заставили ее думать более серьезно, более мудро, по-христиански, воззвали ее прославить Господа

за то, что отныне и впредь один из детей ее будет монахом, молящимся о ее спасении в этом мире и вечной славе в другом.

Славно, когда братия подвизаются вместе

Мы не знаем, что привело отца Кодрата в монастырь Каракалл после того, как он несколько лет прожил в Новом скиту. В то время в святом монастыре Каракалл подвизалось более шестидесяти монахов. «У нас здесь маленький монастырь, – сказали ему братия, когда он впервые пришел сюда, – но монастырь общежительный».

«Как только я услышал, что монастырь этот общежительный, – говорил он позже, – я очень обрадовался. Общежительный монастырь – это было то, что я искал, и я нашел. Мне рассказали о монастырском уставе. Я внимательно все слушал, все производило глубокое впечатление».

Разве не так же и в нынешние дни? Юноши с благородными сердцами, жаждущими евангельской истины и чистой монастырской жизни, стремятся в общежительные монастыри. Не интересны им монастыри особножитные, привносящие в жизнь монахов много дурного. То, что молодые монахи в массе своей устремляются сейчас в общежительные монастыри – киновии, свидетельствует против порядка особножитных – идиоритмов.

«Славно, когда братия подвизаются вместе». Это возвышенная песнь киновии звучала в сердце молодого послушника. Он принимал ее с восторгом, всем сердцем, горевшим любовью к монастырю, любовью «столь же большой, как Афон». Не только общая трапеза, общая казна, общий распорядок жизни, но и единый ум, единая воля, одна беда на всех, одна радость, одна жизнь. Все едино о имени Христовом.

С того самого момента, когда отец Кодрат вошел в монастырь, он пребывал в полном послушании у отца Игумена и братии. Неустанно и с большой пользой трудился на послушаниях. Все исполнял аккуратно и с прилежанием в служении своей духовной семье.

В течение нескольких лет он подвизался на подворье монастыря в Кассандре. Рассказывают, что, когда он был там,

уже тогда отличался строгостью по отношению к себе и умеренностью.

Когда на подворье бывали турецкие гости, он подавал им мясо, но остатки всегда выбрасывал. В обители не вкушали мяса, и он хотел и для себя, и для других монахов подворья хранения устава обители.

Долгое время был он потом келарем в Каракалле и регулярно ездил в Константинополь покупать пшеницу для монастыря. Благодаря этому послушанию позднее он и стал игуменом.

Это совершилось в 1914 году. Он получил благословение отца Нила, бывшего в свое время его духовным наставником еще в Малой Азии. Благословив, Его Преподобие очень хорошо отзывался об отце Кодрате: «Он был моим учеником. Я хорошо знаю его способности и дарования еще с того времени, когда он был ребенком».

Поставленный игуменом, он ярко возжег лампаду добродетели, и свет ее светил так, что все «видели его добрые дела, славя Господа на Небесах».

Во славу Божию

Господь дает людям различные дары. Каждый имеет какие-либо способности от руки Божией. Однако некоторые люди еще не окрыли в себе Его дарования, а другие настолько равнодушны к ним, что вообще не развивают в себе Его дары.

Чем ближе душа приближается к Господу, тем более она развивает в себе дары свои и, подходя к Нему еще ближе, еще более развивает свои дары, приносящие обильные плоды.

Отец Кодрат, будучи и простым монахом, и позднее игуменом, всего себя отдал на служению Господу. Все во славу Божию. Конечно, Бог удостоил его многими природными и духовными дарами.

Поскольку он родился и вырос в Малой Азии, то превосходно знал турецкий язык. Он знал душу и характер этого народа. И, с Божией помощью, ему удавалось маневрировать и часто чудом спасать христиан от верной смерти, различных сильных наказаний и обвинений. Благодаря его пониманию каймакамида (представители властей Турецкой империи) исключительно уважали и даже почитали его. Они часто называли его «Эффенди Кодрат».

Когда на Святую Гору пришли англичане и французы, они все подвергли разорению. Но опытность и ум отца Кодрата спасли монастырь от потери своих лесов и других богатств. А именно, в тот день, когда французский командир приблизился к святому монастырю Каракалл, ему был оказан блестящий прием. Игумен благословил всех монахов выйти за ворота и приветствовать гостя, звоня во все колокола, а потом спеть ему в церкви «Многая лета», пригласить на трапезу и т.д. Француз был всем этим очарован и отдал команду не рубить лесов Каракалла.

Отец Кодрат умел мудро и достойно управляться с серьезными заботами монастыря, а также и с духовными делами братии, и с мелочами быта в обители. Он всего себя, все таланты души своей и своей плоти отдал на служение

Господу. Потому и исполнился он благодати, и мысли его были чисты и светлы.

Пример трудолюбия

Много времени на Афоне уделяется труду физическому – послушанию с самоотвержением, даваемому всем монахам. Невежественные люди говорят, что монахи живут в лени и безделье. Какое грубое заблуждение! Желаям знать правду следовало бы побывать на Святой Горе. Там можно видеть, что монахи постоянно заняты различными трудами. Главные виды занятий – иконопись, резьба по дереву, шитье и вязание. Часто приходится работать по многу часов без перерыва. Следует к этому добавить, что много времени занимают службы церковные. А кроме того, у них много других повседневных забот: приготовление еды, мытье посуды, уборка, работа в саду, прием и устройство гостей, доставка разных припасов в монастырь, сбор оливок и так далее.

Когда в гавань монастыря прибывает пшеница – тысячи фунтов запаса на весь год – бывает так называемое «общее послушание». Все отцы вместе спускаются в гавань, чтобы перенести зерно в кладовые. Впереди всех шел быстрыми шагами обыкновенно Игумен, отец Кодрат, быстро спускался по тропинке с пустым, болтающимся за его плечом, мешком. И вот уже нес на спине мешок с пшеницей, трудясь наравне со всей братией, как простой монах. Если кто не знал его, то ни за что не понял бы, что это игумен Каракалла.

Он был примером трудолюбия, участвуя не только в разгрузке пшеницы, но и в других общих послушаниях.

Отец Кодрат был обыкновенным работающим афонским монахом – отзывчивым, приветливым, постоянно находящимся в движении, живым и неутомимым. Действительно, что поражает на Святой Горе, – это то, что любой труд даже тяжелый и изнурительный, там делается охотно и с радостью, без принуждения и без уныния. Монахи знают, что все послушания, всякий труд выполняются во славу Божию и укрепляются в трудах молитвой.

Святитель Василий Великий говорил много о необходимости труда для монаха. Он сказал: «А что касается такого порока, как

безделье, то какой смысл и говорить об этом, раз Апостол ясно сказал: «Аще кто не хочет делати ниже да ясть» (2Сол. 3, Ю)? Как каждый нуждается в ежедневной пище, также нуждается он и в посильной работе. Не напрасно написал в назидание и Соломон: «Брашна ленистого не яде» (Притч.31:27). И к тому, Апостол о себе сказал: «Ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиге, ночь и день делающе, да не отягчим никогоже от вас» (2 Сол.,.3:8)»

В скиту монастыря Кутлумуш подвизался один славный Старец, к которому приходили на исповедь и за духовными наставлениями многие отцы Святой Горы. Однажды пришел к нему один Старец, в каливе у которого был послушник, охваченный унынием. Уныние грызло его, словно червь, грусть и меланхолия были его постоянными спутниками, и их сменяло порой отчаяние. Опасность была велика, так как, если бы послушник не нашел способа вырваться из тисков уныния, он мог бы подвергнуться искушению покинуть Святой Афон.

Поэтому Старец этого послушника и привел его к богодухновенному Старцу. «Отец мой, – сказал он ему, – скажи, что мне делать с ним. Он может пропасть. Разум его замутнен, ни к чему не проявляет интереса. Живет, словно темным облаком окутанный, мысли у него разбегаются. В каливе у нас созданы для него очень хорошие условия. Физической работой не перегружен, его послушание – только читать на службах».

Опытный духовник внимательно выслушал его, немного подумал, а потом очень просто сказал:

"Жени его!"

Старец был ошеломлен. «Что случилось с духовником? – подумал он, – В своем ли он уме?»

«Говорю тебе: жени его,» – твердо повторил тот.

«Отец, что ты имеешь в виду?» – спросил Старец дрожащим голосом.

«Жени его на труде! Загрузи его работой! Понимаешь? Монаху работа должна заменять жену, чтобы избежать и уныния, и многих других искушений». Когда Старец применил этот совет и стал каждый день давать ученику своему работу, понял, насколько добрый он получил совет. Подавленность

молодого человека исчезла, вернулся интерес к жизни, в каливе снова воцарилась радостная атмосфера. То было благотворное влияние труда.

Отец Кодрат хорошо знал эту историю и при необходимости рассказывал ее. Но что более важно, он на себе испытал правила монашеской жизни, большое внимание уделяющие важному значению физического труда для подвижающихся в скитах и обителях.

Однажды отца Кодрата пришел навестить Игумен Святопавловского монастыря.

«Где Старец?» – спросил одного из монахов.

«Он внизу, в дочейо (кладовая монастыря)»

В тот день там солили сардины – делали запас на год. И, конечно, по обыкновению, Старец был первым в работе.

«Старче, ты здесь?» – спросил Игумен, спускаясь вниз.

«А как же, брат мой? – ответил отец Кодрат. – Ты же знаешь, рыба с головы гниет».

Говоря это, он продолжал аккуратно укладывать сардины слоями, пересыпая их крупной солью. Слова его были назидательны. Он показал примером и словом, что Игумен должен быть образцом трудолюбия и служения, должен осознавать глубокую ответственность своего положения и примером своим наставлять послушников. Именно Игумен направляет жизнь обители. Если он отклонится от правильного пути, то все в монастыре будет приходить в упадок и разрушение.

Отец Кодрат знал, что труд смиряет и освящает тело и душу. Соединенный с молитвой, он становится песнью, прославляющей Того, Кто «и поныне трудится», ведет к обожению, содейваясь молчаливым гимном, который поют Творцу все творения Его.

Истинный игумен

Добрый пастырь

Немного можно вспомнить игуменов на Святой Горе подобных отцу Кодрату. Он был наделен даром пастырским. Можно даже сказать, что он родился, чтобы быть духовным наставником. С того времени, когда он взял в свои руки бразды правления в монастыре, управлял братией наилучшим образом и превратил

обитель в истинную обитель, живущую высокодуховной жизнью.

Истинный пастырь выражает любовь, ибо любви ради распялся Пастырь.

«Истинный пастырь есть тот, кто может погибших словесных овец разыскать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою («Лествица»). «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» – сказал Господь (Ин.10:11) – Первый Пастырь и Глава Церкви. И отец Кодрат был истинно добрым пастырем, хорошо знавшим свой пастырский долг, любящим чад своих духовных и болезну-

ющим душой о них, готовым ради паствы своей на самоотречение и самопожертвование. Он забывал о собственных желаниях

и нуждах. Забот и времени тратил на себя ровно столько, сколько нужно было для поддержания жизни. Все труды его, заботы, действенная любовь с утра до вечера день за днем принадлежали пастве его.

Спал он урывками. В аскетической келье своей проводил лишь несколько часов в сутки, но и в это время имел обыкновение принимать духовных детей, которые могли прийти к нему в любое время без предупреждения, чтобы разрешить свои духовные вопросы, решить проблемы или испросить благословение на что-либо.

Отец Кодрат знал слово преподобного Симеона Нового Богослова: «И дни, и ночи твои посвящай заботам о душах тебе доверенных, чтобы ни одна из них не попала в лапы дикому зверю и не была пожрана медведем похоти или поглощена

драконом гнева, или в клочья разодрана стервятником гордых мыслей... и чтобы смог ты стадо свое привести невредимым и изобильным к Первому Пастырю, Господу Христу»,

Старец хорошо знал о разнообразных борениях, через которые проходит каждый монах. Он знал об искушениях, о бесах, о страстях, денно и нощно смущающих и принижающих душу. Добрый пастырь знал, что бесы часто создают фантазии, мечты и образы, чтобы соблазнить уставшего подвижника, когда он дает своему утомленному телу немного отдыха во сне. Более того, он прекрасно знал слабость человеческой природы и ее склонности и страсти в различных видах. Он прилежал не только по имени, но и на деле быть духовным отцом – укреплять, наставлять, руководить, утешать, вселять надежду, мужество, вдохновлять. Даже если что-либо и повредит его чадам духовным, врач всегда рядом, рядом брат и добрый Самаритянин, чтобы воспитывать и управлять их души.

«Не ужасайся и не дивись, когда скажу тебе (ибо Моисей (и) мне о том свидетель), что лучше согрешить перед Богом, нежели перед отцом своим, – говорит преп. Иоанн Лествичник, – потому что если мы прогневали Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал» («Лествица» Слово 4-е, 121).

Так, отношения между отцом Кодратом и его чадами были истинно евангельского духа и отцовского. Он не просто формально исполнял должность игумена. Хотя, правду сказать, во многих монастырях игумен часто является лишь административным управителем, подписывающим распоряжения и документы, оставляя монахов без пастырского руководства, не осознавая за них ответственности.

Увы! Это настоящая беда для монашества, удар изнутри, отход от священного пути, предначертанного опытом духоносных Отцов.

Печально, что и на Святой Горе, где с таким вниманием относятся к отцовским установлениям, можно видеть ныне, как не радуют порой о главном, пастырском служении игумена в монастыре. В некоторых монастырях существует обычай

исповедоваться постороннему духовнику, а не своему игумену, который должен бы быть отцом, врачом, наставником, Моисеем, готовящим к трудной брани духовной и отвечающим за души пасомых от начала и до конца. Мы молимся о том, чтобы Господь послал монастырям игуменов, понимающих свое высокое избранническое служение во славу имени Его и ради спасения душ.

Отец Кодрат стал игуменом не потому, что жаждал славы и почестей. Он стал игуменом, чтобы служить братьям, уподобляясь Самому Христу. «Сын Человечь не прииде, да послужат Ему, но да послужить» (Мк.10:45), также и отец Кодрат мог сказать о себе.

«Двадцать шесть лет я был игуменом и, по милости Божией, никогда своевольно не покидал монастыря,» – сказал он. Истинно так. Лишь раз вышел он ради проверки состояния деревьев в лесу на высокой горе, но сразу же и вернулся обратно.

В часы полдневного отдыха, после трапезы отец Кодрат не уходил в келью свою. Как правило, сидел он во внутреннем дворике рядом с часовней св. Гedeона. Там, опираясь на посох, предавался умной молитве или, надев очки, читал жития святых.

Часто сидел он, склонив голову на посох, на стуле у изножия деревянной лестницы, ведущей во двор монастырский.

Его спрашивали, бывала

«Старче, что ты делаешь здесь?»

«Сплю, чадо мое».

«Спишь на стуле?»

«А! Пастух всегда должен бдеть, чадо мое. Даже когда отдыхает, спать он должен на посохе своем»

Сознание ответственности своего положения игумена, защитника вверенных ему душ, даже во сне заставляло сердце его бодрствовать.

Богопочитание: его жизнь

«Подобно ангелам предстоящим и воспевающим славу Создателю, и мы должны предстоять за возношением псалмов» (преп. Ефрем Сирий).

Отец Кодрат хотел, чтобы пение псалмов братией в храме, отношение монахов, их внимание были ангельскими. Он хотел, чтобы братия – все без исключения, разве что только серьезно больные, непременно бывали на Богослужениях, участвуя в Богопочитании. Всею душой своей и всею плотью, он весь был предан молитве «Взор его и душа всегда были устремлены ввысь, чтобы внимать псалмам и чтению, и почувствовать силу пропетого и прочитанного – слов Священного Писания, чтобы не пропустить и малого по нерадению, но чтобы душа напитывалась Богослужением, достигая покаяния и смирения – до возможности видеть небесную славу Святого Духа».

Во многих обителях на Святой Горе около одиннадцати вечера звонят, чтобы поднять монахов на ночное бдение, в некоторых обителях звонят немного позже Отцы совершают свое правило, молятся Иисусу с поклонами в келье, а затем идут в храм на всенощное бдение

Время ночных молитв – святое. Посреди бесконечного ночного покоя вся Святая Гора молится о мире во всем мире и о спасении душ. Вся Гора, от края до края, бывает подобной огромному кадилу, которое, как благоуханный фимиам, возносит Небу, ко Господу нашему непрестанную молитву.

«Смотри, в тиши ночной спят люди, животные, все творения, и лишь ты бодрствуешь в общении с Господом нашим. Сон сладок? Но разве молитва не слаще?» (свят. Иоанн Златоуст).

Отец Кодрат тоже часто говорил: «Нет ничего слаще молитвы». Он не жалел времени, не считался ни с какими трудами, насыщая паству свою словами Богослужений, «сладчайшими меда и медовых сот».

На Святой Горе есть обычай: во время чтения шестопсалмия в начале утрени игумен обходит места всех

отцов одного за другим, держа в руке зажженную свечу. Он проверяет, все ли на месте. У отца Кодрата не было определенного времени для

такого «смотра» своей духовной армии. Он обходил братию, когда ему бывало удобнее, и обыкновенно гораздо раньше принятого.

«Однажды я опоздал в церковь, – рассказал нам отец Кириак. – Пришел примерно в середине Всенощного бдения. После службы Старец подошел ко мне и спросил: «Почему ты опоздал, Отец? Больше никогда не делай этого. Ты должен приходить в церковь до начала Всенощного бдения. Сейчас стань под паникадиллом, пройди один раз четки, а если еще раз опоздаешь, наказание будет более строгим. Лекарство горькое, но оно исцеляет».

По чтении первого часа, после окончания утрени, Старец практиковал чтение из катехизиса преп. Феодора Студита, этого великого учителя киновийного, общежительного монашества. Он стремился укрепить своих послушников в их ежедневной брани из источников мудрости святых Отцов Церкви.

Постоянное чтение их текстов оказывает бесценную помощь подвижающемуся монаху, о чем прекрасно знал мудрый пастырь. Он часто обходил кельи чад своих, медленно передвигаясь от двери к двери. Если слышал за дверью разговор, то восклицал: «Молитесь, отцы, молитесь!» и шел дальше.

Краткими словами возвращал он монахов к их основному занятию, которым является непрестанная молитва. Он имел постоянное попечение о духовном развитии своих детей, предстоя ежедневно пред Небесным Судией, требующим от него отчета об их душах.

«Одно время между мной и одним из монахов были холодные отношения, – вспоминал отец Иаков. – Мы оба были чтецами в церкви. Старец велел мне: «Иди, будешь сегодня за канонарха».

«Старче, но теперь не мой черед,» – ответил я

Тогда, не говоря ни слова, он сошел со своего игуменского места, надел мантию и сам стал исполнять обязанности

канонарха. Мне стало стыдно пред его смирением, он научил меня своим примером. В смущении я быстро подошел к нему и пал пред ним ниц «Старче, благослови меня и прости». – «Бог простит, чадо мое. Но я постриг тебя, чтобы ты служил Церкви, а не сидел не своем месте».

Однажды отец Василий вернулся после одного послушания усталым и на следующее утро не смог встать на службу. Старец, узнавши об этом, сразу же пошел и постучал в дверь его кельи, как и всегда делал в подобных случаях.

«Молитвами святых Отец..., Отец Василий, отцы внизу службу уже вычитывают, а ты еще спишь?»

И ушел, только когда убедился, что монах поднялся и собирается. Старец всегда подбадривал братию словами, подобно преп. Ефрему Сирину:

«О монах, разве не видишь ты, что зло себе делаешь? Спроси себя: если бы вопрос был о получении золота или других материальных благ, разве не откликнулся бы ты раньше всех? И если к плотскому ты относишься столь серьезно, то насколько серьезнее следует тебе относиться к духовному?»

Все оставшиеся в живых отцы вспоминали ужасное землетрясение 1932 года, разразившееся в Иериссусе – городе, расположенном рядом со Святой Горой – и сильно ощущавшееся на Святой Горе и всех напугавшее. В монастыре Каракалл, как и на всей Горе, в церкви совершали всенощное бдение. Был канун праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, и монахи уже пели стихиры, когда произошло землетрясение. Тут же отец Кодрат благословил прервать службу, и всем молиться по четкам: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас грешных,» и никому не покидать церковь.

После довольно долгих молитв по четкам, он благословил продолжить всенощную, согласно уставу.

Его вера в силу молитвы, особенно умной молитвы, была глубокой и неколебимой. Он стремился к тому, чтобы спасительное и всесильное имя Иисуса Христа всегда было на устах и в сердцах его духовных детей. «Именем Иисусовым

посрами врагов своих,» и: «Имя Иисусово да сольется с дыханием твоим». Это были частые его слова.

Пастырь

Немыслимым делом для отца Кодрата было, чтобы монах отсутствовал на трапезе, на Святой Горе это вторая церковь. Он ото

всех требовал строгого соблюдения этого правила, кроме тех, разумеется, кто по болезни был в монастырской больнице.

Благодаря своим недюжинным способностям и пастырскому опыту он всегда находил способы, чтобы сделать добро, исправить ошибку, наставить душу на путь истинный, помочь ей обрести мужество.

«Как-то мы были в трапезной, – вспоминал один монах – Как обычно читалось одно из житий. Вдруг отец Кодрат остановил чтеца, – «Пожалуйста, Отец, прочти этот абзац еще раз». Он хотел, чтобы все еще раз послушали то место, которое касалось старшей братии монастыря. Чтец выразительно прочитал еще раз, а Старец в это время смотрел на них, сидевших напротив него. Этот абзац многое сказал им по поводу их непонимания Игумена. Но больше сказал им отеческий укоряющий взгляд, проникший в глубь их душ».

Отеческим, но по-монашески строгим было его обращение с послушниками. С подлинной любовью стремился он ввести их в монашескую жизнь.

Послушники напоминают молодые росточки, пересаженные в монастырскую теплицу «Хороший садовник, когда видит маленькие и слабые растения, поливает их и прилагает много трудов, чтобы их вырастить. С другой стороны, когда он видит неумеренный рост, то отрезает лишние листья, которые легко могут засохнуть» (преп. Синклитикия).

Отец Кодрат был хорошим садовником душ. Бог научил его, как должно обращаться с каждой душой, чтобы она возрастала и давала изобильные плоды. Его главной целью в обращении со всеми, а в первую очередь с послушниками, было обратить их умы и сердца к светоносному Солнцу Правды, Христу Спасителю и соединить их жизни с Его Божественной жизнью, отсекая их волю и пресекая все связи, которые могли бы

помешать этому священному союзу. Предаваясь непрестанной молитве и аскетическим трудам, духовные дети его достигали больших успехов. Сам Христос сказал: «Иже будет во Мне, и Аз внем, той сотворит плод мног; яко без Мене не можете творити ничесоже» (Ин.,15:5).

Поэтому Старец не благословлял послушникам выходить из монастыря и разговаривать или как-то общаться с посетителями.

Ой охранял, таким образом, их внутреннюю жизнь от «лукавой свободы языка» от рассеяния, пустой болтовни, осуждения и укреплял дух молчания и мира душевного.

Сам он практиковал молчание и исихазм, и вдохновлял на это других. Молчание и исихазм – истинная атмосфера для каждого монастыря, который хочет быть настоящим духовным садом. По этой причине, когда один монах, отец И, посетил монастырь Каракалл и долго кричал и смеялся во дворе, отец Кодрат вышел и, стоя у перил, сказал ему: «Отец, благодарим тебя за посещение нашего монастыря. Оно было достаточно долгим. А сейчас тебе пора идти в другой монастырь».

«От многословия не избежиши греха»(Притч.10:19). «Тот, кто неспокоен, не может познать Господа» (преп. Нил Постник).

Вместе с молчанием, исихазмом и молитвой, подчиняющими себе ум, отец Кодрат учил молодых монахов умеренности в пище.

Однажды послушники вызвались прибрать его келью. Когда они почти закончили приборку, вошел отец Кодрат и сказал:

«Очень хорошо. Ну и чем мне вас сейчас угостить?»

«Турецким лакомством и коньяком!» – быстро ответил один из них, самый смелый.

«Лакомством – да, но не коньяком». И Старец объяснил им значение воздержания в укрощении страстных юношеских порывов.

Когда кто-нибудь из братии случайно разбивал в монастыре какую-либо вещь, отец Кодрат велел ему стоять у двери трапезной, держа в руках обломки, вместе с работником и чтецом, которые всегда стояли на коленях после трапезы, прося у всех вышедших прощения за грехи свои.

Он ревностно заботился об общей собственности монастыря и хотел такую же заботу воспитать во всей братии. Однажды у двери кухни он нашел боб, один боб из стручка, упавший во время недавней чистки. Нагнулся, поднял его и отнес повару.

«Положи его тоже. Не пренебрегай им. Экономь и добре заботься обо всем в монастыре».

Старец никогда не упускал возможности поучить тому, как должен выглядеть монах. Увидев на ком-нибудь из отцов твердую скуфью (которая считалась более элегантно и современной), он еще издали окликал его: «Эй, Отче, что на тебе надето? Монах должен носить только одну скуфью – из шерсти!»

Отец Кодрат не был поклонником внешних форм. Однако понимал, что, наряду с внутренним содержанием, нужен и такой внешний облик, который поможет и охранит от опасных развращающих влияний.

Одному согрешившему монаху, отцу Б., он дал епитимью в течение нескольких лет стоять у ворот монастыря и просить прощения у всех входящих и выходящих. В «Лестнице» упоминается о схожем случае. Мудрый пастырь знал, как в каком случае использовать подходящие средства.

Не хотел он, чтобы в монастыре были какие-нибудь газеты. Газеты приводят монахов в смятение. Они отвлекают их от главной цели, смущают и доносят в мирную гавань монашеской жизни штормовые волны мира.

Один монах нашел как-то на подворье монастыря много дынь, погрузил их на осла и, не испросив благословения, привез в монастырь. В тот день пришел посетитель. Старец призвал того монаха и сказал ему: «Чадо мое, принеси дыню, угости гостя».

Непослушный и дерзкий монах пошел прочь, бормоча: «Нет у меня дынь ни для каких гостей. Они только для отцов».

Отец Кодрат давал ему возможность проявить послушание, за которое простил бы его первое прегрешение. Но из-за гордости монах впал в еще больший грех.

«Так значит, дыни у тебя только для отцов?» – спросил отец Кодрат. И вынужден был, чтобы преподать монаху хороший урок, разбить одну за другой все дыни об пол. В монашеской жизни непослушание приравнивается изгнанию из «Сада Сладости», духовной смерти, и поэтому с ним борются непримиримо.

У отца Кодрата был один хороший монах, отец М., которого он хотел посвятить в диакона. Он предложил это Совету но согласия не получил. Члены Совета отказали, говоря: «Он безголосый».

«Отцы, – возразил им отец Кодрат, – давайте посмотрим каноны. Разве там где-нибудь сказано, что того, кто не обладает хорошим голосом, нельзя посвятить в диакона?»

Тогда Совет нашел другой предлог: место его рождения. «Мы не согласны, потому что он из Мореа (Пелопоннес)».

Они имели в виду, что в святом монастыре Каракалл большинство отцов было из Малой Азии.

И правда, когда нет разума о воле Божией, критерии людей становятся низменными. Когда душа эгоистична, мы действуем во вред. Мы судим человека по внешнему – голос, происхождение – и нам не видна милость Господня, возрождающая даже самое окаменевшее, порочное сердце, созидая «нового человека по образу Божию».

Отец Кодрат был на страже день и ночь. Он весь был глаза и уши, потому что весь был любовь – истинная любовь к духовным детям своим. Эта любовь не давала ему покоя, но заставляла постоянно заботиться о них – об их послушаниях, молитве, о духовном росте каждого.

Однажды увидел он монаха, отца Петра, празднично сидящего у ворот монастыря после полуденной трапезы. Отец Петр, эконо́м, был не последним человеком в монастыре. Старец, издали увидев его, приблизился и с отеческой заботой спросил: «Отец Петр, что ты делаешь здесь?»

«Я просто решил подышать немного свежим воздухом».

«Ступай в келью свою. Нам нужны только молитва и научение».

«Да, благослови это, Старче,» – сказал монах, проявляя послушание.

Так отец Кодрат уподобился св. Пахомию, которому ангел Божий велел: «Согревай ближних огнем, который возжег в тебе Господь».

Самоотвержение, постничество и милосердие

К счастью для монастыря Каракалл, он был и остается монастырем общежительным. Отец Кодрат приложил все силы, чтобы не только сохранить уклад жизни в обители, но и чтобы поднять эту жизнь до идеала, до истинного ее величия. Во время его

управления Каракалл был из первых в большом Афонском сообществе по строгости и суровости уклада и вообще в жизни духовной.

Без разрешения Игумена братии не разрешалось иметь собственных вещей или одежду, деньги—любую собственность, так

как святые Отцы наши, святитель Василий Великий, преп. Афанасий Афонский, запрещали это.

Отец Кодрат учил монахов нестяжанию – одной из основ монашества. Сам он был беднее всех в обители. Носил почти всегда старую одежду. Келья его была пустой, ничего лишнего. Спать

ложился отец Кодрат на доску, обставленную, подобно стенам,

большими крестьянскими подушками, так что постель его напоминала пещеру.

Достойный воин духовный, отец Кодрат! Он подчинил себе тело свое, умертвил страста плотские, как и подобает то истинному воину Христова воинства. Нестяжание его соединялось с постоянной памятью о смерти, нищета – с сознанием тщеты мирской жизни. Он не давал очам своим отдыха, а голове покоя, не погрузившись в восприятие благодати.

Память смертная помогала ему переносить все трудности – спать на земле, бодрствовать, поститься. Глядя на ложе свое, представлял он, как опускается в могилу, как душа, вышедшая из тела, предстает на Страшный Суд...

В 1938 году один монах их Кавсокаливии, отец Серафим, болел – у него была грыжа. Такая болезнь часто бывает у

монахов: им приходится тяжело трудиться (отец Серафим, например, переносил тяжеленные мешки от моря в гору, в каливу), часами выстаивать неподвижно в церкви. Однажды ему случилось проходить через святой монастырь Каракалл, и он радовался, что увидит славного отца Кодрата, и тот благословит его и помолится о нем.

Простота обращения отца Игумена побудила отца Серафима поделиться с ним своей бедой, пожаловаться на болезнь, столь мучавшую его, и даже спросить, нет ли у него бандажа. Отец Кодрат утешил его, поддержал и дал бандаж. Но произошло еще

кое-что, что поразило отца Серафима. Во время разговора Старец встал, провел руками по своему животу.

«Видишь ли, чадо мое, – сказал он монаху, – у меня тоже грыжа, даже в двух местах, с правой стороны и с левой. Уже давно. Но я служу Божественные литургии и бываю на всенощных. Терплю во имя любви ко Христу. Мы все должны терпеть»,

После этого монах из Кавсокаливии больше не смел жаловаться на свою болезнь.

Две грыжи отца Кодрата свидетельствовали о его тяжелых трудах, о лишениях, о многочасовых выстаиваниях на службах, на

молитве. И правда, отцы никогда не видели, чтобы отец Кодрат просто сидел. Он всегда был на ногах. Даже когда страдал от болезни, проявлял изумляющие всех долготерпение и выдержку.

Однажды спросили его: «Старче, что отличает монаха?»

Он ответил так «Монах – это тот, кто хочет спать и не спит, кто хочет есть и не ест, кто хочет пить и не пьет. Монаха отличает постоянное смирение плоти».

Ответ его был выражением его личного аскетического опыта. Поэтому все обитатели Святой Горы и говорили, что он был великий воин духовный, настоящий аскет. Жизнью его управлял его дух, не поддававшийся слабостям плоти.

Любовь, сострадание, милосердие, внимание к ближним были характерными чертами его души. И до наших дней

монастырь Каракалл хранит его традиции гостеприимства – это драгоценное наследие святых Отцов.

«Если ему давали яблоко, – рассказывал нам один из здравствующих ныне его учеников, – он разрезал его на части и раздавал».

А отец Арсений из Буразери сообщил нам следующее

«Он был доступен, полон отеческой любви и щедрости к бедным и пустынноикам. Никого не отпускал из монастыря с пустыми руками. Так он относился ко всем – и к великим мира сего, и к малым. Мы приходили в Каракалл с отцом Иосифом Пустынником, босые, в потертых рясах, и он приветствовал нас с любовью и радостью. Мы наслаждались щедрыми плодами его гостеприимства».

Сердце отца Кодрата, как и каждого истинного раба Божия, было животворным солнцем, от которого расходились теплые и яркие лучи доброты. Как благотворны такие сердца в нашем смятенном, беспокойном обществе, жалком в своем отступничестве!

Добрый духовник

Духовный целитель

Отец Кодрат обладал редким даром сочетать в себе доброго духовного отца и хорошего управителя делами. Близко его знавшие, свидетельствовали о его отеческом отношении и справедливости суждений. Он всегда сопереживал страждущим и кающимся грешникам.

«То был настоящий рыбак, – говорил нам отец Афанасий. – Умело улавливал души. Насколько строг он был в соблюдении монашеских правил, настолько же был мягок, когда принимал исповеди духовных чад. В голосе его была доброта, милосердие и глубокое сострадание. Он умягчал души, освобождал их от власти страстей, сокрушал препоны эгоизма. Он умел подбодрить кающегося, внушить ему желание открыться, сказать грехи свои, раскрыть сердце, скованное страхом и стыдом. Он утешал, обнадеживал и, самое главное, страдал вместе с кающимся. Наставление Апостола: «Радоваться с радующимися, и плакать с плачущими» (Рим.12:15), было в основе его пастырских забот. Отец Кодрат оплакивал грехи других словно свои собственные. Он был отец. Он часто сугубо молился о кающихся, чтобы Бог утешил его, дал сил и твердости духа, чтобы укрепил для выполнения епитимьи. Иногда говорил в конце исповеди: «Подойди, чадо мое, давай вместе преклоним колени и помолимся, чтобы Христос хранил тебя».

«Однажды, – рассказывал нам монах Афанасий из Ивера, – я был у него на исповеди. Вы представить себе не можете, насколько я был усталым и подавленным. Начал каяться, и отец Кодрат внимательно слушал меня. Внезапно он схватил мою руку,

положил ее на свою шею и, склонившись предо мной, сказал: «Сюда, чадо мое, сложи все грехи свои!»,»

При этом неожиданном его поступке я как бы обрел крылья... Внутри меня что-то произошло. Неземная сила и несдерживаемые чувства возвысили мою душу. Через любовь отца Кодрата передалась мне благодать Божия.

Этот человек привлекал души мягкостью и сочувствием. Вы невольно открывали ему помыслы, каялись в грехах, обнажали глубины своей души...»

Он был добрый пастырь, забывавший в час исповеди себя, чтобы обрести заблудшую овцу и вывести ее на путь спасения.

Еще один из чад его духовных, отец Иаков, хорошо знавший его, с волнением рассказывал нам:

«Он часто плакал, принимая исповеди, и заставлял грешника каяться.

«Подойди, чадо мое, подойди монах и расскажи, что ты содеял...

Подойди, чадо, вместе сотворим три поклона, да простит тебе Бог грехи твои...».

Он принимал исповеди в месте покаяния – в часовне св. Гедеоны.

Его слава распространилась повсюду. Кроме духовных чад его монастыря, приходили к нему на исповедь в течение многих лет отцы святого монастыря Филофей, многие отцы из Ивера, из Лавры.

В святой монастырь приходило также множество мирян, чтобы видеть его, получить его благословение, исповедаться. Он складывал в мешки огромное количество писем, которые получал ежедневно и в которых были исповеди его духовных детей и просьбы наставлений на путь истинный. Много лет спустя, в один прекрасный день он позвал садовника и сказал ему; «Возьми эта мешки и, не заглядывая, сожги их и захорони пепел в углу сада».

Сколько душ избавилось от тяжелого груза грехов своих благодаря этим письмам и, освобожденные, обрели путь в Рай!

Когда-то митрополит Хризостом жил в течение недолгого времени в большой пещере неподалеку от моря в местности под названием Милопотам, поблизости от Каракалла. Он часто навещал отца Кодрата вместе с будущим Патриархом

Афинодором, бывшим тогда диаконом. Когда Афинодор уехал в Америку, он многих американцев греческого происхождения посылал на Святую Гору на исповедь и наставления к отцу Кодрату.

Отец Кодрат был подобно курице, с материнской любовью и заботой собирающей цыплят своих под крылышко. И более того, он был как кормилица, по слову апостола Павла: «Быхом тиси посреде вас, якоже доилица греет своя чада. Тако желающе вас, благоволихом подати вам не точию благовествование Божие, но и души своя, занеже возлюблени бысте нам» (1Сол.2:7–8).

Отец Андрей, игумен монастыря св. Павла, был духовным чадом отца Кодрата.

«Однажды, – рассказывал он нам, – напало на меня сильное искушение, такое, что заставило меня покинуть мой монастырь. Я ушел и поселился рядом со св. монастырем Каракалл. Дня через два- три отправился на исповедь к отцуКодрату.Открыл ему свою душу, все рассказал. Но был слишком взволнован. Он терпеливо выслушал меня и под конец, казалось, согласился со мной..

«Ты правильно сделал, ты был прав. Но приди ко мне через неделю, чадо мое, и поговорим об этом»

Я поблагодарил его и ушел. Что он думал, я не знал, и узнать хотелось, что-то будет через неделю.. Наконец, я вновь был у него, и после того, как мы какое-то время сердечно беседовали, он спросил меня живо:

«Выполнишь ли, что скажу тебе?»

«Все выполню, Старче».

«Да? Тогда слушай! Мы положим седло и коврик на осла твоего, и поедешь обратно в монастырь. Вот!»

«Но, Старче,–в изумлении сказал я ему, – прежде Вы говорили, что я прав, а сейчас.»

«Да. Но тогда ты был рассержен. Если бы я тогда сказал тебе то, что сказал сейчас, рана бы не зажила, и искушение не исчезло».

Я подивился тому, как искусно он умеет управлять души и восславил Господа, давшего мне такого духовного отца. Принеся покаяние, я с радостью вернулся в монастырь».

Один монах любил тайком поесть. Однажды пришел некий посетитель, который, как было известно Старцу, страдал от

такого же порока, и Старец послал его за наставлениями к тому монаху.

«Иди к нему, у него есть опыт, и он поможет тебе»

Был достигнут двойной результат. Монах был пристыжен и осознал свой грех, а посетителю принесли пользу его наставления.

Несравненный отец Кодрат был не только внимательным и замечал все, он также обладал даром духовного рассуждения.

У выдающегося старца Даниила в Катонакии был ученик, роптавший все время на него. Подстрекаемый бесами, ученик этот оставил свою общину. Но Бог не оставил его самого и дал ему мысль пойти за советом к отцу Кодрату. И вот отец Дамаскин (так звали того монаха) просил отца Кодрата порекомендовать ему какого-нибудь добродетельного старца. Отец Кодрат сказал ему: «Что тут думать, отец Дамаскин? Послушай. Если тебе действительно нужен добрый совет от меня, то вот он: иди в Катонакию и найдешь там мудрого Старца по имени Даниил. Пребудь у него в послушании».

Отец Дамаскин был словно громом поражен, ведь он не говорил ему, откуда он пришел, от какого ушел Старца.

«Да, – подумалось ему, – нет сомнений, что Сам Бог устами духовника велит мне вернуться ».

В 1930 году митрополит Ириней Кассандрский пригласил отца Кодрата поисповедовать у него на приходе. У некоторых епископов есть такое замечательное и полезное обыкновение приглашать исполненных благодати Божией афонских подвижников иеромонахов на свои приходы для совершения таинства исповеди.

В одном селе отец Кодрат впал в немилость некоторым жителям, так как привык прямо говорить о семейной нравственности. Будучи хорошим духовником, он ясно и прямо говорил о воли Господней. Он был проницателен и, когда нужно было, проявлял снисходительность, но бывал строг, когда это требовалось.

Мэр того села распорядился, чтобы никто его к себе не приглашал, Но отец Кодрат не боялся властей мирских, он решил затвориться в сельской церкви. И послал мэру

следующее сообщение «Господин мэр, я не о чем Вас не прошу Кусок хлеба и несколько оливок поддержат мои силы, и я не умру от голода. Изгнать меня из церкви Вы не можете здесь мое место».

Таким образом, души, искавшие исповеди, находили ее в церкви.

В 1936 году в монастыре появился новый послушник, который никак не мог решить, быть ли ему монахом. Старец сделал все, что мог, чтобы помочь ему, отвлечь от мирской жизни. Он проявлял любовь и доброту, но послушник тот никак не мог отойти от суеты мирской. Он даже читал светскую периодику.

Узнав об этом, отец Кодрат призвал его и сказал: «Чадо, из тебя не получится монаха. Ты в монастыре читаешь мирские журналы? Уходи в мир и живи там. Иди, и да благословит тебя Господь!»

В подобных случаях отец Кодрат помнил слова Спасителя: «Кто бо от вас, хотяй столп создати, не прежде ли сед разчтет имение, аще имать, еже есть на совершение» (Лк.14:28).

В часовне св. Гедео́на

Излюбленным местом отца Кодрата была часовня преподобномученика Гедео́на – и потому, что в ней жив был дух святого Подвижника, и потому, что в ней царила атмосфера глубокого покаяния. В этой тихой часовне, благоухающей ладаном и мягко освещенной лампадами, он обыкновенно принимал исповеди своих духовных чад.

Он с вдохновением рассказывал своим ученикам о св. Гедео́не:

«Он был герой. Он отрекся от Христа словом, но исповедал Его кровью».

Когда молодежь, не знакомая с житием св. Гедео́на, с любопытством спрашивала его: «Что это значит?» он с волнением рассказывал о жизни Святого.

«Вот что. Когда он был мал, отрекся Христовой веры и под давлением турок стал мусульманином. Однако позднее осознал, что совершил предательство. И, осознав, ушел на Святую Гору. В течение тридцати пяти лет то был примерный монах в Каракалле. Но в нем росло стремление принять мученичество. Он хотел смыть позор предательства. Испросив благословения старцев, сделав земной поклон, отправился он в Велестино, где притворился сумасшедшим, чтобы спровоцировать свой арест турками. После нескольких таких попыток его арестовали. Приведенный к судье, он смело исповедал веру свою и прошел через мучения. Ему отрубили одну за другой руки и ноги. Мученичество свое он принял не только с неподражаемым терпением, но и с невыразимой радостью. Поэтому я и сказал вам: «Он отрекся от Христа словом, но исповедал Его кровью». И бойтесь, чада мои, исповедуя Христа словом, отречься от него кровью».

«Но сейчас Христос не требует от нас крови, Старче».

«Напротив, Он требует ее: «Отдай кровь и восприми дух,» – говорят Отцы. Истинный монах каждый день приносит себя в жертву, умерщвляет волю свою, проявляет послушание, распинается страстям и миру. Мученичество это! Истинный

монах – это мученик о имени Христовом и должен исповедовать Христа и устами, и кровью».

«А как, Старче, может монах отречься от Христа своей кровью?»

«Как? Когда монах при постриге обещает, что отвергается мира и всех дел мирских, по слову Христову, что он до последнего дыхания будет вести аскетическую жизнь в обители, что до смерти своей сохранит послушание игумену и всей братии о Христе, что вынесет ради Царствия Небесного все испытания и лишения отшельнической жизни, но не выполнит обещанного Господу, то значит, отринет Его. Когда монах, поклявшись Христу, что будет отгонять от себя непослушание, спорливость, гордость, осуждение, ревность, зависть, гнев, буйство, богохульство, тайноядение, дерзость, привязанность к мирскому, хвастовство, ссоры, недовольство, ворчливость, сплетничанье... Как ужасно, чада мои! Мы пришли послужить Господу, стать воинами Его, но, если не будем понуждать себя, то можем делами жизни своей отречься Его... Чада мои, любите Христа! Тогда бескровное мученичество вашей монашеской брани зачтется в очах Господних как самое великое деяние. И если вы вынесете испытания с радостью и благодарностью, пред всеми просияет святость ваша»

Сколько слез пролил отец Кодрат в своей тихой, любимой часовне! За ней есть маленький дворик с единственной скамьей, с которой можно видеть раскинувшееся вдали огромное Эгейское море. Каждый раз, когда он смотрел на это море, вспоминал о тайне любви Господа, и каждый раз тайна эта глубоко его волновала. Тайна вечной любви, напоминающей море без границ, без берегов... и волны его достигали ласково часовни св. Гедеона всякий раз, когда большое сердце, полное любви ко Богу – сердце отца Кодрата, совершало там молитвенные служения.

Спасение отчаявшегося

Однажды, когда отец Кодрат был игуменом, Святой Афон посетил один паломник с целью исповедаться в своих немалых грехах. Он обратился в Карее к отцу Аверкию, занимавшемуся плетением четок, прося его об исповеди.

Отец Аверкий почел за лучшее направить его в святой монастырь Кутлумуш, что неподалеку, от Кареи. Там был хороший духовник, очень строгий в соблюдении канонов, не проявлявший снисхождения к немощам.

Паломник тот был в Кутлумуше на исповеди. Вернулся, «якоже колеблется трость на воде» (3Цар.14:15), унылый, подавленный, в безнадежном настроении.

«Что случилось? Был ли ты на исповеди?» – спросил его отец Аверкий.

«Да, отец, но...»

Отец Аверкий посмотрел на него внимательно. Он был очень бледен, полон скорби, которая не от Бога, но дьяволом вселяется в душу, чтобы подчинить ее себе, овладеть ею.

«В чем же дело? Скажи мне. Что с тобой произошло?»

«Отец, мне не стоит более жить. Мне лучше утопиться » – сказал человек тот с болью.

«Но почему? Ты разве не был на исповеди?»

«Я был на исповеди, и духовник сказал, что грехи мои очень тяжкие. Я не знаю, что делать. Что я могу? Я в отчаянии».

Когда отец Аверкий услышал это и увидел скорбь и безнадежность, охватившие душу исстрадавшегося человека, то взял листок

бумаги и написал письмо Высокопреосвященному митрополиту Иерофею, подвизавшемуся тогда на кафедре в Милопотаме. Теперь только Владыка сможет помочь, найти какой-то выход для этой души.

Отец Аверкий отдал письмо в руки паломника, сказал несколько укрепляющих слов и направил его к келье Его Высокопреосвященства.

Когда паломник пришел, Владыка был в саду. На нем была простая скуфья, он обрабатывал землю мотыгой.

«Чего желаешь, брат мой?» – спросил Митрополит отчаявшегося человека, когда тот приблизился с письмом в руках

«Ваше Высокопреосвященство, я хочу просить об исповеди»

«Чадое мое, я не принимаю исповеди. Но направлю тебя к замечательному Старцу в монастырь Каракалл. Его зовут отец Кодрат».

Он взял карандаш и бумагу, написал записку отцу Кодрату и отправил этого человека к умудренному опытным врачевателю душ.

По крутой горной тропке, ведущей к монастырю, человек тот скоро добрался до места. Отцы встретили его с любовью и радостью, как встречали они любого посетителя, позаботились о нем. Потом известили о его приходе Старца.

Старец просил его придти в келью игумена, где и встретил кающегося так, словно знал его долгие годы, с отеческой любовью. И человек тот не замедлил сбросить с себя груз, давивший на него с невыносимой тяжестью, со страхом, которого прежде не бывало у него и который, вероятно, был вызван первой исповедью. Он был похож на птицу, на которую идет охота: у нее большие раны, но еще больше ужас. Его опутал диавол, но диаволу не предстояло торжествовать, ибо душа кающегося была уже в руках Христовых, в руках отца Кодрата, который приложил все свое умение, чтобы разорвать узы греха и отчаяния. Душа была в руках лекаря, готового провести операцию и излечить раны милостью и светом Святого Духа.

Паломник увидел в Старце Божиего человека и возрадовался этому безмерно.

«Благий Господь наш даровал естеству нашему и то свойство, – написано в «Лестнице» преп. Иоанна, – что больной, видя врача,

веселится, хотя, может быть, и никакой пользы от него не получит. Свяжи и ты, о досточудный муж, пластыри, порошки,

глазные примочки, пития, губки, и при сем небрезгливость, орудия для кровопускания и прижигания, мази, усыпительные зелия, ножи перевязки. Если мы не имеем сих припасов, то как покажем врачебное искусство?» (Слово к пастырю».)

Отец Кодрат имел все духовные инструменты, которые требуются пастырю.

Больной паломник хотел быстрого лечения, но отец Кодрат не торопился. Он сел рядом с кающимся грешником и создалась атмосфера близости, дружбы и доверия.

«Грешен я, Отче».

«Так Но я вижу тебя агнцем Божиим. Скажи мне, есть ли у тебя дети? Когда ты пришел на Святую Гору? Чем занимаешься?»

Какое-то время они беседовали, затем Старец надел епитрахиль.

«Подойди, чадо мое, – сказал он ему. – Видишь, вот икона Христа. Ничего не скрывай. Бог все знает, все видит, все слышит. А я такой же человек, как и ты, с такими же страстями. Поэтому наберись мужества»

Ненасильственно, легко вся горечь и боль ушли из сердца человека, ушли через покаяние, в полной уверенности в милосердие Божие, олицетворением которого были для него фигура и епитрахиль Старца, Он рассказал все, искренне каюсь. Он плакал. Речь его, его душа, его плачь – все было о покаянном пятидесятом псалме Давида: «Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну» (5).

Чего еще может человеколюбивый Господь требовать от человека? Покаяние. Возвращение. Вот единственный путь в Рай, путь, которым прошли и мытарь, и блудница, и разбойник И этой израненной душе Господь открыл тот же путь Своим отеческим попечением через таинство исповеди.

Это происходило на Страстной седмице. Когда отец Кодрат принял исповедь, соболезнуя и плача вместе с ним по своему обыкновению, то, склонясь с любовью к кающемуся, сказал: «Чадо мое, Господь видит покаяние твое и слезы твои. Поэтому слушай. Сегодня Великий Четверг, и все отцы постятся, дабы принять

Святое Причастие. Останься здесь на эти дни. В чистых святых окрестностях монастыря тебе будет лучше. Помолишься вместе с нами, попустишься и примешь Причастие. Я сам буду совершать Литургию и причащу тебя. Грехи твои прощены. Больше не греши».

Радость человека по окончании исповеди мы не в состоянии описать. Все вокруг него было пронизано светом мира и прощения, и милости Господа. Он был направлен ко спасению. И радость отца Кодрата, направившего ко спасению еще одну жизнь человеческую, уже было потерпевшую крушение, была подобна радости Христа, когда Он находит заблудшего, подобна радости небесной о кающихся грешниках.

Духовное наследство

Опыт и наставления отцов, прошедших через подвиги монашеской жизни, а особенно опыт и наставления духовных наставников, представляют собой бесценное духовное наследство для последующих поколений монахов.

Отцы Святого Афона с благодарностью вспоминают мудрые и живые слова отца Кодрата. Они великодушно поделились с нами тем, что сохранила их память, и мы можем воспроизвести здесь его поучения,

«Чадо, жертвуй собой. Никогда не пренебрегай ни службами, ни уставом. Постись по понедельникам, средам и пятницам, ибо пост сокрушает сердце человека»

«Некие заявляют, что в Священном Писании ничего не сказано о посте. Напротив! Первое повеление о пощении и умеренности было дано еще в Раю. Моисей постился, чтобы получить Скрижали Завета. И мы тоже должны поститься, если хотим, чтобы и нам открыт был Закон Божий. Пророк Илия постился. Сам Господь сорок дней постился в пустыне».

«Вам необходимо молиться. Чем больше человек отдает себя молитве: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного,» тем ближе он приближается к Небу и возвышается над землей».

«Отцы, блюдите ночные бдения. Мы, монахи, должны подражать ангелам, а ангелы не спят и славят Бога».

«Совершайте суточное правило, – обращался он к монахам. – Каждый день восходите, как по острию, но понудьтесь не падать».

«Усердно относитесь к послушанию в кириаконе (главной церкви монастыря). Старайтесь приходить первыми. Никого не обвиняйте. Делайте свое дело, не выясняя, чем заняты другие братья»

«Отец Максим, знай, что приходящие подвизаться в монастыре должны иметь усердие, рвение, огонь, чтобы пребыть там до конца».

Он часто говорил о двух вещах: первое – что в начале монашеской жизни необходима пламенная любовь и самоотверженная решимость; и второе – что позднее, когда монаха станут злобно атаковать враги, нужно поддерживать ту первоначальную пламенную решимость и стремление, которые возжег Господь».

«Максим, Максим, когда человека посещают искушения, их должно отрезать отсюда (и он показывал на свой рот, желая показать, что необходимо воздерживаться в пище и упражняться в воздержании). Молодой человек, у которого много сил, должен делать, если может, и по тысяче земных поклонов. Когда же он состарится и не способен будет больше на такое, тогда то, что он совершил в молодости, сослужит ему».

«Молитвой: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного,» молись. Это единственное лекарство для монаха».

«Чем более смиряешь себя, тем более возвеличиваешься. Не возгордись, если получишь сан. Наши способности – не наша заслуга, но дар Божий»

«Знаешь ли ты, каким должно быть монаху? – Подобным мертвому. Оскорбляют ли его, хвалят ли, бьют ли – он хранит молчание»

«Отцы, – частенько говорил он. – Послушание – это великое смирение. Пребывший в послушании войдет в Рай. Не пребывший будет из Рая изгнан».

Св. Симеон Новый Богослов пишет, что тот, кто «достаточно верит» в отца своего духовного, при виде его чувствует, что видит Самого Христа, и, следуя за ним, верит, что следует за Самим Господом. «Потому что же величественнее и благодетельнее и в

настоящей жизни, и в будущей, чем быть со Христом?» И когда он слышит слова своего духовного отца, это так, словно слышит он Самого Христа. «И если он удостоивается наставлений от него, то когда-то через это обретет жизнь вечную». И потому слова духовных отцов наших имеют непреходящую ценность. Они отзвук гласа Христова.

«Добре, раб благий и верный» (Мф. 25» 21)

Испытания

По Божиему промыслу избранные Его должны проходить испытания, «как золото в горниле».

«Малое испытание, перенесенное ради Господа, лучше, чем большой труд без Него... Но ты, о воин, претерпевающий страсти, подобные тем, что претерпел Господь, подвизаешься ли ты сам достаточно для того, чтобы удостоиться части славы Его? Ибо если мы действительно страдаем вместе с Ним, тогда вместе с Ним и прославимся. Потому и любовь святых ко Христу проверяется в испытаниях, а не в благоденствии» (преп. Исаак Сирин).

С замечательным терпением отец Кодрат перенес два испытания, причиной которых были некоторые его ученики, не проникшиеся чувством благодатной жизни в обители, проявившие непослушание. Хотя Старец и простил их, они сильно нарушили мирное, благословенное течение монастырской жизни. Мы должны кратко рассказать об этом, чтобы восполнить историческую картину.

Нет ничего странного в том, что время от времени, когда не достаёт внимания и духовного усердия, в некоторых монахах развиваются слабости человеческие и эгоизм. Кроме того, против монахов бесы ведут непрерывную и сильную брань. Против тысячи мирян восстает, быть может, один бес, а против одного монаха – возможно, и тысяча бесов.

Отец Филипп несколько лет был представителем монастыря в Киноте Святой Горы в Карее. Он имел влияние на людей, на события, и потому пришел однажды в монастырь попросить денег

для каких-то дел. Старец отказал ему по серьезным и обоснованным причинам.

«Отец Филипп, как монаху, тебе нельзя просить денег,» – сказал он ему.

Но отец Филипп не желал этого слышать. Ему удалось убедить членов Святого Кинота, полицию и других лиц отправиться в монастырь и оказать давление на Игумена.

Тогда отец Кодрат призвал братию в трапезную, и они затворились там. Давлению он не поддавался. Члены Святого Кинота вошли в помещение для гостей. Когда они устроились там, то послали за Игуменом. Посланный пришел в трапезную, и Старец спокойно передал через него членам Кинота, ожидавшим в гостинице, что Игумен со своей паствой и что, если они желают видеть его, то пусть придут в трапезную, где и найдут всю братию.

Конечно, этого не произошло, потому что, если бы они пришли в трапезную, то получили бы свидетельство, что вся братия

едина вокруг своего Старца. Попытка их, таким образом, была бесполезна, и они изошли посрамленными, но вместе—и наученными, и раскаивающимися, так как поняли, что мятежный отец Филипп ввел их в заблуждение. Отец Филипп вынужден был покинуть монастырь.

Вторым большим испытанием был захват монастыря некоторыми из старшей братии, договорившимися сместить отца Кодрата с места игуменского.

Так вот, когда однажды он возвращался из монастырской гавани, они известили его о том, что он более не является игуменом.

«Да будет на то воля Господня,» – спокойно произнес он и удалился. Отец Кодрат бесстрастно встретил это испытание. Он не протестовал ни мало. Игуменство свое рассматривал как служение Господу: Господь назначил, Господь и снял.

Недолгое время подвизался он в тихой уединенной Свято-Илиинской кафисме монастыря. Он проявил терпение, славя Господа и подвизаясь в умной молитве. В свою очередь приходил в монастырь и совершал там Литургии. В то время в монастыре было, кроме него, лишь два священника – отец Максим и отец Макарий.

Однако спустя два месяца новый игумен упал с мула, когда ехал на праздник в Лавру, тяжело заболел и умер.

Тогда отца Кодрата вновь призвали на место игуменское. Братия осознали свою вину перед ним, поняли и волю Господню. Они просили прощения. Старец простил их и с тем

же смирением, с каким принял лишение, снова приступил к обязанностям игумена.

Отец Кодрат был богобоязненным человеком. Но более он любил Бога и верил неизменно, что «любящим Бога вся споспешествуют во благое» (Рим.8:28).

Свидетельства благодати

Много дивного рассказывают на Святом Афоне о жизни отца Кодрата, особенно о его молитвенности и литургическом служении.

Его духовная жизнь была очень насыщенной–живой результат невероятных усилий подчинить плоть духу и освободить внутреннего человека.

Рассказывают, например, что произошли чудеса, когда он однажды отравился совершить Литургию в каливе, и у него не оказалось с собой богослужебных книг. Но нам неизвестно, что именно произошло, как проявила себя тогда благодать Божия.

Очистившим душу свою исцеляющей силой молитвы и аскетизма, Бог дарует богатство все просвещающих лучей Духа Святого.

«На души чистые и всякой грязи лишенные светит пророческая благодать» (свят. Василий Великий).

Отец Кодрат был также удостоен особенного дара прозорливости, как показывает один случай, который хорошо известен и о котором часто рассказывается на Афоне.

Это произошло во время всенощной в монастыре Каракалл. Игумен, отец Кодрат, сидел (один из редких случаев, когда он сидел) на своем месте, и на какое-то мгновение его одолел сон. Но вдруг он внезапно вскочил, словно что-то увидел или услышал.

«Отцы, возьмите четки! Наши братия в море в опасности! Они могут утонуть!» И он первым начал молиться: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй рабов Твоих».

Действительно, как раз в это время некоторые из братии подворья в Кассандре находились в опасности. Парусная лодка едва держалась на бурных морских волнах. Они были почти без сил, когда добрались до мола. Несмотря на все попытки привязать лодку (один из братии стоял по грудь в воде), у них ничего не получалось.

Сильная молитва отца Кодрата и других отцов была услышана: братия обрели силы, и они избежали опасности. «И

услышит от храма святого Своего глас мой, и вопль мой внидет во уши Его» (2Цар.22:7).

Вся жизнь отца Кодрата была молитвенным стоянием. Он ничего не решал, ни о чем не думал, ничего не делал без молитвы. Молитва для него была «убежищем помощи, источником спасения, сокровищницей веры, гаванью укрытия от волн огромных, светом, освещающим тьму, укреплением немощных, укрытием от искушений, помощью в болезни, щитом в сражении и стрелой, пущенной во врага» (преп. Исаак Сирин).

«Течение скончах» (2 Тим.4:7)

Монахи – настоящие мудрецы жизни и смерти. Отец Кодрат был истинным философом о Боге. Каждодневно размышлял он о тайне жизни и смерти в божественном свете Воскресения Господня.

«Незадолго до его кончины я в последний раз навестил его, – рассказывал нам отец Евдоким из монастыря Филофей. – Он едва мог говорить».

«Здравствуй, отец Евдоким. Как ты? Как отцы?»

«Хорошо, Старче, Вашими молитвами. А как Ваши дела?»

«Мои дела, чадо мое? Пришел мой час. Жизнь человеческая длится обыкновенно семьдесят лет, и если сильный человек проживет восемьдесят, все же большая часть этих лишних лет пройдет в страданиях».

«В другой раз его посетил мой старец отец Дионисий. Он пришел за советом по важному делу: оставить ли при себе или отослать прочь одного из послушников своих, обладающего трудным и грубым характером».

«Молись пред иконой Божией Матери, – медленно, с большим усилием выговорил он. – Молись и оставь при себе послушника. Прояви терпение к его недостаткам, и Бог помилует и спасет тебя».

Отец Кодрат пятьдесят восемь лет подвизался в монашестве. Пятьдесят восемь лет он был доблестным воином духовным на великом поле брани Святой Горы. Он прибыл на Афон в 1879 году, был пострижен в 1882-м и, наконец, почил сном праведника 31 января 1940 года, оставив по своей воле место игуменское первого числа того же месяца. Виделось всем, что он знал о своей кончине. Умер не от болезни, а от старости.

Он оставил после себя след трудов подвижнических.

Пятьдесят восемь лет монашеской жизни были полностью отданы Богу и духовным чадам, молитве и труду добродетели. До последнего момента жизни не прекращал он своего руководства отцами и братией на пути ко Богу. До последнего

часа подвизался прилежно и старательно, сознательно и ответственно как честный труженик Христов, используя данные ему Господом таланты.

И когда закрыл глаза, закончив свою подвижническую жизнь, свои пятидесятивосьмилетние труды в монастыре Каракалл, он мог сказать Господу:

«Господи! Пять талант ми еси предал; се другия пять талант приобретох ими».

И думаем, Господь сказал ему:

«Добре, рабе благий и верный! О мале был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа твоего»

(Мф.25:20–21).

Старец Филарет из монастыря Костамонит

Фигура твоя невысокой была,
Но смиреньем она возвышалась.
А детская простота ума твоего Кладезем добрых мыслей
была.

О, старец Филарет, бывший как ребенок – Монах Марк из
Костамонита.

Не прииде, да послужат мне, но послужить.

(См.-[Мф.20:28](#))

**«Коль возлюбленна селения Твоя Господи сил!»
(Пс.83:2)**

Святой монастырь Костамонит

Святой монастырь Костамонит – это один из тихих афонских монастырей, в котором подвизается братия в исихазме. Он, как гриб, спрятался в лесу на юго-западном склоне Святой Горы, сокрытый от любопытных взоров туристов с моря, ведущий в неизвестности миру, в тайне свою жизнь, что создает для монахов самую благоприятную атмосферу. Достопочтенные отцы и братия, подвизающиеся там, сделали его местом исихазма. Они истинные исихасты по образу жизни в благодатном месте монастыря. В глубоком, безбрежном молчании леса правят бал, особенно по весне, разнообразные певчие птицы, и главные среди них – соловьи, день и ночь безустанно творящие свое пение. В часы общей покаянной молитвы, как и на всем Афоне, поют молитвенно отцы, и тогда сам монастырь напоминает птиц, поющих свои многоголосые песни.

Есть разные предания об основании святого монастыря Костамонит. Первый его строитель неизвестен. Одно из преданий в качестве основателя называет святого равноапостольного Царя Константина Великого, а затем и сына его Констанция. Другое упоминает Макария, епископа Иериссоса, который восстановил монастырь после разрушения, учиненного Юлианом Отступником. Епископ Макарий жил во время правления Аркадия. Он изображен с левой стороны собора облаченным в монашескую мантию, подпись: «Макарий Иериссосский».

Еще в одном предании говорится о некоем исихасте, пришедшем из Костамоны в Пафлагонии; и есть еще предположение, что название монастыря происходит от каштанового леса, его окружающего.

Точно известно, что в XI веке монастырь уже существовал, так как имеются сведения, что в 1107 году игуменом там был некий отец Иларион, родственник Императора Алексея I Комненова.

В конце XIII века святой монастырь подвергся гонениям со стороны поддержавшего латинян Иоанна XI Беккоса, патриарха Константинопольского, и императора Михаила Палеолога. Они пытались силой навязать свои противные Православию взгляды, содействуя идее главенства папы и нанося удар по оплоту Святого Православия – Горе Афон. Монахи Афона, неизменно верные защитники Правды, посвятили и тела свои, и души сохранению целостности и неповрежденности Веры. Латиняне послали на Святую Гору диких зверей в образе человеческом, разжигали огонь, сжигая монастыри. Отцов, пострадавших тогда, Церковь теперь почитает мучениками и исповедниками. Был тогда сожжен и Костамонит, но, в отличие от других монастырей, число жертв в нем не установлено.

В 1351 году в хрисобулле Ивана V Палеолога упоминалось о землях монастыря, а во время правления Андроника II Палеолога Королева Сербии Анна Филантропини подарила Костамониту маленький монастырь св. Антония, находящийся к северо-западу от него, и бесценную икону Божией Матери «Одигитрия».

Полное обновление монастыря произошло при полководце Сербском Радице, который принял позже монашеский постриг именем Романа. Радиц-Роман считается величайшим благодетелем монастыря – и за дары его, и за его заботы по укреплению духа обители.

В 1717 году монастырь сильно пострадал от нового большого пожара. Он пребывал в упадке до 1799 года, когда был вновь восстановлен по благословению Патриарха Неофита VII. Во второй половине XIX века произошла полная перестройка монастыря трудами деятельного игумена Симеона, выходца из Стагейры. Были построены новые здания, в 1867 году сооружен новый соборный храм.

Но давайте вернемся к генералу-благодетелю – монаху Радицу-Роману. В записях о его дарах и пожертвованиях, среди прочего, есть следующее: «Я отстроил монастырь на Святой Горе в честь славного святого Апостола, Первомученика и Архидиакона Стефана в местности под названием Костамони. Некоторые (здания) я обновил и надстроил, для других,

разрушающихся, построил окружающие их стены, и, таким образом, я укрепил весь монастырь, лежавший в развалинах и заброшенный. Молю славного святого Первомученика Стефана принять это как большой дар, как две лепты вдовы... Таким образом, по благословению отца моего духовного, Высокопреосвященнейшего митрополита Марка Ачилевского, я объявляю, что, так как это общежительный монастырь, то братия сообща избирает себе игумена... Более того, если, что соответствует моим целям, случится мне придти на Святую Гору, чтобы стать монахом и вести монашескую жизнь в моем ли собственном монастыре или в каком-нибудь другом, (я объявляю,) что святой монастырь обязан меня принять с почтением по воле игумена и совета (братии), а мои расходы будут (возмещены) деревнями (числом 72), которые я передаю монастырю... Далее, если отец мой духовный, митрополит Марк Ачилевский, прибудет в монастырь, (объявляю,) что он может там вплоть до смерти своей быть казначеем. Подобным же образом, если кто-то из родственников моих пожелает стать монахом, святой монастырь обязан их принять и предоставить упокоение».

Этот текст полководца Радица, позднее монаха Романа, свидетельствует о той заботе, с которой дворяне и сановники того века относились к нуждам святых монастырей. Действительно, многие люди, занимавшие высокие посты в государстве, такие как Радиц-Роман, праведно желали облачиться в монашеские одежды и провести остаток жизни своей «в мире и покаянии» простыми монахами в великой и святой ангельской схиме.

Вместе с тем, текст этот отличает большое почтение, уважение и любовь, которыми окружали Святую Гору в течение столетий все православные люди, независимо от национальности. Правда, с древних времен и до сего дня Святая Гора была и остается центром Православия, уникальным явлением монашеской жизни, связующим звеном между всеми православными народами, выражением всеобъемлющего начала нашей Церкви в благодатнейшей части православной духовности – в ведении подвижнической жизни,

исполненной любовью ко Христу, в приближении человека посредством чистой молитвы к стяжанию Духа Святого как традиции православного монашества Афона. Это также благословение Богородицы. На Святой Горе подвизаются монахи – уроженцы со всех концов света – с востока и запада, севера и юга.

«Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе яко богосветлая светила, от запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в тебе благословяща Христа во веки».

Эта пасхальная песнь относится также и к тому Сиону, что зовется Афоном. И в этом благословенном Сионе подвизался, «яко богосветлая светила», отец Филарет (1890 – 1963), игумен святого монастыря Костамонит, о жизни которого мы расскажем на следующих страницах.

Нетленная чистота

Из монастырских записей мы узнали: «Старец Филарет родился в селе Фитиа Верриас в Македонии в 1890 году. Отцом его был Георгий Маторас, а матерью – Катерина Стергиу. При крещении младенца назвали Антонием. Свою жизнь в святом монастыре он начал в ноябре 1912 года, принял постриг в великую схиму в апреле 1921 года, стал иеромонахом в октябре 1924 года.

В марте 1949 года его избрали игуменом и утвердили в должности 21 мая того же года.

28 января 1963 года в Неделю о блудном сыне и в день совершения памяти святого и богоносного Отца нашего преподобного Ефрема Сирина он отошел ко Господу в то время, когда на утрени читалась третья кафисма Псалтири».

Если описывать его внешность, Старец был невысокого роста (около 1,6 м), круглолицый, с черными глазами и окладистой бородой. Имел он приятную внешность, мягкие и скромные манеры, был исключительно простым и бесхитростным, добрым и немногословным. Описывая качества его души, мы должны назвать его великое послушание и смирение, непрестанное стремление обрести все добродетели, а также его умную молитву, воздержание в пище, неспорливость, безгневие, отсутствие интереса ко всему, что не касалось монашеских дел, его высокую духовную жизнь, нищету и недостижимую чистоту.

С детских лет в Старца летели «огненные стрелы врага», но Божественное Провидение хранило его, как избранный чистый сосуд, и сам он боролся, чтобы не запятнать чистый покров, «сияющий как снег».

Однажды, когда он был совсем еще юным, он отправился на прогулку с товарищем, который был и старше его, и выше ростом. За окраиной села того юношу вдруг охватило плотское искушение, и он набросился на юного Антония, чтобы удовлетворить свое постыдное и презренное желание. Антоний стал призывать на помощь, но людей поблизости не было. Тогда

он призвал в помощь себе Бога и, хотя и был мал, как новый Давид, с неожиданной большой силой оттолкнул далеко от себя крупного юношу, избежав, подобно прекрасному Иосифу, искушения.

Его благоразумие и внутренняя чистота хорошо видны и в другом случае, который он в мягкой и поучительной манере рассказал одному из своих учеников: «Когда я жил в Америке, то работал чистильщиком обуви. Через нас проходило много людей, желавших почистить обувь И однажды пришла очень красивая молодая девушка из знатной семьи. Мои товарищи боялись искушения плоти и обслужить ее послали меня, потому что я никакого особенного искушения не чувствовал. Под конец она дала мне хорошие чаевые. Бог хранил меня, я не почувствовал искушения».

Если мы примем во внимание то, что жил он в Америке в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет, то есть в те годы, когда естественны волнения плоти, то поймем, что Антоний, раз сохранил свою чистоту, был отмечен особой милостью Господа. Даже среди бурной жизни Америки с ее многочисленными соблазнами Божественное Провидение стеной окружило его и сохранило нетронутым и неопаленным, подобно трем святым отрокам в печи.

«Кто победил свое тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого; бывает малым чем умален от Ангел, но не значит, что меньше их» («Лествица» слово 15-е).

И Антоний, еще до того, как стал монахом и иеромонахом Филаретом, был земной ангел, «малым чем умален от Ангел», так как имел плоть Он был ангелом во плоти.

Имея такое основание, как чистая жизнь и чистое сердце, с юности сохранил он силу сопротивления будущим искушениям. Временами, когда бесы атаковали его постыдными помыслами (когда он уже стал монахом), ему приходилось напрягать духовные свои силы. Так, каждую ночь он поднимался раньше других и со слезами молился в келье своей пред иконой Владычицы Богородицы Тликофилуса». Однажды, во время продолжительной и трудной молитвы, икона вдруг ярко

просияла, осветив всю келью. В тот же момент исчезли постыдные помыслы, и сердце исполнилось невыразимой радостью, миром и благоволением. «Кто победил свое тело? Тот, кто сокрушил свое сердце. А кто сокрушил свое сердце? Тот, кто отвергся себя самого».

Борясь долгое время с искушениями, всегда готовый к брани, духовный воин приобрел опыт умной брани с бесами и страстями. Вместе с тем, он приобрел внутренние знания о действии Божественной Благодати в воинах духовных.

Такой же опыт дал плоды в душе современного Старца, Иосифа Пещерника, как сказано «Стремительное его восхождение – воплощение опыта монашеского». Мы приведем цитаты из его жизнеописания, из части, озаглавленной «Благодать всегда предшествует искушениям как предостережение и подготовка»

Он знал, что благодать всегда предшествует искушениям как предостережение и подготовка. Как только Вы воспринимаете благодать, насторожитесь и скажите: «Это сигнал к брани! Смотри внимательно, о «перст от земли» (Быт.2:7), откуда зло нанесет свой удар. Часто зло приходит быстро, а часто и через два- три дня. В любом случае оно придет, и сотворенные из земли должны стоять твердо. Откровение помыслов ежевечерне, послушание Старцу, мягкость и любовь к ближним. Это средства брани...

Благодать бывает трех ступеней: очищающая, просвещающая и совершенствующая. То же и с поступками: противоестественные, естественные и вышеестественные. Соответственно этим трем ступеням люди возвышаются или опускаются. И великие дары, которые получает человек, бывают тоже трех видов: созерцание, бесстрастие и любовь.

Жажда познания Христа

Антоний, малый ростом, как Закхей, велик был духовно, предан Божественному. Как мы уже сказали, уехал он в Америку в восемнадцатилетнем возрасте. Там усердно работал у своего дяди, который сам был верующим и благочестивым человеком, опорой и надеждой племянника в духовных исканиях. Благородной душе Антония Америка виделась громадной толпой, сборищем погрязших в материальных благах и заботах о комфорте идолопоклонников. Его юношескому сердцу, подобному страждущему оленю, все это только мешало. Он стремился видеть Иисуса, как и Закхей, но ему еще необходимо было найти свою смоковницу. С ее высоты, поднявшись над шумной, суетной, смятенной толпой, мог он увидеть Иисуса. И такой смоковницей суждено было стать Святому Афону.

Вот как все устроилось по Божиему Провидению. Когда он со своим дядей ехал из Америки в Грецию, были они проездом во Франции. Проведя ночь в отеле, утром поднялись на борт океанского лайнера, который должен был доставить их на родину. Однако, по странной случайности, дядя забыл в отеле свои документы. «Будь здесь, а я съезжу за бумагами,» – сказал он племяннику. Но когда вернулся, корабль уже отчалил с Антонием на борту – юноша отправился навстречу своей судьбе.

По счастливому совпадению Антоний прибыл в Фессалоники в день передачи города грекам, в праздник великомученика Димитрия Солунского, Мироточивого в 1912 году. Сердце его исполнилось покаянием и благодарностью Святому, исполненному чистоты и покровителю чистоты. Он поклонился его мощам, а вечером Святой сам явился ему! Явился во сне и сказал: «Не возвращайся в село. Отправляйся на Святую Гору и стань монахом» И Антоний, чадо послушания, с радостью отправился в Удел Божией Матери. Хотя тогда не было регулярного сообщения, трудности пути не пугали его. Он шел пешком, не останавливаясь, пока не добрался до деревни Гомати в Халкидики. Оттуда, наняв осла с погонщиком, выехал

с намерением доехать до святой Лавры. Проехали они Оранополис и, так как собирались проехать через Карею, остановились в святом монастыре Костамонит.

Монастырь этот, как Вы уже знаете, посвящен святому первомученику и архидиакону Стефану. По преданию, святая его икона, написанная в восьмом веке, чудесным образом прибыла на Гору из Иерусалима в годы иконоборчества.

Когда Антоний увидел икону св. Стефана, окрестности монастыря, дышащие исихазмом, отношение отцов с любовью – все это было ему по сердцу. Он стремился увидеть Иисуса, и вот он, блаженный час, приблизился. Здесь, на Святой Горе, в святом монастыре Костамонит, произойдет встреча с Ним, а затем радостное познание в течение всей жизни, постижение тайны Божественной любви, обретение Бога в себе.

Обратив взор свой на святую икону Первомученика, Антоний почувствовал, что св. Стефан, исполненный Духа Святого и силы»,

призывает его остаться и обещает стать для него, как шафер для жениха или как выводящий невесту (душу Антония), и что может он дать невесте, душе его добродетельной, «возженную лампаду добродетели»

Решив, таким образом, остаться в этом монастыре, он позвал погонщика осла и объявил ему, что дальше путешествовать не намерен: «Останусь здесь, святой Стефан призвал меня,» – сказал. Было ему тогда двадцать два года.

Три чудотворные святые иконы

Еретики, различные там свидетели Иеговы, как и евангелические протестанты, обвиняют нас, православных, в том, что мы идолопоклонники, потому что, как они утверждают, мы поклоняемся святым иконам. Это обвинение несправедливое и невежественное. Православные христиане по завету святых Отцов «почитают святые иконы Господа нашего, Богородицы и святых». Это почитание, согласно преп. Иоанну Дамаскину, «восходит к первообразу». То есть, когда мы почитаем святую икону, почитание наше относится не к дереву, не к краскам, не к материалам, из которых она сделана. Почитание относится к личности, являющейся первообразом святого образа. Воинственные свидетели Иеговы и сухие рациональные протестанты не способны понять теплое живое чувство православных перед византийской иконой. Они чужды духовного ведения и православной иконописи, чужды таинств церковных.

Для православных христиан, а особенно для монахов Святой Горы, святые иконы – это неотъемлемая часть богочитания. На наших святых иконах начертан путь спасения нашего, нашего очищения, нашего обожения. У византийских икон природа литургическая и вместе – догматическая, но, самое главное, они являются плодом духовного богословия Восточной Православной Церкви. Византийская икона существует как послание и свидетель мира, выраженное образом Христа, ликом Богочеловека, нераздельного со Святой Троицей посредством нерукотворной силы и нерукотворного света.

На Святой Горе, где каждое выражение обожения и очищения сильно в своей искренности, где действенное обожение тесно

связано с созерцанием, монахи особенно чтят, относятся с благоговейным страхом и с горячей любовью лобызают иконы на иконостасах в святых церквях, другие иконы и фрески. Они

возжигают лампы перед богослужениями, а также во время любых молитв внутри или снаружи церкви или часовни.

В каждом монастыре есть иконы, связанные с его историей. В святом монастыре Костамонит особенно почитаются три благодатные иконы: св. Стефана,

Богородицы «Одигитрия»

и Богородицы «Антифонитрия».

Об иконе святого Стефана известно нечто, относящееся ко времени правления Константина Мономаха:

«...Тогда принесли св. икону св. Стефана из Иерусалима, которая поставлена с правой стороны собора, где все ее видят и почитают. И, по достоверному свидетельству, нижняя часть этой иконы немного обожжена иконоборцами, ибо они бросали ее в огонь, но она не сгорела, лишь низ обгорел; и такой мы видим ее до сегодня».

Кроме этого свидетельства, мы знаем и о чуде от святой иконы Божией Матери «Одигитрия»:

«...Старец и Чудотворец отец Агафон сильно скорбел и плакал теплыми слезами, и постился, и молился пред святой иконой Богоматери, и, изнемогши, забылся тонким сном, а во сне с радостью видел откровение и слышал глас от святой иконы Богоматери -- о, диво! – говорившей ему не скорбеть из-за искушений и о том, что от этого времени Гора успокоится от всех страданий, и, как знак подлинности того, что было сказано, большой чан церковный будет наполнен маслом. Соответственно и другие сосуды в монастыре тоже будут наполнены необходимым для жизни.

Когда старец Агафон очнулся, духовное волнение и робость не давали ему поверить в истинность видения. Он зажег лампу и пошел проверить бочку в церкви и, увидев истинное чудо, был изумлен и напуган и громким голосом возвестил о великом чуде братии, о чуде, совершенном Богородицей, и всем рассказал то, что видел и слышал от Божией Матери. Потому с того и по сей день перед святой иконой Владычицы нашей Богородицы горит неугасимо лампада в знак благодарности за чудо».

Духовному взгляду отца Филарета все святые иконы монастыря были окнами в вечность. Но чудотворные иконы

первомученика и архидиакона Стефана и Божией Матери «Одигитрия» были живыми свидетелями «радостной скорби», которой вечность освещает монашеский духовный опыт. И видно это бывало по тому глубокому почитанию, по той радости, любви, покаянию, с которыми он каждый день на богослужениях почитал эти иконы.

«Закон Твой поучение мое есть» (Пс.118:174)

Мученическое послушание

«Подойди ко мне, о воин, подойди ко мне и стань со страхом»

Ты будешь выше всех, как предначертано Господом,
Ибо ты пройдешь путем первомученика».

(Преп. Феодор Студит, «Ученику»).

Этими словами Преподобный обращался и к новому подвижнику святого послушания. Послушник приравнивается к мученикам о Христе; по словам святых Отцов, послушник идет путем мученическим. Антоний, как мы увидим, прошел не одно мученическое послушание, а три.

В те времена молодых посылали на монастырские подворья, расположенные вне пределов Святой Горы. Также произошло и с нашим Антонием. Его сразу же отправили на подворье в Трипотамос

Там назначили послушание келаря, и в обязанности его входило готовить пищу для отца благочинного, его помощника и работников, накрывать на стол, мыть посуду, подметать, следить, чтобы в погребе было достаточно провизии и при этом проявлять полное послушание. Жизнь на подворье для иноков, особенно молодых, очень трудна. Они лишены драгоценного уединения и тишины. На подворье работают и миряне – мужчины, женщины, дети. Их жизнь состоит из непрерывной брани, проходит в горниле искушений и раздоров. Вот первая причина, которая делала мученическим послушание Антония. Но бесовское пламя, огонь плоти и мирские соблазны – это было еще не все, чтобы испытать молодого монаха, не все, что грозило осквернить чистоту нового воина Христова.

В то же время благочинный подворья (вечная ему память) был очень суровым человеком. По всей Святой Горе шла слава о его нестигаемом нраве. И горе бывало тем, кто осмеливался в чем-либо перечить ему. Он был до крайности требовательным и раздражительным. С этим человеком жизнь Антония была настоящим мученичеством. Но он проявлял неизменное

терпение и был предупредителен со всеми. Итак, второй причиной его мученичества был отец благочинный.

Третьим большим испытанием для него стала болезнь: он долгое время страдал от жестокой дизентерии. Таким образом, Антоний проходил очищение, «как золото в горниле». И какие другие средства очищения более действенны, чем послушание, смирение и долгая изматывающая болезнь?

В течение полугода он был прикован к постели, страдая от боли, зловония, истощения, едва не приведшего его к туберкулезу, и, более всего, от пренебрежения и равнодушия благочинного.

Но Благодать Господня послала ему великое утешение, силу душевную, чудесное вмешательство. В этом испытании души и тела молодой Антоний, чадо послушания, мог сказать Господу «За словеса устен Твоих аз сохраних пути жестоки» (Пс.16:4).

Однажды ему привиделся юноша, вошедший и вставший напротив него, сияющий невыразимой красотой. «Антоний, ты еще болен?! Терпение твое богоугодно,» – сказал он и исчез. Кто же это мог быть, как не св. Стефан?

После этого его осматривали два или три доктора. Их диагноз? Абсолютно здоров. Врач Лавры, монах Афанасий (Кампанаос), в отчете монастырю написал: «Впервые в жизни я видел такие легкие, такой молодой организм, как будто он принадлежит трехлетнему ребенку».

Благочинный был поражен этим чудом. Он просил прощения за свое обращение. В покаянии не раз повторил: «Чадо мое, я был слишком суров с тобой».

Литургическое служение

Вернувшись с подворья в святой монастырь, мужественный Антоний, пройдя испытания послушнические и выказав безупречное поведение, в мае 1925 года был пострижен с именем Филарета. Ему доверили почетное, но очень трудное послушание экклесиарха. Однако не существовало трудностей для полного добрых устремлений, вдохновения, жертвенной готовности и любви к добродетели сердца монаха, получившего имя Филарет. В служении он напоминал ангела, летающего по церкви, духа, посланного служить...

Экклесиарх – это монах, имеющий различные обязанности в церкви. Он возжигает лампы, моет, чистит медные подсвечники, кандила; он подметает и протирает, приготавливает новые свечи, ладан, фитили, поправки для фитилей, чистит лампы; починяет стасидии и т.д. Все это он должен делать во время, свободное от служб. Во время же богослужений у него другие обязанности, для выполнения которых он должен держаться неколебимо и передвигаться, развивающейся мантией напоминая ангела с крыльями. Он должен быть постоянно внимательным, не производить шума и беспрекословно слушаться игумена и служащего священника.

Благословенный отец Филарет оказался образцовым, усердным и не знающим усталости экклесиархом. Во время службы, заранее все приготовив, он становился на свое место и, склонив голову, погружался в сладость молитвенную, полный любви ко Христу. Он никогда не учился петь, и, когда пел, голос его звучал грубо. Но какое значение имел этот недостаток? У него был плохой голос, но возвышенный ум; необученный, он входил в несказанный небесный хор бестелесных.

В апреле 1921 года он был рукоположен во диакона. В этом первом священническом сане чувствовал свою особенную близость к первомученику архидиакону Стефану, защитнику и покровителю святой обители. Через три года, в октябре 1924-го, был рукоположен во иеромонаха. Со дня рукоположения и до самой кончины отец Филарет ежедневно совершал

Божественные литургии. Душа его алкала, стремилась к Литургии. Редко бывало, когда он не мог служить, всегда—по состоянию здоровья. Он жил,

чтобы совершать Литургии, и совершал Литургии, чтобы жить. Без Божественной литургии он чувствовал себя мертвым, лишенным Христа, Который есть жизнь и воскресение, свет и покой.

В то время, кроме игумена, в монастыре было еще два иеромонаха, но один из них, отец Агапий, серьезно болел, а другой не стремился ежедневно совершать Литургии. Потому отец Филарет и взял на себя обязанность ежедневно совершать Литургии. Даже когда другой иеромонах решал, что он будет служить, отец Филарет шел и совершал Литургию в одной из восьми часовен монастыря. Четыре из них внутри монастырских стен: 1) часовня Божией Матери, имеющая прекрасный резной деревянный иконостас и чудотворную икону Богородицы «Портаитисса», от которой было совершено множество чудес в России; 2) часовня св. Константина; 3) часовня Всех Святых; 4) часовня святителя Николая. Четыре другие часовни находятся за монастырскими стенами: 1) часовня Архангелов на кладбище; 2) часовня Пресвятой Троицы; 3) часовня «Панагуда» или «Панагица» (это ласковое, с любовью обращение к Богородице), расположенная в ущелье и 4) часовня преп. Антония на месте старого монастыря. Каждая из них хороша и отмечена своей особенной благодатью.

Отец Филарет не перестал совершать Литургии, даже когда здоровье его пошатнулось, и он страдал от двусторонней грыжи. Она была следствием многочасовых неподвижных стояний и прочих трудов. Чтобы дать ему отдохнуть, отцы предложили платить приходящему иеромонаху, чтобы тот ежедневно служил, ибо отец Филарет к тому времени исполнял еще и обязанности игуменские, и исповедовал множество монахов, паломников и работников.

На это предложение благословенный и смиренный Старец отвечал: «Отцы мои, вы трудитесь больше меня. Я не знаю никаких других трудов, кроме совершения Литургий. Так дайте

мне трудиться наравне с вами. Если меня оставят силы, я сам скажу вам пригласить иеромонаха со стороны».

Своим непрестанным совершением Литургий он показал братскую любовь и отзывчивость души, он показал этим также и устремление к Тайной Вечере, желание вечной и бесконечной Пасхи, любовь к присутствию Владыки, подвижничество его горящего сердца в великий сонм святых.

В сердце его горел литургический огонь. Однажды он признался отцу Пахомию, что, когда совершает Литургию, то чувствует, как душа его возлегает, преображается, возносится в другой мир.

«Беспрестанное пение ангельское славословия Трисвятого символизирует равночтимое существование, соединение и симфонию сил неба и земли, которое осуществится в будущей жизни, так как при воскрешении люди обретут свои бессмертные тела. Тело больше не будет отягощать душу соблазнами и само их избегнет. Своим переходом в безгрешное состояние оно обретет силу и способность выдержать приход Господа» (Св. Максим).

Духовный смысл безгрешности равночтимого с ангелами существования, прихода Господа присутствовал в глубочайшем содержании каждой Божественной литургии Старца.

Когда отец Филарет совершал Литургию, все существо его излучало свет, радость, мир, и в то же время он был сосредоточен,

серьезен, а глаза мокры от слез. Он часто плакал из-за небрежности тех, кто служил рядом с ним.

В 1929 году, когда отец Филарет был еще молодым иеромонахом, в лесу св. монастыря Ватопед по вине угольщиков случился сильный пожар. Он распространялся и начал приближаться к монастырю Костамонит. Отцы монастыря отправились помогать тушить огонь. Впереди шел отец Филарет, держа в руках икону Божией Матери, и, подбадривая отцов, с глубокой верой говорил: «Отцы дорогие, огонь потухнет еще до нашего прихода. Не волнуйтесь». И всю дорогу он по памяти пел канон молебный ко Пресвятой Богородице, взывая к Ее помощи. Когда же отцы и братия достигли границы двух

монастырей, огонь сам уже потух, после того как до основания выжег окрестности Ватопеда. Всепожирающий огонь не коснулся собственности Костамонита, несмотря на то, что границей была всего-навсего узенькая тропинка. Все приписали это чудо молитвам молодого отца Филарета и помощи Матери Божией.

Стремление ревностного священника совершать Литургии, совершать непрестанно показывает следующий случай. В ночь на 17 января, в праздник преп. Антония Великого, после утрени отправился он совершить Литургию в часовне этого святого. Часовня находится в пятистах метрах выше монастыря. Он взял с собой две просфоры, сосуд с водой и масляный фонарь. Пройдя какое-то расстояние от монастыря по афонской глуши, которая была еще непроходимее в безлунную ночь, он обо что-то споткнулся, упал и разбил сосуд с водой. Приписав это происшествие козням бесовским, взял другой сосуд и, радостный, вновь отправился в часовню. Но в том же самом месте снова споткнулся, опять упал и разбил второй сосуд с водой. Праведным гневом вспылал против бесов, сказал: «Искуситель, сегодня я совершу Литургию в часовне преп. Антония, что бы ты ни предпринял, какие бы ни чинил мне препятствия!» Он вернулся, взял еще один сосуд с водой и с молитвой достиг, наконец, места назначения.

Совершая Божественные литургии, он обливался слезами – слезами покаяния, радости и любви. Покаяние его достигало высшей силы во время Пресуществления.

Как-то раз, когда он произносил отпуст девятого часа на отдание Пасхи, он был потрясен. Для всех святых Пасха – это самое волнующее время. Поэтому на отдание, когда уносят икону Воскресения, он проливал слезы, он едва не рыдал, потому что терял свое Воскресение... Его чувствительной, легкоранимой душе казалось, что Воскресший Господь удалялся, покидая их.

Во время службы он стремился, чтобы разум его ничто не отвлекало в ответственный час Литургии. Внимание и молитва – это была его жизнь.

В чтении Евангелия он превосходил лучших чтецов. «Я очень любил слушать его,» – вспоминает и сегодня отец Нифонт. И это при том, что он не имел почти никакого образования.

После каждой Божественной литургии он незамедлительно затворялся в своей келье. Там молился на коленях Божией Матери или читал Евангелие, Эвергетинос и преп. Ефрема – свои излюбленные тексты. Ему всей душой хотелось на весь остаток дня сохранить небесный свет и воздействие Священного Писания,

Как-то однажды, когда они с отцом Пахомием возвращались в свои кельи, находившиеся по соседству, он повернулся и сказал ему:

«Прямо сейчас я мог бы отслужить еще одну долгую всенощную. В эту ночь со мной было множество...»

«Чего? Чего?» – озадаченно спросил отец Пахомий.

«Ангелов небесных!» – отвечал ревностный священник.

Отец Пахомий впервые побывал в монастыре со своим отцом в 1931 году, когда ему было пятнадцать лет, во вторую седмицу Великого Поста. Во время вечерни они были в церкви. Тогда мальчик впервые увидел отца Филарета. Он представился ему фигурой ангельской, с лицом светящимся, как луна, и совершенно отличающимся от других отцов.

Отец Онуфрий также сообщил, что однажды во время Божественной литургии он видел его воспарившим над землей на Великом Входе.

«Яко аз раб Твой есмь» (Пс.142:12)

**«Болий в вас, да будет яко мений и старей, яко
служи» (Лк.22:26)**

В 1949 году отец Филарет был почти единогласно избран игуменом, чтобы мог он, как светильник, быть поставлен «на свещнице, и светит всем, иже в храме суть» (Мф.5:15). Занимая столь почетное место, он сохранил величайшее смирение, а терпение и выдержка его еще более возросли. Он знал паству свою, свое словесное стадо, знал, кого нужно держать в строгости, а кого нет. Он знал характер, дарования и недостатки каждого. Более убеждением, чем наказанием, старался добиться достойного порядка и ангельской дисциплины от слабых и немощных.

Отец Филарет был истинным пастырем, который «может погибших словесных овец разыскать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою». Он был кормчим, что «получил от Бога и чрез собственные подвиги такую духовную крепость, что не только от тревожения, но и от самой бездны может избавить корабль душевный». Он был врачом духовным, который «стяжал и тело, и душу свободной от всякого недуга, и уже не требует никакого врачевства от других». Он был истинным учителем, который «непосредственно принял от Бога книгу духовного разума, начертанную в уме перстом Божиим, то есть действием осияния, и не требует прочих книг» (преп. Иоанн Лествичник, «Слово особенное к пастырю»).

Он редко упрекал кого за ошибки. Напротив, призывал на помощь всю свою мягкость, чтобы самому не пасть жертвой беса

гневливости и осуждения. Когда один из молодых монахов праздно болтал со старшими отцами, он призвал его к себе и посоветовал прекратить праздное времяпровождение и пустые разговоры, но прямо на месте, при других, не ругал его.

Он часто говорил: «Монашеская жизнь основана на трех составляющих, а именно послушание, целомудрие и нестяжание, и помимо этого ежедневные богослужения и правило – это для монаха, что два его глаза». Богослужения –

это совместные молитвы всей братией в церкви, согласно монастырскому уставу, а правило – это отдельные молитвы и поклоны, творимые монахами келейно. «Если одно из двух вы не выполняете, – говаривал отец Филарет, – то одного глаза лишаетесь. А если оба не выполняете, то погружаетесь во тьму и становитесь духовными слепцами».

Старец хотел, чтобы чада его обладали духовным зрением, ясными и здоровыми глазами, умами, освещенными молитвой и покаянием. По этой причине он окормлял паству свою, не зная сна и усталости. У благословенного Старца было обыкновение после Шестопсалмия затепливать свечу и обходить церковь, проверяя, все ли отцы присутствуют. Если замечал чье-либо отсутствие, посылал к этому монаху послушника, чтобы позвать его на утреню, или, чаще, сам шел в келью того и вопрошал: «Брате, в чем дело?» Не оставлял этого он и в старости, несмотря на боль, причинявшуюся ему двойной грыжей. Он чувствовал себя ответственным, если кто-то не приходил к утрени по небрежению или желая поспать. Но двигала им и любовь к братии: он должен был убедиться, не заболел ли отсутствующий монах, не требуется ли ему срочная помощь.

Будучи игуменом, он делал многие работы, которые обычно выполняются послушниками, управлял по примеру Господа нашего и Учителя Иисуса, то есть «зрак раба приим» (Фил.2:7). Его можно было видеть и замешивающим тесто для просфор, и у печи, и в швейной мастерской. Он был первым на общих послушаниях, когда трудилась вся братия. Отец Игумен не боялся испачкать руки, занимаясь грязной работой. Но считал, что простой работой руки его очищаются, смазываются елеем смирения и больше тогда подходят для совершения небесных святых Таинств.

Характер отца Филарета не изменился с занятием места игуменского, он сохранил свое смирение и простоту. Раз или два он хотел даже оставить это служение, но братия ему воспротивилась «Ах, глупец, как же я обманулся, когда согласился быть игуменом, – повторял он. – Когда был я простым иеромонахом, служил каждый день, совершая

Литургии, возносился душой на Небеса. А сейчас – тут не ладно, там не так..»

Каждый месяц Старец кропил святой водой сады и виноградники монастыря, и делал это чаще, если растения поражались какой-либо болезнью.

Он часто переносил святые мощи из монастыря на подворье Приснодевы в Халкидики. Там были стада, оливы, сосны, которые он также регулярно окроплял святой водой. И благодать Господня была с молитвами Старца.

Однажды, в праздник свят. Иоанна Златоуста (13 ноября), он вынес мощи Святителя и возложил их на Святой Престол перед всенощной. Весь собор наполнился благоуханием. Входя, отцы в изумлении спрашивали друг друга: «Что это? Что за благоухание?»

Для афонских монахов святые мощи, наряду с чудотворными иконами, являются величайшими духовными сокровищами. Святые мощи говорят отцам о победе Церкви врагов своих. Небо и земля, небесное и земное объединяются. Действительно, невыразимо словами величие Господа, являющего Себя в благодать несущих святых мощах. Велик Ты, о Господи, и нет слов воспеть чудеса Твои!

Пред Божественной силой и благодатью святых мощей и сердце отца Филарета наполнялось желанием славословий,

**«Царствие Небесное нудится (с нуждею
восприемлится)» (Мф. 2:12).**

Отец Филарет хорошо знал эту истину, изреченную устами Господа нашего. Он был верный и мудрый монах. «Кто есть инок верный и мудрый? Кто горячность свою сохранил неугасимую, и даже до конца жизни своей не переставал всякий день прилагать огонь к огню, горячность к горячности, усердие к усердию и желание к желанию» («Лестница, возводящая на Небо», Слово 1).

Его постоянное усилие состояло из уединения, нестяжания, пощения, терпения, молчания, лишений.

Он никогда не пренебрегал монашескими трудами. Каждый год совершал, как положено, полное трехдневное воздержание от пищи и воды в начале Великого Поста. Однажды сказал даже в конце этих трех дней: «У меня хватит сил еще на три дня продолжить полное воздержание».

С того часа, когда вступил на Святую Гору, на это поле брани воинов Христовых, и взялся за плуг монашеской борозды, он не поворачивал назад, не жалея себя. Ради любви ко Христу оставил своих родственников и друзей. Они звали его вернуться в село. Мать, вздыхая, писала ему со слезами с просьбой приехать, хотя бы к концу жизни ее. Он же, пребывая в послушании у духовника, не хотел и думать о своем возможном отъезде со Святого Афона. У него был брат по имени Фома, который два-три раза в год приезжал к нему. Брат говорил: «Почему бы тебе хотя бы раз не приехать в село, чтобы совершить для нас Литургию? Ты совершенно отрекся от нас». Фома хотел, чтобы брат его стал священником в их деревне. Но если бы была на то воля Божия, то об этом ему сказал бы его духовный отец, а не брат-мирянин.

И Фома получил ответ от Первомученика, небесного покровителя монастыря, который был небесным покровителем и отца Филарета.

Была ночь. Фома спал в монастыре. И увидел он во сне св. Стефана, строгого и сурового.

«Неблагодарный, – сказал он Фоме.–Разве недостаточно тебе того, что ты пришел сюда повидаться с братом? Но ты хочешь забрать его в деревню?!»

Фома в ужасе проснулся. Явление Святого его очень испугало. Больше он не осмеливался и думать о своем плане.

Приснопамятный Старец усердно исполнял свои духовные обязанности. Поучая чад своих, говорил обыкновенно: «Отцы и братия, да станем прилежать духовным обязанностям нашим, и Божественное Провидение позаботится о всех нуждах наших. Сострадательный, любящий Бог не оставит нас, когда мы ради любви к Нему откажемся от мира и всего мирского. Он будет питать нас. Разве не говорится: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам» (Мф.6:33)?»

Он был не только усерден, он был точен, и точность его в совершении монашеских трудов была примером для всех. Каждую полночь поднимался он на молитву. «Полунощи востах...» – эти слова Давида (.118:62) постоянно звучали в душе его.

Келья его была простой и аскетичной. У него не бывало ни сахара, ни кофе, ни каких-либо других продуктов, которые имели у себя другие братия. Низкая табуретка, которую использовал он для творения умной молитвы, была его «лестницей, по которой Господь спускался с Неба», «мостом, ведущим на Небо любителя добродетели и тишины».

Когда его возводили на место игумена, отцы, совершавшие поста вление, пожелали посмотреть келью его. Войдя, они были поражены, словно громом. Они увидели голые стены. Кровать составляли простые доски, а матрац, набитый козьей шерстью, был сделан из тех грубых мешков, в которых давят оливки. Подушка была набита сухой травой, было еще простое одеяло. Он сам частенько смиренно брал в руки метлу, выполнял и другие работы, предназначенные для послушников.

Не тратил он времени на праздные разговоры, не обсуждал мирских или политических тем. Не желал видеть газеты. Всегда оставался в тени, не говорил громко. При разговоре смиренно опускал глаза долу. Хотел не на людей смотреть, а на Бога. Во

всем проявлял терпение «недремлющий страж своих чувств». Его скромность и простота вызывали безграничное уважение.

В некоторые зимы в монастыре Костамонит снег держится по пятнадцать-двадцать дней, У всех отцов в кельях были печки. У Старца же печки не было. Отец Нифонт, отвечавший за отопление, бывало почтительно говорил ему: «Отче мой, в твоей келье тоже надо бы поставить печку».

«Оставь, отче Нифонте. Потом».

И так он постоянно откладывал установку печки, а холодное время мало-помалу проходило. Поставили ему печку лишь года за два или за три до его смерти.

Открывавшие дверь его кельи, неизменно заставляли его за одним и тем же за коленопреклоненной молитвой.

Он был истинный монах. Примером был для других и в пощении.

Отец Евфимий, бывший в миру крестьянином и пастухом, которому всегда благословлялись тяжелые работы, однажды сказал ему: «Старче, я не боюсь работы, когда поем хорошо».

«Плоть, чадо мое, – ответил он, – не боится работы, она боится поста».

Когда ему было уже за семьдесят, приснопамятный Старец пешком раз отправился в Карею, до которой от Костамонита три часа ходу. Он пошел, сопровождаемый одним из братии и взяв с собой мула, но не сел на него. Дорога, казалось, не утомляла его. Он, как беззаботный ребенок, перепрыгивал через кусты.

Жалел ли он мула или делал так потому, что привык к трудностям? Очевидно, и то, и другое. Он смотрел на мула, думая: «Это тоже тварь Божия, сотворенная служить человеку – дивному, но смертному созданию» В душе монахов со временем рождается и крепнет такое чувство: «Я стал монахом не для того, чтобы мне служили, но послужить, даже и животным, и ради их блага потерпеть трудности»

Дар прозорливости

В монастырях, кроме среды и пятницы, соблюдается пост также и в понедельник. Как-то в понедельник, когда монаху, несшему послушание в гостинице монастыря, пришлось отлучиться, его молодой помощник, отец Ч, поддался искушению тайноядения. Без благословения он сварил овощей и картошки в кухне гостиницы. Когда собирался уже было приступить к еде, услышал снаружи шаги Игумена и поспешно спрятал еду в шкаф. Дверь открылась, и вошел отец Филарет.

«Чадо мое, – сказал он ему, – принеси картошку и овощи, что ты приготовил, поедем вместе».

Молодой монах лишился дара речи! Как Игумен узнал, что он готовил? Сперва он хотел отрицать все, но Старец сказал добрым голосом: «Я не накажу тебя. Неси еду, поедем».

Можно представить себе состояние отца Ч., как поучен он был прозорливостью, милосердием и пастырским даром мудрого Игумена.

Героем следующего случая стал уже не помощник, а сам монах, несший послушание гостиничника. Имел он добрую привычку в именины свои приглашать отцов в гостиницу и угощать их кофе и сладостями. Но раз в свои именины он закрыл гостиницу и затворился в келье своей. Это не осталось незамеченным Игуменом, отцом Филаретом. Он пришел в келью того монаха и с улыбкой спросил: «Почему ты не предложил братии утешение? Чтобы не возиться или есть иная причина?»

«Чтобы не возиться,» – ответил монах устыдившись.

«Ну, чадо мое, ты прогадал. Сегодня тебе предстоит намного больший труд».

Сказав это, удалился.

И действительно, немного позднее один из братии сообщил этому монаху, что нужно срочно приготовить комнаты для гостей. Губернатор Полигирова Гулас приезжает вместе с врачом и тремя чиновниками, о них нужно было особенно позаботиться.

Позднее Игумен встретил его «Помнишь ли, чадо, что я говорил тебе?»

«Конечно, Старче. Мне пришлось потрудиться вчетверо больше,» – ответил монах.

Еще один случай показывает глубочайшие смирение и простоту отца Филарета, бывшие у него вместе с даром прозорливости.

В 1959 году отец Захарий из святого монастыря Григориат пригласил своего друга отца Пахомия приехать на праздник святителя Николая.

За неделю до этого события отец Пахомий испросил благословения у отца Игумена. Накануне праздника отец Игумен пришел к нему и спросил со смирением: «Возьмешь ли меня с собой на праздник?»

«Благослови Бог, Старче! Сопровождать Вас будет для меня большой честью,» – взволнованно ответил отец Пахомий.

Так как денег у него не было, отец Филарет со смущением просил у отца Казначея пятьдесят драхм, чтобы заплатить за лодку. Он старался, чтобы их с отцом Пахომием не видели вместе, так как по установлениям Афона Игумена должен был сопровождать кто-либо из старшей братии. Он не хотел привлекать к себе внимания. Отцу Пахому сказал тихо:

«У тебя будет искушение, но не бойся, все пройдет».

Искушение пришло, когда они достигли Дафны. Какой-то торговец закричал отцу Пахому: «Тебя к телефону!»

Один монах из старшей братии монастыря, бывший в то время представителем в Карее, ждал с негодованием на другом конце провода и сразу же обрушился на отца Пахомия: «Как тебе не стыдно! Кто дал тебе право сопровождать Игумена? Разве ты не знаешь, что на это имеют право только отцы старшей братии?»

К счастью, братия Григориата скоро его утешила. В полдень они прибыли в святой Григориат, и один иеромонах, увидев их, прибежал в гавань, взвалил себе на спину их мешок и с упреком обратился к отцу Филарету: «Старче, что же Вы не сообщили нам, что приедете? Мы бы встретили Вас, как положено».

В покоях игуменских игумен Виссарион поднялся и обнял отца Филарета.

«Какая радость для нас-то, что Вы посетили наш монастырь!» – сказал ему с чувством.

Он уступил ему келью игумена и первое место на праздничной всенощной в которой, стоит об этом сказать, сослужило двадцать священников.

Дар прозорливости отца Филарета проявился, когда он был еще простым иеромонахом. Он предсказал тогда смерть своей сестры. Подошел к отцу Симеону, бывшему тогда игуменом, и сказал: «Старче, моя сестра умрет сегодня вечером».

«Откуда ты знаешь? – спросил его с удивлением Игумен.

«Я знаю,» – смиренно ответил скромный Иеромонах.

Через несколько дней в монастырь пришло письмо с печальным известием, в точности подтвердившим предсказание отца Филарета.

Хорошо знавшие Старца, всерьез полагались на его неотмирный дар. По крайней мере, это подтверждается следующим случаем.

У молодого монаха Костамонита был дядя, монах Иоасаф (двоюродный брат его отца), который жил в келье Равдучу в Карее. Этот дядя часто бывал в монастыре и упрашивал племянника пожить с ним в Карее, помочь строить келью.

Молодой монах Костамонита колебался, но наконец уступил настойчивым просьбам. Они договорились, что дядя придет на праздник святых Константина и Елены, и они тайно уйдут во время всенощной. И хотя до того времени племянник соблюдал спасительное монашеское установление открывать помыслы Старцу – отцу Филарету (он делал это еще до того, как тот стал игуменом), про этот план не упоминал.

Наступил канун праздника, и монастырь готовился к праздничной всенощной. Дядя выехал из Карее на муле, понятливом и послушном животном. Однако в тот день мул неожиданно закапризничал и сбросил седока. Отец Иоасаф прибыл в монастырь с израненным лицом. Племянник помог омыть кровь, но раны остались.

В середине утрени, после полиелея, отец Филарет тихонько приблизился к израненному посетителю и спросил его: «Отче, можно с Вами переговорить в приделе?»

«Буду рад,» – сказал отец Иоасаф.

Они отошли вдвоем.

«Зачем ты приехал в монастырь?» – спросил отец Филарет.

«Но у Вас же праздничная всенощная. На нее я и приехал».

«Нет, к несчастью, приехал ты не для этого! Ты приехал за молодым монахом. Но будь осторожен! Если будешь упорствовать в своем намерении, мул убьет тебя».

Отец Иоасаф лишился на какое-то время дара речи. Как только встретил племянника, улучив момент, пересказал ему пророчество. Тогда племянник сказал ему: «Дядя, если это предсказал отец Филарет, то так и будет. Тебе нельзя забирать меня».

Преданность Старца Богородице

«О, Всепетая Мати, рождающая всех святых Святейшее Слово! Нынешнее приемши приношение, от всякия избави напасти всех и будущия изми муки, о Тебе вопиющих Аллилуиа».

Сколько раз за свою жизнь, сколько раз за пятьдесят один год своего монашества повторял он этот кондак и весь акафист Матери Божией! Душа его знала Ту, Которая называется «Всепетая Мати, рождающая всех святых Святейшее Слово,» и находила упокоение в небесной материнской любви с надеждой, верой и преданностью, что столь характерно для всех святых.

Он повторял этот акафист по многу раз на дню. Всегда после Божественной литургии спешил в келью свою, затепливал лампаду пред образом Божией Матери Гликофилуса» и с любовью и благочестием читал: «Ангел предстатель с небесе послан бысть рещи Богородице: радуйся.»

И ученикам своим советовал чаще читать акафист Богородице. С простотой, которая его так отличала, он говорил часто, как бы упрекая их: «Почему вы столь мало любите Матерь Божию?» Всем, кто исповедовался у него, он, бывало, – и монахам, и мирянам – благословлял, по крайней мере, один раз прочитать акафист перед Ее иконой при зажженной лампаде.

О, любовь Богородицы, исторгающая нас из ада эгоизма, отчаяния и страстей и ведущая в рай смирения!

Однажды к отцу Филарету пришел болгарский монах отец Игнатий. После того, как они побеседовали немного, Старец, по обыкновению своему, вежливо спросил:

«Читаешь ли ты ежедневно хайретисмой?»

«Да, я их читаю. Не весь акафист, толькй хайретисмой,» – ответил болгарин, не понявший вполне вопроса Старца.

«Покажи мне, что ты читаешь,» – сказал Старец, чтобы удостовериться.

Монах Игнатий достал книжечку в золотом переплете на болгарском языке, открыл и показал ему. Он и в самом деле показал на начало акафиста, на места «Ангел предстатель с небесе послан бысть.» Но, чтобы проверить, отец Филарет перевернул страничку, показал на слова: «Слышаша пастырие.-»

«Что здесь написано?» – спросил. И болгарский монах, знавший немного по-гречески, ответил с сильным акцентом: «Здесь сказана. «Пастухи почуяли..'''

По-детски улыбнувшись, Старец сказал:

«Ну, ну, ты понимаешь, что такое хайретисмой. Всегда повторяй это, не пропускай».

Наряду с акафистом старец Филарет любил читать (и советовал всегда другом) Теотокарион – книгу канонов и песнопений Божией Матери на каждый день. В его монастыре это входило в типикон, но он сам отдельно читал ее, где бы ни был, чем бы ни занимался.

Эта преданность Богородице соделала отца Филарета похожим на благоухающую лилию в вечнозеленом Саду Ее. Каждый день он окормлялся в келье своей, «как пташка на кровле», духовной Матерью своей и Кормилицей. И душа его, «как слуга_ как горничная у рук Хозяйки» получала духовное молоко благодати Пречистой.

Для всех монахов Богородица – Мать и Наставница, Покровительница, Приснодева и всех скорбящих Радосте, а для монахов Святой Горы Она и более того. По вере отцов Горы Афон Она и не может быть иной, ибо дала св. Петру Афонскому обещание обо всей Горе, о насельниках ее Они считают Ее настолько же своей, насколько дети считают своей мать и хозяйку дома.

Потому на все праздники Божией Матери служатся всенощные, а праздник Успения отмечается особенной торжественностью и радостью–настолько, словно это вторая Пасха. Души поют от радости, ангелоподобные подвижники Афона ликуют и, как сладкоголосые соловьи, воспевают величие Пречистой Девы и Ее Сладчайшего Сына.

**«Явление словес Твоих просвещает и вразумляет
младенцы» (Пс.118:130)**

**«Блажени кротции, яко тии наследят землю»
(Мф.5:5)**

В духовном облике отца Филарета его главной чертой, давшей ему первозданную красоту, была милость. Он был кротким, бесхитростным, не помнящим зла, он никогда не сердился; душа его была милосердной, долготерпеливой и жалостливой, истинным храмом Божиим. Ибо где есть мир и мягкость, и смирение, там Бог.

Благословенный Старец был живым примером кротости и потому был столь богат мудростью и благодатью. «Ни одна из добродетелей, – говорит авва Евагрий, – не дает столько мудрости, как кротость». Почти необразованный, отец Филарет благодаря своей евангельской богоподобной добродетели кротости обрел такую мудрость, что многие знавшие его говорили, что казалось, будто Дух Святой, а не он сам говорил устами его. Он говорил просто, без всяких изысков, но мудро. У многих святых была такая Богом внушенная мудрость и Богом данная благодать, полученная по великому смирению. Назовем здесь имена Моисея, Давида и аввы Бена, кротостью которого, по слову Палладия, были укрощаемы даже дикие звери:

«Один из старцев, которого и мы видели, по имени Бен, превосходил своей кротостью всех людей. Бывшие с ним братья уверяли, что ни клятва, ни ложь никогда не сходили с уст его, и ни один человек никогда не видал его во гневе. Он не произносил ни одного лишнего или праздного слова. Вся жизнь его проходила в глубоком безмолвии. Нрава он был тихого, во всем уподобляясь ангелам: в бесконечном смирении он считал себя ничтожеством. Уступая нашим усердным просьбам преподать нам слово назидания, сказал нам несколько слов о кротости.

Однажды гиппопотам опустошал близкие по соседству страны. Земледельцы просили его о помощи. Придя в ту местность и увидав огромного зверя, он обратился к нему со словами:

– Именем Иисуса Христа запрещаю тебе опустошать эту землю!

Зверь бросился бежать, как бы гонимый ангелом, и никогда более не появлялся там.

Сказывали нам, что подобным образом в другой раз он прогнал крокодила...

Один человек рассказал отцу Филарету о видении, о котором он прочитал в жизнеописании одного святого – а именно, что, когда заканчивается Божественная литургия, ангелы берут просфоры и несут их к Престолу Господню. Однажды Божественная литургия у Святого Гроба закончилась позднее, чем в других церквях, и несколько ангелов должны были ждать ее окончания, чтобы последовать за другими, унося просфоры. И с того времени ревностный и простодушный старец Филарет старался завершить свою Божественную литургию раньше других на Святой Горе, чтобы не задержать ангелов (настолько он был простодушен). Поэтому на отдых после утрени он оставлял мало времени с тем, чтобы как можно раньше начать Литургию. В перерыве между службами никогда не спал из страха, что во сне подвергнется искушению, и все беспокоился, чтобы не задержать ангелов, которые должны взлететь с просфорами к Престолу Господню. Потому он всегда ударял в небольшой колокол раньше времени и стучался в дверь епископа, призывая его готовить церковь, зажигать лампы и т.д.

Это не нравилось отцам, а особенно епископу, обязанностью которого тоже было звонить в колокол. Но все терпеливо относились к этой повышенной ревности Старца.

Во время одной всенощной епископ, отец Геннадий, спросил отца Филарета: «Старче, сколько времени должно пройти между утреней и Литургией?»

Ответ был: «Два часа,» но было ясно, что Старец, по обыкновению своему, зазвонит в колокол раньше. На этот раз отец Геннадий пошел и запер церковь.

Все разошлись по кельям. Старец в тиши бодрствовал. То и дело посматривал на часы. Наконец, когда настал час ночи, он пошел звонить в колокол. Потом постучал в дверь кельи

экклесиарха и смиренно, даже робко призвал его вставать (так как этот отец отличался некоторой горячностью нрава, боялся его раздражить – с одной стороны, чтобы не вводить его в грех, с другой стороны, чтобы его самого не мучила советь, что не проявил проницательности).

«Отче Геннадиев, отче Геннадие!»

«Господи, да кто там? Что случилось?» – отозвался тот сонным голосом,

«Это я, отец Филарет. Ты идешь зажигать лампы?»

«Хорошо, хорошо, иду» – и он продолжил спать.

Отец Филарет спустился по лестнице, подошел к двери церкви, взял другой ключ и попробовал открыть ее. Тщетно, дверь не открывалась. Он вновь поднялся по лестнице и постучался в келью отца Геннадия – никакого ответа. Он спустился вниз и стал ожидать у церкви – повсюду тишина, ни звука. Он начинал уже волноваться. Боялся, что может опоздать совершить Литургию, и что же будет с просфорами, которые должны забрать ангелы? Он снова попробовал открыть дверь. Безрезультатно.

В этот момент вниз по лестнице спустился старец Нифонт, один из старшей братии, благочестивый и аскетичный, такую же возраста, как и старец Филарет.

«А, отец Нифонт, ты не поможешь мне открыть дверь?» – спросил он робко, как маленький ребенок, просящий о большом одолжении.

«Старче, сколько сейчас времени, что Вы звоните в колокол?»

Старец начал оправдываться и сказал под конец:

«А отец Геннадий, благослови его Бог, выставил меня».

И отец Нифонт с серьезным лицом, но смеясь в душе, ответил ему:

«И хорошо, что он так сделал. Вы каждый раз это с нами делаете».

Итак, старец Филарет сидел на улице в морозной зимней ночи молча, приходя в себя и молясь, когда появился сердитый отец Геннадий и с ходу начал роптать. Старец, чувствуя свою вину в том, что нарушил собственное обещание о времени

начала богослужения, смиренно склонил голову и проговорил: «Благослови меня, благослови меня». Он с кротостью, которая смягчила бы самое твердое сердце, пал ниц пред учеником своим, чтобы совершить Литургию. «Благослови,» и: «Благословенно будь,» – эти слова, которые некоторым монахам даются с большим трудом, были легкими и естественными для отца Филарета. Так было и когда он был послушником, и когда стал игуменом, хотя всеми силами избегал грехов. Он говорил это и добрым, чтобы побудить их легче признать свои ошибки, и дурно настроенным, чтобы успокоить их своим терпением и кротостью.

«Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф.11:29). Эти слова Господа направляли все устремления его, все его слова и действия.

И всегда побеждал он своей кротостью. У этого монаха Геннадия был непростой характер, трудно было руководить им, но доброта и смирение Старца сделали его со временем послушным, настоящим агнцем. Как мы читаем в житиях святых Отцов, кротость побеждает даже свирепых зверей; она может укротить и свирепых людей.

Был еще один монах, более непослушный, чем отец Геннадий. Мы думаем, что читателям не во вред будет узнать о его неподобающем и дерзком поведении, узнать, что и в монашеских общинах, как в саду, иногда появляются сорняки. И через то мы сможем показать добродетельность старца Филарета.

Этот испорченный и бесстыдный монах был какое-то время еkkлeсиархом и часто не слушался игумена и служащего священника. Однажды в церкви Старец сказал ему: «Чадó, поправь дракóнтион (толстую свечу) у св. Стефана, а то он сломается».

Монах повернулся, недовольно на него посмотрел и не сдвинулся с места. Но вскоре, чтобы избежать новой просьбы Старца, встал и пошел в алтарь.

Старец, жалея свечу, пошел сам и поправил. В этот самый момент послушник, являвшийся послушником лишь по наименованию, вышел из алтаря и сердито сказал ему:

«Зачем ты лезешь в чужое? Ты игумен или кто?»

«Сейчас, чадо, драконтион не сломается,» – сказал Старец и, склонив печально голову, вернулся на свое место, тихо шепча: «Д а, а еще говорят, что добро, когда мы руководим молодых монахов».

Закончилась вечерня, зазвонил колокол на трапезу. Один из послушников вошел и позвал отца Игумена: «Старче, трапеза», но Старец продолжал неподвижно сидеть на своем месте, склонив голову. Пришел и другой послушник, и сказал то же самое, но Старец не двинулся. Он подошел ближе и увидел, что Старец почти без сознания. У него случился приступ инсульта. Отцы подняли его, отнесли в монастырскую больницу и оказали первую помощь. Позднее он поправился настолько, что вновь приступил к своим обязанностям.

Диавол, нападая на послушника, стремится, прежде всего, разрушить его отношения со Старцем. Величайшая слава Синая, преп. Иоанн Лествичник, учит нас «Не ужасайся и не дивись, когда скажу тебе (ибо Моисей (и) мне о том свидетель), что лучше согрешить перед Богом, нежели перед отцом своим, – говорит преп. Иоанн Лествичник, –потому что если мы прогневали Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал» («Лествица», Слово 4-е, 121).

Слова Апостола- «Всяка горесть, и гнев, и ярость, и клич, и хула да возмется от вас, со всякою злобою» (Еф.4:31), нашли свое воплощение в старце Филарете. Слово его было мирным и тихим, рядом с ним было, как в гавани, где не бывает волн, ни малейшего признака волнения или шторма Он никогда не роптал и не жаловался. Он обладал неистощимым запасом выдержки и терпения. Когда проводил советы братии монастыря, сидел обыкновенно тихо и слушал.

«Старче, – спрашивали его, – что ты скажешь об этом деле?»

«Что же скажу я, отцы? Да будет так, как вы скажете».

Иногда в конце совета говорил: «Теперь и я скажу, отцы и братия: приготовьтесь вкусить Тела и Крови Господних,

примиритесь с теми, кто обидел Вас, а потом дерзайте вкусить Трапезу Духовную.»

Таким был духовный облик кроткого старца Филарета. В душе своей не знал он покоя, если между ним и кем-либо из братии возникали разногласия. Однажды он прервал проскомидию и сказал монаху Филарету: «Чадое мое, пойдй и скажй отцу Паисию (его послушнику), чтобы он пришел, мы вместе преклоним колени. Между нами возникла холодность, я не могу так оставить»

Как только пришел отец Паисий, Старец и вслед за ним послушник пали на колени, прося друг у друга прощения. Старец Филарет мог пасть ниц даже перед новообращенным, если чувствовал вину.

Такое незамутненное, детское сердце было у отца Филарета.

О нем можно сказать словами преп. Исаака Сирина:

«Когда можно сказать, что достиг кто чистоты? – Когда всех людей видит он хорошими и никто не представляется ему нечистым и оскверненным, тогда подлинно чист он сердцем» («Подвижнические наставления», 32).

Простота и чистота Старца

Мы упустили бы очень важное в портрете старца Филарета, если бы не рассказали отдельно о его простоте, столь знаменитой у знавших его. Он был второй Павел Препростой, бесхитростный и простодушный.

В то время банкнота в сто драхм была меньшего размера, чем банкнота в десять драхм. Простой и добрый отец Филарет, которого не интересовали деньги, думал, что бумажка в десять драхм, раз она больше, и стоит намного больше, чем бумажка в сто драхм. Однажды его послушник, отец П., испросил его благословения отправиться в Карею полечить зубы. У Старца было обыкновение складывать деньги, которые ему присылали его духовные чада из мира за сорокадневные Литургии или в виде пожертвований, в свой молитвослов, а потом он передавал их казначею.

«Он достал свой молитвослов и дал мне банкноту в сто драхм, – вспоминал отец П. – Потом подумал и сказал: «Возьми лучше эту, а то, вдруг, не хватит». И, забрав обратно банкноту в сто драхм, предложил мне десятидрахмовую! О, святая простота!»

Года за три до его смерти братия настаивали на том, чтобы он поехал в Фессалоники прооперировать грыжу, от которой страдал много лет. После долгих уговоров он, наконец, сдался. Перед отъездом отслужил молебен св. Стефану, приложился к его правой руке и поклонился братии. Пятьдесят лет он не был в миру! Все ему казалось странным. Увидев на дороге автомобили, сказал: «Отцы, я и не знал, что бывают повозки без лошадей». Он помнил только старые повозки, что тянули лошади.

Когда он впервые в больнице увидел медсестер в белых халатах, то восславил Господа. «Господь послал ангелов послужить мне,» – сказал он и от смущения спрятал голову под простыней.

Живя на Святой Горе, он забыл, как выглядят женщины. Он думал о них, как о преп. Марине, великомуч. Варваре и т.д.

В монастыре Костамонит подвизался еще один монах, несравненный по простоте своей, – отец Агапий, который прежде был пастухом, пас овец и коз. Отец Филарет, сам столь простой, рассказывал про него забавную историю.

Когда отец Агапий был послушником на подворье в Трипотамос, казначей однажды сказал ему: «Апостолос (таково было его имя до пострига), приготовь к трапезе несколько вареных яиц, но не вкрутую, а мягкими».

«Благослови, Старче,» – сказал Апостолос и побежал выполнять послушание.

Спустя несколько минут он вынул яйцо из кипятка, потрогал его и положил обратно. Немного подождал, вынул вновь, потрогал – все еще твердое. И в третий раз сделал то же самое, и понял с удивлением, что, оказывается, яйцо не становится мягким от долгой варки! Он позвал эконома, старца Германа, и сказал ему, заметно расстроенный:

«Старче эти яйца (да благословит Господь) не поддаются варке! Я их так долго кипятил, но они не становятся мягче».

Тогда старец Герман, едва удерживая улыбку, велел ему: «Апостол ос, повари еще немного, и они дойдут».

И Апостолос серьезно ответил:

«Благослови, Старче!»

«Судьбы Твоя не забуду» (Пс.118:30)

Проницательный духовник

«Не достигнет проницательности, кто не трудится, не развивает ее. Прежде всего, научись жить в тишине».

—Авва Исайя

То, что Старец подвизался в исихазме (насколько это было возможно в обители), молитва и чистота сердца дали ему «умный свет и проницательность в духе». Многие монахи и миряне исповедовавшиеся у отца Филарета, познали на себе его безграничную любовь и светлую духовную проницательность.

Господин Константин Константинопулос был выдающимся гражданским губернатором Святой Горы в течение двенадцати лет (1951 – 1963). Он часто бывал в святом монастыре Костамонит и исповедовался у отца Филарета. Когда его спрашивали, зачем он это делает, отвечал: «Я глубоко уважаю Игумена. Меня восхищают его мудрость и проницательность, и то, что он, хотя почти не образован, прекрасно знает Библию».

Его слава как духовника распространилась очень далеко. Он получал письма с исповедами даже из Австралии.

Старец сострадал кающимся. Почти всегда епитрахиль его орошалась слезами сострадания, а разрешительная молитва соединялась с собственным покаянием и сочувствием.

Однажды пришел к Старцу на исповедь один Иеродиакон из монастыря, расположенного вне Святой Горы.

Он рассказывал нам позже «Когда я начал исповедь, Старец заплакал. Он меня растрогал, и я почувствовал такие угрызения

совести, которых никогда прежде не испытывал. Потом Старец сказал мне «Останься на Афоне, чадо, не возвращайся в мир, где так много искушений. Помимо прочего, у тебя будут денежные проблемы. Хотя сейчас в кармане у тебя тридцать пять тысяч драхм» (Как раз столько у меня и было!)».

И Иеродиакон тот остался на Афоне, позднее стал схимником, здравствует и по сей день.

Другому кающемуся, мирянину, Старец дал наставления, как в будущем преодолеть некоторые конкретные искушения. Он действительно все заранее прозревал. После кончины отца Филарета этот христианин просил монастырь дать ему частичку мощей Старца.

В период его выздоровления в больнице в Фессалониках было много благочестивых мирян, желавших получить его благословение и наставления. Многим принес он отдохновение «в гавани для плывущих по морю житейскому», многим принес успокоение как «миротворец – сын Божий» (см.: Мф.5:9).

Многим супружеским парам помог он разрешить споры и рассеять искушения бесовские... Простое присутствие Богоносного Старца приносило мир и покой. Невольно здесь вспоминаются верные слова другого святого Старца, преподобного Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и многие вокруг тебя спасутся».

В 1948 году он спас от опасностей гражданской войны сына одного жителя Иериссуса молитвами и наставлением.

Сейчас мы приведем некоторые высказывания старца Филарета, основанные на Библии и поучениях святых Отцов, которыми он наставлял своих духовных чад:

«Позаботьтесь о том, чтобы не оставлять невозделанными поля душ своих. Если они останутся невозделанными, то позже труднее будет их обработать».

«Стремитесь к праведности и святости, без которых никто не узрит Господа».

«Бог не входит в невежественное сердце, а если и входит, то быстро покидает его».

«Разум не о Господе – это разум или о диаволе, или о животном».

Неподалеку от монастыря Костамонит находится святой монастырь Зограф, где подвизаются православные болгары. Они очень почитали Старца и приходили к нему на исповеди и за духовными наставлениями. И он всегда принимал их как любящий отец и брат.

«Когда я был еще молодым монахом, – рассказывал отец П., – мне пришлось отправиться в мир. «Не бойся, – сказал мне

Старец, –я буду молиться за тебя». Во время моего пребывания в миру мне в течение тринадцати дней пришлось выдержать ужасные искушения – горящие стрелы зла – от одной женщины, пытавшейся меня соблазнить. Но во мне происходило что-то дивное. Можно было сказать, я был как бы другим человеком: я словно превратился в бесчувственный камень! Молитвы отца Филарета были настолько мощной защитой, что притязания молодой женщины совсем меня не беспокоили...»

Глас преп. Иоанна Лествичника ясно звучал в ушах доброго душеведца:

«Добрый кормчий спасает корабль; и добрый пастырь оживотворит и исцелит недужных овец» («Слово к пастырю», гл.1:7).

Милосердие отца Филарета

Теперь расскажем о некоторых случаях, которые показывают подлинную любовь, благотворительность, щедрость и сострадательность Старца.

Мастер Греческой телефонной компании из Фессалоников, именем Константин Адамис, вспоминал: «Когда я полгода или год работал в монастыре, он, бывало, звал меня в келью свою и давал деньги, просто совал мне в карман. И при этом не хотел, чтобы я кому-нибудь это рассказал»

Он раздавал все, что мог. Он был рад все раздать. Всегда ходил в старой скуфье, потому что, когда ему давали новые, он тотчас дарил их другим отцам, он отдавал им также новые полотенца, носовые платки.

Многие могли свидетельствовать о его щедром сердце. Один старик, долгие годы проработавший в монастыре, Костас Коракис из Оранополиса, рассказывал о постоянной доброте Старца.

Он вспоминал с благодарностью: «Отец Филарет был святым человеком. Второго такого отыскать трудно. Я был возчиком. В лесу монастыря рубил лес и на мулах отвозил его в гавань. Однажды, сильно устав после работы, голодный, я с жадностью проглотил за трапезой свою порцию. Старец любящим оком заметил, что я не наелся. Тогда он встал и принес мне собственную порцию, в то время как другие отцы ели, а чтец читал житие...»

«Блаженнее есть паче даяти. нежели приимати» (Деян.20:35).

Давать, дарить любовь ближним – монахам, грудникам, паломникам – вот в чем было счастье отца Филарета.

Отец Пахомий, который в течение двадцати лет, до самой своей кончины, был гостиничником, протрудившись в гостинице первые пять лет, устал и попросил отца Филарета дать ему другое послушание. Но Старец сказал ему тогда: «Чадо мое, ангелы возрадуются о тебе, если ты проявишь терпение». И он

поведал ему дивную историю, приключившуюся с ним, которая многим покажется невероятной.

Какое-то время отцу Филарету приходилось самому отвечать за прием гостей. И вот, как-то раз он готовил трапезу, как вдруг открылась дверь и вошел красивый отрок со словами:

«Благослови, Отче! Я очень голоден».

Отец Филарет удивился его неожиданному появлению, но как-то автоматически ответил с присущим ему дружелюбием и гостеприимством:

«Здравствуй! Садись. Как тебя зовут?»

«Михаил» – отвечал отрок

И, прежде чем отец Филарет успел подать ему еду, тот исчез! Отец Филарет был уверен, что видел тогда ангела Божия. С особенным чувством и сердечной теплотой вспоминал он всегда, гостеприимство Авраама, принявшего Саму Пресвятую Троицу в Образе Трех Ангелов.

Любовь Старца распространялась не только на людей, но и на бессловесных, и на природу. Эта любовь к природе вообще характерна для исполненных благодати житий святых Божиих. Однажды рядом с кельей Старца поднялась шумная возня. Две ласточки яростно дрались. Потревоженный Старец вышел из кельи и увидел тяжелое зрелище более сильная птица билась другой клювом и буквально забивала ее. Не теряя времени, Старец отогнал первую ласточку, а вторую, израненную, взял бережно и унес к себе. Он заботился о птичке, пока не выходил ее.

Как за преподобным Герасимом Иорданским повсюду следовал лев, демонстрируя свою благодарность и преданность, так же делала и та ласточка отца Филарета, Она летала перед Старцем, махала крыльями, вычерчивала различные фигуры в воздухе и пела. Однажды отец Филарет ненадолго удалился из монастыря, чтобы посреди прекрасной природы Святой Горы восславить Господа, сотворившего такое чудо, а может просто, чтобы помолиться в тишине, Ласточка, его преданный друг и спутник, летела рядом с ним. Старец присел на току неподалеку от монастыря и незаметно для себя» заснул. Но внезапно ласточка, словно сумасшедшая, начала

носиться над его головой с таким шумом, будто стремилась разбудить его и предупредить об опасности. И действительно, когда Старец открыл глаза, то увидел невдалеке от себя большую змею... Его дружок-птичка, в свою очередь, спасла его.

Христианская кончина живота

Первый удар здоровью Старца был нанесен в церкви в тот день, когда так безнравственно повел себя непослушный послушник. Через три месяца Старец выздоровел, но с той поры здоровье его пошатнулось, ведь прежде он ни разу не болел, даже головной болью не страдал.

Через три года последовал второй удар, и он оказался прикованным к постели после кровоизлияния в мозг. К нему были вызваны два доктора, которые после осмотра сказали: «Если в течение трех дней он не выздоровеет, то наступит смерть».

Так и была 22 января 1963 года почтенный Старец отец Филарет предал свою чистую душу в руки возлюбленного им Господа, Спасителя нашего. До последнего дня устоял он в духовной брани на бастионах пастырства, любви, терпения и аскетизма.

Сердце праведника – в руке Божией: «всяк живой и веруяй в Мя не умрет во веки» (Ин.11:26). Господь воплотился, чтобы смертью и Воскресением Своим поправить смерть, сокрушить ее мощь и рассеять страх перед ней.

В ночь кончины Старца его уже усопшая к тому времени мать явилась во сне невестке своей и сказала: «Пятьдесят один год я ждала его, и сегодня в полночь он придет от вас ко мне». Надо сказать, что он никогда не покидал Святую Гору, за исключением одного раза, когда по настоянию братии лежал в больнице с грыжей.

Почтеннейший игумен святого монастыря Дионисиат отец Гавриил расстроился, когда его не известили вовремя о смерти старца Филарета. Он с большим почтением и уважением хранил в памяти его светоносный образ.

Вот еще один из примеров такого уважения – строки памяти благословенного Старца, написанные монахом Марком:

Фигура твоя невысокой была,
Но смиреньем она возвышалась.

А детская простота ума твоего Кладезем добрых мыслей была.

И голос твой, хриплый слегка,

Творил непрестанно молитву.

Слова твои нескладны были,

Но любви хватало на всех Всего же превыше была Твоя любовь ко Христу и чистота Твоей души, что была подобна алмазу,

О, старец Филарет, бывший как ребенок.

Сегодня, спустя пятнадцать лет после обретения его святых останков, один из его духовных детей сохраняет некоторые кости его, имеющие янтарный цвет и источающие тонкое, нежное благоухание. Передние кости его черепа образуют крест. Эти знаки – подтверждение его добродетельной жизни и богоугодной- брани.

Возможно, в последние мгновения жизни в светлом уме отца Филарета звучали стихи 118-го псалма. В нем дивно говорится о покаянии, верности, любви, духовном стремлении – слова слаще меда и драгоценнее золота.

В монастырской тиши собора отцы читали 118-ый псалом, хорошо подходящий для уст приснопамятного Старца:

«Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся. Печаль прият мя от грешник оставляющих закон твой. Пета бяху мне оправдания Твоя, на месте пришельствия моего. Помянух в нощи имя Твое, Господи, и сохраних закон Твой. Сей бысть мне, яко оправданий Твоих взысках. Часть моя еси, Господи, рех сохранить закон Твой...» (52–57)

В тот самый момент и скончался отец Филарет, который всю жизнь непрестанно памятовал о Суде Господнем

Люди в наше время думают, что станут счастливее, если будут бороться за права человека. Отец Филарет, противу этого мирского мнения, был счастлив тем, что оставил в забвении свое «я», победил себялюбие, являющееся источником многих зол. Он боролся не за права человека, а о соблюдении заповедей Господних.

Он мог по праву сказать Господу: «Судьбы Твоя не забуду»

Старец Герасим (Менагиас)

«На Афоне есть ученые, которые через смирение свое стали чище многих отшельников и превзошли их горением веры своей».

– Захария Пападопиу, писатель, о старце Герасиме.

От рождения до возрождения

«Мое Сокровище»

«Не нужны мне никакие богатства земные. Ты есть и пребудешь мое Сокровище и в этой жизни, и в жизни будущей. Тебе предаюсь я всею душой и всей волею. Прежде не подчинял я их Тебе, но сейчас они всецело – Тебе. Я все готов сделать о воле Твоей, все в себе изменить и привести в порядок. Отрекаюсь себя, но все, что благоугодно будет Тебе послать мне, приемлю. О Господи, бесконечно любимый! Ты за меня пострадал до смерти. Я люблю Тебя всем сердцем. Я люблю Тебя больше, чем себя самого, и душу свою Тебе вручаю. С сего дня отрекаюсь от всех дел мирских и от любви мирской. Оставляю труд свой и предаюсь Тебе. О, Создателю мой, прими меня, и буду верен Тебе до смерти. Отныне, о Иисусе, хочу жить только для тебя. Ничего не желаю, только исполнять волю твою. Укрепи меня милостью Своей. И Ты, Пречистая Богородице, Надеждо моя, молю Тебя, не оставь меня Своим покровом».

Эта его молитва – самопожертвование и благоухание душевное – означала возвращение. Это молитва возвращающегося к жизни, возопившего в жажде жить Отцу своему: «Согреших на небо и пред Тобою...сотвори мя яко единого от наемник Твоих» (см-Лк.15:18–19).

Старец Герасим действительно последовал примеру блудного сына из притчи евангельской. Большую часть жизни души своей провел он в расточительности, и «бысть глад крепок на стране той» (Лк.15:14). Страной той была Европа, где он много лет учился – Европа, где мало жизни духовной, но в избытке стяжания и безнравственности. Но в один прекрасный момент он пришел в себя в осознании бедственного своего положения.

«О, какого изобилия прекрасного я сам, неразумный, лишил себя! Какое Царство я потерял, несчастный!» – из самых глубин души вырвались эти стоны. Итак, он очнулся и стал на путь возвращения. Он припал к стопам Отца и сказал: «Не нужны мне никакие богатства земные... С сего дня отрекаюсь от всех

дел мирских и от любви мирской. Оставляю труд свой и предаюсь Тебе». Этой молитвой он нанес удар по первым трем страстям, которые возбуждают остальные: по сребролюбию, сластолюбию и гордости, влекущим за собой различные падения.

Несомненно, он испытал на себе влияние этих трех страстей, когда, будучи энергичным молодым человеком, жил в Европе, в «стране далекой», где крайний духовный голод существует вместе с избытком материальных благ индустриальной цивилизации. Но Истина явилась, и Благодать воссияла даже для этого усталого, исстрадавшегося сердца, которое прежде не способно было их воспринять.

«Ты есть и пребудешь мое Сокровище,» – возопил он ко Отцу И вопль этот стал концом старой жизни и началом создания внутри него «нового человека». Это была молитва, которую можно рассматривать как начало обетов пострижения, как первый обет великой схимы – молитва Спиридона Менагаса, будущего отца Герасима.

Рождение и детство

Отец Герасим, в миру Спиридон Менагиас, родился в 1881 году на острове Корфу в одной из наиболее известных и состоятельных семей. Его отец, Панагис Менагиас, торговал пшеницей в Румынии. Когда Спиридон был еще ребенком, они переехали с Корфу, острова св. Спиридона, на Кефалонию, остров св. Герасима. Но вскоре семья покинула и Кефалонию и обосновалась в Афинах. Там он закончил среднюю школу вместе со своим братом Герасимом и сестрой Кали. В старших классах одним из его учителей был выдающийся греческий писатель Александрос Мораитидес.

Мораитидес и Александра Пападиамантиса – еще одного классика современной греческой литературы – называли

«близнецами» или, по выражению Ксенопулоса, «двойной звездой Скиатоса». Оба они были журналистами и собирателями фольклора, их вдохновлял бессмертный дух Византии, православных традиций, которые являются душой и естеством греческого народа, хотя мир прилагает все силы к тому, чтобы забыть о них.

Мораитидес как-то написал: «Когда мы были детьми (он и Пападиамантис), мы, бывало, сопровождали вечерами отца Пападиамантиса, священника, когда он шел совершать Литургии в разные сельские храмы. О, то были дивные годы! Мы шествовали при свете луны по дальним дорогам и воспевали: «Всякое дыхание да хвалит Господа!'''»

Вот этот чистый душой грек – православный христианин, о котором Теллос Аграс написал, что он был отмечен «чистотой, мягкостью, изяществом и милосердием», этот олимпиец по духу и был учителем Спиридона Менагиаса. И, конечно, он заложил в юной душе Спиридона основы воспитания. Это, действительно, большое счастье найти в своем учителе вторую мать, который родит в духе ученика и будет переживать и сострадать, как родная мать. Если литература серьезна к себе, если она серьезна по отношению к человеку, имеющему дар слова и образ Божий, то и миссия у нее серьезна, и является она

достойным воспитателем молодежи, всего общества человеческого. Истинная литература призвана служить духу человеческому ради человека духовного.

Итак, учась в старших классах школы, Спиридон получил основы греческого православного воспитания, но, когда уехал учиться в Европу, они были попораны святотатственным давлением материалистического века.

Защитник материализма

После того, как Спиридон закончил школу, он уехал в Цюрих- изучать химию. Был он действительно одаренным, мечты имел грандиозные, а горячность юности еще более обостряла страсть к наукам. Шесть лет учебы в Европе стали шестью годами мирской жизни с ее пресыщением и расточительностью. Студент Спиридон Менагиас, богатое дитя Афин, «жил своей жизнью», танцевал, развлекался, вел рассеянную жизнь студенческого мира. Его девизом было: «Душе! Имаши многоблага...яждь, пей, вселися.» (Лк.12:19).

И он не только в повседневной жизни бездумно придерживался материализма, но и был защитником материализма как теории. Он читал Геккеля, проглатывал все, что писали в поддержку его идей, и вообще сотворил «евангелие» из материалистической теории, полностью соглашаясь со всеми ее иллюзиями...

В XX веке мощная волна атеизма смела все устои в Европе. Особенно сильно в защиту атеизма и дарвинизма восстали университеты «Когда я был студентом, – рассказывал позднее отцам на Святой Горе отец Герасим, – нас принуждали писать, что человек произошел от обезьяны. Нам бы не поставили хорошей оценки, если бы мы не писали этого!» – «Ах, отец Герасим, – бывало говорил ему какой-нибудь простодушный отшельник, – и чему только учат в этих университетах! Кто когда-нибудь видел, чтобы на кипарисе уродился грецкий орех или чтобы из миндаля выросла сосна? Одно это одно, а другое – это другое. Сейчас-то почему люди от обезьян не рождаются?»

Таким был «научный» климат Цюриха, когда там учился Спиридон. Медленно, но неуклонно эти материалистические теории проникли и на нашу Родину – в Грецию, и в наших школах, и во многих современных книгах проповедуются материалистические учения. Потому мы кратко обрисуем эту псевдонауку и ее нездоровую структуру.

Два западных ученых XIX века, Дарвин и Геккель, сформулировали широко известную теорию эволюции жизни от простых форм к более сложным. Геккель, немецкий зоолог и материалист (когда Менагиас приехал в Цюрих, он был еще жив), и его многочисленные последователи утверждали, что человек произошел от животного, что все, включая саму материю, зародилось самопроизвольно, спонтанно, и никакого Бога-Творца не существует. «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (Пс.13:1).

Чтобы доказать общее происхождение разных видов и особенно происхождение человека от животного, Геккель ввел так называемый «биогенетический закон происхождения» и не постеснялся в своих книгах привести сфальсифицированные фотографии эмбрионов. Этот бесчестный поступок был разоблачен одним профессором анатомии и зоологии и был осужден как «прегрешение против научной истины».

Чтобы дать читателю возможность ознакомиться с современным взглядом серьезной науки на эту тему, мы упомянем о конференции в Музее Естественной Истории в Чикаго, которая проводилась в октябре 1980 года («Санди Таймс», 8 марта 1981 года). В ней участвовали 160 палеонтологов, анатомов, генетиков, биологов и других ученых, которые подтвердили, что «не было найдено никаких промежуточных звеньев... Казавшийся незыблемым закон Дарвина, который представляет каждый новый вид как продолжение предшествующего, оказался несостоятельным...»

«Уведите, яко Господь той есть Бог наш, Той сотвори нас, а не мы, мы же люди Его и овцы пажити Его» – вот верный и бессмертный пророческий голос Давида (Пс.99:3).

На конференции Британского Союза за развитие науки (авг. 1980 г.) профессор Дж. Пурант утверждал, что «эволюция по Дарвину превратилась в современный миф, вредящий науке и общественной жизни».

Нас радует это признание. Ибо, действительно, теории и выводы ученых-атеистов непосредственно сказываются на человеческих взаимоотношениях и в общественной жизни создают атмосферу богоборчества.

Но на ком, в конце концов, лежит вина за то, что ученые придерживаются атеистических взглядов? Быть может, на западном протестантском богословии, в котором нет-места чуду и тайне? Может быть, на рационализме протестантства, которое глубоко не исследует важнейший вопрос антропологии и не показывает человека как творение Божие, способное стать причастником славы Божией, как наставляют нас и как опытно познали это сами святые и богоносные Отцы православные?

В сетях спиритизма

После падения в бездну атеизма, выкарабкиваясь из нее, юный студент Менагиас, человек по натуре живой и деятельный, запутался в сетях спиритизма. За первым падением последовало второе, за материализмом–спиритизм. Спиритизм – есть завуалированное искушение дьявольское. Он учит вступлению в контакт с душами умерших, но в действительности люди вступают в

контакт с бесами, которые, словно артисты, исполняют роли умерших людей, принимая их образ. Злые духи играют роли разных людей, но в то же время их игрушками становятся те, кто легкомысленно вступает с ними в контакт.

Менагиас, будущий отец Герасим, был вполне трезвым человеком, но дал вовлечь себя в сети спиритизма. То же случилось и со многими другими, избежавшими в конце концов, по милости Божией, вечной гибели. Здесь можно вспомнить, например, достопочтенного старца Феодосия из Святопавловского монастыря, когда он жил еще в миру, о чем сам потом признавался.

Так как люди в массе своей чудовищно невежественны в вопросах спиритизма и родственной ему магии и многие обманываются различными колдунами и экстрасенсами, мы рекомендуем прочесть нашим читателям написанное на эту тему преподобным Никодимом Святогорцем. А сами расскажем сейчас одну старинную историю, которая очень ясно открывает дьявольский обман.

Жил некогда в Константинополе один благочестивый юноша, служивший у колдуна. То, что хозяин его колдун, он не ведал. И вот как-то, когда солнце близилось к закату, колдун тот сел на лошадь и велел юноше следовать за собою. Они выехали за городские стены и скакали без остановки до тех пор, пока не достигли равнины. Тем временем стемнело. На равнине увидели они большой дворец. Колдун слез с лошади, и сразу же несколько слуг вышли из дворца и взяли лошадь под уздцы, а он вошел внутрь. Юноша следовал за ним. Они прошли в

большой зал. Там увидели господина, сидящего на величественном троне, а вокруг – множество вооруженных копьями слуг. По распоряжению хозяина принесли еще один трон для колдуна. Юноша встал за его трон. Тогда, блестящий господин начал расспрашивать колдуна, как у того идут дела. Тот отвечал, благодаря его за покровительство и восхваляя его. Слыша все это, юноша сразу же понял, что перед ним сам диавол, что слуги его – бесы, а его собственный хозяин – колдун.

Вскоре спросил диавол:

«Кто этот юноша, стоящий позади тебя?»

«Он тоже раб твой,» – ответил колдун.

Тогда диавол обратился к самому юноше:

«Мальчик, скажи, правда ли, что и ты мой раб?»

И благословенный отрок тот, осенив себя святым крестом, смело и дерзновенно ответил:

«Я раб Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа».

И при словах этих, при знамении креста дворец, трон, диавол, слуги его и колдун вместе с ними сразу исчезли, ибо бесы утащили его в пламя адское. Юноша же остался один на пустынной равнине...»

То, что Менагас позволил вовлечь себя в спиритизм, было попущено Господом. Позднее он рассказывал, что спиритизм ясно показал ему, что мир злых духов действительно существует. Понимание этого потрясло его и вдохновило его к возвращению. Вскоре, желая больше знать о жизни духовной, он купил первую свою Библию. В глубине сердца его под пеплом отрицания потихоньку возгоралась искра веры. Но потребовались еще годы, прежде чем разгорелось пламя.

Слава Всемилостивому Господу, сжалившемуся над этой мятущейся душой и освободившему ее от пропасти материализма и сетей спиритизма – сих созданий человекоубийц – бесов.

Возрождение

Глубокие патриотические чувства не позволили Спиридону остаться в стороне, когда он узнал о борьбе в Македонии и о гражданской войне, возглавленной героическим Павлом Меласом. В 1905 году он уехал из Цюриха и тайно прибыл в Фессалоники, чтобы записаться добровольцем в армию Павла Меласа и сражаться за многострадальную Македонию. Но тайну сохранить не удалось. Об этом узнала его мать, и она, встревоженная, приехала из Афин в Фессалоники, чтобы увидеть его. Она нашла его в подвале, где его временно укрывал греческий консул Контогурис.

После счастливого исхода борьбы в Македонии он вернулся в Цюрих и закончил университет в числе лучших студентов, получив степень по химии. Вскоре уехал в Египет, где был назначен

инспектором водонадзора. Спустя некоторое время, оставив этот пост, он приехал в Афины, где получил назначение в Министерство продовольствия.

Он жил со своей семьей на улице Стадиу и активно занимался научными исследованиями. Наступил военный 1917-й год. Из-за блокады возникли перебои с бензином. После упорных поисков Менагасу удалось изобрести синтетический бензин, но из-за отсутствия средств он не смог продолжать работу. Во время одного опыта возник сильный пожар, и его пришлось госпитализировать с серьезными ожогами.

В 1919 году на Менагаса очень большое впечатление произвели проповеди отца Дионисия Фаразулиса в Афинах. Это привлекло его к Церкви. Но душа его, подобная горному оленю, жаждала более обильных источников, и он поспешил к самому обильному – ко Святой Горе. В 1920 году он впервые посетил Удел Божией Матери.

К несчастью, в то время многие монастыри были особножительными. Слава Богу, в последующие годы большинство из них стали общежительными, в которых главенствуют послушание и богоугодное нестяжание, где общая

трапеза и не существует слов «мое» и «твое». Менагас, посетив несколько особножитных монастырей, отправился домой разочарованным, с отрицательными впечатлениями о Святой Горе.

Но в гавани Дафны ему посчастливилось встретить избранника Божия, сокровище пустыни – старца Авимелеха, отшельника из скита Праведной Анны. Он слышал об этом человеке, но до той поры не встречался с ним. И провидением Божиим встретил его в Дафне. То был незабвенный Старец, молившийся непрестанно, постоянно с приклоненной головой. Он со вниманием и любовью выслушал молодого паломника и после обстоятельной духовной беседы сказал: «Дитя мое, тебе следует удалиться в пустынь. Там подвизаются отшельники и исихасты, которых никто не видит, он преданы полностью тишине и молитве Там ты познаешь добродетель...»

Эта встреча и беседа с достопочтенным старцем Авимелехом помогла Менагасу принять окончательное решение – уйти в пустыню к великому исихасту Катонакии старцу Каллинику.

Паломничество на Святую Землю

На земле есть два места, которые по праву называются Святыми. Благодать Божия, освящающая все одушевленные и неодушевленные творения, сугубо освящает эти два места на нашей планете – Святую Землю и Святую Гору. Святая Земля была освящена земным присутствием Сына Божия, Его Слова, а Святая Гора – живым присутствием и покровительством Пречистой, Пресвятой Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, а также сонмом афонских Отцов, просиявших в святости.

Поэтому перед тем, как вступить в духовное ангельское воинство афонских монахов, Спиридон Менагиас осуществил свою священную мечту – почтить Святую Землю, которую прошли стопы Господа, где осуществилась великая тайна Воплощения, где Бог явился во плоти, где принял Он от Отца обетование Святого Духа, где вознесен был десницею Божию (Деян. 2:33). Паломничество в Святую Землю – это свидетельство сильной веры и любви, светлое второе крещение в великом потоке евангельских событий и небесного Учения Спасителя нашего. После душеспасительного изучения Священного Писания молодой Спиридон стремился собственными глазами увидеть святые места, своими плотскими чувствами прикоснуться к непостижимой тайне земного присутствия Господа. Он жаждал получить это освящающее «видение» Святой Земли, видение, которое воспринимается не только глазами, но и внутренним зрением души...

Он поклонился святой пещере Рождества в Вифлееме, которая видела смирение Предвечного Бога, всебогатого милосердием и состраданием к человечеству.

«Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру свет разума, в нем бо звездам служащий звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе!»

Побывал он в Назарете – в месте молчания Богочеловека и пребывания Его в повиновении у земных Своих родителей;

ездил на Иордан, к водам освященного потока, где свершилось Богоявление в Троице. У жизнеутверждающего колодца Священного Евангелия душа его, словно вторая самаритянка, преклонялась перед святыми местами исторического Библейского

повествования. Видел он и Фавор, и Кану, и Капернаум, и гору Блаженств, и Мертвое море. Ездил в Вифанию и Гефсиманию, к земным местам страданий Богочеловека и к пресвятой могиле Богородицы. Посетил «горницу велию», где свершилось священное омовение ног и последняя вечеря Господа.

В часовне Распятия и на Святом Гробе Спиридон почувствовал все величие смирения и любви Господа, «Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй вонь не погибнет, но имать живот вечный» (Ин.3:16). «Боже мой, не помяни грехи юности моей и невежества моего. Но, Господи, помяни меня во Царствии Твоем,» – тихо шептал он, стоя на коленях и сознавая себя разбойником, мытарем, овцой заблудшей. И слезы, – горячие, сладкие слезы покаяния – орошали святое место...

Особенное впечатление произвели на него твердыни Православия – монастыри Святой Земли – монастыри преп. Саввы Освященного, преп. Феодосия Великого, общих житий начальника, преп. Георгия Хозевита – с их бесчисленными убежищами отшельников, монастырь Сорокадневной горы. Эта гора и пустынь зародили в нем основы его будущей монашеской жизни в

преподобии Христу, это созерцание в аскетизме, трудности поста и всенощных первого Отшельника – Богочеловека...

После паломничества в Святую Землю желание последовать Христу, стать сопричастником Его Страстей и Воскресения разгорелись в нем с новой силой. Сила неодолимая повлекла его к иному святому месту – к Святой Горе Афон.

**«Благословенна жизнь подвижающихся в пустыне,
ибо возлетают они на крыл ах Божественной любви»**

В пустыни Катонакии

Во второй раз приехав на Святую Гору, он, по благословению старца Авимелеха, пришел к доброму исихасту катонакскому старцу Каллинику, этому высоко парящему орлу созерцания и умной молитвы.

Старец Каллиник с радостью принял Спиридона, которому тогда было тридцать девять лет. Калива отшельника расположена примерно посередине между другими каливами, между двумя скалистыми склонами, которые образуют ущелье Катонакии. Эта бедная, скромная калива посвящена прел. Герасиму Новому, подвижнику Кефалонскому. Ежедневно, когда Спиридон приходил в тихую часовню кефалонского Святого, внушавшего страх бесам, его покаяние возрастало. Особенно сильное покаянное чувство было у него в день пострига, когда старец Каллиник нарек ему имя преп. Герасима.

Накануне пострига напали на него полчища злых духов. Как позднее старец Герасим рассказал старцу Феодосию из Святопавловского монастыря, они так сильно били его, что он упал без чувств. Бесы обозлились на него за то, что он отошел от спиритизма и решился стать монахом. С того дня ангелы тьмы открыто и постоянно вмешивались в его жизнь. Но он проявил большое терпение. Обо всех искушениях он говорил своему духовному наставнику, и тот, как мудрый доктор, давал ему нужные лекарства и, как искушенный в бранях воин, учил сражаться. Под

руководством Старца новому монаху удалось избежать всех ловушек бесовских.

На Святой Горе знают, что послушание творит чудеса. И чада послушания, подвижающиеся на Афоне, многое могут рассказать о его чудотворной силе.

Отец Герасим, как будет видно из нижеописываемого случая, происшедшего в первые годы его монашеской жизни под духовным руководством старца Каллиника, быстро проник в тайну этой великой добродетели.

Однажды Старец послал отца Герасима в Лавру, которая находится примерно в трех или четырех часах ходьбы от Катонакии. Была зима, выпал снег, но дело было неотложное, и Старец благословил, чтобы он пошел. Отец Герасим проявил послушание: сотворил земной поклон, получил благословение и отправился в путь. Когда он немного отошел от Керасии, разразилась ужасная буря. Скоро он весь был облеплен снегом и едва различал тропинку. Вскоре ее совсем замело снегом, он потерял ее и остановился. Видя опасность, отец Герасим начал горячо молиться Господу и Богородице, прося Их помощи.

«Вонми гласу моления моего, Царю мой и Боже мой!» (Пс.5:3). «На Тя, Господи, уповах, да не постыжуся во век; правдою твоею избави мя и изми мя; приклони ко мне ухо Твое, ускори изыти мя. буди ми в Бога защитителя, и в дом прибежища, еже спасти мя» (Пс.30:2–3).

И вот! Прошло не более нескольких минут, и Господь внял ему. Пред ним появился прекрасный отрок восьми – десяти лет.

«Благослови, Отче!»

«Бог благословит».

«Куда идешь ты в такую погоду, Отец? Ты провалишься в снег. В такую метель легко заблудиться».

«Ничего не поделаешь, чадо мое. Старец мой послал меня в Лавру. Я должен идти».

«Тогда пойдем, я помогу тебе найти дорогу».

Отрок проводил его до некоего места и сказал:

«Теперь иди по низу, а вскоре выйдешь на тропинку, ведущую в Лавру».

Отец Герасим, радостный, тронулся было в путь, но, сделав несколько шагов, опомнился: «Как же это может быть, чтобы ребенок был здесь один, среди снега?» Сейчас же он повернулся, но никого не увидел, не было и следов на снегу. То был Ангел Божий.

«Ангелом Своим заповесть о тебе сохранить тя во всех путех твоих» (Пс.90:11). Ион с радостным чувством восславил имя Всемогущего Господа, Который вскоре подает помощь рабам Своим, тем, которые без малодушия вверяют себя воле Его.

По слову преп. Иоанна Лествичник: «Послушание есть действие без испытания» (.4:3). Подобное послушание, абсолютное своему старцу, свидетельствует о крепкой вере послушника во Всемогущее Провидение Того, Кто управляет всей вселенной и Кто покровительствует всем духоносным Отцам. «Слушай вас, Мене слушает, и отмечаясь вас, Мене отмечается» (Лк.10:16).

Отец Герасим возлюбил своего Старца. Уста его почитал «устаами Христовыми». Позднее, 5 сентября 1930 года, написал: «Смерть его стала невосполнимой потерей, и особенно для меня.. В скорбях и искушениях Старец мой был для меня единственным утешением после Господа... И благословение его, которое он дал пред смертью, придает мне мужества и укрепляет в моей жизни без него...»

Трудная подвижническая жизнь в Катонакии и, прежде всего, тяжелый климат, скоро подорвали хрупкое здоровье отца Герасима. У него было предтуберкулезное состояние. Старец Каллиник благословил его идти в Булгарели в Арте и пожить там некоторое время, пока он не поправит здоровье и не обретет новые силы.

В Булгарели отец Герасим стал благодаря добродетелям своим «светочем великим». До сего дня христиане в тех местах помнят его – его проникновенную речь, его мягкие манеры, его простоту, помнят пример доброго христианина, который он показал им.

В «козьих жилищах» у свят. Василия

В 1925 году отец Герасим вернулся в Катонакию, в каливу своего покаяния. Но видя, что здоровье его постоянно ухудшалось,

проницательный старец Каллиник после продолжительной молитвы призвал его и сказал: 'Чадо мое, твое слабое здоровье не позволяет тебе долее оставаться здесь, в Катонакии. Здесь неподходящий для тебя климат. В ските свят. Василия климат более сухой, более подходит твоему здоровью. Оттуда ты сможешь регулярно приходить ко мне, и я смогу следить за твоим духовным состоянием».

Итак, по благословению старца Каллиника, вооружившись умной молитвой, отец Герасим «удалился бегая, и водворился в пустыни» (Пс.54:8), в пустыни, имевшей имя великого иерарха-аскета святителя Василия.

Это самый маленький, самый незаметный и самый строгий в аскетизме скит Святой Горы. Его нелегко найти, если не знать хорошо дорогу. Укрытый в глухом уголке, он почти ниоткуда не виден. Расположен скит на высоте примерно в восемьсот метров над уровнем моря, рядом с местностью Керасия. Климат его отличается сухостью, духовный же его климат можно описать словами: «тишина, очищающая душу». Пустынная та местность расположена на крутом горном склоне горы Кармиль в Керасии, имеющем форму конуса, увенчанного часовней святого пророка Илии.

Монахи сохраняют предание, что в пустыни свят. Василия подвизались некогда отшельники из Кесарии Каппадокийской и потому скит и собор были освящены в честь Святителя Кесарии Каппадокийской. Во времена отца Герасима каливы отшельников были «козьими жилищами» – сложенные из камней, похожие на пещеры помещения с низкими потолками. Крыши были покрыты ржавыми железными листами. Полы естественные – земля или камень. Питиевую воду держат в цистернах, куда собирают ее с крыши во время дождя.

Вид из скита – огромные скалы, обрывистые крутые ущелья, спускающиеся к морю.

Сохраняется предание, что свят. Григорий Палама, проповедник Благодати и Нерукотворного света, «украшение монахов», подвизался какое-то время в этой пустыни.

В этой величественной глуши в течение двух лет подвизался знаменитый русский отшельник преподобный Паисий

(Величковский), который переводил тогда на русский язык «Добротолубие» святых Отцов-отшельников.

Здесь подвизались отцы – великие воины Христовы, ведущие глубокую духовную жизнь и совершавшие подвиги аскетизма. Таким был отец Варнава, трезвый наставник умной молитвы, румыны отцы Мартиниан, Иона, Феофилакт. Многие отцы занимались резьбой по дереву, вырезали расчески, ложки и ножи для бумаг. Старец Мартиниан жил подаянием от братии. Когда ему давали «благословение» то есть немного еды, он всегда благодарил словами: «О! Милость Божия! Как твое святое имя? А как имя твоего родителя?» (Он спрашивал имена, чтобы молитвенно поминать их)

Старец Иона имел хорошее образование, он окончил Политехнический институт. В атмосфере возвышеннейшего исихазма пустыни свят. Василия занимался переводом знаменитых произведений. Он перевел на румынский язык труды преп. Никодима Святогорца и другие писания святых Отцов.

Старец Феофилакт выделялся святостью своей даже среди земных небожителей скита. Про него рассказывают, что как-то раз вышел он из своей маленькой каливы и увидел оленя со сломанной ногой. Тогда он приблизился к оленю и заговорил с ним, словно с человеком, сочувственным голосом: «Садись, я забинтую твою ножку, и ты поправишься».

Олень послушался его и спокойно сел. Старец, со своей «любовью и сердечным расположением ко всем созданиям», взял вместо шины две камышинки, а вместо бинта полоску ткани и, как опытный ортопед, наложил повязку на сломанную ногу бедного животного. Затем ласково похлопал его и сказал:

«Сейчас, дорогой мой, иди, а дней через тридцать-сорок возвращайся, я сниму повязку» И действительно, через назначенное время олень

явился к каливе Старца. Он развязал повязку и убедился, что нога совершенно зажила.

Святой была и кончина благословенного Старца. В последнее мгновение земной жизни лицо его просияло, как лик ангела.

В этом благословенном скиту долгие годы подвизался также старец Иосиф Пещерник, исихаст. В некоторые годы под его окормлением была небольшая община, состоявшая из отцов Герасима (Менагаса), доктора Лавры Спиридона – отца Афанасия (Кампанаоса) и фармацевта отца Афанасия (Балсамакиса). Все они были строгими аскетами. Старец давал им обыкновенно на целый день одну банку размоченных сухарей, и они следовали тому молитвенному правилу, которое он им дал; все молитвы творились по четкам, и практиковалось «молчание с созерцанием».

Отец Герасим подвизался в пустыни свят. Василия около пятнадцати лет. В убежищах и пещерах вокруг скита жили известные отшельники того времени, одаренные различными духовными дарами, такие как старец Херувим, иеромонах Ефрем, иеромонах Герасим. Старец Херувим достиг ступени совершенного нестяжания. Однажды, когда хижина его оказалась совершенно заваленной снегом, после недельного поста явился к нему ангел Божий в образе монаха и принес еды. Иеромонах Ефрем был пещерником. Иеромонах Герасим соединял удивительное знание Добротолубия с добротолубивой внутренней жизнью.

Аскетическая брань

Если бы Вы, дорогие читатели, посетили скит свят. Василия в то время, то убедились бы, какую благословенную жизнь проводили там отцы-отшельники. Вы бы увидели их святые лица, бледные от поста и всенощных, освещенные годами усиленных молитв. Идя по тропинкам скита, Вы слышали бы многократно с любовью и надеждой повторяемое имя Господа нашего: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного».

На этом духовном лугу и возрастал отец Герасим. Молитва Иисусова была для него хлебом насущным. Он по опыту знал глубокую добродетель молитвы – добродетель, которая освящает всякий труд, физический и духовный. Но молитвенная брань трудна. Подвижник должен лицом к лицу противустать с «правителями этого мира» – «к миродержителем тьмы века сего»

(Еф.6:12).

«Да не пресекаются же у нас никогда – сердечное внимание, трезвение, прекословие (помыслам) и молитва ко Христу Иисусу, Богу нашему, – сказал преп. Исихий, пресвитер Иерусалимский («Добротолюбие», «О трезвении и молитве» 39–40), – Ибо лучшей помощи, кроме Иисусовой, не найти тебе во всю жизнь твою: потому что только Он Один Господь, яко Бог, знает демонские ковы, обходы и лукавства. Дерзновенно убо да уповает душа на Христа, да призывает Его, врагов же отнюдь да не страшится: ибо не одна воует, но с Страшным Царем Иисусом Христом, Творцом всего сущего, бестелесного и телесного, видимого и невидимого».

Необходимой подготовкой к молитве является пост. Потому отшельники питаются простой и скромной пищей – сухарями, зеленью, овощами, бобами.

И там, в пустынной и бедной каливе скита свят. Василия, среди земли и камней, отец Герасим, этот известный в миру молодой человек из Афин, аристократ, носящий громкое имя Менагас, был подобен горлице Псалмопевца, которая там

обрела гнездо себе, «идеже положит птенцы своя» (.83:4). В этом «гнезде» плоть его, истощенная многими болезнями, укрепилась, а дух его обрел крылья, как горлица.

Он был непримирим к «врагу любимому» – к плоти. Да и окружение его не давало ему возможностей для такого примирения.

Когда он был в Катонакии, старец Каллиник частенько делал ему послабления в трапезе. Но в пустыни было сурово.

Отец Иосиф, старец той монашеской общины, благословляя ему по многу дней питаться лишь бобами.

«Старче, я могу умереть, мне нельзя есть только бобы,» – пожаловался было отец Герасим.

«Мы для того и пришли сюда, чтобы умереть. Не бойся,» – был ответ ему.

«И дивно, я не только не пострадал, а даже поправился. В таких случаях действует другая сила, сила послушания, которая превосходит силу логики,» – говорил позже отец Герасим, вспоминая чудесные последствия молитв и благословения старческого.

И впоследствии, по воспоминаниям отца Варфоломея, который некоторое время подвизался вместе с ним, он строго и неотступно постился, вкушая очень простую и скудную пищу.

Пост и усиленная молитва быстро привели его на «пастбища» покаяния. Повседневной пищей его стали покаянные слезы. «Быша слезы моя мне хлеб день и ночь» – воспевал он вместе с великим Пророком покаяния и «радостотворной скорби» Давидом (Пс.41:4). Сколько же лет потерял он, не орошая слезами эту землю аскетов, вспаханную покаянием подвижников.

«Позорно и расточительно потратил я жизнь мою, о Человеколюбие... Но возвращаюсь теперь, о Спаситель, прими меня, как блудного сына...»

«Всемиловитым оком, о Господи, призри на смирение мое и спаси мя,» – слышались молитвенные покаянные вздохи из каменной хижины отца Герасима.

Долгими зимними ночами, когда он в келье своей молился по четкам, слышались непрерывные громкие его и горькие

вздохи. Летними ночами он молился на одной из скал, коих множество вокруг каливы, под звездами, при лунном свете.

Но возвышенная любовь отца Герасима ко Сладчайшему Иисусу достигала своей наивысшей точки после таинства непрерывной молитвы в самом великом Таинстве, посредством которого люди становятся причастниками Божественной природы. В одном из своих писаний о Небесной евхаристии, отрывки из которого мы процитируем в конце книги, он называет Небесную Евхаристию «таинством любви Христовой и кладезем всех Небесных сокровищ».

Тем временем, чем усердней подвизается отшельник в молитве, причащаясь Тела и Крови Господних, против ратей противника – дьявола, тем сильнее лютует тот в ответ. Поэтому отец Герасим прилежал в стремлении содержать «око души» в постоянном бдении. Когда он отправлялся из Афин на Святую Гору, сказал: «Еду смирять бунтующий разум». В этих кратких словах выражено благородство брани за совершенство, брани против страстей и бесов,

за святое житие монашеское, которому нужно подчинить разум, дабы обрести «разум Христов», приобщиться к чистоте, воодушевлению, обожению.

Он часто рассказывал старцу Феодосию из Святопавловского монастыря о разных проделках злых духов, которые не прекращали тревожить его и днем, и ночью. Одно из их ухищрений заключалось в том, чтобы побудить его читать написанное Оригеном, содержащее, как известно, еретические доктрины и вводящее в заблуждение.

«Я в смятении, отец Дамаскин, я в смятении, – сознался он однажды своему собрату-отшельнику. – Ориген утверждает, что у ада будет конец, что он не вечен!»

«А разве я не говорил тебе, чтобы ты не читал его?» – заслуженно упрекнул его в ответ брат,

«Он постоянно боролся, – рассказывал нам тот самый отец Дамаскин, – ему трудно было жить со многими своими суетными знаниями, трудно давалось самоотречение. Он общался с простыми, необразованными отшельниками и восхищался ими,

их простотой и мудростью. Они открывали ему то, что он не мог понять с помощью науки.

Однажды несколько отцов заговорили о том, есть ли жизнь на других планетах. Присутствовал и отец Герасим. И вдруг в разговор вступил один отшельник-простец и сказал: «Отцы, понимаете ли вы, что с нами происходит? Хозяин послал работников своих потрудиться в винограднике. И когда они отправились на работу, то начали рассуждать, есть ли другие виноградники у их хозяина, где и сколько их. Подобное и мы творим. Какое нам дело до того, есть ли у Всевышнего иные миры? Мы должны возделывать наш виноград здесь, на земле...»

Какое впечатление произвел этот простец на отца Герасима! Но тем не менее, он стремился видеть величие Божие и с другой точки зрения. Часто он говорил мне:

«Брат мой, астрономы и физики, которые наблюдают премудрость Божию в природе, прославляют Его в величии Его и истинно в Него верят. Но мудрость Божия нетолько в бесконечной вселенной, в макрокосме, но и в невидимом микрокосме с его непрерывным движением микроскопических живых

организмов, которые видны лишь при помощи микроскопа. «Велия и дивна дела Твоя, Господи Боже Вседержителю» (Ап.15:3)».

Когда однажды в дождь сверкнула молния, он сказал мне «Знай брат мой, что великая математическая премудрость сокрыта в этой изогнутой линии на небе... «Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь» (Пс.18:2)»

С простотой и глубокой верой встречал он житейские трудности. Как-то раз у них не оказалось дрожжей, чтобы испечь хлеб.

Тогда отец Герасим взял четки святителя Нектария, хранившиеся у него как драгоценнейшее наследство, перекрестил вместе с отцом Варфоломеем тесто и испек просфоры для Божественной литургии. Почитание свят. Нектария, нового нашего Святого, было особенным у отца

Герасима. В письме к другу и духовному брату, отцу С., он писал: «Моя бесконечная благодарность за полученную посылку со святым маслом и частицами облачения (архиерейского саккоса) свят. Нектария, которые я раздал, оставив один кусочек у себя, страждущей братии. Так как я ожидал получить от тебя фотографию, о которой ты мне писал, с писанием тебе ответа откладывал со дня на день... Мне очень хочется узнать, когда было решено перенести его святые мощи, и потому прошу тебя не забыть сообщить мне сразу об этом».

Отцы, знавшие отца Герасима, рассказывали нам о его мягкости, незлопамятности, честности, о неосуждении ближних—этих дивных чертах его характера. Мирный с ближними, с враждовавшими к нему обращался кротко и терпеливо.

Когда отец Варфоломей, бывало повышал на него голос «Да в тебя бес вселился, Герасим!», он не прекословил, а смиренно кланялся, преклоняя ниц голову.

Из-за великой своей простоты и бесхитростности он принимал английского шпиона Бэлфура во время немецкой оккупации.

Видя, как тот молится, кладет земные поклоны, он радовался и полагал, ошибаясь в простоте, что тот пришел, чтобы вести жизнь православного монаха. «У него есть даже достоинства священнические,» — говорил он. — «А где? В кофоне?» — отвечали отцы. Но Бэлфур сделал свое дело™

Имея расстроенное здоровье, отец Герасим просил Господа, чтобы Он дал ему для утешения и поддержки какого-нибудь

человека. И такой человек дан был ему. То был отец Андрей, впоследствии игумен Святопавловского монастыря. Будучи истинным исихастом, отец Андрей подвизался в пустыни, он проживал какое-то время с отцом Герасимом, у него в послушании. Отец Герасим, утешенный, возблагодарил Бога. «Брат, укрепляемый братом — словно город укрепленный». Так было и с этими двумя монахами. Они помогали друг другу и физически, и духовно.

«Однажды после дневного богослужения я пошел, чтобы в тишине совершить свое правило, — вспоминал отец Андрей. —

Вдруг услышал стук в дверь. Я подумал, что это отец Герасим зовет меня. Вышел, огляделся, но никого не было. Тогда я пошел к келье его и увидел его сидящим так же, как я его и оставил. «Старче, – сказал я громким голосом (ибо благословенный был туговат на ухо), – что это за стук был в мою дверь?» «Не тревожься, – отвечал он, – и в следующий раз, когда услышишь стук, не открывай. Когда я постучу в дверь, то произнесу: «Молитвами святых Отец наших...» Тогда открывай!»

В другой раз приснопамятный послал меня в Лавру. Дорогой я нашел на дороге разбросанные каштаны. Мне в голову пришла мысль наполнить свой мешок – у меня при себе был большой мешок, вмещающий 50 ока (примерно 65 кг) –и вернуться в нашу каливу свят. Василия, а потом снова отправиться в Лавру. Так я и сделал. После же того, как вернулся из Лавры и сварил каштаны, старец Герасим подозвал меня и сказал: «Хорошие каштаны, отец мой. Возьми тарелку и отнеси угощение нашему соседу., другую тарелку следующему, потом далее – всем отцам...» Себе мы оставили только немного каштанов. У благословенного было щедрое сердце. Он очень любил старцев, отшельников. Когда мы получили два мешка муки и испекли в нашей печке прекрасный хлеб, произошла такая же история: он благословил мне разнести хлеб по всем каливам скита».

«Благословенный «расточи даде убогим.» (Пс.111:9), в то время как сам добровольно жил в лишениях, в такой нищете, что иногда в письмах к старцу Феодосию из Святопавловского монастыря просил прислать ему старую одежду и обувь»

В нестяжании монах освобождается от забот о материальном и «яко финикс процветет» (Пс.91:13).

«На свещнице»

Милосердие

Когда в 1940 году была объявлена война, и немцы оккупировали Грецию, отцу Герасиму пришлось исполнять обязанности переводчика в караульном помещении, которое захватчики устроили на берегу Афонского полуострова рядом с румынским скитом св. Предтечи. Его превосходное знание немецкого языка и добродетельный характер сослужили Святой Горе немалую службу в то критическое время, в течение всего периода немецкой оккупации. С благословения Святого Кинота он даже перевел письмо самому Гитлеру.

В том письме отцы просили его не причинять вреда Святой Горе, подчеркивая уникальность монашеской жизни на древнем Афоне и «мирную жизнь в молитвах и постах» обитающих там отшельников. Возможно, то была единственная просьба, которая смягчила жестокого и бесчеловечного Гитлера.

Само Провидение Божие поставило отца Герасима переводчиком, потому что он исключительно любил Удел Божией Матери. Главной заботой его в то время испытаний была безопасность Святой Горы. Его же отношение к немцам можно выразить его желанием, чтобы над ними совершились слова: «Низпосла стрелы, и разгна я, и молнии умножи, и смяте я» (Пс.17:15).

В своем письме старцу Феодосию из Святопавловского монастыря от 26 ноября 1940 года он называл итальянцев трусами и тряпками, а в другом письме выражал свою боль из-за жертв несчастной Кефалонии.

Очень тяжело было из-за того, что нечего было есть. Многие старцы Святой Горы – нищие отшельники, никогда не

запасавшие муки, но жившие всегда в добродетельных лишениях, питались сухарями, беззаботные, как «птицы небесная» (Мф.6:26), лишились даже своего обыкновенного скудного хлеба. Отец Герасим писал отцу Феодосию об этих страждущих чадах Божиих, духовных птицах пустыни (см.: Пс.101:7).

Отец Феодосий был назначен администратором Отдела продовольствия в Карее, который оказывал помощь нуждающимся и страждущим. Видя, как сильно он расстроен многочисленными тревогами и заботами, отец Герасим послал ему замечательное письмо, датированное 5-м ноября 1946 года:

«Я получил твоё дружеское письмо от первого числа этого месяца, и меня очень порадовало выраженное в нём горячее желание оказать помощь (в той мере, в которой это от тебя зависит) бедной братии, отцам на Святой Горе, которые не имеют хлеба... Поверь мне, брат мой, что в сердце твоём является воля Покровительницы и Матери нашей, Владычицы Богородицы, Которая до сего дня сохраняет наше существование. Что до твоих мыслей о том, что для тебя было бы лучше оплакивать свои грехи, чем брать на себя столько забот по оказанию помощи другим, я напоминаю тебе то, что ты и сам хорошо знаешь, что нет лучшего средства для очищения от грехов, чем оказание помощи.

Свят. Иоанн Златоуст учит нас так «Даже если у тебя много грехов, раздача милостыни оправдывает тебя... ибо имеющий на руках долговую расписку, долг востребует у Господа». И ещё: «Подавай бедным. И даже если промолчишь об этом, тысячи голосов защитят тебя». И ещё «Раздача милостыни – это спасение души...»

Движимый любовью и милосердием, отец Герасим в письмах своих упоминал многих нуждающихся: румынских отцов из скита св. Предтечи, отшельников из Виглы и Кавсокаливии. Он часто подписывался так – «Герасим, недостойный монах».

В Лавре сегодня хранят очень добрые воспоминания об отце Герасиме. Приснопамятный игумен Лавры архимандрит Афанасий сказал нам: «Отец Герасим совершенно отвергся себя. В то время жизнь в пустыни была очень строгой, не то, что сейчас, когда там есть большие послабления. В нём не было гордости, характер его был мягкий и благородный».

Лаврский отец Филипп добавил: «Он регулярно навещал нас. Он знал своё предназначение. Он спас моего Старца, отца Амвросия, вступаясь за него перед немцами, говоря им: «Знаете ли Вы, что обвиняете в саботаже угодника Божия?»

Спас он и еще десятерых других отцов, которых тоже обвиняли немцы».

В период оккупации он часто передвигался между скитом св. Василия и Лаврой, выполняя свои обязанности переводчика, а через несколько лет поселился в келье пещеры преп. Афанасия, которую благословила ему Лавра. Там он подвизался в тихом уединении, совершая свое пожизненное «послушание» – безропотно переносить страдания от многочисленных все усиливающихся болезней.

Эта пещера имеет имя преп. Афанасия Афонского, потому что Преподобный часто приходил сюда помолиться в тишине. В ней две маленькие церкви и одна комната. Духовное присутствие строителя Лавры, учителя и наставника, славы Афона поддерживало нового подвижника в его трудной брани.

В этой пещере его навестил как-то отец Феоклет из Дионисиата. Был зимний солнечный день. Он нашел отца Герасима на улице, греющимся на солнышке. Среди прочего отец Герасим рассказал ему о чудесном происшествии:

«Долго шел снег, брат мой, и я сидел в пещере. Вдруг услышал, как снаружи щебечет какая-то маленькая птичка. Она щебетала со странной и непонятной настойчивостью, и это заставило меня выйти из пещеры. В тот самый момент, когда я пытался понять, что же так взволновало небесную пташку с потолка пещеры упал большой камень, который, останься я на месте, убил бы меня. Слава Господу и Богородице за их покровительство и заступничество».

Броня терпения

Тот, кто посещал Святую Гору, кто изучал творения преп. Исаака Сирина может понять величие такой добродетели, как терпение. Когда отцы Святой Горы постригают кого, то дают ему краткое, но очень важное благословение «Доброго терпения!» Когда они беседуют, то речь свою простую украшают постоянным присловьем: «Терпение, навькни терпению». Даже когда пьют воду, то можно слышать, как они, осеняя себя крестным

знаменем, вспоминают о терпении. И когда нагружают мулов, этих спокойных и выносливых животных, обеспечивающих сообщения и перевозки, то призывают их к терпению такими, например, словами: «Кицо, учись терпению!» «Арапи, будь терпелив!» Преп. Исаак Сирин сказал:

«Всякие беды и несчастия, если не переносить их с терпением, причиняют двойные страдания, ибо терпение человека умаляет горе, а малодушие вызывает боль более сильную. Терпение всегда дарует утешение и представляет собой силу, которая рождается только в большом сердце. Трудно человеку обрести такую силу в час испытаний, если Господь не поможет ему, вняв усердным молитвам и обильным слезам» (проповедь 46, греческий текст).

Все на Святой Горе говорит о терпении: службы, длящиеся часами, продолжительные всенощные, послушания, труд физический, непрерывная брань с бесами, искушения от людей, болезни. Все это способствует развитию и укреплению этой драгоценной добродетели.

Отец Герасим нес свой крест в терпении болезней. Блаженный научался терпению Иова, подобному терпению Христа. «Не забуди убогих Твоих до конца» (Пс.9:33). Но что действительно достойно, так это то, что терпение его сочеталось с благодарением ко Господу за милосердие Его. Он считал болезни свои милостью Божией и благодарил за них. В одном из писем он написал: «Слава Тому, Кто даже о муравьях заботится».

Давайте посмотрим, как он сам описывал страдания свои в письме к отцу Феодосию:

«Дней через шесть-семь я прекращу вкушать виноград, с помощью которого Божией милостью надеюсь восстановить утраченные силы и улучшить работу сердца. Ибо сердце беспокоит меня, и в настоящее время гораздо более, постоянно болит» (письмо от 15-го августа 1947 года).

«Все болезни, которые у меня были с прошлой зимы, вызваны убийственной и предательской сыростью пещеры, которая мало-помалу пропитала все мое хилое тело, и сегодня я страдаю, главным образом, от сердца и от бронхита, развившегося после испанки, от которой я излечился.. Но так как Господь дал мне все это за грехи мои, то да будет благословенно имя Его святое...» (письмо от 26 октября 1947 года).

В письме одному молодому богослову о значении искушений в нашей жизни он по-отечески поучал:

«Всеблагий Господь попускает искушениям испытывать нас (но не более того, что мы можем вынести), заботясь о душах наших, потому надо молить Господа даровать нам терпения в искушениях и укрепления, чтобы мы могли совершить Его святую волю, что ведет непременно к очищению душ наших.

Помня о том, что искушения попускаются нам Господом и попускаются для пользы душевной, нам не следует чрезмерно сокрушаться, но надлежит даже радоваться, помня, что все это Отец наш Небесный дает нам из любви Своей для уврачевания и полного исцеления больных наших душ. «Без искушений не будет и спасения». И апостол Иаков призывает нас возрадоваться в искушениях, говоря: «Всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна» (.1:2)».

Сам страдая и очищаясь, «как золото в горниле», отец Герасим мог утешать и укреплять других в беседах и переписке. В одном письме к своему духовному чаду в Афинах он написал: «Мне бы

очень хотелось узнать о болезни той девушки, которую, как ты мне напомнил, мы посетили- Из-за этих страданий я считаю, что она имеет благословение; надо только проявить терпение и,

по силам, прославлять Господа за то благо, которое Он для нее приготовил. Один Святой сказал: «В болезни повторяйте: «Блажен тот, кого Господь сочтет достойным подвергнуть испытаниям, чтобы спасти душу его». Еще один Святой сказал, – «Никакая добродетель так не радует Бога, как когда кто-то болен и Его за это благодарит». А мученик Петр Дамаскин, епископ Дамасский сказал: «Мы должны благодарить Господа, ибо болезнь Он дает нам, как венец терпения».

Упование на Провидение Божие стало жизненным опытом и отца Герасима. Посмотрите, как он говорит о благотворном и всемогущем Провидении Божиим в своем письме от 1-го октября 1953 года из Святопавловского монастыря:

«Слава всеблагодарному Отцу Небесному, Который различными средствами прибегает ко многочисленным возможностям, чтобы нас, неблагодарных, спасти и ввести в Его Небесное Царствие. Одним из этих средств можно считать и мою сердечную болезнь, врожденную, а потому неизлечимую. Более того, так как Его доброта и сострадание бесконечны, то вместе с искушениями Он дает нам и силу с легкостью их перенести и им противустать...»

Для его сознания о высокой нравственности, как «обоюдоострый меч», была память о его «ужасных поступках», о «старых грехах», которую время силилось стереть.

«Велико мое утешение, когда я чувствую, что все эти страдания происходят из любви нашего Всемиловитого Спаса, Который печется о пользе душ наших, даже таких, как я, которые жизнями своими сверх всякой меры огорчали и прогневливали Его. Да святится и славится имя Его за то, что Он использует всевозможные лекарства для спасения людей. «Отец Мой доселе делает, и Аз делаю» (Ин.5:17), – говорит Он нам в Святом Евангелии. Какую иную работу Он делает, как не спасение душ людских?.. Всегда храни в уме святыя слова евангельские «Не две ли птицы ценитея единому ассарию? И ни едина от них падет на земли без Отца вашего; вам же и власи главнии вси изочтенисутъ; не убойтеся убо: мнозех птиц лучши есте вы» (Мф.10:29–30).

Слава Отцу нашему Небесному за то, что попуская эти беды (как мы по неразумию их называем), Он преследует одну только цель чтобы, благодаря терпению, которое мы проявляем, Он мог привести нас к Себе как можно ближе. Один Святой сказал об этом таю «Тот, кто мудр и знает истину, исповедуется Господу, не вспоминая лишь прошлые свои грехи, но терпеливо перенося все, что выпадет на его долю». И опять же еще один Святой сказал: «Мы должны знать, что есть три способу угождения Богу, которыми человек может спастись. Первый—это не грешить, второй – это грешнику терпеливо переносить все страдания, что выпадут ему, и третий – это скорбеть, что не хватает терпения...»

Святитель Афанасий Великий вопрошал св. Нифонта: «Отче, что, болезнь во благо человека?» Св. Нифонт отвечал ему так «Точно как золото, которое, если бросить его в огонь, очищается от ржавчины и выходит чистым, также и человек, если он в болезни благодарит Господа, избавляется от грехов своих».

3– «Благо д ля меня, что Ты смирил меня»

Как отец Герасим описывал в своих письмах, у него проявились симптомы многих болезней, состояние здоровья в пещере преп Афанасия ухудшалось день ото дня. Во время обострения болезни его поместили в больницу Лавры. Оттуда он послал записку отцу Андрею в Святопавловский монастырь, умоляя его «Приди, брат мой, и заberi меня».

Игумен Святопавловского монастыря отец Серафим сделал все, что было в его силах, чтобы окружить больного заботой и дать ему покой. Братия почитали отца Герасима за родного своего брата. Однако серьезное состояние его здоровья вынудило его уехать в Афины на лечение Это было в 1950 году. Душа его болела еще больше, чем тело, потому что он покидал свою любимую тишь, мир и чистоту афонской жизни.

Он остановился в доме своей сестры в районе Киприади. «Мир Божий превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе» (Фил.4:7). Мир, плод Духа Святого и тишины, сиял на лице его. Мягкий, внимательный,

простой и добрый, он был пастырем таким, что один вид его был назиданием и

научением окружавшим его. Множество верных приходило получить от него благословение и услышать его «слово благо» (Пс.44:1). Двадцать пять лет подвижнической жизни сделали его седовласым старцем, «духовным виноградником».

Более всего он говорил о главном в жизни христиан – как монахов, так и мирян – о молитве.

«Молитесь, – повторял он всем приходящим. – Непрестанно творите главную молитву: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного!» Но когда творите эту молитву, позаботьтесь о том, чтобы она не была механическим повторением, она должна пронзать сердце, словно нож».

Следуя по стопам святых Отцов-отшельников, наследуя духовную традицию своего старца Каллиника, отец Герасим жил и учил непрестанной молитве в традиции Добротолубия. Его выражение: «Она должна пронзать сердце, словно нож» соответствует выражению Добротолубия: «Иметь разум сердца». Молитва должна быть внимательной и умной. Соединение ума и сердца вызывает чувство покаяния, страха, любви ко Господу, слезы; и все силы душевные соединяются, устремляясь к главной цели – союзу с ее Владыкой и Господином.

«Добродетели человека, поскольку они напоминают добродетели Божии, содействуют человека пригодным для восприятия Небесного, но добродетели не соединяют (его с Ним). Однако сила молитвы помогает человеку возвыситься и соединиться с Небесным, потому что молитва – это связь, которая разумную тварь соединяет с Творцом; молитва верно действует таким образом, когда, укрепленная искренним покаянием, которое уничтожает страсти, она возвышает над действием страстей и разными мыслями, ибо союз Господа со страстным умом невозможен» (свят. Григорий Палама).

Пребывание отца Герасима в Афинах было благословлено Богом, ибо он в доступной форме нес верным Христовым опыт своей жизни и предания Отцов.

Но пока он жил так далеко от Удела Матери Божией, он чувствовал себя словно рыба, выброшенная на берег. Душа его с волнением ждала, желала приближения дня возвращения. «когда прииду и явлюся лицу Божию?» (Пс.41:3)

Возможность такая представилась неожиданно. Ему вдруг сообщили, что Школа Богословия при университете в Афинах устраивала паломничество на корабле на Святую Гору накануне праздника Святых Апостолов в 1953 году. Он попросил их взять и его с собой. Радость его была неопишима.

То было незабываемое путешествие Отец Герасим был в центре внимания, он стал центром притяжения для всех студентов, и он был очень тронут при виде множества молодых людей верных Христу. На корабле он совершал вечерни и Божественные литургии. Позднее в одном из своих писем написал: «Студенты пели с таким покаянным чувством, что казалось, будто ангелы Небесные следовали за нашим кораблем, пели и праздновали вместе с нами».

Вдали на горизонте начал появляться величественный пик Афона. Отец Герасим вернулся на свою любимую духовную родину со своим постоянным спутником – с серьезной болезнью сердца. Теперь для жития ему не подходили ни пещера преп. Афанасия, ни пустынь свят. Василия. Куда было идти? «Скажи мне Господи путь, вонже пойду» (Пс.142:8), – горячо молился он. И Господь указал путь, который привел его в любимую обитель – в Святопавловский монастырь с тем, чтобы он мог провести там последние годы жизни в мире и покаянии.

Занесенный снегом Святопавловский монастырь

Мы воспользуемся возможностью кратко рассказать о Святопавловском монастыре тем читателям, которые, возможно, не знакомы с ним.

Святопавловская обитель расположена у западного основания Афона на берегу низвергающегося с вершины потока среди девственной и величественной природы. В течение всего года, за исключением нескольких летних дней, на вершине Афона в глубоких трещинах на ледниках лежит снег. Поэтому мы и называем Святопавловский монастырь занесенным снегом.

Из предания известно, что он был основан преподобным Павлом Ксиропотамским (IX век) в последние годы его жизни, когда, подвизаясь в большом монастыре Ксиропотам, он стал искать

места потише. Преп. Павел был сыном Императора Михаила Ранкавея. Сколько же Царей и Цесаревичей в прежние времена оставляли тщету этого мира и сменяли Царское звание на простую и смиренную монашескую жизнь!

Святопавловский монастырь просуществовал до XIV века. Два аристократа, Герасим и Антоний, родные братья, восстановили его, возведя прекрасные здания, дополнив строения различными пристройками. Монастырь Ксиропотам признал независимость и самоуправление Святопавловского монастыря с условием, что если когда-нибудь он придет в упадок, то вернется под управление Ксиропотама.

После разных исторических превратностей у монастыря появился благодетель и строитель – архимандрит Анфим Комненос, близкий к Патриарху Григорию V и к принцу Молдавскому Михаилу. Он был настоятелем с 1816 по 1829 годы. За это время удвоилось количество строений, построена высокая северная стена, колоколья и основание собора. Примечателен в истории обители 1839 год, когда она стала общежительным монастырем и игуменом стал иеромонах Стефан Дионисиатский.

Первый собор монастыря был возведен в XV веке Князем Сербским Георгием I Бранковичем и освящен во имя святого великомученика Георгия, которого монахи Святопавловского монастыря особенно почитают и по сей день. Возможно, часовня на скале с северной стороны – это остаток того древнего храма.

Новый собор был освящен в честь Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. В нем иконостас, колонны и алтарь сделаны из мрамора Афона, Тиноса и Пентелеса. Игумен Софроний (Калмиас), родом из Кефалонии, с большим усердием и любовью потрудился над его завершением.

Среди сокровищ монастыря – две части животворящего древа Креста Господня, святые мощи свят. Григория Богослова и два ковчежца с дарами евангельских волхвов, которые были подарены Королевой Сербской Кирой Маро.

Эта благочестивая Королева выразила желание лично привезти в монастырь эти дары. Она очень торжественно высадилась в гавани монастыря и пешком отправилась в монастырь, который находится в получасе ходьбы от моря. Но Святая Гора с

давних пор закрыта для женщин. Поэтому, когда она прошла немного, ее остановила величественная Дева и не позволила идти дальше.

«Кто ты, – спросила Она, – что осмеливаешься войти в Удел Мой?»

«Я Королева Сербии и привезла дары волхвов»

«Здесь Царица Я, потому ступай обратно».

И Дева Та, сияющая, подобно звезде, величием и красотой Небесной, исчезла. То была Царица Небесная! Кира Маро пала на колени, помолилась, прося прощения, отдала отцам дары волхвов и вернулась. На месте этого чуда была воздвигнута часовня, которая сохраняется и по сей день.

Запрет на посещение Святой Горы женщинам существует уже сотни лет, и это является одним из главных условий святой, неотмирной монашеской жизни в исихазме. Хотя сейчас неверные Христу люди и говорят, что это «отдает средневековым духом» и т.п., но он остается преградой,

защитой, охраняющей устои монашеские. Он сохраняет росу Духа Святого, плоды Которого могут взреть лишь вдали от попяющего ветра различных икушений падаей челаеческой природы. В наши дни запрет такой особенно необходим, когда человек, гонимый страшной душевной нагруккой, стремится обрести покой и тишину, оживить умирающую душу вдали от соблазнов и суеты.

Нельзя рассматривать изгнание женщин со Святой Горы как пренебрежительное отношение к ним. Отцы Святой Горы почитают Пресвятую Деву, Новую Еву и Матерь Божию, и в лике Ее, исполненном благодати Божией, чтут всех женщин как сотворенных Богом. Но жизнь монаха называется и является ангельской. И так как чувства, пока они не очистятся, подавляют и подчиняют себе свободный разум и поскольку «от зрения рождается вожделение», то запрет этот необходим для чистой монашеской жизни.

Это предосторожность, которую предпринимают отцы пустыни в своей брани за чистоту; Такое правило устанавливается и в других монастырях, помимо Святой Горы, и в женских монастырях по отношению к мужчинам, где оно существует по тем же причинам.

«Праведницы же наследят землю, и веселятся в век века на ней» (Пс.36:29)

Святая кончина

В благословенном окружении братии Святопавловского монастыря отец Герасим нашел покой и утешение. Братия уважали и почитали его и с готовностью откликались на все его нужды.

С самого начала его пребывания на Святой Горе Святопавловский монастырь стал для отца Герасима родным. Между ним и тамошними отцами, большинство из которых были по традиции из Кефалонии, возникла сразу же братская любовь и симпатия. Его связь с монастырем была и раньше настолько сильной, что многие принимали его за одного из своей братии. И теперь Господь удостоил его чести стать членом братии и прожить последние пять лет в теплой и любвеобильной атмосфере монастыря.

Несмотря на лечение в Афинах, болезнь его продолжалась. Но «слава Богу за все!» Приближаясь к окончанию земной своей жизни, он все чаще писал и говорил эти слова свят. Иоанна Златоустого. Он становился все терпеливее, все благодарнее к своему Благодетелю.

«Я не могу найти достойных слов, – писал он в одном из писем, – чтобы возблагодарить Всевышнего за то, что Он избавляет меня от тщеты этого мира, и по сегодня я не смог воздать за это великое благодеяние Пресвятому Господу. Потому и тебя прошу молиться о том, чтобы перед уходом своим, в самом конце жизни я смог бы угодить Господу».

Оглядываясь на прошлое, ясным взором душевным он видел тщету всего мирского. На своем собственном опыте он познал,

что «тщетны все творения человеческие, которым нет места после смерти». Он слышал голос правды Предвечного: «Кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу ж свою отщетит?» (Мф.16:26). И это было для него мерилom ценностей монашеской жизни, которая преобразует души творений Божиих.

«Так что же такое это твое стремление и забота, которая занимает тебя: как спасти душу свою, – писал он одному

юноше. – Это дар, брате мой, посланный свыше нам, отягощенным грехами и неблагодарностью, и, посылая его, Отец наш Небесный призывает нас исполнить Его волю. Иногда Он призывает нас, заронив в души наши страх перед адом; иногда ведет нас за Собой, даже когда мы и не осознаем этого, силой любви Своей – любви, которую Он вызывает в душах творений Своих, и они, в порыве, бегут за Создателем, подобно жаждущим оленям, забывая самих себя, и весь мир с его удовольствиями кажется им неподъемным бременем, и тогда они удаляются от мира, чтобы ничто не мешало им любить Господа и поклоняться ему денно и нощно...»

Пять лет жизни в обители – в Святопавловском монастыре – были для отца Герасима лучшей подготовкой к его главному путешествию. Всех посетителей монастыря привлекали его мирный вид и мудрые слова. Нынешний настоятель Святопавловского монастыря архимандрит Парфений, который в молодые годы при жизни отца Герасима пришел в монастырь, рассказывал нам: «Я помню его в преклонном возрасте в больнице монастыря. Я был тогда молод. Он по-доброму советовал мне: «Учись молиться, чадо мое, много молись» И подарил мне прекрасную книгу о молитве св. праведного Иоанна Кронштадтского. Он был человеком со стальной волей».

Несмотря на лекарства и уход, его больное и усталое сердце в последний раз уложило его в постель. Но жар души его не угас. Духовная жизнь стала еще напряженной. «Каждую субботу причащался он Тела и Крови Господних и просил часто совершать над ним помазание,» – вспоминал настоятель того времени архимандрит Серафим.

То было духовное его приготовление к путешествию в вечность. А день отшествия его пришелся на 30 января 1957 года, на праздник Трех Святителей. Накануне вечером он попросил, чтобы

его причастили. Потом попрощался с братией, собравшейся вокруг него, перекрестился и в третьем часу пополуночи вручил в руки Божии свою святую душу.

«Праведных души в руке Божией. Упование их бессмертия исполнено» (Прем.3:1 и 4). Присоединившись во время

всенощной к собору Трёх Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста – к трем великим светочам Церкви, он, сопровождаемый благоуханием ладана, вознесся к Престолу Господню, чтобы вечно радоваться в лике святых. Все, кто хорошо знал отца Герасима, могут что-либо рассказать о его дарованиях, его редкой личности, о его духовном облике.

Краткое его жизнеописание нам хотелось бы закончить воспоминаниями о нем некоторых писателей, которые несколькими сильными штрихами придадут больше ясности портрету Старца.

Известный автор Захарий Пападониу посетил Святую Гору в 1928 году со смешанным чувством неверия, предубеждения и любопытства. Там он познакомился с отцом Герасимом и по возвращении в «Свободной трибуне» (от 28 октября 1918 года) опубликовал статью, озаглавленную «Отчаянный шаг: наука носит рясу» повествуя в ней о живущих в уединении и тиши отшельниках, единственная собственность которых – их сума. Здесь мы приведем отрывок из той статьи:

... Кто-то может подумать, что безграмотность и невежество – главные условия для такого отчаянного шага. Но нет! На Афоне есть ученые, которые в смирении своем дошли до того, что стали беднее самого нищего отшельника, и всех превосходят в своей пламенной вере.

В Карее я познакомился с господином Менагасом, химиком по специальности, выпускником Политехнического института в Цюрихе, который после научной работы в Египте и Афинах еще совсем молодым удалился на Святую Гору и живет сейчас в отдаленном скиту в семи часах ходьбы от Карее. Отцу Герасиму, как его сейчас называют, еще нет сорока лет. Он живет в редкостном аскетизме, оставив все свое имущество и не вспоминая о своих познаниях в химии. Обменявшись с ним хотя бы двумя словами, убеждаешься, что этот человек с его мягкими манерами, большими глазами, лицом, на котором лежит печать глубокой религиозности, действительно совершил «отчаянный шаг».

Когда мы однажды днем взобрались на холмы Карей, и он беседовал со мной о своем аскетизме, я спросил, как он расстался с химией. «Химия – это наука, рассматривающая законы природы, – ответил он. – Но что она знает помимо них? Если она считает, что главное в том, как мы воспринимаем явления, тем хуже для нее». – «А мир?» – «Мир! Я видел его два года назад, когда ездил навестить свою семью. Он не переменялся. Счастье – жить вдали от мира с его алчностью».

„Сидя на пригорке, отец Герасим смотрел на Афонскую пустынь, с любовью рассматривал дикую Катонакию и свой скит. В течение нескольких дней у него гостил там брат, известный инженер-электрик, бывший директор Отдела электричества Министерства связи. Двое ученых много прогуливались вместе. Они представляли два разных мира. Но я думаю, что каждый из них уважал убеждения другого».

В одной главе своей книги «Святая Гора» скептик Пападониу вспоминает отца Герасима и его твердую веру в Божественное Провидение. Он пишет.

«Фармацевт Бальзамакис внезапно продал свою клинику в Кефалонии и уехал, чтобы стать отшельником в Катонакии на Афоне. Он привез с собой лекарства, чтобы поставить науку на службу монахам. «Выброси их, – сказал ему Старец каливы. – Какая польза от лекарств? Это лишь маловерие». И тот выбросил лекарства.

Такого же мнения, как Старец тот, придерживается их собрат отец Герасим, изучавший химию в Цюрихе. «Я не верю в лекарства, – сказал он мне. – Я верю только в Бога. Лекарства создаются при помощи химии. Это наука, которая изучает некоторые законы природы, но она не знает, что совершается помимо этих законов... Брат мой хорошо сделал, и больше он не использует лекарства. Если бы мы пользовались здесь своим научным багажом, он бы продолжал оставаться фармацевтом, а я химиком, и нас бы продолжали вводить в заблуждения явления природы. Но мы пришли сюда, чтобы приблизиться к их Источнику!»

С другой стороны, профессор американского университета, грек по происхождению К Каварнос пишет об отце Герасиме, с

которым он познакомился на Афоне, в своей книге «Приближенный ко Господу» (Афины, 1959 г, стр. 116). Вот отрывок из книги, в котором Старец сам рассказывает о своем возвращении к Церкви:

«В юности я был равнодушен к религии. Однако обучаясь на последних курсах института, начал интересоваться телепатией, медиумизмом и другими психическими явлениями и постепенно убедился в существовании души и духовного мира. Меня не очень интересовало, что именно они из себя представляют. Для меня важным было то, что они действительно существуют. Позднее я настолько заинтересовался религией, что приехал на Святую Гору, хотя мои брат и мама пытались меня отговорить.

Когда я жил в Швейцарии, то был влюблен в молодую немецкую девушку. Я любил ее так сильно, что постоянно хотел видеть ее, все время думал о ней, даже во сне. Но когда возрос мой интерес к религии, то влюбленность та переросла в любовь ко Господу. Я возлюбил Бога сильнее, чем ее. И моим желанием стало жить тихой, созерцательной жизнью монаха, посвятившего себя непрестанному поклонению Ему».

Архимандрит Софроний (Сахаров), духовник и игумен монастыря святого Предтечи в Эссексе (Англия) был связан с отцом Герасимом тесными духовными узами, которые сохранились до конца его жизни. В письме от 4 июля 1955 года отец Софроний писал отцу Герасиму:

«Ты дал мне столько свидетельств своего постоянного доброго отношения ко мне, недостойному твоего внимания. Благодарение Богу, что духовная моя жизнь находится под твоим благословением и защитой. И я в меру своих сил (или, скорее, слабости) стремлюсь не показаться неблагодарным и не посрамить тебя, когда ты предстанешь пред Господом. Любое общение с тобой для меня – радость и утешение, и облегчение, все, чего мне не достает в жизни. Я хотел бы провести с тобой больше времени, чтобы ты просвещенным суждением своим оценил все, что я делаю и проповедую, в соответствии с примером святого апостола Павла.